

СМЕНА

март
2000

А. Делафер **Одиль, не уходи!**
Д. Сиклер **Идеальное убийство**

ВМЕСТЕ НА ВСЮ ЖИЗНЬ



«ЛУКОЙЛ» ориентируется на потребителя и выпускает широкий ассортимент масел как для двигателей подержанных автомобилей, так и для двигателей последнего поколения.

«ЛУКОЙЛ» ценит свой товарный знак, поэтому качество масел контролируется в течение всего процесса изготовления, и каждая партия продукции перед отправкой проверяется и сопровождается паспортом качества.



ТЕЛЕФОН: (095) 207-1441.
ТОЛЬКО ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ.

ТОВАР СЕРТИФИЦИРОВАН

ЛУКОЙЛ

Главный редактор

Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Даниюшевский

Николай Левинев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела

литературы и искусства

Тамара Чинна

Э 2000
март (1625)

Сдано в набор 20.1.2000.

Подписано к печати 17.2.2000.

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Заказ № 405

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena@garnet.ru

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Reg. № 014832

Учредитель —

ООО "Издательский дом

журнала "Смена".

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение

ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

ОАО ПО "Пресса-1"

В случае полиграфического брака

обращаться в типографию

ОАО ПО "Пресса-1"

257-42-29

257-41-03

Журнал распространяется

на самолетах "Аэрофлота".

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 2000.

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

- 19 *Людмила Макарова*
**ОСОБЕННЫЙ ДЕНЬ.
 ЕЩЕ НЕТ
 ОДИННАДЦАТИ**
 Рассказы

- 94 *Арман Делафер*
ОДИЛЬ, НЕ УХОДИ!
 Любовно-эротический
 детектив

- 192 *Джон Сниклер*
**ИДЕАЛЬНОЕ
 УБИЙСТВО**
 Детективный рассказ

- 45 *Сергей Золовкин*
**СКОЛЬКО СТОИТ
 РОДНАЯ КРОВЬ**

- 52 *Наталия Феклисова*
**"НАШ ПАРОВОЗ,
 ВПЕРЕД ЛЕТИ!.."**

- Валерия и Вячеслав
 Свальновы*
МОНАХ ШАОЛИНЯ

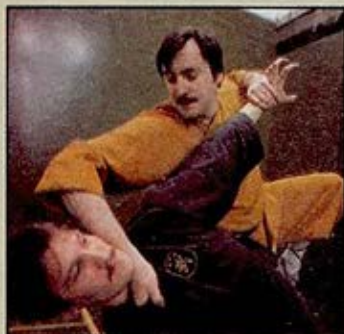
- Светлана
 Бестужева-Лада*
**ДА ОБОЙДУТ ТЕБЯ
 ЛАВИНЫ!**

- 250 *Василий Песков*
**ЗВЕРЬ —
 ЧЕТЫРЕ КОЛЕСА**

- 263 *Елена Клыкова*
БАБИЙ УГОДНИК

март '2000

В НОМЕРЕ:



стр. 58



стр. 66

На 1-ой обложке:
 Валерий Леонтьев.
 (Читайте стр. 86)

4 *Игорь Золотусский*
ДВУХ ГЕНИЕВ ПОЛЕТ

32 *Любовь Русева*
**ЕГО КУМИР —
СЛАВА**

66 *Борис Зотов*
**АЛЕКСАНДР
ИВАНОВ**

86 *Валерий Леонтьев:*
**"МНЕ КАЖЕТСЯ,
ЧТО Я ЕЩЕ НЕ ЖИЛ"**

168 *Натаалья Дроботько*
**ЗВЕЗДНЫЙ
ТРЕУГОЛЬНИК**

178 *Строки века*
**КОНКУРС ЗНАТOKOВ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ПОЭЗИИ**

стр. 278



**СРЕДИ
ЦВЕТОВ**

*Сергей
Высоцкий*
**В ИНТЕРЕСАХ
СЛЕДСТВИЯ**

Произошло дерзкое ограбление квартиры известного коллекционера живописи. Пытаясь восстановить истинную картину преступления, следственная группа зашла в тупик. Вдобавок кто-то "наверху" усиленно пытается отстранить следователей от ведения дела. Тогда майор Рамодин обращается за помощью к частному сыщику Владимиру Фризе, с которым уже знакомы читатели романов известного детективного писателя.

*Галина
Калинина*
**"ПОЗВОЛЬТЕ ВАМ
НЕ ПОЗВОЛИТЬ..."**

Можно ли без скандала отстоять свои права, мирно настоять на своем, без ссор защититься от "наездов" на работе и дома? Оказывается, можно. О том, как себя вести, когда тебя обижают, — беседа нашего корреспондента с известным психотерапевтом Еленой Лопухиной. Ее рекомендации помогут вам разрешать конфликтные ситуации, не превращая их в склоки.

4 апрель '2000

4
АНОНС:

Игорь ЗОЛОТУССКИЙ


История поставила их имена рядом, как сделала она это и на знаменитом памятнике “Тысячелетие России”, воздвигнутом в 1862 году в Великом Новгороде скульптором М. Микешиним. На этом памятнике много героев, полководцев и царей, но не так уж много писателей, среди которых фигуры Пушкина и Гоголя образуют отдельную композицию. Пушкин — с открытым лицом, полный жизни — смотрит на зрителя. Гоголь уклоняется от нашего взора. Он стоит боком к Пушкину, его лицо притенено, наполовину скрыто, и прочесть что-либо на этом лице, кроме поглотившей Гоголя какой-то далёкой от Пушкина мысли, невозможно.

Пушкин ясен, открыт, вдохновенен, Гоголь, склонив голову и положив руки на плечо Пушкина (как можно их положить на плечо старшего брата), смотрит вниз. Он вместе с Пушкиным, и он видит, кажется, то, что различит их.

Существует легенда, что Пушкин давал Гоголю сюжеты, а потом сердился, что “этот малоросс обирает меня”. Существует миф о необыкновенной дружбе Пушкина и Гоголя. Но ни того, ни другого на самом деле не было. То есть было, но вовсе не так, а как бывает у литераторов: один пользуется рассказом друго-

Двух пеннтеров шолдети





*Так гений радостно трепещет
Своё величье познаёт,
Когда пред ним гремит и блещет
Иного гения полёт.*

Н. Языков

другой берёт у третьего анекдот и переделывает его на свой лад, а третий не брезгует сюжетом, напечатанным до него, и если на свет появляется двойник этого сюжета, но уже преобразившийся в явление искусства, то никто не помнит об оригинале, а помнит и чтит превзошедшую его "копию".

Передай Гоголь Пушкину сюжет "Евгения Онегина", он не мог бы по этому поводу скорбеть, так как никогда бы не написал ничего похожего. Думаю, и Пушкин не смог бы написать "Ревизора" или



историю Чичикова с такой силой, с какой это сделал автор “Мёртвых душ”.

Вот пример, как Гоголь пользуется анекдотом, взятым у Пушкина. В письме к жене от 11 октября 1833 года из Болдина Пушкин пишет: “Знаешь ли, что обо мне говорят в соседних губерниях? Вот как описывают мои занятия. Как Пушкин стихи пишет — перед ним стоит штоф славнейшей настойки — он хлоп стакан, другой, третий — и уж начнёт писать! — Это слава”. В одной из первых редакций “Ревизора”, которую, кстати, Гоголь читал Пушкину, есть пассаж, не оставляющий сомнения в том, каков его первоисточник. Хлестаков рассказывает, как Пушкин пишет стихи: “А как странно сочиняет Пушкин. Вообразите себе, перед ним стоит в стакане ром, рублей по сту бутылка, какого только для одного австрийского императора берегут, — и потом уж как начнёт писать, так перо только тр... тр... тр... Недавно он такую написал пиэсу: “Лекарство от холеры”, просто волосы дыбом становятся. У нас один чиновник с ума сошёл, когда прочитал. Того же дня приехала за ним кибитка и взяли его в больницу...”

Настойка в этом пересказе превратилась в ром (да ещё “по сту рублей бутылка”, да ещё которую только для “австрийского императора берегут”), “тр... тр... тр...” перелетело из биографии переписчика бумаг Гоголя (оставшись навсегда в каноническом тексте комедии, но уже отнесённое к скрипению пера некой “чиновной крысы”), стихи Пушкина преобразились в “пиэсу” (да ещё с таким странным названием, да ещё от чтения которой какой-то чиновник сошёл с ума). Талант Гоголя поднял смешной эпизод из жизни Пушкина на высоту гомерического веселья и гомерического вранья. Недаром Пушкин “катался от смеха”, слушая “Ревизора” в исполнении автора.

Между прочим, и заглавие “Лекарство от холеры” Гоголь взял не с потолка, а из слухов, распространявшихся в публике о Пушкине и приписывающих сию “пиэсу” именно ему, об этом в статье Гоголя “Несколько слов о Пушкине”, написанной в 1832 году, есть соответствующая сноска.

Любопытно и то, что именно Пушкина при его поездке в Оренбург приняли чуть ли не за ревизора, о чём, может быть, Пушкин и поведал Гоголю. А путь Хлестакова лежит, между прочим, в Саратовскую губернию, и в момент появления в городке N он уже проследовал через Пензу, где обыграл его пехотный капитан. На Оренбург же из столицы ведут две дороги: одна через Симбирск (как и ехал Пушкин), другая — на ответвлении по маршруту из Пензы в Саратов. Так, по крайней мере, показывает карта России, изданная в 1836 году.

Что всё это означает? Только одно: беря у Пушкина, Гоголь возвращает ему и читателю своё, гоголевское. При этом не щадит и “дарителя”, позволяя своим героям амикошонски похлопывать его по плечу: “Бывало, часто говорю ему: “Ну что, брат

Пушкин?” — “Да так, брат, — отвечает, бывало, — так как-то всё...”. Повторенное дважды “бывало” даёт слушателям Хлестакова понять, что так бывало не раз. И, возможно, ещё будет.

Хлестаков в этом рассказе ставит Пушкина на одну доску со своим начальником отделения, ибо прежде, чем сказать “с Пушкиным на дружеской ноге”, он оповещает городничего и чиновников, что точно в таких же отношениях находится и с этим высшим для него по службе лицом: “Начальник отделения со мною на дружеской ноге”. Но начальник отделения по табели о рангах стоит выше Хлестакова. Что же касается Пушкина, то по логике игры, в которую играет герой Гоголя, Пушкин ниже Хлестакова, так как не он (Пушкин), а именно Хлестаков с ним на дружеской ноге.

Слава Богу, что он называет Пушкина “брат”, а не “братец”, как обращаются к Хлестакову начальник отделения, театральная дирекция и знакомый офицер.

Заметим заодно, что пассаж о Пушкине появляется в речи Хлестакова уже после того, как “солдаты сделали ружьём, совершенно приняв его за главнокомандующего”. Тема возвышения в чине переходит в тему возвышения в духовной сфере, то есть через литературу, а стало быть, и через Пушкина.

Хлестаков во всё хочет сравняться с тем кругом людей, в котором вращается Пушкин. А может быть, даже прыгнуть и выше. В конце сцены вранья он договаривается до того, что его “сам Государственный совет боится”. А кого может бояться Государственный совет?

Только царя.

В монологах, повествующих о его успехах в высшем обществе, Хлестаков цитирует ещё не обстрелянного петербуржца Гоголя, его письма к маменьке и друзьям. Судя по этим письмам, Никоша Гоголь обитает в графских гостиных, знаком с министрами и князьями. Он — завсегда у дома Пушкина. Вот строки из его послания к А. Данилевскому, где он докладывает своему школьному приятелю о том, как проводил время в Царском селе летом 1831 года. “Каждый вечер, — пишет Гоголь, — собирались мы: Пушкин, Жуковский и я”. Мы сразу вспоминаем похвальбу Хлестакова: “Я всякий день на балах. Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я”.

Гоголь, если и бывал у Пушкина и Жуковского, то раза два или три. А уж в Александровский дворец, где жил воспитатель наследника Жуковский, он, конечно, не был допущен. Так же, как и в Царскосельский парк, где прогуливались император с императрицею и, кстати, Пушкин с Натальей Николаевной.

Эта сословная разница не могла не раздражать и не дразнить Гоголя. У него не было выезда и квартиры в бельэтаже. У него не было и красавицы-жены. Но не это причина его выпадов в адрес Пушкина.

Тут, скорей, самоопределение гения, который на те же события, на которые смотрит другой гений, глядит иными глазами. И если стихия смеха несёт его, он уже не милует ни себя (в Хлестакове гораздо больше “гоголевского”, нежели “пушкинского”), ни того, кто является предметом его поклонения.

Думаю, что это неизбежно при смене власти на поэтическом престоле. Так позже Достоевский в своей первой повести “Бедные люди”, целиком навеянной гоголевской “Шинелью”, осмеёт и эту “Шинель”, и её автора, спародировав его стиль, фрагменты сюжета и саму идею о “брата нашем”, смахивающую, по мнению Макара Девушкина, больше на “пасквиль”, чем на жалость.

Что и говорить, гению тесно вблизи гения, и он стремится расширить свои владения, иногда даже за счёт территории, обжитой другим гением, но обжитой, как ему кажется, не так или обжитой неполно и не до конца. И оттого соперничество, сосуществование, а может быть, и просто передача дел на этом уровне содержит в себе не только драматический, но и комический элемент. Такова драма и комедия всякого обновления. История предлагает в подобных случаях смешение жанров, а не какой-то один вид драматического искусства.

Оплакав гибель Пушкина в 1837 году (“самые светлые минуты моей жизни, — скажет он, — были минуты, когда я творил. А когда я творил, я видел перед собой одного Пушкина”), Гоголь станет постоянно возвращаться к дорогому имени, поминая его в письмах, статьях в своей исповедальной книге “Выбранные места из переписки с друзьями”. Целые главы, не говоря уже о страницах, посвящены здесь Пушкину. Пушкин для Гоголя не только пример поэта в абсолютном значении этого слова, но и самый умный человек в России. Он образец благородства, он “великий человек”.

И всё же, оценивая значение Пушкина для поэзии, он оговорит свою высокую оценку этого значения следующими словами: “Но всё ещё находится под сильным влиянием гармонических звуков Пушкина; ещё никто не может вырваться из этого заколдованного, им очерченного круга”.

Гоголь считает, что для русской литературы уже недостаточно повторения Пушкина. Уже большего требует сама жизнь как от творца, так и от его творений.

Мысль эта развита в “Выбранных местах из переписки с друзьями”. Да это, собственно, и не мысль, а практическое доказательство, как Гоголь представляет себе выход за пределы пушкинского заколдованного круга. Книга эта, с одной стороны, гимн Пушкину, с другой — вызов эстетике Пушкина и его трактовке целей искусства. Если для Пушкина искусство само говорит за себя и комментарии к нему не нужны, то для Гоголя оно должно выйти за границы “звуков сладких и молитв” и стать если не чистой молитвой, то врачом, который, как исповедующий

человека священник или — ещё выше — само христианство, способен исцелить и спасти мир.

В книге Гоголя разрушается преграда, отделяющая писателя от читателя, размыкается заколдованный пушкинский круг, и на сцену выходит творец, который “потрошит” не вымышленных литературных героев, а самого себя. И делает он это, рассчитывая на такой же отклик в читателе. Гоголь считает, что следует пожертвовать в этих целях не только искусством, но и “своею личностью”.

Этот поступок Гоголя есть нарушение приличия, установленного в литературе Пушкиным, непослушание Пушкину, но и подвиг, открывший глаза Толстому и Достоевскому.

История донесла до нас скудную переписку Пушкина и Гоголя: две записки и одно письмо Пушкина и девять писем Гоголя. Сжигая в ночь на 12 февраля 1852 года свои бумаги, Гоголь отложит конверт с посланиями Пушкина в сторону. Передавая огню труд десяти лет — готовый к печати второй том “Мёртвых душ”, он не осмелится сделать того же с пожелтевшими уже листками с дорогим пушкинским почерком.

Таков трепет гения перед гением. И таков трепет памяти одного гения о другом гении.



Неловкости в отношениях двух поэтов стали возникать почти сразу после их знакомства. Состоялось оно в конце мая 1831 года, вскоре Петербург съехал на дачи, и Пушкин и Гоголь оказались по соседству: Пушкин — в Царском селе, а Гоголь — в Павловске. Пушкин проводил время с молодой женой и писал прозу, Гоголь тоже писал прозу и давал уроки слабоумному сыну княгини А.В. Васильчиковой, взявшей его с собой в качестве репетитора.

Не успевает Гоголь посетить Пушкина в Царском, как пишет маменьке, где просит посылать корреспонденцию на адрес автора “Евгения Онегина”: “Письма адресуйте ко мне на имя Пушкина, в Царское село так:

Его высокоблагородию
Александру Сергеевичу Пушкину
А вас прошу отдать Н.В. Гоголю”.

Никаких фактов, подтверждающих то, что это сделано с согласия Пушкина, нет. Налицо тщеславная акция самого Гоголя, который хочет “подрасти” в глазах маменьки и своих земляков.

Пушкин изредка принимает Гоголя у себя и знакомит его с В.А. Жуковским и фрейлиной императрицы А.О. Смирновой-Россет. Эти “связи” Гоголь тут же приведёт в действие и станет пользоваться ими и тогда, когда Пушкина уже не будет в живых.

Знак высшего доверия Пушкина — допуск Гоголя в свою творческую мастерскую. Гоголь осведомлён о содержании ещё

не известных публике “Повестей Белкина”, более того, Пушкин поручает ему отвезти рукопись этих повестей в Петербург Плетнёву, дабы тот приступил к их печатанию.

Но Гоголь, направляясь в столицу, проезжает мимо дома, где квартирует Пушкин. Прибыв к месту назначения, он тут же шлёт письмо Пушкину с извинениями, но вновь совершает непростительную оплошность — передавая поклоны жене поэта, называет её Надеждой Николаевной. Пушкин не преминет заметить эту опisku. “Ваша Надежда Николаевна, то есть моя Наталья Николаевна, — ответит он, — сердечно кланяется Вам”.

Изысканность этого парирования “забывчивости” адресата не могла быть не замечена самолюбивым Гоголем.

Меж тем Пушкин, прослушав в исполнении автора некоторые повести из будущих “Вечеров на хуторе близ Диканьки”, благословляет Гоголя на издание их первой части. И по выходе книги печатно объявляет её “необыкновенным событием в нынешней литературе”. Что сделало её, по мнению Пушкина, таким событием? “Настоящая весёлость”, а “весёлость”, как он писал позже, “это бесценное качество, едва ли не самый редкий из даров”.

Весёлость, возведённая на высоту поэзии, весёлость, воодушевлённая “чувствительностью”, — вот соль отзыва Пушкина о природе таланта Гоголя.

С тех пор Пушкин становится неизменным опекуном Гоголя во всех его — и не только литературных — делах. Он пытается устроить Гоголя на должность ординарного профессора всеобщей истории во вновь открывшийся университет Святого Владимира в Киеве. У Гоголя нет никаких оснований занять это место, но он просит Пушкина — и тот ходатайствует о нём перед министром просвещения С. Уваровым, перед своими однокорытниками по “Арзамасу” министром юстиции Д. Дашковым, министром внутренних дел Д. Блудовым. Несмотря на эти высокие заступничества, Гоголя в Киев не приглашают. И тогда — не без помощи Пушкина — он устраивается адъюнкт-профессором на кафедру всеобщей истории в Санкт-Петербургский университет. Мало того, Гоголь просит Пушкина и Жуковского прийти к нему на лекцию, чтобы поддержать его реноме. И те приходят. И студенты узнают их и слышат, как в коридоре по окончании лекции они хвалят Гоголя.

Гоголь читает Пушкину свои повести, просит его в случае обнаружения неполадок в стиле, править их, наконец на исходе 1835 года посылает Пушкину в Михайловское почти отчаянное письмо: “Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хотя какой-нибудь смешной или несмешной, но русской чисто анекдот. Рука дрожит написать... комедию”.

И через два месяца на столе у Гоголя уже лежит первая редакция “Ревизора”.

В “Авторской исповеди” (1847) он признаётся, что “мысль” пьесы принадлежит Пушкину.

Поздним признаниям Гоголя не всегда можно верить. Иногда что-то сознательно переставляется с места на место, а то и просто приобретает характер мифа, творцом которого является он сам.

Так и на этот раз. Тут, скорее, не исторический факт, а поздняя дань благодарности Пушкину, который, действительно, опекал его в литературных делах.

Быстрота прохождения “Ревизора” через ведомство Дубельта — он был разрешён в три дня! — тоже результат хлопот Пушкина и Жуковского, которые с помощью обер-шенка двора Его Величества М.Ю. Вьельгорского проталкивают комедию во дворец. Царь читает её и является на премьеру.

Что же касается сюжета комедии (повторим, что, согласно Гоголю, Пушкин дал ему “мысль”, а не сюжет), то такие истории разыгрывались не раз на почтовых станциях России. Маленький чиновник вынужден был ждать, когда проскачут большие и потому пускался в невинное плутовство, чтоб только сократить срок отсидки в очередном пункте следования. Этим маленьким чиновником оказался, кстати сказать, и Гоголь, поспевающий на каникулы на Украину в 1835 году.

В подорожной Гоголя было написано, что он “адъюнк-профессор”. Сочетание слов мало знакомое зрителю станции, но явно близко стоящее к понятию “адъютант”. А если это не просто адъютант, а флигель-адъютант — особа, состоящая непосредственно при государе?

Гоголь и его попутчики (Пащенко и Данилевский) решили разыграть пьесу, сюжет которой сильно походил на будущего “Ревизора”. Один из них (Пащенко) выезжал вперёд и сообщал зрителю, что вслед за ним несётся на тройке важное лицо. Это “важное лицо” — Гоголь — прибывало и, ничуть не выходя из роли частного человека, интересовалось, как содержится на станции лошади, в каком состоянии конюшня. Зритель, взглянув в бумагу и поняв, что “адъюнкта” надо сплавить побыстрее, давал свежих лошадей.

В 1835 году вышли в свет “Арабески” и “Миргород”. И они были одобрены и вдохновлены Пушкиным. Пушкин в печатном отзыве поставил начало “Тараса Бульбы” рядом с прозой Вальтера Скотта, а “Старосветских помещиков” назвал “идиллией, заставляющей... смеяться сквозь слёзы грусти и умиления”.

Тогда как критика (за исключением Белинского) видела в Гоголе лишь творца “побасенок”, привыкшего “беспрерывно хохотать” и “щекотать других”, Пушкин узрел трагическую подоплёку его смеха. Он, по существу, угадал весь последующий — уже послепушкинский — гоголевский путь.

“Г-н Гоголь идёт вперёд”, — писал Пушкин в 1836 году, ещё не зная, куда выведет Гоголя его дорога, но как бы предчувствуя, что она перекрестнется с той дорогой, на которую уже сту-

пила душа Пушкина. Сильней всего этот вещий взгляд на себя, а исторически — и на Гоголя, — отразился в стихотворении Пушкина “Странник”, написанном им за два года до смерти.

Герой этого стихотворения, будучиотягощён “скорбию великой”, спешит покинуть город, живущий в грехе и обречённый уничтожению. Он ищет “убежища”, но не ведаёт, где его найти. Он ищет выхода, спасения, прощения, но домашние, по его возвращении, находят, что его ум расстроен, и его надо лечить.

Зная сегодня судьбу книги Гоголя “Выбранные места из переписки с друзьями”, мы видим, что всё так именно и произошло. На голову Гоголя обрушились “брань и презренье” (Белинский), обвинения в безумии (литературная Москва) и “ожесточенье”, с каким его “на правый путь старались обратить”.

Стихотворение “Странник” начинается с вопроса странника: “Какой мне выбрать путь?” Юноша, читающий Евангелие и встретившийся ему во время вторичного бегства, указывает беглецу на “некий свет”. Там “спасенья верный путь и тесные врата”.

“...Подвизайтесь, — сказано в Евангелии от Луки, — войти сквозь тесные врата... ибо многие поищут войти и не возмогут”.

Поразительно, как этот итог пушкинских — уже не поэтических — исканий предвосхитит драму Гоголя, его переход от “Мёртвых душ” к книге писем, а затем и отречению от творчества. Страх, мучающий странника, страх перед “судьбой загробной” (“к суду я не готов и смерть меня страшит”) терзает и душу Гоголя в конце его жизни, “тоска и ужас” странника — его тоска и ужас (одна из глав “Переписки” называется “Страхи и ужасы России”). А уж тем более “горький плач” героя Пушкина.

Бегство странника в финале стихотворения — такое же бегство Гоголя, бегство от греха искусства, от недостаточности искусства. “Болезненно-отверстым оком” он видит явление “Светлого Воскресенья” (название последней главы “Выбранных мест”) и покидает этот мир.

Гоголь не прошел мимо этого пророческого стихотворения Пушкина. В своей книге писем он писал: “В последнее время набрался он (Пушкин. — И.З.) много русской жизни и говорил обо всём так метко и умно, что хоть записывай всякое слово... но ещё замечательнее было то, что строилось внутри самой души его и готовилось осветить перед ним ещё больше жизни. Отголоски этого слышны в изданном уже посмертно его стихотворении, в котором звуками почти апокалипсическими изображён побег из города, обречённого гибели, и часть его собственного душевного состояния. Много готовилось России добра в этом человеке...”

Но, тем не менее, когда 6 июня 1836 года маленький кораблик отплывал от набережной Невы, увозя Гоголя в Кронштадт, где пассажиров ждало большое судно, отправлявшееся в Европу, Пушкина не было среди провожающих. “Даже с Пушкиным я не успел и не мог проститься, — писал Гоголь В.А. Жуковско-

му в первом письме из-за границы, — впрочем, он в этом виноват”.



В чём же был “виноват” Пушкин?

Вина Пушкина состояла в том, что он привлёк Гоголя к изданию своего журнала. “Современник” начал выходить с 1836 года и задуман был как альтернатива дешёвой беллетристике и критике, нашедших прибежище в большинстве печатных изданий. Гоголь пообещал Пушкину печатать у него прозу, а также нести обязанности сотрудника, то есть читать корректуры, сноситься с типографией, книгопродавцами, с цензурой. Ему же была отдана и вся критика: Гоголь не только должен был прочитывать и отрецензировать три десятка книг (среди них “Правила построения морских и речных пароходов”), но и сочинить главную статью, бросающую взгляд на журнальную периодику 1834–1835 годов.

Всё это он с успехом исполнил, но при составлении критического отдела первого номера между ним и Пушкиным возникли разногласия.

Пушкин к тому времени уже был мудр мудростью опыта, Гоголь молод и горяч и никакого иного суда, кроме высшего, а значит, не ведающего поблажек, не признавал. В своей статье он подверг приговору этого суда все русские журналы.

Пушкин, и так уже встретивший недоброжелательство со стороны потенциальных конкурентов “Современника” (о его грядущем издании с иронией отозвались О. Сенковский и Ф. Булгарин), хотел на первых порах если не мира с ними, то хотя бы перемирия, позволявшего его журналу выйти из прибрежных вод в открытое море.

Гоголь эту его стратегию разрушал. В статье “О движении журнальной литературы в 1834–1835 годах” он нанёс чувствительные удары и “Сыну Отечества”, и “Библиотеке для чтения”, и московским изданиям — “Телескопу”, “Московскому телеграфу”, “Московскому наблюдателю”. Но более всего досталось “Библиотеке для чтения”. Этот журнал О. Сенковского (он же барон Брамбеус) был поставлен Гоголем по ту сторону литературы и критики.

Такой “крутой” поворот дела не входил в планы Пушкина. Тем более, он много и не первый год печатался в “Библиотеке”. Стихи, сказки, “Пиковая дама”, “Песни западных славян”, “Кирджали”, отрывки из “Медного всадника” и “Истории Пугачёва” — всё это нашло место на страницах журнала О. Сенковского. Да, в “Библиотеке” была обильно представлена пошлая проза Брамбеуса и его пошлая критика, но здесь публиковались стихи Державина, Жуковского, Вяземского, Лермонтова (стихотворная повесть “Хаджи Абрек”), проза Одоевского, Вельмана, Марлинского, и рядом с именами бездарного А. Тимофеева и

Ф. Булгарина стояли имена Д. Давыдова, Фонвизина, Загоскина.

И лишь имя Гоголя ни разу не появилось в "Библиотеке", хотя при начале издания было объявлено в числе имен авторов, приглашённых к сотрудничеству.

Гоголь потребовал снять свое имя после того, как Сенковский, ознакомившись с предложенным ему отрывком из исторического романа под названием "Кровавый бандурист", предложил автору "прибавить в конце ещё строк десяток или пятнадцать, а то никак не выходит места в наборе".

Кстати, это была обычная практика Сенковского. Он не то что строки дописывал к некоторым публикуемым у него сочинениям, но и целые сцены, а к комедии Д. Фонвизина "Корион" доосмыслил одно действие.

У Гоголя была ещё одна веская причина не любить "Библиотеку для чтения". С её страниц постоянно изливалась желчь и ирония по адресу то "Миргорода", то "Арабесок", то, наконец, "Ревизора". Пушкина в "Библиотеке" беспрерывно хвалили, Гоголя унижали. Его сравнивали с посредственным французским беллетристом Поль де Коком, прибавляя при этом, что вкус у Поль де Кока "несколько образованней и такт более парижский". Об "Арабесках" отзывались почти брезгливо: "Может быть, это арабески, но это не литература". Мы "не заметили", — писал критик "Библиотеки", — у г. Гоголя "следов таланта". Его повесть об Иване Ивановиче и Иване Никифоровиче "очень грязна" и "жестоко пахнет дёгтем". "Ничего грязнее" — таков отклик Сенковского на "Ревизора".

В статье о "Ревизоре" Сенковский советовал Гоголю ввести в пьесу ещё одно любовное приключение Хлестакова. "Хлестаков мог бы приволокнуться за какой-нибудь уездной барышней, приятельницею или неприятельницею дочери городничего, и возбудить в ней нежное чувство, которое разлило бы интерес на всю пьесу".

Но эти советы Сенковский давал Гоголю уже в то время, когда статья последнего, как фугас, была подведена под здание "Библиотеки". Пушкин дал ему взорваться, но тут же счёл нужным оговориться, что статью писал не он (имени Гоголя под ней не было выставлено) и что она не является программой его журнала.

Он сделал это устно, а также печатно, опубликовав в третьем номере "Современника" "Письмо к издателю", присланное якобы из Твери. В нём Пушкин наголову разбил суждения Гоголя о "Библиотеке для чтения". Именно защите журнала Сенковского (издателем которого был книготорговец А. Смирдин) посвящена львиная доля "Письма". Об уроне, нанесённом Гоголем другим изданиям, Пушкин упоминает мимоходом.

"Письмо к издателю", к которому в сноске присоединился сам Пушкин (хотя и "Письмо" сочинено им), вышло в свет, когда

Гоголя уже не было в России. Но объявлено о нём было ещё во втором номере "Современника". Стало быть, факт этого "Письма" или факт мнения, заключённого в нём, имел место до его публикации. И о нём, конечно, был осведомлён Гоголь.

Статья Гоголя и так претерпела изменения. Очевидно, под влиянием неудовольствия Пушкина, некоторые — наиболее резкие — куски из неё были сняты. Снята была и подпись Гоголя. (Она случайно осталась в трёх экземплярах тиража, но, видно, эти экземпляры не попали в руки критике.)

Из статьи выпал и пассаж о Белинском. "В критиках Белинского, помещающихся в "Телескопе", — писал Гоголь, — виден вкус, хотя ещё не образовавшийся, молодой и опрометчивый, но служащий порукою за будущее развитие, потому что основан на чувстве и душевном убеждении".

В "Письме к издателю" Пушкин, меж тем, пишет: "Жалею, что вы, говоря о "Телескопе", не упомянули о г. Белинском". И далее следует абзац, где характеристика Белинского слово в слово повторяет отзыв о нём Гоголя.

Как это объяснить? Можно ли объяснить это тем, что незадолго до описываемых событий в "Телескопе" вышла статья Белинского "О русской повести и повестях г. Гоголя", где Гоголь был поставлен "на место, оставленное Пушкиным"? "г. Гоголь, — писал Белинский, — владеет талантом необыкновенным, сильным и высоким. По крайней мере, он в настоящее время является главою литературы, главою поэтов".

Трудно, однако, предположить, что Пушкин обиделся на Белинского (а заодно и на Гоголя) за эту чрезмерную похвалу. Ведь в "Письме к издателю" он открыто говорит, что в Белинском зреет "критик замечательный".

Конечно, неловко было Гоголю хвалить того, кто его только что так вознёс. Но если повод для исчезновения строк о Белинском из статьи "О движении журнальной литературы" только этот, то стоило ли попрекать Гоголя, что он не упомянул о Белинском?

Да, с Гоголем у Пушкина случились хлопоты. Пришлось смягчать отношения с Сенковским (и, прежде всего, со Смирдиным), умягчать расстроенных издателей "Московского наблюдателя". Для этой цели Пушкин в конце апреля 1836 года едет в Москву и оттуда пишет жене: "С литературой московскою кокетничаю, как умею. Наблюдатели меня не жалуют". Он уточняет (ещё до отъезда в древнюю столицу) в письме к Н. Языкову: "Из статей критических моя одна: о Конисском". Он оправдывается перед М. Погодиным: "Журнал вышел без меня, и, вероятно, вы его получили. Статья о Ваших афоризмах писана не мною, и я не имел ни времени, ни духа её порядочно рассмотреть. Не сердитесь на меня, если Вы ею недовольны".

Рецензия на "Исторические афоризмы Михайла Погодина" принадлежала руке Гоголя, и в ней, в частности, было отмечено,

что в книге есть “дурно выраженные мысли” и виден “юношеский порыв”.

Отмежёвываясь от статьи Гоголя, Пушкин, впрочем, держит в тайне имя её автора, но в “Письме к издателю” косвенно даёт читателю понять, кто её творец. В примечании к “Письму” он — уже от своего имени — добавляет: “Статья “О движении журнальной литературы” напечатана в моём журнале, но из сего ещё не следует, чтобы все мнения в ней, выраженные с такой юношеской живостью и прямотою, были совершенно схожи с моими собственными. Во всяком случае она не есть и не могла быть программой “Современника”.

Но кого из безусловно известных литературному кругу сотрудников “Современника” можно было по летам отнести к юношеству? Только Гоголя. Ибо Пушкину — 36, П. Вяземскому — 42, В. Одоевскому — 33. Об В.А. Жуковском и П.Б. Козловском (которым за пятьдесят) мы уже не говорим. Самый “юный” в этой компании Гоголь. Ему 26 лет.

Гоголь обижался на Пушкина. Кроме потерь, понесённых его статьею, из номера “вылетели” семнадцать его рецензий. В том числе и такой шедевр критического искусства, как отклик на повесть “Убийственная встреча”: “Эта книжечка вышла, стало быть, где-нибудь сидит же на белом свете и читатель её”. Кто ещё мог написать столь убийственно-сочувственный отзыв! Кто в двух строках этой, казалось бы, ядовитой реплики мог смешать смех со слезами?

Не прошла и рецензия на комедию Н. Загоскина “Недовольные”.



А. С. Пушкин.
Рисунок Гоголя, 1833 г.

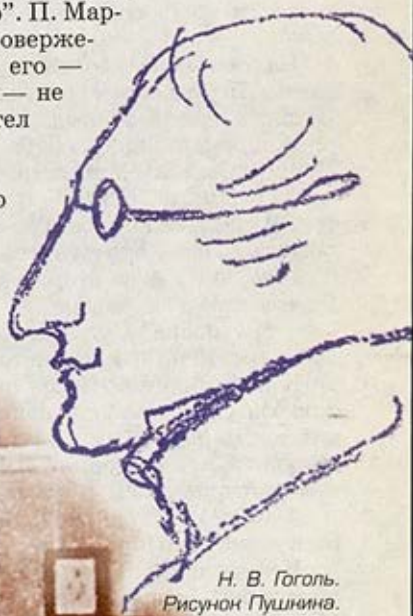


(В архиве Пушкина была обнаружена рецензия на ту же комедию, опять-таки, как и в случае с Белинским, почти дословно совпадающая с мнением Гоголя.)

В третьем номере "Современника" в статье "Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной" Пушкин ещё раз "укусил" Гоголя за его суждения о "неистовой французской словесности". Он сделал это не анонимно: сноска на статью "О движении журнальной литературы" указывала, кто адресат его критики.

Справедливости ради стоит сказать, что нашлись защитники и у статьи Гоголя. Пушкин получил обширное опровержение "Письма к издателю" от некоего П. Мартоса из Одессы, где было заявлено, что г. А.Б. (так было подписано пушкинское "Письмо") "взял на себя напрасный труд" "быть адвокатом г. Сенковского". П. Мартос просил Пушкина своё опровержение опубликовать, но Пушкин его — по не известным нам причинам — не напечатал. Скорей всего, он не хотел продолжать полемику вокруг "Библиотеки для чтения".

К тому же как Гоголь, так и его сторонник из Одессы были не совсем правы в отношении журнала Сенковского. Пять тысяч его под-



Н. В. Гоголь.
Рисунок Пушкина.
1833 г.



Н. В. Гоголь,
В. А. Жуковский
и А. С. Пушкин
в Царском Селе.
Картина
П. Геллера.
1838 г.

писчиков составляли солидную часть русской читательской аудитории. В журнале печатались, кроме шутовских критик Брамбеуса, и серьёзные статьи. Они были посвящены положению сельского хозяйства в России и причинам неурожаев, германской философии, судьбе еврейского народа и так далее.

Правда, в 1836 году там не появляется ни одной строчки Пушкина. Пушкин теперь сам издаёт журнал, и Сенковский спешит удержать его от этого предприятия, “удержать Александра Сергеевича от края пропасти”.

Пушкина в поэтическом разделе “Библиотеки” заменяет В. Бенедиктов. Происходит вытеснение Пушкина и в критике — и не в одной “Библиотеке для чтения”. Московские журналы пишут теперь более о Гоголе, чем о Пушкине (“Московский наблюдатель”, № 2 за 1835 год: “О! на горизонте русской словесности восходит новое светило, и я рад поклониться ему в числе первых”).

На этом фоне и возникает конфликт между Пушкиным и Гоголем. Но, вместе с тем, можно ли его назвать конфликтом? Пушкин печатает Гоголя щедрее, чем кого-либо. В первом номере “Современника” из 319 страниц 119 принадлежат авторству Пушкина и 82 — авторству Гоголя. Здесь публикуется гоголевская “Коляска”, пьеса “Утро делового человека”, рецензии и статья. В третьем номере (Гоголь уже за границей) появляется его повесть “Нос”, отвергнутая, кстати сказать, “Московским наблюдателем”. А во второй книжке журнала выходит статья П. Вяземского о “Ревизоре”.

О “Ревизоре” Пушкин сообщает ещё в первом номере и обещает читателю “иметь часто случай говорить” о Гоголе.

К публикации “Носа” он делает примечание: “Н.В. Гоголь долго не соглашался на напечатание этой шутки; но мы нашли в ней так много неожиданного, фантастического, весёлого, оригинального, что уговорили его позволить нам поделиться с публикою удовольствием, которое доставила нам его рукопись”.

А в мае 1836 года, находясь в Москве, Пушкин хлопочет о постановке “Ревизора” на сцене Малого театра.

Чего ж ещё? Чего же боле? — можем мы спросить нашего обидчивого героя. Но раздосадованный провалом “Ревизора” в Петербурге (на самом деле был успех, но играли, по мнению автора, не то и не так), а может быть, и трениями внутри “Современника”, Гоголь бежит в Европу, бросив всё: и Москву, и Петербург, и Пушкина.

О чём, как мы уже знаем, горько пожалеет потом. ■

ОСОБЕННЫЙ ДЕНЬ

Инна проснулась рано и моментально, будто кто-то в бок толкнул. В глазах не было обычной для раннего вставания легкой рези, которую приходится смывать холодной водой, и Инна сразу поняла, что предстоит особенный день. Собственно, что-то важное происходило уже месяца два, и Инна даже догадывалась что, только боялась спугнуть. Ждала определенности, материализации своих давнишних, казалось, уже оставленных, но в последнее время оживших с новой силой планов. Может, сегодня? Как всегда в хорошие дни, Инна организовала свое утро правильно и без суеты: немного гимнастики — для гибкости тела, вволю контрастного душа — для свежести кожи, пышная прическа и сложный, но в результате почти незаметный макияж, чтобы почувствовать свою красоту. Она уже сидела на кухне, блаженствовала, маленькими глоточками отпивая горячий-прегорячий ароматный кофе и радуясь, что до прихода машины еще целых двадцать минут, когда вошла мама.

— Уже! Готова! Хоть поздоровалась с родной дочерью, а то она скоро забудет, как мать выглядит. Приходишь ночь-полночь и укатываешь ни свет ни заря. Мало ему все.

Мама была в старом, до дыр протертом и сто раз перештопанном байковом халате, с растрепанными седыми волосами, и говорила то, что говорила всегда. Инна уже свыклась с тем, что страшно раздражает мать. Своим ухоженным, от косметички, видом, безумно дорогой обувью, привычкой по утрам не завтракать гречневой кашей, а пить кофе и выкуривать сигарету. В свою очередь, мать раздражала Инну. Своей нарочитой, напоказ, старой одеждой (Инна уже устала покупать ей новую, которая неизменно оседала в шкафу), шаркающей походкой, острым, всегда подозрительным взглядом. А главное — тем, что ненавидела его. Мать была уверена, что Инна — его любовница, и судачила об этом с соседками по дому. Разубеждать было бесполезно.

Как будто можно объяснить кому-либо, какой он совершенно особенный человек. Инна работает с ним уже десять лет, знает всех его коллег, друзей и знакомых, угадывает, что он скажет и как посмотрит в следующий момент, привыкла любить такой же чай и такие же бутерброды, но до сих пор удивляется — как можно быть до такой степени преданным своему делу и глубоко, просто дна не достать, порядочным. Он будто на свет родился, чтобы тащить на себе воз ответственности. Воз с каждым годом все растет и растет, а он все тащит и тащит, не помышляя о другом — личном, нормальном, человеческом счастье, с банькой, с пикником в лесу, со случайной, ни к чему не обязывающей связью. Вся его жизнь лежит под этим возом ответственности за производство, за коллектив, за поставки, за налоги, за семью. Какая уж тут любовница! Хотя где-то мама права. Десять лет, в течение которых Инна пыталась хоть немного облегчить ему тяжесть этого безмерного груза, подставляя свое плечо, она чувствовала, что значит для него очень много. Гораздо больше, чем просто личный секретарь, даже самый профессиональный и незаменимый. Все проявления заботы, нежности, восхищения, которые она видела в нем за эти годы, были направлены только на нее, не на дочь, давно живущую в Москве собственной, взрослой жизнью, не на жену — болезненную, погрязшую в выращивании никому не нужных огурцов женщину, а на нее, Инну. Красивую, умную, уверенную в себе и, так же как он, не боящуюся ответственности. Только все это не объяснишь людям, способным часами обсуждать, удалась ли в этом году квашеная капуста, и Инна даже не пыталась. Обыкновенно на реплики матери она отвечала гораздо проще, на понятном той языке: «Не неси ерунду, а скажи спасибо. Где бы я была, мать-одиночка со средним специальным образованием, если б не он. На твою пенсию, которую уже три месяца не платят, втроем голодали бы?» Аргумент, на который матери нечего было возразить, но сегодня Инна не стала его использовать. Необъяснимое волнение, как перед экзаменом, дрожало глубоко внутри нее и чуть выплескивалось при каждом движении, не давая забыть, что сегодня — особенный день. И она никому не даст его испортить. Инна красиво встала из-за стола, чмокнула в щеку маму, оторопевшую от неожиданной ласки, и зашла в комнату дочери. Маша спала, свернувшись под одеялом маленьким червячком, и выражение ее лица во сне напомнило Инне еще грудную дочку. Жаль ее будить, но все равно пора вставать. Инна легонько подула ей в лицо и тихо протянула:

— Машутка, пора в школу.

Следом за Инной в комнату вошла мама и тоже шепотом, явно жалея внучку, сказала:

— У нее сегодня контрольная по математике.

Уже спускаясь с лестницы и слыша шум подъехавшей за ней машины, Инна оглянулась и увидела, как мать стоит, тяжело опершись на косяк входной двери, и быстро крестит ее спину.



рисунок Виктора Ковалея

Обычно она приходила в офис раньше всех — его, заместителей, секретарш. Разбирала почту, корректировала план на сегодня — на большом разлинованном листе для него и отдельно в блокнотике для себя. Радовалась, если было много совпаде-

ний. Огорчалась, если предстояло мероприятие, на котором ее присутствие было обязательным. Хотя, справедливости ради, такое случалось редко, все реже и реже с каждым годом их работы. Сегодня в графе с 13.00 до 15.00 стоял прочерк. Личное время. Обычно Инна знала, что за этим скрывается — встреча на вокзале давнишнего приятеля, визит к стоматологу или похороны дальнего родственника. Ведь это она, Инна, записывала его к врачу, заказывала цветы или венки, подбирала путевку в санаторий для жены или тур для дочери. Она была в курсе всех его дел. Но в этот день Инна не знала, что произойдет между 13.00 и 15.00. Просто где-то месяц назад он сказал: “На двадцать пятое с часу до трех ничего нам не пиши”. Он вообще очень изменился в последнее время. То мрачный, то чуть не прыгает, как мальчишка. Замечает, как она одета. Иногда пройдет мимо, быстро, будто невзначай, заглянет в бумаги на ее столе, приобнимет за плечи. Слова какие-то странные появились. Сказал ей однажды: “Инна Иванна, вы сегодня потрясно выглядите”. “Потрясно!” — с ума сойти, и так нелепо рядом с официальным Инна Ивановна. Вот если бы Инночка, Инна, Инуля... Да мало ли можно придумать разных вариантов, если захотеть, вернее, если себе разрешить. Инна была уверена, что сегодняшние 13.00-15.00, о которых она ничего не знает, не просто так. Самое главное, что она о них не знает не просто так. Недаром все утро он так нервничает, в разговорах теряет суть, вопросительно заглядывает ей в глаза. В половине первого, выходя из приемной, он оглянулся, нашел ее глазами, будто попросил поддержки. Она улыбнулась, кивнула, давая понять, что здесь, рядом, что он может на нее рассчитывать, как ни на кого другого.

Когда дверь за ним закрылась, Инна долго и бесцельно смотрела по сторонам. На его чашку. На его, оставленный на столе открытым, ежедневник. На его любимую дурацкую игрушку на столе: клоуна-неваляшку в красной шапке. Когда он думает о чем-то важном, постоянно толкает этого клоуна в бок. Инна подошла к его столу, тоже толкнула несчастную куклу в бок, и вдруг все поняла. Вернее, озвучила для себя. Уже не боясь обмануться, повернула к себе его ежедневник и в графе “13.00” прочла “Развод”. Теперь все стало на свои места, стало понятно, почему он так переменялся, почему ничего ей не сказал о сегодняшнем дне. Инна в который раз, только еще острее, чем обычно, почувствовала, как же хорошо она его понимает. Наверное, лучше, чем саму себя. Ну, конечно, он все решил. Ей ли не знать, каким он бывает, когда, наконец, находит свое решение, казалось бы, неразрешимой проблемы, ей ли не знать, какое значение он придает обязательствам, не разделяя их на формальные и неформальные, ей ли не знать, как он не любит загадывать, опережать события, давать обещания, если не уверен, что сможет их выполнить. Значит, ей

не показалось: что-то действительно произошло, перевернулось в нем на том, двухмесячной давности, банкете. Когда в зал вошел Гордиенко, его новый, выписанный из Москвы на невероятную для здешних мест зарплату, молодой, чуть за тридцать, заместитель по финансам и ценным бумагам под руку с невероятно элегантною, в длинном вечернем платье, женой, Инну захлестнула волна обиды. Разве она, Инна, не так же обворожительно выглядела бы в платье с открытой спиной, разве они не были бы такой же красивой парой, если бы могли идти вот так, под руку, на глазах у всех, и разве она не так же грациозно, под восхищенные взгляды окружающих, вспорхнула бы на пододвинутый им стул? Тогда Инна еле сдержала уже совсем близко подступившие слезы и, встретившись с ним взглядом, вложила в свой всю укоризну, на какую только была способна. Он смотрел растерянно и виновато, как нашкодивший по нечаянности ребенок, готовый честно признаться в своем поступке. Значит, тогда ей не показалось. Он все понял.

Инна постаралась взять себя в руки. Была б ее воля, она бы кинулась ему на шею, только лишь он переступил порог, но нужно довести свою роль до конца. Вернее, дать ему довести свою. Чтобы убить время, она взялась за самую нелюбимую работу — разноску резолюций и обязательств по договорам на контрольные карточки. Давно пора заказать специальную программу, все времени не хватает. Она не услышала, как он вошел, только увидела протянутую из-за своего плеча руку с горстью первых, еще зеленоватых тюльпанов.

— Хватит в бумагах копаться. Все отменяй и заходи — выпьем.

Посмотреть на него Инна не успела, он ушел в кабинет и хлопнул дверь. Только нежные с резким запахом весенней свежести цветы на столе подтверждали, что он секунду назад был здесь, совсем близко от нее. Она обзвонила всех, с кем были назначены встречи, чужим голосом извинилась и перенесла сроки, путаясь в датах и днях недели, открыла дверь кабинета и села напротив него в глубокое кожаное кресло за журнальным столиком. На столе стояла бутылка коньяка. Инна метнулась за рюмками, но он остановил, принес сам. В который раз за этот день вопросительно посмотрел ей в глаза.

— Понимаешь, Инуль, я ведь только что развелся. Такие вещи вроде бы не празднуют, но ты ведь все знаешь, мы с Татьяной уже давно только числились. Самое главное, что и ей, по большому счету, все равно, а Наташка совсем взрослая, тоже не возражала. Они обе оказались молодчины. Мне на женщин вообще везет. Вот без тебя чтоб я делал?

Инна молчала и ждала. Из того, что он сказал, она не услышала ничего, кроме "Инуль" и "ты".

Он выпил свой коньяк и, наконец, решился.

— Ин, мне твоя поддержка сейчас, как никогда, нужна. Я еще никому не говорил, тебе первой. Мы-то с тобой калачи тертые, а она... Все-таки двое маленьких детей. Младшей только годик исполнился. Вот она и не может никак решиться на развод. Конечно, ей трудно, но так, как сейчас, ведь еще хуже. Я тоже понимаю, что такое объяснение не сахар, только такие вещи нужно сразу решать. Разрубить, и с концами. А она ведь в нашем городе совсем одна. Ни родственников, ни подруг. Даже поговорить не с кем. Ты бы ей как-нибудь позвонила, просто поболтать, я ведь знаю, ты умеешь. А?

— Кому? — спросила Инна, еще ничего не успев осознать, просто по инерции.

— Светлане, Свете Гордиенко. Ну, помнишь, Владислава Гордиенко жена, два месяца назад на банкете познакомились...

При слове "жена" он поморщился, как от зубной боли, а до Инны дошло, о чем речь. В который раз за эти десять лет, может, наконец-то, последний, для того, чтобы удержаться от слез, она сфокусировала в одну точку всю свою хваленую волю, но этого хватило лишь на то, чтобы не заплакать, а грубо, громко и неестественно расхохотаться.

еще нет ОДИННАДЦАТИ

Все-таки иногда можно поддаться на Сашкины уговоры. Все оказалось очень просто, приятно и даже не так уж дорого. Вполне стоит того, чтобы не томиться полдня в обшарпанном коридоре районной женской консультации и несколько дней, ни свет ни заря, бегать сдавать анализы. И это еще бы ничего, но вот участковая врачиха... Нет уж, хватит с меня вынужденного общения с этой мегерой все время беременности. Хотя самой бы и в голову не пришло сунуться в эту поликлинику, но Сашка бывает так занудлив: "Сказали тебе в роддоме через месяц показаться врачу, значит, нужно показаться". Ему хорошо рассуждать, а у меня теперь на врачей аллергия. Восемь месяцев как на короткой привязи к этой женской консультации. Такое впечатление, что они удовольствие получают, заставляя беремен-

ных без конца ходить на приемы и сдавать анализы. Будь ты хоть классическим примером по вынашиванию детей, все равно, приходи, отсиживай длиннющие очереди под издевательской надписью "Прием беременных вне очереди" из таких же жертв системы здравоохранения. Тут совсем другое дело — все необходимые осмотры и анализы в один день, а устроившись на мягком диванчике среди экзотических лиан, можно и подождать, расслабиться. Нет даже лекарственного запаха и угрожающего звяканья инструментов, вместо запугивающих санпросветплакатов — панели под дерево и яркие журналы на невесомых стеклянных столиках. Не отделение гинекологии, а салон красоты.

"Простите, можно?" Я кивнула, не успев сообразить, в чем дело. Буркнула: "Конечно, пожалуйста", — условный рефлекс на "Простите, можно?" Рядом на двухместный диванчик уселась молодая женщина. Впрочем, слово "уселась" для нее тяжеловато. Просто опустилась, легко, непринужденно, не ерзая, не устраиваясь, не подправляя юбку. Только что стояла рядом — и сразу сидит, только коленки мелькнули. Без перехода. Явно младше меня. Ненамного, неважно на сколько, но младше — сразу видно. Хотя "девушкой" такую не очень-то окликнешь — слишком элегантно. Облегающий, кофейного оттенка, костюм, чуть отороченный норкой по краям воротника и манжет, словно по ней и был сшит. Ботиночки точно в тон. И такая же сумка. Крохотная, обтекаемой благородной формы. "Каре" — волосок к волоску плюс полное отсутствие макияжа. Леди. Такими, тщательно подобранными в тон, в детективных фильмах показывают только что вышедших замуж аристократок. Пограничный, межсезонный костюм и высокий каблук ботинок без единой капельки грязи (в марте-то!) выдают привычку нырять из авто в подъезд и обратно. Не женщина — мечта! А в деталях — ничего особенного, все какое-то усредненное, в другой одежде встретишь — не узнаешь. Взгляду зацепиться не за что. А все вместе — мечта. И главное — никаких тебе сомнений, что может быть по-другому. Вокруг полно свободных диванов — холл огромный, хоть в футбол гоняй, так нет, она не подумала сесть на свободный. Где было ближе, там и села. Не пришло в голову, что помешает человеку. Не привыкла о таких вещах думать. Незачем это ей.

Стараясь больше не обращать внимания на незваную соседку, я во весь лист развернула газету и сделала вид, что углубилась в чтение экономических новостей. Как будто женщину, у которой месячный ребенок в первый раз остался с недотепой-папой на целых полдня, могут волновать экономические новости. Вдруг она там все время кричит после моего ухода, а Сашка не знает, что делать! Хоть бы к третьему кормлению успеть, а то не хватит того, что нацедила. Да и стала ли она есть из соски? Если нет, то Сашке не позавидуешь... Я взглянула на за-

пястье. Забыла часы. Ну, конечно, разве в такой суматохе можно что-нибудь не забыть! А незнакомка будто только того и ждала. Отреагировала моментально. Вскинула руку с часиками и, подержав для убедительности на весу, предупредила — мягко, неторопливо:

— Одиннадцатый час. Десять минут одиннадцатого.

И часики у нее под стать — золотые, с крошечным изумрудиком на отметке “двенадцать”. Только неудобные — пока рассмотришь... Не для тех, кто привык на работу спешить. Я бы ограничилась обязательным, сухим “спасибо”, но покойная бабушка очень любила меня воспитывать и всегда заставляла говорить дежурные фразы вежливости, глядя собеседнику прямо в глаза. Я бабушку не слушалась. В детстве. А теперь, когда ее уже несколько лет нет в живых, не могу послушаться. Развернувшись к незнакомке всем корпусом, я открыто, по возможности доброжелательно, посмотрела ей в лицо и неожиданно сказала:

— Ой, спасибо большое. А то я так волнуюсь — успею ли к половине первого домой. Вообще-то, сказали, минут сорок подождать. Вы не знаете, тут в самом деле быстро?

С ней хотелось говорить. Ей невольно хотелось улыбаться. Ее самые заурядные серые глаза заранее излучали благодарность и просили прощения за любое причиненное неудобство. Наивный взгляд Мерилин Монро или близорукого ребенка без очков. Из тех редких женщин, на которых невозможно обижаться и почти также невозможно обидеть, а хочется жалеть и защищать. Вообще-то я не верила, что такие бывают. Сказки о вечной привлекательности женской слабости. Оказывается, просто не встречала.

— Вы не волнуйтесь. Я в этом отделении первый раз, но приходила зубы лечить. Все вовремя. И быстро.

Я, конечно, волновалась. Но не так, как она. Волнение выдавали ее поза с неестественно прямой спиной и пальцы, без остановки, одним и тем же движением щелкающие замочком на сумке. Нужно бы ее как-то отвлечь.

— Хорошо, если вовремя. А то я только до двенадцати. Ребенка оставила первый раз с папой. Его в половине первого кормить. А в следующий раз неизвестно когда выберешься — мужу с работы опять отпрашиваться. Надо сегодня.

— Да, мне тоже обязательно надо сегодня. А то на “мини” могу уже не успеть. Лучше сегодня. Все-таки большая разница — особенно, если не рожала. И в больницу боюсь ложиться.

Аборт. Бедная девочка. Теперь понятно, почему она такая дерганая. Я бы дорого дала, особенно теперь, после появления Ксюшки, чтобы сказать — не знаю, мол, что это такое и с чем это едят. Но я знаю. Проходила.

— Ну, конечно, “мини” — совсем другое дело.

— Вот и муж говорит — надо обязательно успеть “мини”. Хоть сегодня и такой день. Но так даже лучше — пусть уж все

в один день. Зато на завтра ничего не останется. Папа всегда повторял — не оставляй домашнее задание на воскресенье, выходной от этого веселей не станет. — Осторожно убедившись в вопросительности моего взгляда, она объяснила: — Сегодня я должна была на похороны пойти. Один близкий человек умер. Нужно бы пойти, но мы решили, что это важнее, вдруг не успею.

— Вы не волнуйтесь. Наркоз общий, не больно. Я тоже два раза делала. Один раз уже давно, в больнице. Там действительно больно, хоть и под маской. А второй раз “мини” — совсем другое дело. И все нормально — месяц назад родила. Никаких осложнений.

Она внимательно слушала, но, по всему виду, ничего не услышала. Заговорила скороговоркой, сумбурно, уговаривая саму себя:

— Да, я понимаю, что все обойдется. И все равно боюсь. Все-таки в первый раз. И считается, что лучше не делать, пока не рожала. Я всегда этого избегала, семь лет уже замужем, а продержалась, и тут так некстати, будто специально. Понимаю, что сейчас не время, а сама бы, наверное, так и не решилась, но Юра говорит, что “мини” — это совсем не то же самое. Он всегда знает, что делает, не то, что я... Всегда обо мне заботится. Все девчонки на курсе завидовали. А сейчас еще больше завидуют. Еще бы, он такой талантливый. И красивый. И спортсмен. А меня девчонки “серой мышкой” называли. Мне и в голову не могло прийти, что он на меня внимание обратит. Знаете, у нас почти никто после института по специальности не работает. Занимаются, чем придется. Торгуют в основном. Кому сейчас инженеры нужны? Хотя, справедливости ради, какие большинство из нас инженеры? Я, например, не надеялась на филологический поступить, вот и пошла в тот же институт, что родители закончили. Конкурса не было. А Юра настоящий инженер. У него несколько вариантов решения проблемы моментально в голове прокручиваются. Еще в институте в разработках участвовал. И сейчас по специальности работает, даже тему свою по дипломной продолжил. Защитился. Но тоже не так просто, после окончания два года работу искал. Не идти же на какой-нибудь стоячий завод. Чем только не подрабатывал, а все равно искал, резюме рассылал, пороги обивал. Мне так обидно было, плакала, на жизнь жаловалась, мы же ведь не москвичи — ни квартиры, ни родственников. А он — ничего. Держался. Еще меня успокаивал. И добился своего. Я же говорю, он всегда знает, что делает, всегда своего добивается. Его потом аж в “Технопром” взяли. Без всяких связей. Их как раз эта тема интересовала. Он там в разработке большого проекта участвовал, и защитился потом на этом же материале. Теперь уже начальник отдела. И квартира у нас своя, хоть и небольшая, но своя. Для его двадцати семи — это совсем неплохо. Правда же?

Она так трогательно обратилась ко мне за подтверждением выдающихся достоинств своего мужа, что я бы, конечно, присоединилась к завидовавшим подругам, если бы не одно, резанувшее слух, обстоятельство.

Всем известно, что перебивание косточек мужьям — неисчерпаемая классическая тема дамских бесед. На мужа грех не пожаловаться — в комнате курит, в телевизор без конца пялится, рыбу не ест, а глаза не голубые, а карие. Игривым таким, веселым тоном жалуемся мы подружкам на своих спутников жизни, со смешками и нарочитыми вздохами, так, что всем ясно — не жалобы это, а хвастовство с единственной целью — показать, вот, дескать, как он меня любит. Я к нему и так и эдак придираюсь, а он только посмеивается и отмахивается, любит потому что. Не будешь же, как дурочка, кричать на каждом углу — посмотрите, девочки, милые, как меня муж любит, на руках носит, посмотрите и позавидуйте. Без обидяков ведь не станешь его за это хвалить. А за что, собственно? Ведь, если любит, это никак не его заслуга. Это его святая обязанность. Вот и жалуемся. Но, если без шуток припечет, по-крупному, то муж, как ни странно, оказывается ни при чем. Он всего лишь пострадавшая сторона, а виновата судьба-злодейка. К ней все претензии.

Поведение моей собеседницы не вписывалось в эту привычную схему и потому настораживало. Она заученно, по порядку, рассказывала, какой расчудесный ей достался муж, а в приглушенном ровном голосе отдельной высокой нотой звенела обида. Меня одолело любопытство. Жизненные перипетии материально благополучных людей, а моя собеседница выглядела именно такой, вообще вызывают жгучий интерес населения, смешивая два противоречивых чувства — злорадство, что богатые тоже плачут, и надежду, что есть, есть где-то не испачканные грязью борьбы за существование чувства и судьбы. Пока я, опасаясь бестактности, боролась со своим любопытством, милая леди оставила в покое свою сумочку и сменила интонацию и тему:

— А у вас мальчик или девочка?

— Девочка, только есть требует похлеще любого мальчика. И день и ночь.

— Трудно? — Таким тоном обычно говорят “Правда, здорово?” Мне пришло в голову, что, может быть, существует какая-нибудь известная только узким специалистам болезнь, когда человек не умеет подбирать интонацию к собственным словам. Бывают же люди, для которых проблема — разложить слово по слогам.

— Да нет, как ни странно, не трудно. — Я снисходительно улыбнулась, с высоты теперешнего положения вспомнив себя. Смешно, я столько лет не решалась ребенка родить, все думала — родишь один раз, а потом живи с ним всю жизнь, возись, переживай. Назад не повернешь. Хотя, даже если очень труд-

но, все равно не приходит в голову об этом жалеть. Матери всегда говорят дочерям — погуляй на свободе, ярмо на шею всегда успеешь повесить. И при этом ни одна не скажет — как я жалею, что тебя родила, ярмо ты у меня на шее. Лучше б гуляла себе на свободе. Не скажет и не подумает.

— Мы с мужем тоже ребенка хотим, — улынулась моя собеседница. — И не одного, а двоих — мальчика и девочку. Лучше подряд. Им будет веселее. И в жизни легче. Мы давно об этом мечтаем, только не могли себе позволить. Все-таки это большая ответственность. Нужно вначале самим на ноги встать. А теперь уже можно, раз у него все так удачно складывается. Только не сразу. Не с бухты-барухты. Последний год был такой тяжелый, вспоминать не хочется. А это может сказаться на ребенке. Сейчас самое главное — отдохнуть, в себя прийти, в санаторий нужно бы съездить. Юра прав. Тем более, что теперь есть для этого возможность. — Она почему-то посмотрела на часы, будто возможность, о которой говорила, наступала в данную минуту.

Знакомая песня, отложенный спрос. Мне бы тоже, ой, как хотелось думать, что моими предыдущими беременностями была та же самая Ксюха, которая в конце концов и родилась, живая и здоровая, а не совсем другие дети, которые тоже могли быть живыми и здоровыми... Рассказать бы этой беспечной девчонке о подкорочном, необъяснимом страхе, который растет во мне с тех пор, как я впервые увидела свою дочь. Необыкновенно красивого младенца с необыкновенно пронизательным взглядом густо-синих глаз, взглядом пришельца, еще помнящего тот мир. В Ксюхиной прелести мне чудится какой-то подвох. Может быть, муки совести тем и страшны, что не дают радоваться жизни, когда все, решительно все прекрасно и удивительно. Но такие вещи не принято рассказывать. И я вежливо согласилась:

— Ну, конечно, если со здоровьем проблемы, не стоит рисковать.

Пару минут мы помолчали, набираясь смелости. Она начала первая. Оторвала глаза от кончиков ботинок, поджала ноги под диванчик и сказала:

— Если честно, тут не в здоровье дело. Если бы со здоровьем, некого было бы винить. Просто Юра не уверен, что это его ребенок. Он не говорит об этом, но я-то знаю. Иначе бы ни за что не разрешил мне сюда прийти. Не станешь же убеждать, по полочкам раскладывать, когда что было. Я уже давно чувствовала — что-то должно случиться. Не может же так продолжаться до бесконечности. А тут беременность эта, и он умер. — Она помолчала, будто сама удивившись слову “умер”. Так всегда случается с людьми, потерявшими кого-то близкого, только-только бывшего рядом. Трудно привыкнуть, что можно вот так, обыкновенно сказать: “Он умер”. Конечно, я не стала спраши-

вать, кто это — он? А она продолжала: — А я ведь из новостей узнала, что он умер. Юра на работе, наверное, раньше, а я — из новостей. Об этом почти все газеты написали, и в теленовостях было. Все-таки “Технопром” очень крупная компания. И я узнала, как все. Из газеты. Он уже давно плохо себя чувствовал, курил очень много. Я ему всегда говорила, что нельзя так перегружаться и столько курить. — Она явно почувствовала себя немного легче, вытащила ноги из-под дивана, убрала за уши пряди “каре” и для убедительности добавила: — А Юра не курит.

Несмотря на этот бьющий на сочувствие монолог, я ощутила злорадное удовлетворение и легкую зависть. Удовлетворение от того, что источник ее безмятежной элегантности оказался так неоригинален. А зависть от того... Ну, в общем, эта та самая зависть, которая не дает умереть вечному сюжету о юной прекрасной девушке, за любовь которой платят деньгами и властью. Чем прекрасней девушка, тем выше цена и выигрышной сюжет. Я не стеснясь окинула доверчивую собеседницу оценивающим взглядом. Не такая уж она юная, и совсем уж не прекрасная. Я бы даже сказала, блеклая. Действительно “серая мышь”. И цвет этот ей совсем не идет. Вот меня бы, да так одеть... Эта мысль оказалась настолько приятна, что придала моему голосу оттенок превосходства.

— Да уж, “Технопром” — очень крупная компания. Известная. А вы там тоже работаете?

— Я раньше там работала. Совсем недолго. Я технический переводчик. Там с ним познакомилась, а потом, когда... Он не захотел, чтобы я продолжала работать. Ну, в общем, это совсем не приятно — быть штатной любовницей на рабочем месте, вернее, просто ужасно. За глаза презирают — все-таки не жена, а в глаза заискивают. Мы так не могли. А он был очень хороший человек и очень одинокий. С женой уже давно развелся. Сын взрослый, за границей живет. В общем, совсем не новый русский, да и я не фотомодель. Это только Юра все твердит, будто я красавица. Я, конечно, ему не верю, а все равно приятно. — Она чуть посветлела взглядом, но тут же опять потухла. — А знаете, что хуже всего?

— Что?

— Вот я знаю, что этот ребенок может быть только от мужа, а все равно думаю, а вдруг? Ведь так нельзя рожать, правда?

Вот этого я не знала. Пыталась представить себя на месте женщины, которая толком не знает, от кого беременна, но у меня получалась не трагедия, а мыльная опера. А сама героиня уже близка к кульминации. В ее последних словах ясно проклюнулись близкие слезы. Она еле сдерживалась, чтобы не разреветься на публике, да еще в таком месте, где довольно легко нафантазировать о причине. Я попыталась предотвратить исте-

рику простыми, бессмысленными фразами, которые только и приходят в голову в такие моменты:

— Ну что ты, у тебя сейчас просто очень трудный момент в жизни. Столько всего навалилось. Но ведь это пройдет. И очень скоро. Господи, да чего только с нами, дурами, не случается, а потом ничего, как с гуся вода. Тут главное — за что-нибудь ухватиться. Самое важное. А тебе еще позавидовать можно. Не каждую муж так любит, так заботится, несмотря ни на что.

Видно, я сказала что-то не то, потому что именно на этом месте у нее окончательно покраснел нос и из глаз закапали застоявшиеся крупные слезы. Они затекали в уголки губ и заставляли то и дело всхлипывать носом, мешая ей говорить:

— Несмотря ни на что? Да Юрка думает, что это он его начальником отдела сделал. Из-за меня. Юрка все знал, с самого начала, и хоть бы что. Понимаете, хоть бы что! Я так надеялась, так надеялась, что он взбунтуется. Ну хоть немножко. Или сильно. Ударит, в конце концов. А он, наоборот, чем дальше, тем лучше. Цветы. Розы эти дурацкие на палках. Каждый день. Ненавижу эти розы! Да он бы скорее Юрку уволил, чем из-за меня начальником назначил. Он тут ни при чем, это все непревзойденные Юркины таланты. Он Юрку терпеть не мог. У него, ведь, кроме меня никого не было. Даже собаки. А я в больницу ни разу не пришла. Все страшно было. Стыдно. Дура. Лучше бы... Лучше бы это был его ребенок!

На этом месте она вдруг остыла. Ладонями размазала слезы по щекам, немного о чем-то поразмыслила. Мне стало неловко от ее откровений и своего неумелого участия. Тоже мне, психоаналитик доморощенный. Не придумала ничего лучше, как опять уткнуться в спасительную газету. Она, уже стоя рядом, тронула меня за плечо.

— Спасибо вам. Я побегу. Еще нет одиннадцати, успею на похороны. Обязательно успею. Плевать, кто и что подумает. А вы не волнуйтесь. Анализы скоро принесут, успеете к кормлению.

Она пошла через холл, невесомо переступая шпильками и раскачивая сумочкой в такт. Ни одного лишнего движения. Ни одного неоконченного. Мужчина, из ожидающих, проводил ее взглядом до самой двери. Настоящая красавица. Глупо, что я так хотела мальчика. Ничего нет лучше дочки, которая вырастет настоящей красавицей. Я посмотрела на запястье. Тьфу, ты, забыла, что нет часов. Хотя, кажется, она сказала, еще нет одиннадцати. ■

ЕГО КУТУМИР-
БЛАВА

Любовь РУСЕВА

рисунок **Геннадия Новожилова**





Уничтожьте честь — и дуэли отомрут

25 июля 1779 года в Версале пышно праздновалась свадьба сына прославленного принца де Линя, близкого друга всех просвещенных европейских монархов, и самой завидной невесты Европы — польской княжны Елены Массальской. Брачный контракт подписали король Людовик XVI, королева Мария-Антуанетта и все члены королевской фамилии.

На следующий день торжество продолжалось в парижском доме принца. Карл де Линь-отец в обычном своем веселом расположении духа сидел с друзьями за карточным столом.

— Друг мой, судьба благоволит к вам — такой цветок появился в вашем саду! — заметил граф д'Артуа.

— Все парижские женихи завидуют вашему сыну, — поддержал брата короля герцог Браганцкий.

— Я сам себе завидую, господа. Княгиня Елена не только красива, но и умна. Особенно мне по сердцу ее веселый нрав.

— Она еще и сказочно богата.

— О да! — рассмеялся хозяин. — На моем столе в кабинете покоится толстая пачка документов — претензии к русскому двору, которую родня невестки вручила вместо наличных денег.

— Все земли отца и матери Елены после печального раздела Польши находятся под секвестром русского правительства, — оправдывался дядя Елены епископ Виленский.

— Полноте, ваше высокопреосвященство, мы не в претензии. Напротив, у меня есть повод явиться в Петербург и воочию увидеть Семирамиду севера.

Неожиданно игра на минуту прервалась. В зал решительной походкой вошел один из версальских приятелей хозяина.

— Карл, прошу тебя быть моим секундантом и разрешить провести дуэль на твоих землях в Бель-Эле.

Князь обернулся к своему управляющему.

— Жан, немедленно отправляйтесь в наш замок и приготовьте на завтра завтрак для четверых и обед для троих...

Киев. Восемь лет спустя... 21 апреля 1787 года Екатерина II запретила в России дуэли. Все, даже известные бретёры, восторгались высочайшим манифестом, кроме...

— Князь, я не слышала вашего мнения о запрещении дуэлей в России.

— Своим указом, государыня, вы усложнили мне жизнь.

— Каким образом?

— Дуэлянты во Франции преследуются законом, поэтому ко мне очень часто обращаются с просьбой провести дуэль в моих владениях, которые граничат с Францией. Боюсь, что после вашего указа паломничество к моему замку многократно увеличится.

— Неужели без дуэлей нельзя обойтись?

— Уничтожьте честь, ваше величество, и дуэли отомрут сами по себе.

— Неужели честь можно защищать только шпагой и пистолетами?! Есть же законы.

— Государыня, я никогда не соглашусь поставить свою честь в зависимость от какого бы то ни было третейского суда.

Принц и императрица еще долго пререкались, но оба остались при своем мнении.

Он истину царям с улыбкой говорил...

“Карл де Линь при своем воинственном нраве скорее являлся каким-то сказочным и романтическим витязем, нежели лицом историческим”, — писал граф Сегюр.

Принц вырос в семье, пользовавшейся всеобщим уважением. Он получил блестящее образование: знал несколько языков, любил искусство, ценил музыку, писал стихи и прозу, много путешествовал. Его произведения были изданы в 32-х томах.

Все князья де Линь отличались красотой, но князь Карл был особенно хорош. Высокий, статный, он всегда носил военный мундир, придававший ему бравый вид, и в то же время — серьги в ушах. Красивый, знатный, богатый, он даже при версальском дворе отличался своей изысканной вежливостью и любезным обхождением. Его меткие замечания, остроты и каламбуры повторялись всеми, и всюду он был желанным гостем — в Брюсселе и Вене, в Берлине и Петербурге. Благодаря добродушию и веселому нраву Карл де Линь становился любимцем любого общества, куда попадал. Передразнивая всех, он со всеми был в самых хороших отношениях. Философский ум в нем сочетался с легким остроумием, отчаянная храбрость в битвах с истинным человеколюбием. Общаясь с монархами, он оставался свободным. “Я был французом в Австрии, австрийцем во Франции, австрийцем и французом в России — и тем самым сохранял всюду свою независимость”.

Де Линь никогда не унижался до лести и притворства, громко высказывал свои убеждения и “истину царям с улыбкой говорил”. Он умел молчать, когда обстоятельства не позволяли противоречить, но поддакивать и соглашаться с противным мнением не мог.

— Французский двор погряз в разврате, и в нем не осталось ничего от былой славы времен Людовика XIV, — заявила однажды Екатерина II принцу.

— Государыня, я близок к этому двору и не могу с вами согласиться.

— Князь, вы пристрастны к этому двору. Я не только слышана о нравах Версаля от недовольных, которые могли приукрасить свои высказывания, но читала в прессе и в книгах об этом.

— На севере, государыня, так же клеветают на запад, как и на западе лгут о севере. Версальским носильщикам следует доверять так же мало, как и царскосельским извозчикам.

“Единственный грех, — писал принц, — от которого душа моя чиста, есть ложь”. Говоря всегда правду, он никогда не был резок, тем более груб, и если подчас истина была горькой, он старался облечь ее в приятную форму. Он владел сильным, но всегда мягким словом. Вот примеры.

— Князь, вы от души смеялись над речкой, которую прорыли по моему приказанию в Царском Селе. Но сегодня утром я получила печальную весть — в ней утонул рабочий.

— Как, рабочий утонул в речке вашего величества?! Какой льстец!

... — Я отчаялась получить ваше одобрение моему садовому искусству.

— Что поделаеть, ваше величество. Как же я могу с вами соглашаться, когда вы имеете все вкусы, не имея вкуса.

Русская императрица уважала принца за независимый образ мыслей, за сочетание в нем необычайной склонности к шуткам с редкой наблюдательностью и трезвым суждением о всех делах. Его же подкупали в Екатерине простота и искренность. *“Брак моего сына, — писал де Линь маркизе де Куаньи, — приводит меня в Петербург. Доверчивая и увлекательная простота обхождения Екатерины Великой очаровывает меня, а ее очаровательный гений влечет меня в эту очаровательную страну...”*

Принц де Линь был прежде всего воином и, как все его предки, своими личными заслугами добыл себе фельдмаршальский жезл. Прадед принца сформировал “драгунский полк князя де Линя”, который просуществовал два века и был упразднен революциями конца XVIII века.

Карл-Иосиф де Линь родился в 1735 году в родовом замке Бель-Эль (Австрийские Нидерланды), когда его отец, фельдмаршал императорской службы, был на войне. Не няньки, а старые драгуны родного полка убаюкивали его рассказами о походах принца Евгения. Восемилетний Карл из окон отцовского дворцаavorоженно следил за осадой Брюсселя. Казалось, он с молоком матери всосал страсть к баталиям. Мечтая о жарких битвах и стремительных штурмах, мальчик решил бежать под чужим именем на войну. “Мне при этом живо представлялся Тюрень, который, будучи десяти лет, спал уже на лафете пушки; Аннибалу было всего 9 лет, когда он поклялся отомстить римлянам”. Но ни Тюрень, ни Аннибал не помогли. Только после окончания полного курса в страсбургской военной школе Карл был определен в полк собственного имени.

Безумная храбрость, проявленная принцем в первых же сражениях Семилетней войны, покрыла его имя лаврами.

В тридцать лет Карл да Линь стал генералом. Но в каком бы звании он ни был, главной заботой для него всегда оставался простой солдат. Не было хижины, в которую бы принц ни наведывался, если в ней размещалось хоть несколько солдат. Он пробо-

вал их суп и хлеб (хороши ли?), взвешивал отпускаемую говядину, строго следил, чтоб солдат не обманывали поставщики продовольствия. С каждым солдатом он находил время побеседовать о его нуждах, каждому помогал, чем мог.

Карл де Линь служил своему кумиру — военной славе — не только шпагой, но и пером. Во время походов на бивуаках, в перерывах между боями он вел дневники, по которым впоследствии написал воспоминания. История Семилетней войны написана им “больше на седле, чем иначе”. Много книг написано им и по военному искусству. Принц был не только опытным и талантливым боевым офицером, но и блестящим теоретиком, благодаря чему стал признанным военным авторитетом во всей Европе.

Принц пробыл в России около трех лет. Первый раз де Линь посетил ее в 1780 году, приехав с претензиями к русскому правительству, возникшими вследствие женитьбы его сына. Он стал желанным гостем во дворце и за столом императрицы. Изысканная вежливость, остроумная речь, обширные познания, светлый ум и веселый нрав иностранца произвели впечатление на русское придворное общество. *“Здесь теперь князь де Линь, — писала Екатерина. — Человек веселый, милый, с которым легко живется. Это оригинальная голова: при всем своем глубокомыслии он способен дурачиться как ребенок...”*. Все русские вельможи, подражая императрице, ухаживали за де Линем.

Принц был очарован не только русской императрицей, но и русской столицей. Он писал своим друзьям, что это красивейший город в мире — красивее Парижа, Вены, Венеции, Берлина, Лондона. Де Линь сравнивал Царское Село с Версалем, а Петергоф ставил выше.

Более месяца австрийский фельдмаршал пробыл в Петербурге, ежедневно виделся с Екатериной, но ни разу не коснулся денежного вопроса. “Приехав в Россию, я прежде всего забыл о существенной цели моего приезда: мне казалось неделикатным воспользоваться милостями, которыми меня ежедневно осыпали, для получения новых милостей”.

Осенью 1786 года Екатерина уведомила принца о намерении отправиться в Крым и пригласила его. Де Линь проехал от Петербурга и Москвы до Бахчисарая, видел русские города и деревни. Он не только красочно описал все увиденное в письмах к маркизе де Куаньи, но и выступил публичным защитником России от нападков, которые появились в западноевропейских газетах в связи с этим путешествием.

Де Линь убедился воочию, что знаменитые “потемкинские деревни” — не бутафория, как о том трубили. На юге в течение нескольких лет выстроены и заселены тысячи сел и десятки городов. Он видел настоящий флот на море, а не на бумаге, присутствовал на маневрах хорошо обученной армии, а не наскоро перелодетой кучки бродяг. Видя, как Россия интенсивно и серьезно го-

товится к войне с Турцией, и предвкушая жаркие битвы, фельд-маршал “завербовал” собственного императора.

— Насколько я понимаю, князь, вы не просто пригласили меня на прогулку, — весело сказал Потемкину де Линь.

— Вы провицательны, принц.

— Не мудрено, судя по тому, как вы обхаживаете моего императора и как интенсивно готовитесь к войне.

— Буду говорить без обиняков. Мне нужны войска императора против Османской империи.

— Скромное желание. А что взамен?

— Принц, неужели вы предполагали, что приехав сюда, вы будете водить меня за нос?

— Неужели вы думаете, что я приехал бы к вам, если б не предполагал этого? Для вас, князь, столь ленивого и неопытного, самое лучшее — довериться человеку, который так дорожит вашей славой и славою обеих империй. Вам очень малого не достает, чтобы стать совершенством. Но и гениальность ваша ни к чему не послужит, если не будет поддержана доверием и дружбою.

Дерзость резанула Потемкина, но он сдержался.

— Пусть император ваш перейдет Саву, тогда я перейду Буг.

— Что за церемонии — точно перед дверьми в зал! Мой император уступает вам первенство. Против него целая турецкая армия; против вас — никого.

— Если б не Франция, мы бы сейчас же начали войну с турками.

— Очень верю, но ваша пехота, пушки, боевые запасы, магазины?

— Все готово. Сто тысяч человек ждут только моего “вперед!” Принц, прошу вас откровенно поговорить с вашим императором по поводу войны с турками. Можем ли мы рассчитывать на его поддержку?

— Хорошо, ваше сиятельство, при первом удобном случае...

— Ваше императорское величество, — вскоре после этого разговора с Потемкиным обратился де Линь к Иосифу. — Может ли Россия в случае войны рассчитывать на нашу армию? Князь Потемкин не раз с вами заговаривал, но так и не посмел произнести слово “война”.

— Я не понял хорошенько, чего хочет от меня Потемкин. Мне показалось, что они удовлетворятся, если я сделаю то же, что сделал для приобретения Крыма.

— Боюсь, этого недостаточно.

— Но что же они сделают для меня, если в один прекрасный день я объявлю войну Пруссии?

— Все, государь. По крайней мере русские так обещают, и уже теперь говорят: за услугу в данном случае всякое желание вашего величества будет исполнено.

— Мое желание — Силезия, а война с Турцией не даст мне ее. Впрочем, мы еще увидим.

— Но она даст вам русские войска и расположение русской императрицы, которая во многом определяет политику Пруссии.

— Что они мне тут все поют? Они что, собираются в Константинополь? Что им делать там?

— Воскресить Греческую республику, — улыбнулся принц.

— Поверьте мне: когда они добьются своего и вступят в Константинополь, они будут еще в большем затруднении, чем я. Впрочем, эта женщина в рубашке родилась.

...Когда императорская флотилия проплывала мимо развалин древнего Херсонеса и приблизилась к Парфенице, Екатерина подошла к де Линю.

— Князь, зная ваше равнодушие к Ифигениям, я дарю вам земли, где находился прославленный храм, жрицей которого была дочь Агамемнона Диана. Некогда здесь приносили жертвы Ифигении.

— Государыня, это поистине царский подарок! Там происходило столько трагических событий!

— Все мифологические божества имели в этом месте свою долю власти. Теперь ваш черед властвовать над этим мысом.

Императрица указала в направлении мыса Парфенион. Принц почтительно поцеловал державную руку и, как был в мундире и при оружии, бросился вплавь. Он быстро достиг берега, вырезал кинжалом на утесе "Catherine le Grand", и вернулся на судно.

— Ваш романтический поступок достоин средневековых рыцарей! — Екатерина восхищенно смотрела на принца, с которого лилась вода.

Всеобщий восторг путешественников вызвал Бахчисарай.

— Какая экзотика! — воскликнула Екатерина, осматривая дворец.

— Говорят, этот сераль — копия Константинопольского, только меньше размером, — сообщил Потемкин. — В этом зале ханы принимали послов, которые входили, согнувшись в три погибели, и уходили, пятась.

— Здесь мы завтра примем присягу на верность крымчан.

— Государыня, — обратился де Линь к Екатерине, — теперь, благодаря вашей милости, — я владелец обширных земель в Тавриде и должен принести присягу вашему императорскому величеству.

— Да, князь, но потерпите до возвращения в Петербург, где мы торжественно все это обставим.

— Государыня, позвольте мне вместе с туземцами принять присягу в этом сказочном дворце.

— Конечно, я не подумала, что это именно в вашем духе. Такого другого романтика я не знаю.

Генерал-аншеф русской армии

Не успело закончиться это знаменитое путешествие в Крым, как русский посланник в Турции был брошен в Семибашенный

замок. 29 августа 1787 года об этом стало известно в Петербурге. Счастливый принц поспешил во дворец.

— Ваше императорское величество, какая радостная весть! Это самый счастливый день в моей жизни! Поздравляю вас с объявлением войны!

— Я буду защищаться... Ничего, кроме этого, я делать не могу. — Екатерина казалась растерянной.

— Государыня, наступает долгожданная пора великих событий и громких побед!

— На меня нападают. Я буду защищаться, как могу.

Принц был озадачен, ему казалось, что русская императрица не менее его жаждет войны и славы.

— Как вы полагаете, что сделает император Иосиф?

— Может ли ваше величество сомневаться в нем? Он пришлет вам свои добрые пожелания и, быть может, своих солдат.

Де Линь был убежден, что император не сможет оказать России помощь, так как революционное движение, охватившее Фландрию, Брабант и Голландию, заставило послать в Нидерланды 30-тысячный корпус. Уверенный, что Австрия не скоро вступит в войну с Турцией, принц тут же просит принять его на русскую службу. Екатерина дает согласие. Но, на свою беду, он жестоко ошибся.

“Много делал я дурачеств в моей жизни, и кончил глупостью. Глупость эта состояла в том, что я, никак не ожидавший, чтоб император так скоро начал войну с Турцией, особым письмом просил его величество разрешить мне состоять при русской армии в качестве его корреспондента — для выработки плана войны, для согласования действий обеих армий, русской и австрийской, когда она откроет кампанию, для подготовки планов сражений... Только что я отправил свое письмо в Вену, как узнаю, что император мобилизовал 100.000-ый корпус, что я назначен фельдцейгмейстером (что у русских зовется генерал-аншеф), что на меня возложена команда всею пехотою... Я хочу отказаться от русской службы. Поздно. Императрица не желает. Она просит императора об официальном моем назначении к русской армии... И вот я в мундире русского генерал-аншефа, с турецкою саблею на боку, в ожидании случая употребить в дело турецкую саблю, пользуясь австрийским пером в качестве дипломатического жокея...”

Сам отчаянно смелый, принц любил таких же людей. Потемкин и Суворов были ему близки не только отвагой и дерзостью, но и отношением к солдату, которого фельдмаршал особенно полюбил и на всю Европу прославил его выносливостью, отвагу и верность долгу.

“С русским солдатом можно взять не только Очаков, но самый Царьград”. “Русские солдаты пляшут в траншеях, где остаются бессменно. Под градом пуль и ядер, в снегу, в грязи, они всегда ловки, внимательны, послушны... Они — пехотинцы, ма-

тросы, стрелки, попы, драгуны, музыканты, инженеры, актеры, кирасиры, живописцы, хирурги, словом, на все руки. “Русское войско только тогда не одерживает победы, когда его не ведут в бой”.

Принц часто беседовал с Потемкиным. Восторгаясь русской армией, он указывал и на ее недостатки. Потемкин попросит изложить мнение письменно, и принц пишет “Записки о русском войске”:

“...Необходимо освободить полки от малолетних, причисленных и сверхштатных офицеров, от множества адъютантов, не знающих даже чьи они адъютанты, от всяких волонтеров, титулованных и нетитулованных, от всех иностранцев, французских и итальянских авантюристов, нередко негодяев, высланных с родины, от гувернеров разных барчуков, от их секретарей и писцов, от знатных путешественников и другой сволочи. Особенно же необходимо раз навсегда покончить с камергерами и камер-юнкерами в чине генерал-майора, которые не могут быть генералами и потому уже, что не в силах покинуть Петербург хотя бы на полгода раз во всю жизнь! Невозможно давать военные чины гражданским чиновникам. Я хорошо знаю, что кучер императрицы не полковник, как ходили слухи, но не следует давать хотя бы малейший повод к насмешке над военною службою.

... Было бы хорошо соединить инженерный корпус с артиллерийским, чтобы покончить с вечными раздорами этих двух корпусов... Подобно Австрии и Пруссии, распределите полки между богатыми родами, чтобы каждый род заботился о своем полку...”

Из реляций и писем де Линя вырисовывается полная картина самой важной операции второй турецкой войны — осады Очакова. Он стал свидетелем ранения Кутузова и единственный оставил об этом свидетельство:

“29 августа турки в числе не более сорока, прокравшись вдоль моря, взобрались по эскарпам и открыли ружейную пальбу по батарее принца Ангальта, сменившего генерала Кутузова, того самого, который в последнюю войну был ранен в голову навывлет: пуля прошла сзади глаз и, по какому-то необыкновенному случаю, не задела их. Генерал этот почти так же был опять ранен вчера в голову, пониже глаз, и должен, по моему мнению, умереть не сегодня, так завтра. Я смотрел сквозь амбразуру на начало вылазки; он хотел последовать моему примеру и вдруг был опрокинут”.

Кутузов выжил, и принц приветствовал его победу над Наполеоном.

Пал ли Белград?

“Если ты спросишь меня, дорогой Карлуша, — писал де Линь сыну, — как я поживаю, я отвечу тебе: по-старому. Летаю от одной армии к другой, от одного фельдмаршала к другому, же-

лая вывести их из бездействия, начать военные операции, но, несмотря на их крестные знамена, по русскому обычаю, дьявол связал их по рукам и ногам, и они не двигаются. Все та же бездеятельность, объясняемая страхом, злобою и невежеством..."

Более года князь находился при русской армии: то он под Кинбурном и Очаковым, то в Елизаветграде и Яссах. Военные действия велись вяло, решительный штурм Очакова откладывался. Де Линь разработал план ведения кампании, но война велась не по его плану. Энергичному принцу казалось, что она вообще велась без плана. "Благодаря частым войнам с турками русские сами стали турками в военном деле". Принц мечтал взять Белград, а сам застрелял под стенами Очакова. Императрица в письмах подтрунивала над его нетерпеливостью и часто задавала один и тот же вопрос: "Пал ли Белград?" Только 6 декабря 1789 года Очаков был взят, но князя уже там не было.

Австрийская армия терпела поражение, она потеряла 30 тысяч убитыми и 40 тысяч умершими от болезней. Император, совершенно больной и подавленный, покидает театр военных действий и возвращается в Вену. Он срочно отзывает из России принца де Линя, которому и поручает вместе с фельдмаршалом Лаудоном продолжение турецкой войны. Весной 1789 года оба де Линя, отец и сын, отправляются к армии. 8 октября сбылась мечта фельдмаршала — Белград был взят, причем Карл де Линь первым вступил в крепость. Иосиф II пожаловал ему орден Марии-Терезии 1-й степени и прислал холодное сухое письмо, в котором поздравлял князя не только с наградой, но и с потворством фламандским мятежникам.

Иосиф II попытался погасить пламя восстания уступками, которые патриотическая партия расценила за слабость и приободрилась. Расстроенный император везде видел измену и даже заподозрил в ней своего верного друга принца де Линя. Когда же Иосиф II понял всю нелепость своего подозрения, он написал ему письмо, в котором извинялся и просил принца немедленно приехать к нему в Вену. Пока де Линь ехал из Белграда в Вену, восставшие овладели Гентом и Брюсселем. 2 декабря 1789 года они объявили Иосифа II лишенным власти в Нидерландах. Больной император не выдержал и через два с половиной месяца скончался.

Вскоре после этого французское правительство конфисковало все бельгийские земли принца. Узнав о том, что Карл де Линь всего лишился, Екатерина II деликатно предложила помощь. Императрица усердно просит своего "старого друга" продать земли в Тавриде и на берегу Днепра (некогда ею же пожалованные), так как "... граф Зубов страшно желает приобрести их". Принц понял ее и согласился продать, но при условии, что скала, на которой он начертал "Catherine le Grand", навсегда сохранит название "Rocher de Ligne".

После смерти Иосифа II на престол взшел его сын Леопольд II, ярый противник и порицатель отца, оттолкнувший от себя всех, кого тот приблизил. Во время коронации де Линь не получил фельдмаршальский жезл, на что имел право по своим воинским заслугам. Оскорбленный, он подал в отставку. Принц-отец ушел со сцены, но остался принц-сын.

Принц Карл де Линь второй

Принц Карл безумно любил своего сына, с которым редко расставался. В России юный Карл, одаренный, скромный и красивый, произвел благоприятное впечатление. Он во всем походил на своего знаменитого отца. Де Линь-сын так же не представлял себе жизни без войны и славы и так же, как только узнавал, что дело идет к миру, покидал службу и переходил на другую, где пахло порохом. Став императором, Леопольд II поспешил заключить мир с турками. Де Линь-сын покидает Австрию и спешит в Россию. Екатерина II назначает его в армию Суворова, в Бессарабию.

Снова имя Карла де Линя на устах каждого солдата и офицера — теперь уже принц-сын поражает беспримерной отвагой. “Начиная с фельдмаршала князя Потемкина, во всей русской армии слышится одинаковый отзыв о вашем сыне, князе Карле, — все отзываются о нем с изысканною похвалою”, — писала императрица принцу-отцу.

11 декабря 1790 года Суворов повел войска на знаменитый штурм Измаила. Со стороны Дуная действовала русская флотилия под начальством де Рибаса. Кровопролитный штурм длился 10 часов. Турки защищались с отчаянной храбростью и на валах, и на улицах города.

“Любезный князь! — писал де Рибас де Линю-старшему. — Напоминаю о себе вашей светлости, долгом считаю поздравить вас с приобретенной вашим сыном храбростию при штурме Измаила, где он командовал отрядом, который первым пошел на штурм, следуя за своим командиром. Несмотря на рану в ноге, он первый выскочил из баркаса и под убийственным огнем взял приступом вал. Он же потом овладел турецким фрегатом, который сильно беспокоил нас, и управлял батареею, причинившей наибольший вред неприятелю”.

Екатерина II поблагодарила Карла де Линя-сына собственноручным письмом:

“Князь де Линь! Орден св. Георгия, статут которого основан на законах чести и мужества, всегда спешит, в силу своего учреждения, причислить к своим храбрым кавалерам того, кто проявил воинские доблести. Примите же, князь де Линь, крест св. Георгия и ленту, при сем прилагаемые для ношения на шее, в засвидетельствование ваших подвигов среди моих войск. Примите их в знак моего уважения и расположения, заслуженных вашими действиями, вашею почетною ранюю, и продолжайте по-давать миру полезный и необходимый в настоящем времени

пример того, что добродетели переходят от отца к сыну в родах, издавна знаменитых услугами своих предков и своею преданностью их законному государю. Впрочем, молю Бога принять вас под свою святую и достойную защиту. Екатерина”.

Вслед за падением крепости Измаил русская императрица повела секретные переговоры о мире с турками. Принц Карл де Линь подает в отставку. Он привозит отцу в Вену трофеи: турецкий оркестр из двенадцати музыкантов, а также подарки графа Суворова и князя Потемкина — богатое оружие и арабских коней.

Вскоре в России узнали о героической смерти Георгиевского кавалера принца де Линя-сына. Находясь в Шампани с отрядом генерала Клерфэ, принц-сын был убит пулей при защите дефиле аргоннского леса, атакованного отрядом французской республиканской армии.

Через три месяца после трагической гибели Карла де Линя княгиня Елена де Линь стала графиней Потоцкой.

Конгресс танцует

Принц-отец после потери сына уже никогда не утешился, жизнь опостылела ему, хотя он любил жизнь и умел ею пользоваться. Только война могла если не утешить, то отвлечь его от горя. Но именно в это время он остается не у дел. Военачальников нет, австрийские войска терпят поражения, а лучший из генералов сидит без дела. Фельдмаршал доживал свой век в Вене. Жители австрийской столицы любили 80-летнего старика и с удовольствием повторяли его остроты и меткие замечания. Они с уважением смотрели вслед его старомодной карете, которую тащили “две престарелые кобылы, уставшие от долгой жизни” и за которой следовал старый турок, вывезенный сыном из-под Измаила.

Принц пережил всех своих знаменитых современников: оплакал Иосифа II, воспел Екатерину II, отдал должное Фридриху II, дожил до Французской революции. Из всего прежнего великолепия у принца сохранился только небольшой домик в Вене, где он принимал всех коронованных особ и дипломатов, съехавшихся на конгресс европейских держав. Все они явились к нему на поклон и, интересуясь прошлым, желали услышать о великих императорах и королях, с которыми он был близок. Принц де Линь отвергал всякое участие в политических делах России: “Я был путешествующий советник при русских армиях и русских миссиях; я был дипломатический жокей в России”.

Следя за балами и увеселениями, которые устраивались в Вене в честь съехавшихся государей, умирающий принц де Линь сказал:

— Конгресс танцует, но не двигается. Когда будут исчерпаны все роды зрелищ, я предложу ему еще невиданное — погребение фельдмаршала.

Принц сдержал свое слово — он умер 13 декабря 1814 года. ■

СКОЛЬКО СТОИТ РОДНАЯ КРОВЬ



Как знать, может, третий не оказался бы лишним в те мгновения, когда брат Каин проявлял к своему брату Авелю исключительную личную неприязнь. Возможно, куда выгоднее было бы завистливому овощеводу за парудругую плодов земных нанять какого-нибудь отмороженного грешника. Чтобы тот обрушил камень

на темечко удачливого пастуха. А заказчик вроде как и не при деле. Хотя своего достиг. Чужими, естественно, руками. Именно так и казалось 27-летнему Владимиру Гузю в первые несколько минут после страшного преступления, совершенного им в прошлом году в одном из приграничных поселков Ставрополя.

Око до срока

Братья Владимир и Юрий свой стартовый капитал заработали на Чечне. Перед самой войной русские жители стремились убраться оттуда за любые деньги. Старенькая "Волга" с груженым доверху прицепом работала тогда на износ. 32-летний Юрий был, как правило, за рулем. Младший брат, бывший пограничник Володя прятал под сиденьем обрез "на всякий случай". И однажды пустил его в ход: под видом чеченцев свои же попытались взять на испуг и отобрать деньги. Ранение у парня из соседней станицы оказалось нехорошим и тянуло на "тяжкое". Но тут пошли на Грозный штурмовики. Приграничью сделалось не до гражданских разборок.

Дело замяли, а заработанного хватило на большегрузный КамАЗ. Вначале братья гоняли его на пару. Но потом как-то не заладилось. Владимиру все казалось, что он перерабатывает. А Юрий на правах старшего только и делает, что отсыпается на подвесной кровати за спиной. Решили возить грузы поочередно, меняясь через месяц.

В начале прошлого года Володя примчался к брату возбужденный: займи "полтинник", ты же на абхазах заработал, я знаю! Юрий

Гузь действительно сделал несколько выгодных "мандариновых" ходок из Сочи в Москву. Но эти 50 тысяч братишка потребовал для дела сомнительного и крайне рискованного. Как выяснилось, Володя завязался с каким-то скользким типом Салаудином по кличке Сало. Тот пообещал перегнать из Чечни под Ставрополь целую фуру гуманитарной помощи: голландские одеяла, бельгийская тушенка, французское детское питание... В Орле, как уверял Владимир, это все оптом у верного человека потянуло бы тысяч на 20 "зелеными".

— В пять концов отобьемся! — жарко шептал Володя, — 500 процентов прибыли, представляешь! — И не без опаски косился на собиравшую ужин Юрину жену. Уши у нее оказались и впрямь чуткими. Скандал после застолья Верка занатила будь здоров:

"Наждую копейку для переезда откладываем. Трое детишек чуть ли не босы-голы. А тут неизвестно на что отдавай почти все сбережения..."

— Ну, смотри, братан! Сегодня ты бабу послушал, деньги пожалел. А завтра из-за этого может родная кровь пролиться! — пророчески выкрикнул на прощание раздосадованный Володя. Тогда он еще имел в виду себя. Сало — человек серьезный. Попусту базарить не любит. Пригонит обещанный товар, а где деньги?

В общем, влез Гузь-младший в долги по самые уши. Но грузовик добра с фальшивыми сопроводительными документами выкупил. И почти все гаишные посты благополучно миновал. Серая "девятка" с тремя хмурыми молодцами настигла его под самым Орлом. До-

рога была пустынная, время пред-
рассветное. И очередь из "Калаша"
вылетела перед капотом
длинная, безбоязненная. Уноро-
ченная двустволка против пуль со
смещенным центром тяжести
как-то не тянула. Володя сдался.
Покорно принимал пинки, потом
поднялся и, сплевывая кровь,
долго провожал взглядом свой
НамАЗ.

— Юрна, сволочь! Никто кро-
ме него этого маршрута не зна-
ет! — прочно засело в ушиблен-
ной голове у Гузя-младшего. Вто-
рой занозой оставался долг, кото-
рый отработать теперь нельзя бы-
ло и тремя "чеченскими" войнами.

— Замочи моего брата, Сало!
Все, что найдем, пополам! — уже
через полтора месяца уговаривал
Гузь-младший некоего Чхоева. К
тому времени кредиторы с дубин-
ками дважды ощутимо давали по-
нять Володе: больше ждать они
не намерены.

На летние каникулы Вера с
детьми уехала в Анапу к своим ро-
дителям. Юрий Гузь допоздна во-
зился во дворе с "Волгой". Было
уже совсем темно, когда брат не-
громко позвал его по имени. Гузь-
старший оглянулся. И тут из-за
спины метнулась тень. Монтиров-
ка ребром врезалась в шею...

Чхоев добивал Юрия ножом.
Володя старался этого не видеть.
Он отвернулся и, докуривая сига-
рету, все пытался внушить себе:
иным путем справедливость здесь
не восстановишь. Ведь старший
брат наверняка поддался на уго-
воры этой стервы Верки, мечтав-
шей как можно быстрее прину-
пить особняк подальше от Чечни
и где-нибудь у моря. И кому как не
Володьке нужно было "заказать"
машину с дорогим грузом. Ведь

ему наплевать на родную кровь. И
теперь только кровью можно бу-
дет отмыть большие долги.

Деньги онаялись именно там,
где их всегда Юрна и прятал. В
кладовке под мешком с муной.
Это в десятке шагов от распро-
стертого под машиной трупа род-
ного брата с выбитым глазом:
один из ножевых ударов угодил
тому в лицо.

— Э, да здесь всего 70. А ты
обещал тысяч триста! — зашипел
Чхоев. И попытался дотянуться
куланом до очумелой Володьки-
ной головы. Но из-под ватника
что-то брякнулось на пол. Гузь-
младший сразу все понял и взвыл
нечеловечески. Это был... его
собственный обрез из отобранно-
го грузовика. Одной рукой заказ-
чик швырнул пригоршню муки в
глаза киллеру. Второй — взвел
сразу оба нурка и пальнул дупле-
том в отшатнувшийся силуэт. По-
том решил, что пора стреляться и
самому. Но вместо патронов на-
шел в избе понойного брата ве-
дерно браги. Вылакал ее всю и
проспал до самого ареста.

Труп в персиковом саду

Вот еще один, несколько
иной, правда, но не менее выра-
зительный пример привлечения
наемных убийц к исцелению за-
старелых семейных болячек. До
того кошмара, что обрушился на
бабу Маню четыре года назад, ей
казалось, что все в этой жизни
поправимо. Ну, не получилось с
мужиками, а потом и с дочкой.
Все, как на подбор, оказались за-
пойными да драчливыми. Но Ма-
рия сама кому хочешь могла сда-
чи дать. Потому что всю жизнь
полагалась только на себя. Пона

не обанкротилась "птична" — птицефабрика, где Мария Ивановна работала на конвейере по убою бройлеров. Трепыхаются они, подвешенные за ноги, а она в кольчужной перчатке своей острым тесачном по горлышкам чик да чик... Восемь часов подряд с перерывом на обед. Поначалу все кровь снилась. Постепенно прошло. Потом пенсия началась. И заботы о внучке Ире. Ведь повторяла она своей непутовой судьбой мать. Прикладывалась к бутылке все чаще. К тридцатому году не сложившейся женской судьбы каждый новый стакан вина добавлял обиды и претензии. Так что до своего рокового часа Ирина успела поругаться со многими. С соседной по дому. С буфетчиком в забегаловке. Со своим давним сожителем по фамилии Пилипенко. Именно его в первую очередь и возьмут сыщики РОВД. Пилипенко задержат как основного подозреваемого в убийстве. Кто-то избил, а потом задушил несчастную Ирину в персиновом саду близ села Верино.

Сожитель ушел в "глухую неосознанку". Молчание же, как известно, к делу не пришьешь.

— Тут, бабуля, ничего не поделаешь, — вздохнул один из сыскарей в коридоре райотдела милиции. — Видишь этого хмыря в наручниках? Это он твою внучку замочил. Так нам кажется. Но посадит его мы не можем. Законы мягкие. Приходится отпускать...

Мария Ивановна, как уже отмечалось вскользь, за свои 73 года повидала всякое. И ко всему в этой неназистой жизни притерпелась. Кроме потери единственной своей внучки. Только на нее и оставалась надежда —

вдруг за ум возьмется? Гулять бросит. Правнука подарит. К себе доживать заберет. А теперь?

— погоди, сынок, — попридержала сыщика старуха. — Это, выходит, убил и не в ответе? Внучка моя в земле, а он — на свободе?

Что должен был ответить неграмотной женщине, убитой горем, нормальный юрист? Что бегущие глазки Пилипенко и ссадины на пьяной его рожке еще не являются доказательством вины. Что назвать его убийцей имеет право только суд. Причем не только у нас, но и в любой цивилизованной стране. Что поиск убийцы все равно продолжится. И его, скорее всего, рано или поздно найдут. А пока, уважаемая бабуля, надейтесь и ждите, вот вам моя визитная карточка. Я буду информировать вас о ходе следствия через каждые десять дней...

Так должен был сказать районный детектив. Если бы был настоящим профессионалом. И если бы не очерствел душой за своим чертовым "конвейером". Где ежедневно приходится копаться в чужой грязи, бить морду в запертом кабинете тем, кто не хочет признаваться, беспрестанно выезжать на убийства, взломы, грабежи, поножовщины. Но "оперу" было некогда. Он спешил на крупную кражу в доме отдыха. И на бегу лишь пожал плечами:

— Ничего поделать не можем.

После освобождения единственного подозреваемого по делу об убийстве внучки бабе Мане ни разу ни в милиции, ни в прокуратуре больше ничего не сказали. И не только по причине специфического немногословия наших

правоохранных служб. Говорить тут, скорее всего, было не о чем. Первая версия оказалась несостоятельной. А до остальных уже руки не дошли — текучка, сроки. А тут убита всего-то какая-то пьянчужка, прости Господи. И только одна баба на ее стороне. Молчаливая и занаменевшая от горя старуха, переставшая с момента гибели Ирины даже ходить на рынок. Теперь баба Маня питалась исключительно хлебушком и молочком. И откладывала каждую копейку. Ради чего?

Первый "звоночек" прозвучал в минувшем году. Баба Маня все чаще стала выходить на улицу и высискивать физиономии пострашнее. Остановила однажды незнакомого верзилу. Тот работает торговцем-перенупщином турецкого лука на "казачьем" рынке. Но бабе Мане он показался Джеком-потрошителем.

— Помог бы ты мне, милон, убрать одного нехорошего человека.

— Это как? — опешил миролюбивый коммерсант.

— А вот так. Чтобы и духу его на этой земле не было.

И баба Маня показала 200 долларов. Даже от таких денег предприимчивый навназец не отказался бы. Но впутываться в криминальную историю...

Да и явно не в себе эта суровая старуха. О чем и поведал состоявшийся киллер своим приятелям. Все приняли бабкино предложение за черный юмор нынешней мутной эпохи. А один из мужиков даже принялся со смешном бабусю поучать: "Что же с такими деньгами заказы делает? Если хочешь ного-то в гро-

бу увидеть, выкладывай хотя бы штуку бансов".

Баба Маня поджала губы и с невероятным усердием принялась изыскивать новые финансовые возможности. Продала все, что могла. Пустила на постой в свою комнатку одного курящего, пьющего, но исправно платящего. И осенью прошлого года тронула за рукав своего соседа-таксиста. 55-летний здоровяк Виктор Поморский оценил всю деликатность "мокрого" заказа в 1300 долларов. Потому что столько ему и показала старуха. 13 новеньких купюр с портретом американского президента баба Маня завязала в свой чистенький носовой платок. Такие деньги Виктору очень даже хотелось заполучить. Но рисковать при этом совершенно не хотелось.

Простенькую операцию разрабатывали втроем: Поморский и его такие же непутевые кореша: Сергею Лупову — 45 лет, Леониду Коношникову — 46. Каждый из них только с честной работой уживается тяжело. А с плутовством и аферами — свободно. Решили, что обвести наивную бабну вокруг пальца можно очень даже просто. А потом, когда деньги будут получены и потрачены, достаточно разыграть изумление после неизбежной встречи заказчицы со своим "заказом": надо же, убивали, убивали, а он выжил!

Однако пошло не так, как намечали авантюристы. Баба Маня указала на самого Пилипенко у стойки пивного бара. Поморский зловеще прищурился и уточнил для "понта": "Труп оставляем или как? Если без следов, возни больше. А, значит, и дороже".

Продавать бабе Мане было уже нечего. А от затянувшейся диеты шатало на сивозняке.

— Ладно, пусть будет что закопать, — согласилась мстительница. И добавила ровным, пробивающим до озноба голосом. — Но я должна сама увидеть, как он умирает. Иначе не заплачу.

— Что теперь делать будем? — ломали голову заговорщицы. Денег хотелось все больше. Крови не хотелось никакой. Решили, раз заказчицу зовут на селе Маней-птичницей, то и кровь ей предоставят куриную. Для чего пожертвовали петухом из курятника луповской родственницы. Нацедили в презерватив. "Убитому" оставалось незаметно его проколоть под рубашкой и прижать к груди.

Пилипенко обрабатывали втроем близ все того же пивбара: "Упадешь убедительно, козел, получишь 200 "баксов" и отпуск за городом недельки на три. Откажешься падать, сами положим. Навсегда".

Перед соседней Поморский вошел в свой самый зловеющий образ: "Значит, так, баба Маня. Стоило это очень дорого, но мы вычислили все же маршрут вашего убийца. Завтра он будет в Тиссо-Самшитовой роще. В 2 часа дня. Мои люди встретят его на тропинке. Будут бить из двух пистолетов с близкого расстояния. Прямо в сердце..."

— А в голову, контрольный? — деловито уточнила Маня-птичница. Она уже прошла полный теоретический курс наемного убийцы. Последний год не пропустила "Дорожный патруль" на ТВ-6, а так же "Криминал" и "Чистосердечное признание" на НТВ.

— Будет тебе и в голову! — не без досады среагировал Поморский. Еще одного презерватива ему было не жалко. Но вот курицу...

Лупов и Коношников проверили стартовые револьверы "Страж" и, насмотревшись сериала про Никиту, к "часу Икс" облачились подобающе: высокие шнурованные ботинки, камуфляжные куртки, черные вязаные шапочки-маски с прорезями для глаз. И — черный мотоцикл "Урал", в коляску которого киллеры закинули свою жертву.

— Значит, так, козел, — проникновенно втолковывали они Пилипенко. — Ты идешь. Видишь на площадке черную "Волгу" с бабной. Тут выснакиваем мы и шмаляем несколько раз. Ты дергаешься, падаешь, одна рука с булавкой на груди, другая на голове. Мы кричим бабну и шмаляем по твоему кочану. И тогда ты еще раз дергаешься, прокалываешь вторую резинку на башке. Чтобы аж по морде текло. Если бабна пинать начнет, терпи и не пинай. Как понял?

Повторить оплаченное авансом задание Пилипенко не успел. Путь мотоциклу неожиданно преградили старший оперуполномоченный горотдела милиции Борис Журавель, его коллега Стас Дроздов и замкомвзвода патрульно-постовой службы Евгений Жогалев. Им уже было все давно известно. Каким образом — служебная тайна, понятная любому мало-мальски смыслящему в оперативно-розыскных мероприятиях. Слишком уж часто и со многими дружками делились мошенники планами "прокинуть" старушку.

И Лупов, и Кокошников, и сам Пилипенно раскололись сразу. Они были настолько испуганы и ошеломлены, что признавались, перебивая друг друга. Зато изумила всех баба Маня. Когда оперативники распахнули дверцу черной "Волги" Поморского, она спокойно сидела и ждала желанной развязки.

— Это шутка, шутка, не хотели мы никого убивать! — тут же запричитал Поморский. От страха этот здоровяк едва не обмочился. Старуха пронзила его тяжелым, как пуля, взглядом. И спросила спокойно: — О чем это здесь? Какой заказ? Доллары? Так меня этот сосед за нартошкой подвезти хотел. Почему так много денег? А разве сбережения нынче дома хранить можно? Я их столько лет на похороны копила. На чьи похороны? Понятно на чьи...

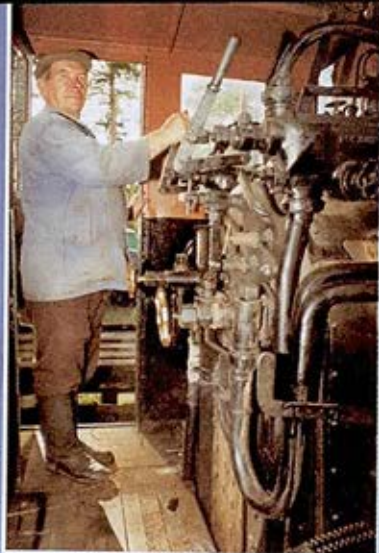
Понятно это было и детективам. Но доказать умысел на заказное убийство у них не получилось. Баба Маня держалась на допросах как наши киношные партизаны перед гестаповцами. Не молвила ни одного словечка против себя. И тем самым вытащила из беды горе-"киллеров". В возбуждении уголовного дела прокуратурой было отказано. Деньги бабе Мане вернули. За недоказанностью вины и отсутствием приговора пришлось в этом трагифарсе изменить все фамилии, кроме милицейских.

Но на этом непридуманная история диких нравов наших соотечественников завершной считаться не может. Каждый месяц на весьма обширной территории России она находит свое продолжение. В Ростовской области не-

давно 37-летняя женщина приговорила к лютой смерти своего бывшего мужа-бизнесмена. Марине В. показалось, что при деленке имущества Игорь Колтунов обманул ее на несколько десятков тысяч долларов. Двое знакомых Марины за чисто символическую сумму не просто забили Колтунова арматурными прутами, но и попытались залить труп бетонным раствором. 19-летний сын-наркоман в Нальчике пообещал двум приятелям по 10 доз героина за бесследное устранение чрезмерно скупой мамыши. В Краснодаре племянник нанял забулдыг, искалечивших 49-летнего мужчину-инвалида. И все потому, что жертва отказалась от прежнего своего намерения подарить родственнику "Жигули"-копейку.

Воистину копеечными кажутся и те причины, по которым нынче восстает брат против брата, а сын отправляет на тот свет женщину, подарившую ему жизнь. Распались у этих людей святые родственные узы. И если баба Маня пыталась пусть диким, пусть незаконным способом, но восполнить недоработки правосудия, таким, как Владимиру Гузю, Марине или подследственному ныне Марату Н. из Нальчика даже самая объективная и справедливая Фемида не нужна. Они ее не услышат. Алчность, зависть и прочие пороки души сделали их глухими и слепыми. И никакой наемный убийца от подобных страшных недугов своих безумных заказчиков излечить уже не сумеет.

Только суд и неотвратимая — потому что справедливая — кара за содеянное. ■



Наталья ФЕКЛИСОВА

От Переславля-Залесского до села Талицы, близ которого находится единственный в России музей узкоколейных железных дорог, добраться надо на "кукушке" — вагончике, прицепленном к маленькому паровозу, который "бжит-начается" по тоненькой узкоколейке. Вагончик едет по полю, растянувшемуся вдоль Плещеева озера, а после по сосновому бору, освещенному лучами солнца. Похоже это на начало сказочного путешествия, потому что когда с "кукушки" пересаживаешься на настоящий музейный экспонат, паровозик из Ленинана 1945 года выпуска, кажется, что сказку действительно можно сделать былью своими руками, стоит только захотеть.

Как это и случилось несколько лет назад с четырьмя любителями железнодорожной старины, решившими создать музей. К тому времени уже закрытую Переславльскую узкоколейную железную дорогу, ранее предназначавшуюся для подвоза торфа на энергетические станции, у государства выкупило кооперативное производственное объеди-

“Наш паровоз,

нение "Декор". У его генерального директора Гусева родилась идея организовать здесь туристические поезда на ретротехнике, поставив дело на коммерческие рельсы. Вдохновленные идеей создания музея, к объединению присоединились несколько местных железнодорожников. Со временем же вся эта затея трансформировалась в некоммерческий музей. Когда суровая реальность показала, что подобное заведение доходов в нашей стране приносить не может, объединение "Декор" бросило начатое дело, передав все бразды правления музеем истинным любителям железных дорог. Правда, генеральный директор "Декора" вошел в учредители музея, для чего он и другие члены совета учредителей делали вступительные взносы — кто сколько и чем только мог. Кто-то внес приобретенный за свои деньги паровоз. Первым приобретением музея стал как раз тот самый паровозик, на котором мы добрались до места. Такие паровозы изготавливали в Финляндии по заказу Советского Союза, всего их было построено около 30 штук. И только он

один сохранился из этой серии. Обнаружил же его один из основателей музея Вадим Миронов. Работая еще в МПС-овском конструкторском бюро, он как-то попал в командировку в Ленинанкан. Там ему посчастливилось узнать, что на детской дороге сохранился этот паровозик. Правда, в то время вывезти его было некуда и не на что. Но со временем паровоз все-таки удалось перевезти в Переславль. Начальник дело Ленинанкана помог в его транспортировке с узкоколейки на широкую колею. Затем паровоз везли на платформе до станции Бенлемишево, где раньше была стыковка Переславльской узкоколейки с широкой колеей. Нужно сказать, что в начале перестройки, когда коллениция, собственно, и зарождалась, экспонаты и их транспортировка обходились достаточно дешево. "Некоторые из них просто дарили, — рассказывает Вадим Миронов, — в отличие от сегодняшнего дня, когда даже за никому не нужную железяку просят деньги, и порой весьма приличные". Поэтому сейчас экспонаты в музее появляются следующим образом: каждый лю-



вперед лети!..



битель старины может на свои деньги купить то, что ему понравится, перевезти в Талицы и здесь поставить на рельсы. Это будет являться его собственностью и одновременно входить в коллекцию музея, которая на сегодняшний день включает в себя четыре паровоза, а также вагоны, автомотрисы, дрезины.

Настоящая изюминка экспозиции — зеленый деревянный вагончик, которому недавно исполнилось ровно сто лет, о чем говорит прикрепленная к нему табличка "Вагоностроительный завод "Герлиц" 1898 год". Построен он был в Германии, долгое время работал на узкоколейках на острове Рюйгин. После войны попал в Россию по репарации, в большой группе подвижного состава, который вывозился из Германии. После чего долгое время работал на шатурской узкоколейной дороге, по которой в свое время возили торф на Шатурскую ГРЭС, первенец энергетики. Когда "музейщики" его обнаружили, он служил в качестве сарая,

в котором хранился инвентарь, окна были забиты, колес не видно, словно вагон врос в землю. С трудом удалось уговорить руководство ГРЭС, чтобы забрать вагончик. Рядом построили кладовку, куда из него перевезли весь скарб. Потом с помощью топора да пилы начали извлекать будущий экспонат. Пилили деревья, выкапывали вагончик. Трактором с подъемником переставляли его в несколько заходов, потому что как раз над вагоном проходили высоковольтные провода. Затем вагончик на машине доставили в Переславль, где и начали его реставрацию. Теперь внутри вагона уютно, особенно приятно сидеть на деревянных лавочках, повторяющих контур человеческого тела. Из рассказа Вадима узнали, что в этом вагоне снимали фильм по Нуприну "Горячее желание".

И это далеко не единственная киносъемка, которая проходила в музее. Ярним событием в его истории стали съемки знаменитого фильма Петра Тодоровского "Анкор! Еще анкор!", где использовался паровозик из Ленинанкана. Снимали сцену, когда на лесоповале, где работали пленные немцы, на платформе, прицепленной к паровозу, проезжало лагерное начальство. Десять дублей было снято практически мгновенно, несмотря на то, что работа шла в непростых условиях — зимой. Здесь же снимался известный рекламный ролик "Русского проекта", в котором Нонна Мордюкова ехала на дрезине, принадлежащей музею. (Дрезина — небольшая железнодорожная тележка с вагончиком, приводимая в движение вручную или двигателем внутреннего сгорания.) Фрагменты самого старого в музее паровоза нашли случайно. Однажды, во время очередной экспедиции, остановились на берегу реки отдохнуть. И

вдруг увидели торчащее из воды паровозное колесо. Когда нырнули, обнаружили и дымовую трубу. Так был найден паровоз завода "Краус" 1883 года. Вскоре команда вернулась на это место со специальной техникой для извлечения находки. Когда начали вытягивать колесо из рени, трос неожиданно оборвался, железная машина покатила по обрыву вниз. К счастью, не задев никого из людей, колесо ударилось об дерево и в нем застряло. И, конечно, паровоз вскоре достали.

Самый большой паровоз музея находится здесь на привилегированном положении, в отличие от других он стоит в самом депо, под крышей. Обнаружен был в городе Грозном, в музей попал в 1995 году, в жутком состоянии. С тех пор постоянно занимались его восстановлением. Сейчас он в действующем состоянии — можно растопить и ехать. Паровоз этот — один из самых больших, ходящих по узкой колее, когда-то он возил пассажирские и грузовые поезда на МПСовских узкоколейках. Еще в депо есть дрезина с кузовом от автомобиля ЗИМ. Эта внешне шинарная машина в свое время возила начальника одного из транспортных управлений узкоколейной железной дороги.

Рядышком приютилась автомотриса — самодвижущийся вагончик, сделанный в 39-м году на Калужском заводе. На ней, как правило, ездили разные железнодорожные служащие.

В музее хранится и

"красная девица" — пожарная автодрезина. Такие дрезинки серийно выпускались на базе автоагрегатов и предназначались для тушения пожара вблизи узкоколейных дорог. Ее привезли в жутком состоянии, без двигателя, из поселка Баншеево Шатурского района. Сегодня, после длительной реставрации, дрезина наконец на ходу. Мы сами были свидетелями того, как все желающие рядом садились на ярко-красную дрезину и отправлялись с шутками-прибаутками прокатиться до станции.

Этим веселым зрелищем оканчивалось мероприятие, называющееся "плановая обкатка парово-





за". До этого дня паровозик из Ленинка стоял четыре года без движения. Выявление его технического состояния и производимую с этой целью обкатку приурочили к приезду иностранного гостя — председателя Федерации железнодорожных музеев Европы, который иногда оказывает зарондающемуся подмосковному музею финансовую помощь. Интересно было, выйдя на время из вагончика, наблюдать, как паровоз, остановившись на мосту, "подкрепляется" водой из речки. Оказалось,

что этот паровой локомотив работает по принципу самовара. Когда топливо, то есть вода, выкипает, ее нужно доливать. Вел паровоз местный старонил Сергей Иванович Захаров, который когда-то работал на этой узкоколейке машинистом. Несколько лет тому назад совет музея пригласил его как главного специалиста по паровозам, и с тех пор он — почетный член коллектива.

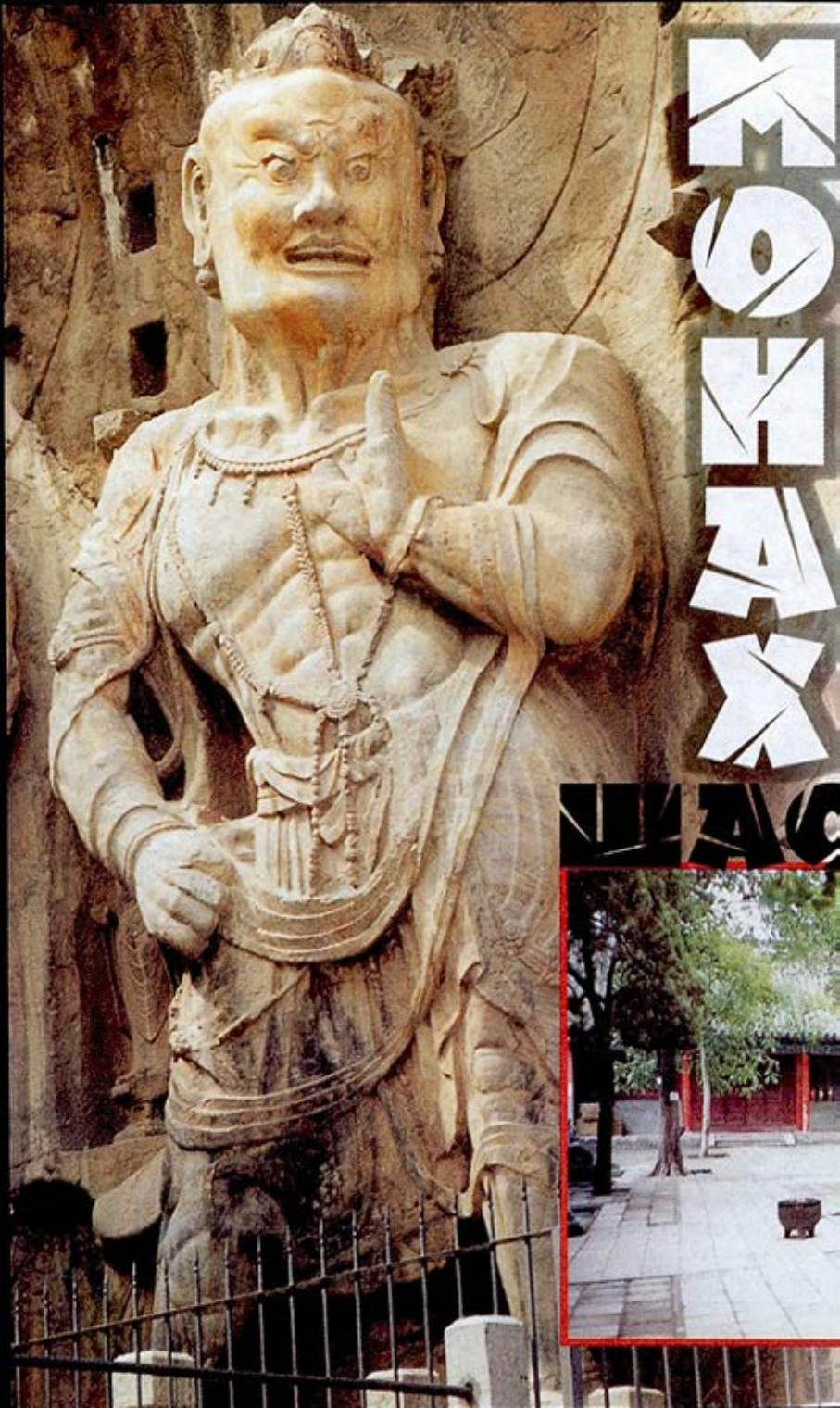
Вообще такие обкатки в музее проводятся в среднем два-три раза в сезон (с весны по осень). В будущем



планируется создать график по числам, месяцам, в котором будет указано, когда состоится конкретное мероприятие, то есть катание на том или ином паровозике. Учредители музея мечтают, чтобы катание это вошло в программу Золотого кольца, ведь узкоколейка и дело находятся на территории Переславльского национального парка. Здесь могла бы быть прекрасная заповедная линия. Чем не развлечение для туристов, особенно российских, не избалованных экзотикой? Ведь в нашей стране

существует всего один серьезный железнодорожный музей — это музей широкой колеи в Санкт-Петербурге, в то время как, например, в Англии таких музеев около пятидесяти.

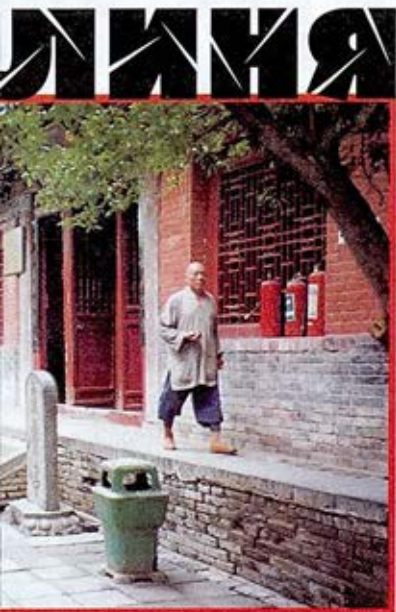
Пока же организаторам музея-заповедника узкоколеек предстоит преодолеть немало препятствий, чтобы воплотить в реальность почти игрушечную железную дорогу, сильно будоражащую фантазию когда-то маленьких, а теперь повзрослевших любителей железнодорожной старины. ■



**M
O
H
A
X
I
A**



Алексей Маслов — выпускник Института стран Азии и Африки, в 34 года стал доктором исторических наук, заведует кафедрой всеобщей истории Российского университета дружбы народов. Знает шесть языков, в том числе японский, китайский. Он — генеральный секретарь Международной федерации шаолиньского ушу и первый в России... шаолиньский послушник.



— Вы выросли в семье врачей, а почему не пошли по их стопам?

— Действительно, мое детство проходило среди "людей в белых халатах", сохранивших культуру врачей-интеллигентов еще начала века. Дед, член-корреспондент АМН профессор А. Г. Гунасян, был крупным терапевтом, по его учебникам занималось не одно поколение студентов-медиков. Отец и мать тоже небезызвестные врачи... Именно родители и повлияли на мой выбор специальности. Когда в 1978 году их послали в командировку в Монголию, я впервые столкнулся с китайской культурой — там было много китайцев: они жили кланами, обучали желающих ушу, вели философские беседы. Вот и я, тогда школьник, стал заниматься с одним китайцем боевыми искусствами. Он помог мне разобраться, чем нарацэ отличается от ушу или кунфу. В итоге мальчишеский азарт подрасться-победить перерос в интерес к культуре Поднебесной.

— Что вас привело в Шаолиньский монастырь?

— Прежде всего научный интерес. До сих пор мы практически ничего не знаем о жизни китайской буддистской среды. Буддизм очень ортодоксален, существуют некие универсальные ценности, обучение которым построено на тренировке тела, очищении духа, жестких моральных императивах. Но в то же время каждый монах в соседней деревне имеет свою секту и проповедует не буддизм, изложенный в сутрах, а собственные размышления по этому поводу, что с православной точки зрения невозможно. Интересно, что

подобная "либеральность" оставляет человека без всяких внешних символов, один на один со своей верой. И никакие игры в желтые одежды и лысые головы уже быть не должно. В этом плане буддизм самая неагрессивная среда: поскольку каждый учитель — истинный, воевать друг с другом невозможно. Или все со всеми, или никто ни с кем.

— Много ли иностранцев становилось монахами Шаолиня? Как построено обучение в монастыре?

— Иностранцев, ставших монахами, считанные единицы, поскольку для поступления, во-первых, надо хорошо знать китайский язык. Во-вторых, там никогда не занимались исключительно ушу, как рисуют гонконговские боевики — прежде всего это буддистский монастырь. В-третьих, китайская среда очень плотная, проникнуть в нее весьма сложно. И, наконец, европейцев часто обезкураживает подход к обучению, принятый на Востоке. Действительно: ты ходишь буквально хвостиком за своим учителем, иногда годами, и он может ничего не рассказывать, но ты будешь обучаться, наблюдая, как он тренируется, ведет себя в разных ситуациях... Перенимая образ учителя, полностью ему подчиняясь и вкладывая себя на алтарь его мыслей, ты впитываешь дух традиции. Малейшее недоверие к учителю делает процесс обучения невозможным. Европейцам, с их сильно развитым эгоцентризмом, подобное сложно принять. В Китае же важно имя учителя, а не принадлежность к школе. И некорректно говорить — "я учился китайской медицине". Точнее будет сказать — "я

обучался у учителя Вана методам лечения".

Но именно "обоожествление" учителя позволяет монастырю по сей день сохранять многовековые традиции, а он основан в V веке, его хроника ведется с XIII столетия, причем устав ни разу не менялся. Шаолинь не только проповеднический, но и лечебный центр. Как и прежде, здесь обучают медицине, философии и, конечно, ушу. Ушу визуально красивая вещь, но мало кто знает, что единого шаолиньского стиля ушу не существует. Это своего рода многослойный пирог, впитавший армейские и ритуальные традиции Китая за многие века: тут и более 300 комплексов кулачного боя, и методы владения копьем, шестом, и боевые танцы обезьяны, богомола, имитирующие сражение.

В отличие от православного, общепитие шаолиньских монахов очень либерально. Хотя есть жесткие заповеди, определяющие, например, когда вставать и ложиться. Внутри монастыря нельзя есть животную пищу, а за его стенами монахам позволительно употреблять дары моря, в основном моллюсков. Я же по сей день придерживаюсь монастырской диеты, поскольку к ней привык. Обычно ем овощи, рис, грибы, соблюдая совместимость продуктов.

— О китайской медицине ходят легенды. Сегодня не проблема купить книгу о тибетском массаже, атласы по иглоукалыванию, китайские лекарственные препараты. Имеет ли это отношение к истинному целительству? Как обучают медицине в монастырях?

— Мне известно немало людей, приезжавших в Китай изу-

чать медицину, но они допускают обычно две ошибки. Одни, имея слишком высокое мнение о западном врачевании, сразу ставят забор между собой и восточной медициной. Другие же, наоборот, с головой бросаются в эту пучину и стараются не столько изучить, сколько уверовать в целительные силы и средства, что также неправильно, поскольку китайская медицина резко отличается от европейской. Китайцы определяют прохождение энергии ци по каналам цзинло — выучить это и тем более реализовать невозможно, даже написав или прочитав солидную книгу. Это нужно просто почувствовать.

В монастыре я видел, как китайский лекарь кладет свою руку на руку ученика и проводит над телом пациента. Ученик в какой-то момент начинает ощущать биение определенной точки, запоминает ее, но на самом деле это не его ощущения, а учителя. Передача опыта из рук в руки — основа обучения в китайской медицине. Кстати, большинство китайских врачей редко используют иглоукалывание, считая его крайним методом. Лучше воздействовать бесконтактным массажем или беседой, как делали старые русские медики. Замечу, что многие китайские лекари не знают всех названий точек, так подробно описанных в доступной ныне литературе. Однако они лечат, не зная теории, а у наших часто почему-то не получается.

При мне к китайскому монаху привезли человека, у которого восемь лет были полностью атрофированы ноги. После первого сеанса массажа и иглоукалывания больной, как в Евангелии, встал и

прошел 200 метров! За десять дней его восстановили полностью. Это смотрелось как чудо, но монах просто четко понимал суть недуга.

Вся китайская медицина запрещает вторжение в тело, изменение его целостности, считая это нарушением гармонии человеческого существа. Так что в этой стране можно умереть от элементарного аппендицита. Китайские врачи сами говорят, что никто не делает хирургические операции лучше европейцев. Мой учитель очень точно заметил: "Китайцы лечат не болезнь, а только ее преддверие". У них нет диагностики болезни, вместо этого пишут — "нарушение энергетического баланса".

Мало кто знает, что сотни издаваемых книг с рассказами о китайской медицине, боевых искусствах, а также появившиеся "тибетские" магазинчики, даже "храмы" с продаваемыми там целебными снадобьями, благовониями, в Китае и Тибету не имеют никакого отношения. Все это изобретено в Шотландии, Швейцарии, США. Недавно, будучи с одним шаолиньским монахом в Петербурге, мы зашли в подобный "храм". Мой друг был поражен: такого "буддизма" он еще не видел!

Сейчас в Москву приезжает много китайцев, выдающих себя за мединов, но я никогда бы не пошел к ним лечиться и обучаться. Конфуций говорил: "Я буду обучать любого человека даже за связку сухого мяса". Дело в том, что у китайских целителей не принято брать деньги за лечение, лишь подарки в виде продуктов или услуг.

— *Используете ли вы медицинские знания, полученные в Шао-*

лине, во время тренировок, при получении травм?

— В отличие от многих секций, мы не занимаемся спортом, хотя спортивный компонент, безусловно, есть. Больше времени уделяем медицинским и духовным аспектам, в меньшей степени — буддизму — для России он не очень актуален. Но часто применять медицинские знания нет необходимости, поскольку тренировки построены грамотно, и травматизма почти не бывает. Вопрос в другом: к нам приходит много потенциально больных людей, особенно детей. За десять лет, что я преподаю ушу, здоровье ребят резко упало на моих глазах. Это связано с деградацией общего тонуса — физического, психологического, в результате возникает огромная агрессивность. На детей кричат в школе, дома, многие приходят зажатыми, а ушу этого не переносит, ведь любое движение — это поток энергии ци. Если он пережимается, образуются заставы, запоры, а отсюда и болезни. Поэтому много времени уходит на чисто психологическую перестройку детей.

Настоящее ушу — это работа не кулаками, а сознанием. Наша задача сначала очистить сознание, успокоить человека, показать, что "эго" существует, но намного актуальнее увидеть, *наков ты сам по себе и что неправильно именно в тебе, а не в других.*

— Можно ли помочь людям, вынесшим из ушу лишь агрессию?

— Достаточно сложно. Ученик всегда такой же, как учитель, и перевоспитывать надо учителя. Сейчас в России вводится лицензирование боевых искусств, одна-

но проверке подвергаются не преподаватели, а гигиеническое состояние залов. И любой человек, наняв чистое помещение с душой, может получить лицензию. Убежден: агрессивность появляется от невежества и незнания ушу. Старая истина — чем ты менее агрессивен, тем реже придется вступать в единоборство. Вот почему я не люблю ходить на собрания европейских мастеров боевых искусств. В Китае мастера оценивают не по количеству разрубленных кирпичей, а по тому, каких он вырастил учеников: духовная традиция важнее голой силы.

— С чего, на ваш взгляд, начинается здоровье?

— Здоровье начинается даже не со здорового духа, а со здорового отношения к жизни. Как существует гигиена физической жизни, так необходима и гигиена духовных контактов. Если есть возможность, надо избегать негативного общения.

— Как вы относитесь к употреблению алкоголя, табака?

— Есть концепция, что немного алкоголя полезно для здоро-





вья. Да, вино (как, кстати, и героин) приводит к выделению энkeфалино-эндорфинового комплекса, создающего состояние эйфории. Однако известно, что занятия определенными дыхательными упражнениями также способствуют выделению этого комплекса. Значит, мы можем сами делать себе приятное, причем, не искажая сознания. На мой взгляд, надо избегать любых возможностей доставлять себе удовольствие внешним образом. И если уж отказываться от алкоголя, табака, так совсем, ничем себя не оправдывая.

— В наше "время перемен" многие испытывают стресс. Как же себе помочь в тяжелой ситуации?

— Проще к ней готовиться заранее. Стресс возникает тогда, когда у человека отнимают то, чем он обладал — домом, покоем, работой. В буддизме есть метод тренировки: человека заставляют представить, что однажды он может лишиться всего, даже уважения — все будут считать его подлым и предателем; у него нет никакой надежды на



завтрашний день, он умирает от голода. Но надо подумать, а что все-таки остается, чего нельзя отобрать никогда? Остается некий стержень, то, что мы называем личностью, и она не должна зависеть от обрушивающихся невзгод. Такая тренировка позволяет пережить многое. Ведь по буддизму предназначение человека — помогать другим и совершенствовать себя. Если мы поймем, что не принадлежим себе, а живем лишь ради помощи ближним и дальним, зная, что и нам кто-то поможет, мы в любом отчаянии осознаем: всегда есть люди, которым сейчас хуже нашего. Только этот момент может действительно придать силы.

— Можно ли силой духа победить недуг?

— Можно. Как-то молодые монахи поздно вечером вышли из монастыря тренироваться и в темноте случайно одному рассклели мечом руку — масса крови, кость обнажилась. Я был свидетелем, как потерпевшему в ближайшем трактире обмотали руку первой попавшейся тряпкой без всякой дезинфекции. Затем китайцы сел в углу и, несмотря на шум, начал медитировать. На следующий день на месте раны остался красноватый шрам без струпьев, как будто прошло не менее недели. Поразительно, но пострадавший относился ко всему очень спокойно и был готов самостоятельно как бы зашить себя, словно у него порвалась лишь рубашка. Надо учесть, что это люди тренированные, которые относятся к своему телу не то чтобы наплевать, но без всякого обожания и трепета. Тело — некий инструмент и, раз там поселилась душа, — его надо беречь.

Впрочем, бывали и противоположные примеры, когда помощь оказывалась неподготовленному сознанию. Один из монахов соседнего монастыря, собирая хворост, упал с обрыва и проткнул себе бок, задев легкое, пробив руку. Врач наложил на раны лекарственные бальзамы и показал несколько упражнений, предупредив, что делать их надо не раньше, чем через месяц. Монах не послушался и стал заниматься на третий день: вскоре по всему телу пошли красные пятна, обе раны открылись, и он чуть не умер.

Наше сознание, по представлению китайских врачей, может активизировать некоторые точки тела или целый их ряд. Наше сознание — отражение небесного: когда мы небу открыты, мы чувствуем себя хорошо, когда закрываемся, начинаем бить сами по себе.

— Приходилось ли вам обращаться к врачам за помощью?

— Мне, видно, это "не показано", даже зубы ни разу не лечил. Единственный мощный контакт с медициной был в юности, когда повредил себе мениск — обычная спортивная травма, которая, как позже выяснилось, лечится за неделю. Но походы по травматологам привели к тому, что я три месяца ходил на костылях.

— Правда, что вы тратите на сон лишь 4 часа? Для организма — это норма или тренировка, череватая срывом?

— Я действительно сплю четыре часа в сутки, для меня это норма. Увы, мало кто понимает, что достичь подобного очень просто. Что касается тренировки, ни одно упражнение из комплекса Шаолиня само по себе ценности не пред-

ставляет — важен именно 20-минутный комплекс, правильно встроенный в день, месяц, год. Безусловно, там есть и активизирующие упражнения, помогающие быстро восстанавливаться, но если заниматься только ими, можно, наоборот, истощить организм — без упражнений на релаксацию не обойтись. Вне духовного учения бессмысленна также и медитация — она превращается в простое сидение на стуле или полу. Конечно, возможности нашего организма ограничены, но они настолько велики, что в реальности не используются даже на тысячную доли. Когда в монастыре мне приставляли к горлу копые, оно гнулось. Или еще одно упражнение, когда на голову кладут кирпич и ломают его другим: как минимум должно быть сотрясение мозга, но его не происходит. Речь идет о реализации скрытых свойств организма за счет духовной практики, к шаолиньским упражнениям надо относиться именно так.

— У вас не возникало желания остаться в монастыре?

— Нет, хотя в Шаолине, с его особым шармом, мне было по-настоящему хорошо. Конечно, после возвращения я ощущал дискомфорт, но мое предназначение как шаолиньского послушника — быть здесь. Ведь полученные знания не принадлежат тебе лично. Каждый должен возвращаться туда, откуда пришел, но на более высоком уровне, чтобы помочь другим. К тому же есть традиции, которые не принадлежат только Китаю, как христианство не принадлежит лишь России, и их надо нести, передавать.

— В свои 34 года вы многого достигли...

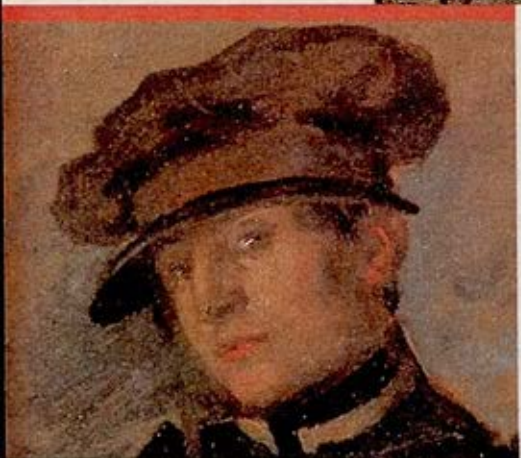
— Я так не считаю. Докторская диссертация — это не достижение, а результат занятия любимым делом. Изучение иностранных языков также не представляет сложности, если не ставить психологических барьеров, научиться мыслить на чужом языке и уважать иную культуру. Гораздо важнее достижение внутреннего свойства: нахождение созвучия с окружающим миром. Гармония не есть успокоенность миром, но всегда его понимание и осознание своего места в нем. Что касается планов, предстоит многое реализовать и рассказать из того, что происходило со мной в Шаолине, что было объяснено и дано мне как бы авансом. Собираюсь опубликовать Шаолиньский канон — своего рода энциклопедию знаний Шаолиня. Разумеется, рассказать обо всем невозможно, это пустая затея, но еще хуже, когда об этом же вещает невежда, калеча физически и духовно доверчивых поклонников китайских боевых искусств, медицины. ■

Беседу вели

Валерия

и Вячеслав СВАЛЬНОВЫ.

Фото **Анатолия Ильяхинского**



Борис ЗОТОВ

александр
ИВАНОВ



Явление Христа народу. 1837-57.





Т осударев художник — “кормовой” иконописец Автоном Иванов отличился при росписи кремлевских соборов. С той поры минуло три сотни лет. За это время более четырехсот Ивановых оставили следы в истории русского искусства. Все они Ивановы — с ударением на “о”, только один выделен, высвечен из всего длинного и славного ряда ударением на “а”: Иванов Александр Андреевич. Уж очень крупная и своеобразная фигура.

Кого из живописцев XIX века можно сопоставить с Ивановым? Разве что старшего его товарища Карла Брюллова. Но по так называемой маэстрии, то есть по бойкости кисти, по хлесткости, виртуозности, короче, по способности быстро получить блестящий результат Карл, пожалуй, впереди. И все же Иванову нет равных в искусстве “железного” века, он первый и главный. Первый — по силе духа и сложности решаемых задач, главный — по степени влиятельности в художническом цехе, по глубине проникновения в тайны самой живописи. Он не остановился на полпути. Сперва добился личной известности, а затем самым решительным образом продвинул вперед все русское искусство.

С первой экскурсии в Третьяковку каждый из нас усвоил, что небогатую внешними событиями жизнь Александр Иванов провел большей частью в Италии, в течение двадцати лет работал там над полотном “Явление Христа народу”. В этой величественной картине он отошел от традиционных способов воплощения религиозных сюжетов, оттеснил Сына человеческого на дальний план холста и во главу угла поставил народ. А народ и является истинным творцом истории. Таков костяк, такова схема устоявшихся взглядов, и довольно сложно устоять против соблазнительной идеи не ворошить прошлое, а встать на протоптанный путь пересказа общеизвестного. Еще сложнее вторгаться в сложившиеся легенды, тревожить тесную группку “священных коров” искусствоведческой литературы. Но не пробовать нельзя, ведь речь идет о “том самом” Иванове, о великом мастере...

Знакомство с документами делает сомнительной легенду о спокойной и безмятежной жизни Иванова, созерцательной и лишенной внешних событий. Нет, в ней преобладало иное: борьба и страсть, жертвы и творческие драмы, успех и нужда. И серьезный политический риск.

Молодые годы Александра Иванова пришлось на громкие победы русского оружия и русского духа в невиданной по размаху и жестокости общеевропейской войне. После войны Европе продолжало трясти. Свергались тираны, вспыхивали восстания, целые народы вставали на борьбу за свои права, за свободу. От новых социальных идей и теорий кружились молодые головы. Ученики Академии художеств запоем читали произве-





Голова мальчика. 1840-е.

дения своих и зарубежных вольнодумцев. Их отцы и старшие братья толковали о большом пройденном пути, о европейских свободах, о выигранных сражениях, вспоминали, как поили боевых коней в Рейне и Сене.

Юные художники забывали о российских извечных болезнях — о воровстве, грязи, мздоимстве, казнокрадстве — и жаждали конституции, выборов, освобождения крестьян, словом, провозглашенной поэтами “вольности святой”.

Перед глазами Саши Иванова стояли вдохновенные патристические картины его отца и учителя — профессора Академии: “Подвиг молодого киевлянина при осаде Киева печенегами”, “Единоборство Мстислава Удалого с касожским князем Редедю”, “Петр Великий в лагере при реке Прут”. Одни названия полотен Иванова-старшего звучали, как страницы истории.

Следуя советам родителя, Саша работал над историко-патриотической картиной "Минин и Пожарский". Иногда к его мольберту подходил Карлуша Брюллов (он тоже учился у профессора Иванова, но уже заканчивал курс), всматривался в подготовительный рисунок, кое-что подправлял. Саша слыл рисовальщиком-тугодумом, ему приходилось долго искать нужную линию, а у более опытного Карла все получалось, как в сказке, — легко, быстро. Впрочем, у молодого Иванова была уверенность в своем высоком жизненном предназначении и тихое, но каменное упорство. Хотя не все это понимали.

Установилось мнение: Саша — благополучный профессорский сынок. Гражданский чин надворного советника дал всем членам семьи Ивановых и их потомкам право на дворянство, на принадлежность к высшему слою общества. Оклад отца (семьсот рублей годовых считались тогда приличными деньгами), а главное — даровая казенная квартира при Академии, да еще с бесплатными дровами обеспечивали безбедную жизнь. Иванов-старший имел и дополнительный источник дохода: его композиции на религиозные темы имели успех и хорошо продавались. Автоматически возникала уверенность в том, что покровительственное крыло отца распространяется равно и на жизнь, и на творчество Саши.

Когда Александр написал на конкурс неожиданно прекрасную вещь "Приам, испрашивающий у Ахиллеса тело Гектора",

Головы старика в напюшоне и пешего воина. Этуд. 1830 — 1840-е.



по Академии поползли слухи. Да, "Приам" хорош. Но кого в нем больше: отца или сына? Профессор, мол, сам часами ставал с палитрой и кистью у полотна, помогал Саше вытянуть на золотую медаль. Недоброжелателям не верилось, что Иванов-младший и сам в состоянии неплохо работать. Академические нравы той поры напоминали спокойный ручей, под стеклянной поверхностью которого скрывались омуты и буйные струи. "Золотая" стипендия, а с ней — надежды на продолжение учебы в Италии оказались под вопросом.

А в жизни страны, тем временем, произошел перелом. Грохнули пушки на Сенатской площади. Начались аресты, допросы...

В самый накал преследований декабристов и им сочувствующих Иванов-младший пишет "Иосифа в темнице" — эпизод времен отдаленного, казалось бы, правления жестокого фараона. А по сути, почти открытый вызов властям: на стене темницы художник изобразил барельеф со сценой казни. Президент Академии художеств Оленин впал в шок. Многие профессора (Иванов в том числе) состояли членами всяческих "Вольных обществ", "Союзов", редакций радикальных журналов и иных близких к декабристам организаций. Один из главных организаторов декабрьского выступления Николай Вестужев учился в Академии, а его отец возглавлял важнейший орган, штаб русского искусства — академическую канцелярию. Да что далеко ходить — сын самого Оленина был декабристом.

"Иосиф в темнице" представлялся толчком, от которого мог покатиться и рухнуть в пропасть весь воз. Стремясь во что бы то





Жених, выбирающий серьги для невесты. 1838.

ни стало отвести беду от Академии, президент вызвал молодого художника “на ковер” и поставил вопрос резко: или Иванов сам называет имя подбросившего идею злосчастного сюжета, или официальное дознание, суд и Сибирь. После сложной внутренней борьбы юный Александр (потом его годами жгло чувство стыда) все-таки назвал имя: Григорович. И круг замкнулся; Ленину пришлось замять дело, поскольку показывать на Григоровича нельзя было и думать. Это значило показывать на себя, совать голову в петлю. Григорович состоял конференц-секретарем президента Академии художеств, являлся его правой рукой.

Само собой, творческая командировка Иванова в Италию отпала. Такой чести удостоивались лишь лучшие, верноподданные, безупречные во всех отношениях ученики. И все же сбыть с рук неудобного молодого человека с его опасными вывертами следовало. Оленин напрягся и попытался впихнуть Александра в состав большой разношерстной этнографической экспедиции, которая как раз готовилась отбыть в Китай минимум на двенадцать лет. Почитай, та же ссылка. И без шума, чего же лучше.

Однако не лишённые амбиций отец и сын Ивановы уперлись. Похоронить будущее светило в Азии, растратить талант Саши, его творческие возможности на зарисовки птиц и костюмов аборигенов? Такое в их планы не входило. Для погашения назревавшего скандала общими силами придумали обходной маневр. Его суть предельно проста: если Академию нельзя перепрыгнуть, ее можно обойти. И обошли по линии негосударственного Общества поощрения художеств. Правда, маневр удался не сразу. Руководство Общества, настроенное слухами о творческой, сказать мягко, несамостоятельности Иванова-младшего, неожиданно заупрямилось. Над Александром, как над Гамлетом, нависла тень отца...

И опять изнурительные переговоры — поиск, как сегодня модно говорить, консенсуса. Остановились, в конце концов, на следующем: Иванов пишет крупную, серьезную картину под строгим присмотром — настолько строгим, что посторонняя помощь исключена. Александр условие принял. За несколько месяцев затворничества он написал по заданию Обще-



ства картину “Беллерсфонт, отправляющийся в поход против химеры”. Отвлеченная, надуманная тема не могла воспламенить творческую натуру Иванова. Вещь получилась суховатой, скромной по созвучию красок. Но задачу картина выполнила, ибо вполне устроила всех экзаменаторов. Ее профессиональное качество развеяло сомнения в знаниях и мастерстве Александра.

Казалось бы, все передряги и накладки — а они отняли без малого три года — позади, и пора укладывать вещи. Но тут в общий расклад примешалась любовь.

*Аполлон, Гивцинт и Нигарис,
занимающиеся музыкой.
1831 — 1834.*



Какой нежный профиль у юной Гюльпен, дочери преподавателя музыки, какие проворные хрупкие пальчики, порхающие над клавишами! А какие у нее выразительные глаза! Александр был покорен. Юношеская любовь нетерпелива и бескомпромиссна. Немедленно под венец...

Однако Общество поощрения художеств придерживалось иного мнения. И осталось непреклонным: если уж ехать в Италию на общественные деньги, то ехать холостяком. Таковы правила, исключений нет. И опять, как в случае с Григоровичем, приходилось делать очень жесткий выбор. Александр его сделал в пользу того неповторимого и единственного, чему он никогда не хотел и не мог изменить: своего высокого призвания. Он чувствовал в себе пока еще дремлющий, но мощный дар и не принимал иной судьбы, кроме жизни ради искусства. Да, ценой немалых нравственных потерь далась ему Европа. Но решения, которые он принимал бессонными ночами, принесли драгоценную победу — доступ к истокам знаний и высшего мастерства.

Вскоре после отъезда Александра в Италию семья Ивановых снова оказалась под ударом. Теперь жертвой стал отец. Созданное им крупное историческое полотно “Смерть генерала Кульнева”, подобно картине сына “Иосиф в темнице”, пришлось не ко двору. Возник новый конфликт, и не с кем-нибудь, а с первым лицом империи. Царь счел картину Иванова-старшего дерзким напоминанием о трагической неудаче Кульнева и попыткой критически переосмыслить приглаженный официальными историками боевой эпизод недавней войны. По высочайшему повелению профессор Иванов немедленно получил отставку.

Иванов-младший тем временем изучал живопись в крупнейших европейских музейных собраниях, набирался впечатлений, дышал новым политическим воздухом. Через несколько месяцев он осел в Риме и начал спокойно работать. Вспоминая реальную угрозу ссылки и прочие неурядицы своей петербургской жизни, он записал: “Рожден в стеснении монархии, не раз видел терзаемых своих собратий, видел надутость бар и вертопрахство людей, занимающих важные места... Был напуган с самых нежных лет таковыми чудовищами света”. Смелея, он переходил к более требовательным и вольным думам: “Художник должен быть совершенно свободен, никогда никому не подчиняться, независимость его должна быть беспредельна... Академия художеств есть вещь прошлого столетия. В шитом, высоко стоящем воротнике ничего нельзя сделать, кроме — стоять, вытянувшись”.

Первая крупная работа итальянского периода жизни Иванова называлась “Явление Христа Марии Магдалине”. Он довольно долго — около пяти лет — трудился над этим крупным полотном. Кисть его стала свободней, палитра мягче, гармонич-

нее. Позы прекрасно освещенных человеческих фигур получили энергичными и выразительными. Добиваясь правды и жизненности в передаче эмоций Магдалины, он применил любопытный прием: перед лицом натурщи ставилась миска с натертым луком.

И все же театральная мелодраматичность сцены и некоторая условность в изображении одежды говорят о влиянии на молодого художника идей позднего итальянского академизма. Впрочем, в Петербурге именно этого и ждали. Картину даже недруги приняли "на ура"; она легко и без помех принесла автору звание академика и продление командировки на два года. Кроме "Явления Христа Марии Магдалине", в июле 1836 года художник отправил в Петербург плафон "Сотворение человека", навеянный сюжетами Сикстинской капеллы. На этом занавес за академической молодостью Александра Иванова задернулся. Теперь он стоял перед делом всей оставшейся жизни, его ждала работа над полотном "Явление Христа народу", которому суждено было стать важным этапом в развитии русской живописи.

Со слов первых исследователей повелось считать главными советчиками Иванова и чуть ли не крестными отцами созданного им огромного холста иностранцев — скульптора датчанина Торвальдсена и живописца немца Овербека. Такова более чем вековая искусствоведческая легенда. Однако стоит присмотреться к этой очередной "священной корове" искусствоведения повнимательнее.

Во-первых, общий замысел "Явления Христа народу", как сгустка, концентрата идей всего Нового Завета, родился в творческом сознании Иванова еще в России, перед отъездом в заграничную командировку. Судя по документам, первоначальное название картины звучало так: "Креститель, Христос и народ". И, надо признать, это название точнее, чем "Явление Христа народу", оно теснее связано с окончательной авторской трактовкой сложнейшей темы. Иванов на самом деле поставил Крестителя на первый план холста, окружил его народом, а фигуру Спасителя отнес на дальний план. Зритель автоматически воспринимает внушительную фигуру Крестителя прежде всего, и только потом его взгляд продолжительно останавливается на стоящем ближе к небу, к горным высотам духа Христу. Стало быть, зерно, замысел "Явления" и его основная композиционная идея родились на русской земле и в русской душе — без помощи каких-либо иностранных друзей.

Во-вторых, и это очень существенно, большой вопрос, кто кого учил. Достаточно известный в Италии художник Каммучини с первого взгляда определил силу художественного дарования Иванова. По всему Риму бегал с известием: в русской колонии появился новый удивительный мастер. В ателье Александра зачастили гости, и в их числе Торвальдсен с Овербеком,



а за Овербеком и остальные назарейцы. Народ это был своеобразный.

Назарейцы захватили заброшенный монастырь и организовали в нем сообщество художников-романтиков — нечто среднее между монашеской сектой и коммуной. Кумирами назарейцы избрали Рафаэля и его предтечу Джотто, которых изучали и копировали до самозабвения.



Портрет Виктории Марини.

Взгляды Иванова глубже и самостоятельнее. Он тоже любил Рафаэля, а копирование классики входило в программу подготовки любого художника. Тут ничего не поделать, все прошли через это. Однако Иванов смотрел дальше, хотел большего. От эпохи Возрождения он шел вперед, мечтая, как он говорил, “соединить технику старых мастеров с идеями новой цивилизации”. Назарейцы же топтались на одном месте, пусть и хорошем.

Беллерофонт отправляется в поход против Химеры. 1829.

Торвальдсен и Овербек, а, кстати, и Гоголь, служили Иванову бесплатной натурой, они охотно и много позировали для "Явления".

Живописцы, скульпторы, архитекторы из России жили компактно. Днем работали, вечера коротали в кафе "Древняя Греция" за стаканом дешевого вина. (Заведение это сохранилось, его и сейчас охотно посещают художники.) Здесь оценивались люди и события и велись бесконечные споры об искусстве.

В римской колонии тогда сияла звезда старшего товарища Иванова по Академии живописца Карла Брюллова. "Последний день Помпеи" принес Карлу европейскую славу и поставил в глазах римской художественной братии на пьедестал полубога, непререкаемого авторитета. Брюллов мог себе позволить при всех бесцеремонно хлопнуть самолюбивого и ранимого Александра по плечу и брякнуть: "А помнишь, Саша, как ты на конкурсе со стойкой натурщика не мог справиться?"

Иванову предстояло реализовать свой замысел, оживить огромное полотно, населить его целой толпой, раскрыть образы Крестителя, Христа, апостолов, фарисеев, рабов, обывателей. Все персонажи нужно было связать нитями единого действия, придать им историческую достоверность, расставить по своим местам, подыскать типажи, придумать характеры, позы, жесты, мимику.

Тут уж все средства пускались в ход. Черты Крестителя, например, Иванов неожиданно разглядел в профиле одной пожилой итальянки. С другой натурщицей — молодой и статной римлянкой — он подружился так крепко, что вместе с превосходными этюдами заполучил и дочку.

До Иванова художники религиозного жанра не придавали пейзажному фону особого значения и ограничивались шаблонным изображением некоего условного водного потока с картонными утесами, поросшими жестяными деревьями. Облака обычно напоминали клубы мыльной пены. Александру же хотелось передать зрителю ощущение живой природы, которую можно наблюдать словно в распахнутом окне. Он учился писать обнаженное человеческое тело не в студии, а на открытом воздухе — в тени или под солнцем. Для тридцатых годов прошлого века такие приемы были откровением, фантастикой. Художник попытался испросить у Общества средства на поездку в Палестину для более глубокого изучения истории христианства и правдивой передачи природы, но не был понят и получил отказ.

Между тем полученные дополнительно 2 тысячи рублей иссякали, а картина требовала новых и новых расходов. Иванов экономил на своих личных нуждах, вел скромный образ жизни, временами впадал в самую настоящую нищету, но упорно искал нужные ландшафты и подходящих по характеру и типу натурщиков.

Не забывал художник и классику. В древнеримских мраморных бюстах он видел волевых, умных, энергичных людей раннехристианской эпохи. В облике Спасителя он соединил черты античных мыслителей и своих современников, в частности, датчанина Торвальдсена. Но главной мукой Иванова, его настоящим крестом все-таки оставалась центральная идея картины, ее смысл.

В ходе работы над картиной Иванов изучил каждую строчку Священного писания. На все основные библейские сюжеты он создал 250 самостоятельных акварельных композиций великолепного качества. Иванову принадлежит честь выдающихся открытий в области техники изобразительного искусства. Опредив на несколько десятилетий классиков французского импрессионизма, он сумел вырвать у природы ее пленэрные тайны. Художнику уже тогда, в первой половине девятнадцатого столетия, были подвластны методы тональной и цветодекоративной живописи.

К 1846 году подготовительную работу Иванов завершил. Полотно — во всю стену большой студии — открывало посетителю поросший кустарником берег реки Иордан с группами людей и фигурами главных действующих лиц — Христа и Иоанна. К этому времени отношения художника с Петербургом, которые и раньше нельзя было назвать безоблачными, окончательно рассыпались. Академия и Общество поощрения художеств многократно и настойчиво требовали прекращения безмерно затянувшейся командировки. Отчаявшись, просто перестали высылать деньги. За Иванова хлопотал Гоголь. Безуспешно.

А художник и в черные дни продолжал идти своим путем. Он впал в долги, временами стоял на грани нищеты. Свой талант на выгодные заказы разменивать не хотел. «Дюжинные иконостасы и портреты превращают художника в купца, — считал он, — купеческие же расчеты никогда не подвигнут художества».

Как-то жарким июльским днем в студию наведалься князь Волконский. Он нашел картину законченной и напомнил о высочайшем изволении видеть ее в ближайшее время в России. Князь держался сухо и говорил довольно жестко. Он склонялся к мысли, что нечего сидеть, подобно барсуку в норе, и затягивать пребывание на чужбине. Иванов кротко отвечал, что «головой надо еще пройти красками», и вообще, как он может уехать, если задолжал всем и вся, да и денег на перевозку картины нет и не предвидится. А нужно на все дела много — тысяч пять, не меньше. Тогда Волконский выписал художнику вексель на 5500 рублей с условием: «Явление Христа народу» должно быть выставлено в Петербурге не позже, чем через год. Это и будет погашением долга по векселю. Деваться было некуда. Иванов бумагу подписал и деньги получил.



Однако, чем больше художник углублялся в свою работу, тем меньше получал удовлетворения. Ему перестали нравиться типы и характеры, и он лихорадочно делал этюд за этюдом в поисках одному ему ведомого идеала Христа. Взятые у Волконского тысячи разлетелись, и опять Иванов влезал в долги, опять переделывал фигуру за фигурой. Как выкрутиться из создавшегося положения, Александр Андреевич не знал.

Выручило Иванова, как ни странно это звучит, семейное горе. Умер отец. Художник получил наследство — 10 тысяч рублей — и смог продолжить работу. Временами он позволял себе посторонние расходы, помогал даровитой молодежи. К примеру, купил пару картинок у Айвазовского.

В этот момент в его судьбе наступил еще один перелом. В жизнь вошла Она, а вместе с нею — третья любовь. Последняя. Как часто бывает с людьми пожилыми и замкнутыми, любовь быстро приняла очертания роковой страсти. Молодая и красивая, знатного рода, Она с интересом разглядывала гигантское полотно. Ее завораживал талант художника, привлекала меткость и глубина его суждений об искусстве. Александр Андреевич в присутствии молодой поклонницы оживал, преображался, ткал многоцветную словесную ткань и облакал в нее недалекое теперь уже совместное будущее: завершение работы, всеобщее признание, достойные знатной дамы материальные условия, блестящая свадьба...

Возможно, Она испытывала к мастеру искреннее чувство. Но звезды упорно не хотели располагаться благоприятным образом для личной жизни Иванова. Она не смогла или не захотела ждать и вскоре вышла замуж за аристократа, человека своего круга.

Удара такой силы Александр Андреевич уже не мог выдержать. Надломился. Любовь прошла по нему, как шаровая молния, и выжгла из сердца все необходимое для дальнейшей жизненной борьбы. С его психикой стали происходить странные вещи. Доброжелательность и мягкость уступили место подозрительности и скрытности. Он наглухо затворился в мастерской, не подпуская больше никого к своему детищу. Всюду ему мерещились соглядатаи и убийцы. Он перестал употреблять нормальную еду и питался только хлебом и яйцами — полагал, что эти продукты труднее всего отравить. Раз в неделю Иванов вешал на студию большие замки и пешком отправлялся в Ватикан. В подвалах папской резиденции он подолгу бродил среди мраморных античных торсов и голов, потом поднимался наверх и молча разглядывал рафаэлевые фрески...

Он все меньше занимался картиной, откровенно ждал окончания Крымской войны и смены правления. Та цельность, та красочная гармония, которая очаровывала в эскизах, в боль-

шой картине куда-то ушла, как и некоторые великие открытия, сделанные в период работы с натуры. Иванов сделал полшага назад — к давно уже, казалось, пройденному и преодолённому академизму. От колористических решений он вернулся к академической системе локальных цветовых пятен и к некоторой условности в построении перспективы.

В 1855 году Иванов записал: “Основная мысль моей картины почти теряется, и, таким образом, у меня едва достаёт духу, чтобы более усовершенствовать ее исполнение”. Теряя творческую почву под ногами, художник попытался создать собственную теорию мира, соединив с этой целью историю с религией и философией. В своей модели развития человечества хотел видеть грядущее величие России: “Какая же нация должна принять итог вековых трудов держав павших? Святая, восстающая колосс-Россия!”

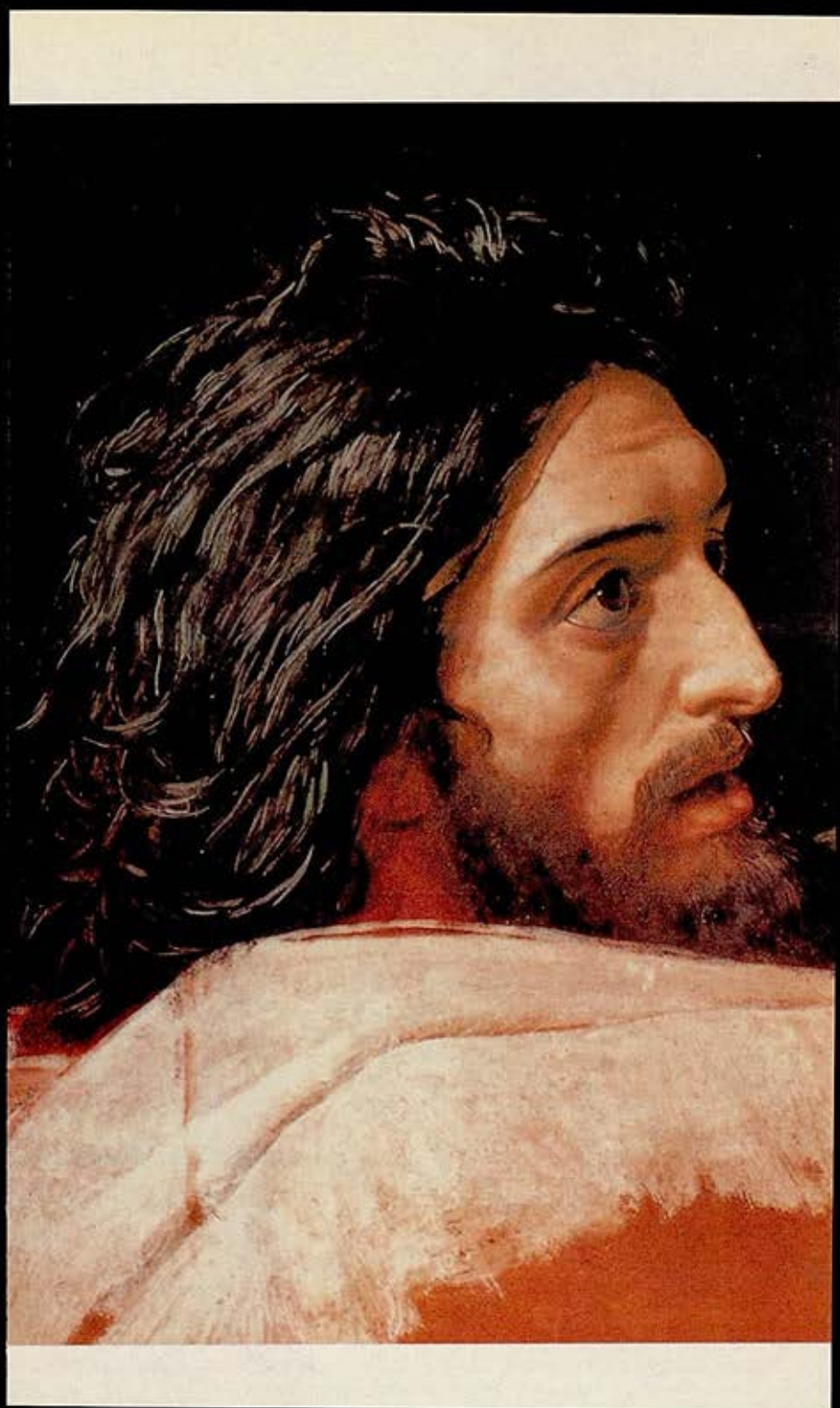
Когда в 1857 году в Рим приехала императрица Александра Федоровна, мастерскую пришлось открыть. И снова встал вопрос: а не пора ли домой, в Россию? Узнав о нуждах художника, царица дала средства на лечение натруженных глаз у лучших окулистов Германии и Франции. После этого откладывать надолго возвращение в Петербург решительно не представлялось возможным.

Через год в мастерской загрохотали башмаки грузчиков. В свои пятьдесят два года Александр Андреевич выглядел изможденным и подавленным. Он совершенно поседел. За двадцать восемь лет, проведенных на чужбине, мир изменился. Подросло новое поколение, дети баронов и герцогов стали фабрикантами и банкирами. Капитал возвел мосты, пробил горы, опутал Европу сетью железных дорог.

...Поезд до Киля. Пароход. Все без проблем. И вот Петербург, забытое мерцание белых ночей. Официальное внимание не заставило себя ждать. Картину показали новому царю в Белом зале Зимнего дворца, тот сдержанно ее одобрил и разрешил показать публике. Александр Второй хотел выглядеть меценатом и либералом.

Публика же, за исключением Чернышевского и еще нескольких сведущих людей, осталась равнодушной. Сыграла роль, возможно, статья критика Толбина. По сути, разгромная статья. Академия художеств хотя и холодно, но все-таки удержалась в рамках приличия. Новый президент великая княгиня Мария Николаевна пригласила художника в Петергоф, встретила доброжелательно. От имени царя она предложила 10 тысяч единовременно и ежегодно пенсию — 2 тысячи рублей. Сумма по-обывательски неплохая, достойная. Но это не вознаграждение гению. Айвазовскому за менее значительные вещи платили куда больше...

Через три дня, 3 июля 1858 года, Иванов умер. ■





Валерий Леонтьев всегда удивлял публику необыкновенной работоспособностью и неутомимостью. Чуть ли не каждый год он радуется поклонников своими премьерами. Еще не стихли аплодисменты его образу Джордано, а он уже пригласил публику на экспрессивный и романтический концерт "Мне кажется, что я еще не жил".

Прошло некоторое время, и вот уже готова новая программа "Полнолуние", а теперь и "Фотограф сновидений"... Откуда же у него берутся силы? В чем источник его неиссякаемого вдохновения?

— Какой там источник?! Знаете, несколько лет назад в Москве был французский импресарио, которому Госконцерт устроил просмотр артистов. Я тоже пел на том просмотре. Так вот, он назвал меня "животным для сцены"... Я часто вспоминаю его слова. Ведь на самом деле я как ломовая лошадь внальваю. И живу теми счастливыми и несчастливыми минутами, которые связаны со сценой...

— Не скучно так жить?

— Бывает и скучно.

— И ради чего тогда?

— Ради цели, которую всякий раз перед собой ставлю.

— А когда вырываетесь из этого круга, то куда?

— Еще несколько лет назад я жаловался, что в последний раз был в отпуске во времена туманной юности, когда работал лаборантом в НИИ. Теперь, время от времени, я заставляю себя все бросить и отправляюсь куда-нибудь в далекие экзотические страны. Но даже в отпуске не забываю о необходимости быть в хорошей физической форме. Поддерживаю ее простыми упражнениями, ноги под кресло или тумбочку — и качаю пресс. Потом отжимаюсь от пола. Эспандеры... Но я не ставлю перед собой задачу победить в соревнованиях по бодибилдингу. Эти упражнения держат меня в определенном весе. К тому же мне нравится, когда тело выглядит гармонично развитым, без жировых отложений. И еще при первой же возможности стараюсь поплавать. Я люблю водную стихию и постоянно ис-

Валерий

пытаю на себе ее необъяснимый магнетизм. Я родился под знаком Рыб, и если верна теория о том, что каждый человек так или иначе проецирует в себе черты определенного животного, то я хотел бы отождествлять себя с дельфином.

— Интересно, а насколько астрологический знак Рыб влияет на ваш характер и судьбу?

— Поскольку в этом зодиакальном знаке отображены две рыбы, плывущие в разные стороны, то и я по характеру своему — человек сомневающийся, постоянно раздумываю: правильно ли я сделал, так ли поступил, то ли сказал. Меня всегда одолевают сомнения. Бывает, что чувствуешь себя совершенно беспомощным щенком, не знающим, как жить и поступить в следующей ситуации. То вдруг чувствуешь себя уверенно... Но неуверенность... она все-таки довлеет. Бывали и минуты бессилия, обид, когда на протяжении долгих лет меня



ЛЕОНТЬЕВ:

“Мне кажется,
что **Я** еще не
ЖИЛ”

не понимали... Зато я начисто лишен непомерных претензий, поскольку не уверен, стою ли того, чтобы впасть в амбиции...

И по натуре я человек сдержанный, несуетный, предпочитаю уединение. Люблю, конечно, приятную компанию, но одиночество мне больше по душе, я им наслаждаюсь. Обожаю полежать на диване, помечтать...

— Нстати, о мечтах: я слышала, что в детстве вы хотели стать ихтиологом?

— Да-да, было такое. Всегда притягивали морские глубины своей таинственностью, непознанностью.... Именно поэтому с удовольствием смотрю фильмы Нусто. Мне этот человек с его фанатичной преданностью всему живому, тягой к приключениям и романтике симпатичен. Обожаю "Клуб кинопутешественников", "В мире животных". Раньше это было единственной возможностью подсмотреть за не известным нам миром.

— Сегодня многие уже и в своем доме заводят экзотических животных...

— Мне все-таки ближе теплые и пушистые. У меня никогда не возникало желания пообниматься и поцеловаться с коброй... Но работать мне с ними приходилось. Помните мой видеоклип "Заклинательница змей"? Это не компьютерные трюки. Там снимались самые настоящие змеи: мне на съемки принесли из цирка целый клубок мелких змеек, совершенно гадюшного вида и мерзкой окраски, но абсолютно безобидных. Навешали их на меня, и они начали свое неспешное путешествие по моему телу: забрались под рубашку, в волосы, вылезали из ру-

кавов, через воротник — внешне я был похож на некое мистическое существо... И так как они оказались на редкость спокойными и медлительными существами, я довольно быстро к ним привык и начал сниматься. То же самое могу сказать и об удавах — теплые, чистые и сухие, не вызывающие никакого отвращения. Если их вовремя кормить, не дергать и не дразнить — они никогда не проявят агрессии. Как-то в цирке выступал я с большими удавами, килограмм этак по 30 каждый. Нужно немалое усилие приложить, чтобы такую змею поднять и к себе на шею погрузить. Только дрессировщик предупредил, что нельзя позволять удаву сделать вокруг себя третье кольцо, уже на втором надо высвобождаться, так как удав автоматически начинает душить свою жертву.

— Бр-р... Давайте лучше поговорим о теплых и пушистых. Скажем, о животных, с которыми вы дружили в детстве. Насколько я знаю, оно прошло на Крайнем Севере, в тундре, среди оленей...

— Вообще-то я плохо помню свой самый нежный возраст. Лишь какие-то эпизоды. Что-то, конечно, рассказывала мама. Скажем, о том, что в детстве меня и коза бодала, и собака кусала, а в пять лет я чуть в Двине не утонул... Натался, конечно, и на оленьих упряжках. Удовольствие, должен сказать, сомнительное, когда полулежишь на нартах, а из-под копыт оленя прямо в лицо летят огромные комья снега... Помню, как во время одного крупного праздника, связанного с забоем оленей, при большом скоплении людей в чу-



ме меня заставляли пить кровь только что забитого животного...

— Пили?

— А куда денешься-то? Традиция!.. Но вообще о жизни оленеводов я знаю немного. Мы жили среди них, потому что отец лечил

олений, и его профессия нашу семью кормила.

— Ваш возраст над вами не довлеет?

— Нет. Меня больше волнуют те неудобства, которые могут быть с ним связаны. Болезни, недомогания... Главное, не стать кому-то в тягость.

— А в каком возрасте вы себя ощущаете?

— Хочется быть 30-летним. На мой взгляд, это то время, когда уже многое узнал, но многое еще интересно. Вообще-то с человеческим возрастом и его пониманием у нас каная-то неразбериха... Ведь при детальном рассмотрении получается, что до 30 лет человек еще не соображает, что делать и кем быть, а после 50-ти

уже начинают проявляться болячки, и приходится думать, как оборудовать нору для того, чтобы тихо и спокойно умереть. Самое главное, мне кажется, для человеческого существа — найти возможности для реализации. Тогда жить будет интереснее...

— Я помню, был период, когда вы вообще завязали со спиртными напитками...

— Было и такое. Но тот период я назвал бы самым скучным в своей жизни. Все-таки веселящие напитки не случайно изобретены человечеством. Нужно только уметь ими пользоваться и знать меру.

— Вам знакомо чувство зависти?

— Конечно. Если у кого-то что-то есть, мне тоже хочется, чтобы



и у меня это было. Но я не злой человек и не желаю другому, чтобы он сломал ногу или попал под трамвай...

— Гадости способны говорить людям?

— Да, способен, но для этого нужно мне уж так насолить... Или попасть под горячую руку.

— А вы скандалист?

— Нет. И стараюсь всегда обходить острые углы, не создавать конфликтных ситуаций. А если чувствую, что нормально общаться с человеком невозможно, я от него отхожу. И уж тем более далек от того, чтобы специально придумывать о себе какие-то скандальные истории. Хотя, может, и надо бы, потому что у "звезд", и на Западе и у нас, это практикуется. Способствует поддержанию интереса...

— Одна из ваших сольных программ — "Полнолуние" — носила характер этаного мистино-романтического шоу. Почему?

— Состояние полной луны у очень многих людей вызывает какой-то непонятный, очень сложный сонм ощущений, желаний — невысказанных, а подчас просто неосознанных. И я тоже отношусь к их числу.

— Значит, строчки из песни почти автобиографичны: "Ты опять меня сводишь с ума, полнолуние! Покоряюсь тебе, не владею собой. На пороге греха, на пороге безумия, я в опасные игры играю с судьбой"?

— Во всяком случае, когда на небе полная луна, мне бесконечно долго хочется на нее смотреть. Она так притягательна — глаз не оторвать...

— А как насчет "пройтись по нарцизм"?

— Когда готовил премьеру "Полнолуния", мне приснился жуткий сон. Будто публица собралась на концерт и уже часа два сидит в зале, а я мечусь в панике за кулисами и не могу найти гримерную, чтобы подготовиться к концерту... Не дай Бог, чтоб такой сон когда-нибудь сбывлся...

— Вы верите в сны и предсказания?

— Слишком уж много бывает совпадений... К примеру, весной 1991 года, побывав в Монте-Карло на церемонии вручения мировых музыкальных наград фонда принцессы Грейс, я узнал, что за два года до своей смерти жена принца Монако предсказала, что погибнет в автомобильной катастрофе. И в точности описала обстоятельства собственной гибели. Или Игорь Тальков — он тоже говорил о том, как погибнет...

Вообще-то раньше я довольно скептически относился ко всякого рода предсказаниям. Попа подобная история не произошла и со мной. Однажды, в конце 80-х, в Краснодаре пришла ко мне пожилая женщина, услугами которой пользовалась местная милиция — она отыскивала пропавших людей по фотографиям... Она предсказала мне многое, что сбылось буквально через месяц. Я был потрясен. С тех пор к подобным людям, наделенным какой-то необъяснимой силой, я отношусь более серьезно.

— Знаю, что во время гастролей в Индии вы встречались со знаменитым художником Святославом Рерихом...

— Да. Рерих много говорил о единстве человека с природой и Космосом, о том, что все в нашем мире взаимосвязано: каж-

дая травинка, камешек и человек, его будущее и его прошлое. Я запомнил его слова о том, что своей жизнью нужно увеличивать сумму добра, а не сумму зла. Главное — увидел человека, уже отмерившего большую часть жизни, осознающего, что ему осталось совсем немного, и при этом совершенно чистого нравственно, духовно не поношенного, не затасканного, с чистым, даже прозрачным юношеским взглядом. И, конечно, колоссальное впечатление произвела его жена Девина Рани — в прошлом известная индийская кинозвезда. Ей было уже за 80, но она сохранила свою красоту. Вот что значит праведная жизнь.

А еще я побывал в Индии в общине Ашрам — это особая зона, официально разрешенная властями, куда съезжаются люди со всего мира, чтобы глубже познать и развить свое духовное "я", сбросить внутренние оковы, условности, комплексы, порожденные правилами существования в обществе... Конечно, во всем этом много мистического, но кто сказал, что мистика вредна? Видимо, существуют тайные миры в человеке и вне его, познание которых нами (а может, теми, кто идет за нами) еще впереди.

— Во время каждого своего концерта вы теряете колоссальное количество энергии. А чем ее восполняете?

— Приятно, когда зал впитывает мою энергию, заряжается, поскольку в ответ я получаю многократно усиленный заряд энергии. И тогда силы удесятятся... Люблю общаться с природой, как бы растворяюсь в ней. И в то же время с удовольствием смот-

рю видео и читаю фантастику, триллеры, мистину — тянут к себе всякие таинства, не очень понятные разуму.

— А в минуты творческого взлета не возникает ли ощущение, что появляется какая-то необычная сила духа?

— Именно на сцене бывают ощущения совершенно свободного парения, полета. Ощущение свободы, собственного могущества. Появляется уверенность, что я могу стать кем угодно. В свое время, когда композитор Лора Квинт предложила мне исполнить оперу "Джордано", я ухватился за эту идею, потому что именно Джордано Бруно — монах, ученый, поэт создал теорию множественности миров. И мне самому было интересно перевоплощаться в одном спектакле то в монаха, то в шута, то в сатану.

— После "Джордано" в вашей жизни был эпизод, когда вы пробовались на роль Иисуса Христа для кинофильма Николая Мащенко "Иисус Христос. Суд". Не слишком ли высок замах? Не страшно было?

— Просто казалось интересным воплотить образ, в котором есть какой-то конфликт: со временем, с обществом, с судьбой... Но роль не состоялась, и мне трудно судить, что бы из этого получилось. Как знать, мо-

жет, и сам я стал бы чище, выше, нравственнее...

— Многие годы на эстраде показали, насколько вы талантливы. А как с вашей точки зрения: талант — это дар или наказание?

— Я думаю, что и то, и другое одновременно. Его невозможно ни воспитать, ни вырастить, ни купить. Его можно улучшить, раскрасить, дополнить, отшлифовать... Но это и наказание, потому что талантливый человек обла-

дает резко обостренным ощущением жизни, поэтому легко раним и не уверен в себе. И его мучает необъяснимая тоска и бесконечно возникающие апатии, депрессии, которые обрушиваются на талантливого человека совершенно неожиданно. И еще это наказание, которое нужно талантливо нести по жизни... ■

Беседу вела

Татьяна СЕКРИДОВА.

Фото автора

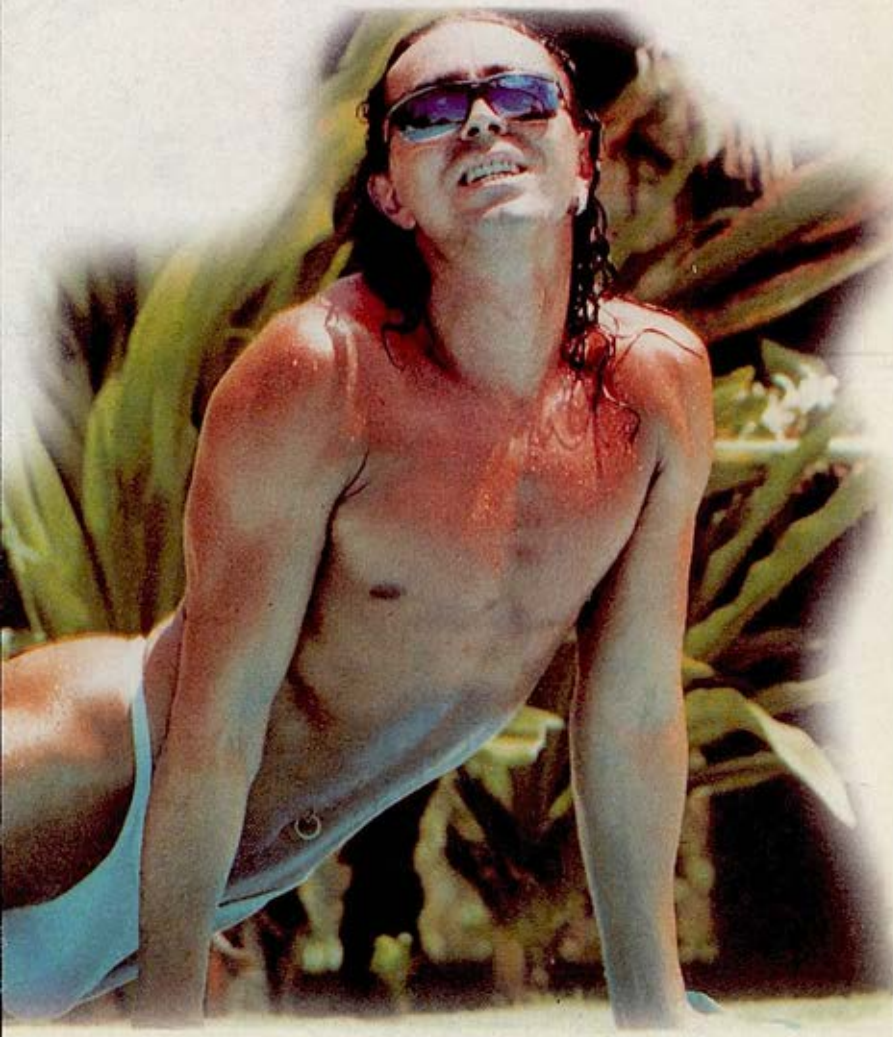


рисунок **Виталия Федорова**





ОДИНЬ, не уходи!

Арман ДЕЛАФЕР

е знаю даже, зачем это пишу. Возможно, чтобы испытать еще раз те острые ощущения, которых уже никогда более не испытывал. А возможно... просто так, от старческой тоски и одиночества. У меня ведь никого нет после того, как я своими руками погубил единственную любовь. А возможно, для того, чтобы эти стра-

ницы объяснили тем, кто будет недоуменно пожимать плечами над моим бездыханным телом, почему я так поступил.

Сейчас, только достану револьвер, тот самый, ее, и налью себе чего-нибудь выпить. Сейчас...

1

Наконец я привел в исполнение давно обдуманное намерение: обрезал электрические провода, подведенные к беседке в глубине парка. Именно здесь, укутанные ночью и тайной, сливались наши тела, именно здесь, не узнав меня, моя жена стала моей любовницей. Она отдавалась не мне и в эти минуты острых наслаждений была совсем не такой, какой я ее знал. Но главным было то, что я все-таки овладел ею.

Это невероятно, но мне пришлось стать тайным любовником собственной жены, хотя совсем недавно мне это и в голову бы не пришло. Более того: я человек, в принципе лишенный воображения. Но обстоятельства сложились так, что кто-то неизбежно занял бы это место. И я предпочел сделать это сам.

Меня зовут Рене Бюсси, в то время мне было тридцать пять лет, и за двенадцать лет до этого я получил диплом инженера. Подчеркиваю свою профессию, чтобы подтвердить: воображение при ней излишне. И тем не менее...

Я был тогда директором крупной каучуковой компании с офисом в центре Парижа, а наше основное предприятие располагалось на западной окраине, недалеко от Версаля. И жил я на территории, принадлежавшей компании, в двенадцатикилометровом особняке, спрятанном в глубине большого парка. Чтобы попасть на завод, мне достаточно было пересечь сначала парк, а затем пройти метров триста через небольшой лесок, вплотную примыкавший к заводу. Вот основное описание места действия, а детали я добавлю по ходу рассказа.

В то утро, против своего обычкновения, я не поехал в офис, а отправился на завод, проводить совещание с руководителями. И это стало причиной всех последовавших событий.

Тема совещания была исчерпана раньше, чем предполагалось. Было всего одиннадцать часов утра, когда я в самом безмятежном настроении возвращался в свой особняк. Я пытался думать о важных вещах: биржевых котировках, международном положении, но весенний воздух делал меня рассеянным, отвлекал мысли на всякие пустяки, кружил голову свежими и чистыми ароматами.

Я вышел из леса и вошел в парк. Отчетливо помню, что в этот момент пытался думать о проблеме замены импортного сырья

синтетическим каучуком. И вдруг я увидел картину, которая в один момент изменила все мои мысли. Метрах в ста от меня, спиной ко мне, стояла женщина и засовывала руку в дупло огромного столетнего дуба. Хрупкий и грациозный силуэт моей жены был ярко освещен весенним солнцем. Она вытащила из дупла конверт, а вместо него положила другой, который вынула из кармана своего элегантного утреннего туалета.

Я резко остановился, но уже секунду спустя рефлекс заставил меня броситься прочь из аллеи, чтобы ни в коем случае не быть замеченным. Сердце мое стучало, как бешеное, дыхание чуть ли не прерывалось, но мне казалось, будто все это происходит не со мной, а с кем-то другим. Больше всего мне хотелось догнать жену и отобрать у нее конверт. Но я остался стоять на месте.

Могут сказать: Боже, все та же вечная тема адюльтера! Ну и что тут особенного? Немного терпения, и все станет ясно.

Я женился на Одиль семь лет назад, когда ей было 27 лет. Ее нельзя было назвать ни красивой, ни даже хорошенькой, но в ней была какая-то удивительная грация, освещавшая подлинной красотой все ее жесты и поступки. Невероятно пикантным было и сочетание ее цветущего женского тела и абсолютно невинного девичьего лица. Да, тело двадцатисемилетней женщины и лицо девушки, еще вчера бывшей девственницей. Я часто замечал во взглядах мужчин на Одиль жесткую и неистовую молнию вождения.

В течение семи лет я был хорошим мужем, по крайней мере, считал себя таковым, поскольку удовлетворял малейшие капризы своей жены. Я хранил ей верность, если не считать пары мимолетных интрижек во время деловых командировок на Восток или в США. Для мужчины такие приключения не имеют значения. Правда, я не слишком темпераментен. Что же касается Одиль, то она казалась настолько равнодушной к сексу, что мы иногда не прикасались друг к другу по несколько месяцев. Я вообще считал свою жену фригидной, пока совершенно случайно не обнаружил в ее теле другую женщину.

Я ждал, чтобы Одиль ушла из парка, но она не торопилась, и прошли долгие минуты, пока она, наконец, не скрылась за поворотом аллеи и не исчезла из поля моего зрения. Повторяю: я мог бы получить оба письма — то, что она уносила с собой, и то, что осталось в дупле дуба, — но что-то меня от этого удерживало. Сейчас я думаю, что это был просто перст Судьбы. Поступи я тогда, как любой здравомыслящий человек, моя жизнь сложилась бы совершенно иначе.

Я развернул газету и двинулся по аллее к дубу, делая вид, что увлечен чтением. Шел я нарочито медленно, бессознательно оттягивая время, чтобы исключить малейший риск. Несколько раз я останавливался, оглядываясь вокруг и снова шел к своей цели.

Казалось бы, как просто: подойти к дубу, запустить руку в дупло, вынуть конверт. И все же мне потребовалось на это несколь-

ко долгих минут, навсегда запечатлевшихся в моей памяти. Конверт был заклеен очень небрежно, я без труда открыл его. Там лежал листок с одной только фразой, отпечатанной на машинке: "Я принимаю вызов".

Тут же у меня возникло множество вопросов. С кем начала переписку Одиль? Когда? О каком вызове идет речь? Перебрав все возможные варианты, я решил, что любовнику нет необходимости прятать письмо в дупло, тем более для того, чтобы получить такой ответ. Но тут же подумал, что логика и любовь не имеют между собой ничего общего, и что такой романтический способ переписки — очень удачный ход, чтобы соблазнить женщину.

Я торопливо заклеил конверт и положил его на место, а затем направился домой, перебирая всех знакомых мне людей, которые имели доступ в наш парк. Мишель Бомон? Нет, он слишком влюблен в свою собственную жену. Малыш Рафаэлло? Слишком незначительная личность! Лаборд? Рассеянный поэт, живущий в мире грез. Фервекс? Слишком стар. Был также еще Демонжо, которого я взял к себе в качестве инженера. Мы были с ним из одного выпуска, я испытывал к нему теплые дружеские чувства и до сегодняшнего дня считал, что это — взаимно. Два-три раза в месяц я приглашал его к обеду, и он шел от завода к моему дому именно этой аллеей. Жаль, что я не пригласил его сегодня: можно было бы спрятаться неподалеку от дуба и проследить, подойдет ли он к дуплу...

На сердце у меня было невыносимо тяжело, потому что я понял: это мог быть только он, Демонжо. Я вспомнил, что заставлял его у себя в доме и в те дни, когда не приглашал, но не придавал тогда этому никакого значения. Иногда он приносил книги, о которых его просила Одиль, иногда был четвертым игроком в бридже, а иногда я и не спрашивал о причине его визита.

Мне понадобилось в два раза больше времени, чем обычно, чтобы пройти через парк. Меня мучило желание остаться и подстеречь того, кто придет за посланием, застигнуть его в тот момент, когда он будет вынимать его из тайника, и потребовать объяснений. Но я понимал, насколько бессмысленно это желание: он мог прийти слишком поздно или вообще сегодня не прийти. К тому же я был уверен, что, даже застигнутый врасплох, он не скажет мне правду. А мне была нужна именно правда.

Мысль о том, что это может быть кто-то еще, а не Демонжо, даже не пришла мне в голову.

Придя домой, я тут же заперся в своем кабинете. Ясно, конечно, что я не занимался никакими делами, а просто мерил шагами комнату, обдумывая способ заполучить письмо, которое было у Одиль.

Обычно мы обедаем в час дня. Мне потребовалось сделать над собой невероятное усилие, чтобы не спуститься вниз раньше времени. Наконец я вошел в столовую, где уже была моя жена. Я ре-

шил играть свою роль до конца и поцеловал Одиль, как это делал всегда. Но мне показалось, что ее ответный поцелуй был явно рассеянным, хотя это могло быть и игрой моего разгоряченного воображения.

Она пригласила к обеду свою мать и тем самым избавила меня от трапезы с глазу на глаз, которая могла бы стать для меня слишком большим испытанием в этот день. Во время обеда Одиль была (или казалась?) веселой, оживленной, остроумной. Меня же грызли тревога и нетерпение, и во время десерта я под предлогом срочного делового звонка на несколько минут покинул столовую и отправился на второй этаж, чтобы заглянуть в сумочку Одиль. Ее не было ни в будуаре, ни в спальне, я нашел ее в ванной комнате, но — без письма.

Я уже почти захлопнул сумочку, когда заметил в ее глубине, в кармашке, маленький ключ — от секретера Одиль. Конечно, именно там она и должна хранить свою корреспонденцию! Я схватил ключ, вернулся в будуар и отпер секретер, а потом положил ключ в сумочку на прежнее место, а саму сумочку — в ванную комнату, где она и находилась до этого. Если мне чуть-чуть повезет, Одиль ничего не заметит. В крайнем случае, решит, что забыла запереть секретер или плохо его заперла. Мне страстно хотелось заняться поисками письма, но я не хотел привлекать к себе внимание слишком долгим отсутствием.

Я вернулся и застал Одиль и ее мать за составлением списка покупок, которые они собирались сделать во второй половине дня. Я любезно предложил отвезти их в Париж на машине, но при условии, что мы выедем не позже половины третьего, так как в три часа у меня в офисе назначена важная встреча с клиентом из Филадельфии. Но дамы в один голос заявили, что ни за что не успеют собраться к этому часу и вовсе не хотят заставлять меня их ждать. Впрочем, вокзал находился в трехстах метрах от нашего дома, и поезда до Монпарнаса ходили каждый час.

Таким образом, я уехал один и вскоре оказался в своем офисе на улице Комартен. Никакой встречи у меня не было, я выдумал ее, чтобы обеспечить себе побольше времени на поиски письма в секретере Одиль, пока она с матерью будет занята покупками в Париже. Я подписал несколько срочных бумаг и вышел на улицу. Служащие раскланивались со мной, но я их почти не замечал, так как мысленно находился не здесь, а у себя дома, в будуаре Одиль. Меня беспокоило только одно: найду ли я секретер по-прежнему отпертым?

Я вернулся домой около четырех часов, вызвав удивление у служанки. Я вошел в свой кабинет, но тут же вышел и послал служанку купить мне сигарет, которые якобы кончились. Этим я обеспечил себе верные четверть часа одиночества, так как муж служанки в это время обычно был занят работой в саду.

Я бросился в будуар к секретеру. Он открылся! Что я чувствовал в этот момент? Не помню. С тех пор я пережил и перечувство-

вал столько невероятных ощущений, что то — первое — испарилось из моей памяти.

Я погрузил руки в беспорядочную грудку писем, счетов, фотографий. Я искал конверт, который видел утром в руках у своей жены. Ничего! Но в глубине одного из ящичков под каким-то журналом я обнаружил стопку писем. Без дат, без подписи, некоторые занимали целый лист, другие содержали лишь несколько строчек. Но все они были напечатаны на машинке, причем на одной и той же: одна из букв была напечатана ярче других, а еще одна — подпрыгивала вверх.

С бьющимся сердцем я отнес их в свой кабинет и принялся читать. Наконец-то я все узнаю!

“Я уверен, что завтра вы придете за этим письмом к тайнику, который я вам только что показал. Напрасно вы качаете головой и иронично прищуриваетесь: я знаю, что вы придете. Все женщины любопытны, это их слабость. И я рассчитываю именно на нее.

Вспомните: всего несколько часов тому назад я осмелился сказать вам:

— Я вас не люблю, я вас хочу. Я слежу за колебаниями складок вашего платья и представляю себе под ним ваше тело. Только ваше тело я хочу. И получу его.

Вы сделали вид, что оскорбились, но это было лишь маской. Вы были удивлены, даже поражены: чтобы овладеть женщиной, мужчины всегда начинают с разговоров о любви. Я же хочу овладеть вами без этих условностей. Именно это я вам и сказал.

Сейчас у меня только одно желание — обладать вами. В этой битве, в которой мы отныне становимся противниками, мой девиз “ДА”, ваш — “НЕТ”. Кто же уступит? Я вам уже сказал в парке, что уступите вы.

Хочу напомнить вашу мимолетную насмешливую гримаску — первую реакцию на мои слова. Да, вы были шокированы такой дерзостью. Если быть правдивым, я тоже. Я не узнавал самого себя, за меня словно говорил какой-то другой человек. Вы же несколько секунд колебались: ответить или промолчать. Потом решили заговорить, но тщательно подбирали как можно более нейтральные слова. В общем, прошло не меньше десяти секунд, прежде чем вы, приняв решительный вид, заявили мне:

— Понимаю, что ваш опыт общения с женщинами позволяет вам абсолютно не считаться с их собственными желаниями. Или это самодовольство, или я что-то не понимаю...

Моя самонадеянность, между тем, была всего лишь уловкой, которая сработала. Доказательства? Я ведь только что говорил вам, что ожидаю долгого сопротивления, которое, впрочем, только усилит наслаждение от достижения мною цели. Вы презрительно пожали плечами, как бы желая сказать, что срок тут определить невозможно.

Почему после такого начала между нами возникло долгое молчание, не знаю. Но вдруг вы подняли голову и спросили меня:

— Ну, и о чем вы сейчас думаете, укротитель женщин?

А я думал о ваших ножках. Все мужчины думают о женских ножках, но не смеют в этом признаться. А я решил говорить искренне о том, чего не видел. Еще не видел у вас. Не трогал, не целовал, не ласкал. Но если верить очертаниям платья, ваши ножки безукоризненно стройны. А какая у вас кожа? Безусловно, нежная, как атлас — стоит только дотронуться до вашего запястья, чтобы понять это. А пушистый треугольник внизу вашего живота, какого он цвета? Вы ведь натуральная блондинка, правда? Остается только убедиться в этом самому — и вот это и будет моим призом, моей конечной целью. Я ворвусь в вашу крепость и докажу вам, что прекрасная статуя, которую вы изображаете, на самом деле — живая женщина. Когда же вы захотите ожить?

Все это я говорил вам, пока мы шли через парк, а сам украдкой наблюдал за вами. Два-три раза я заметил, как блеснули ваши глаза. Что-то вас тронуло: мрамор становился теплее. Видите, я честен и ничего от вас не скрываю. Это вы пытались скрыть смех, когда сказали:

— Действительно, первый раз в жизни... Не говорите больше ничего, нас могут услышать...

— Действительно, об этом лучше написать, — ответил я.

Мы шли по аллее, на которой стояло огромное дерево с большим дуплом.

— Вот то место, куда я буду приносить свои письма, — сказала я.

— Способ, конечно, романтический... Но содержание писем... Нет!

Конечно, нет, вы абсолютно правы. Но вот первая записка. Придете вы за ней? Не придете?

ВЫ ПРИДЕТЕ"

2

“Вы пришли. Я это предвидел. Но что вас на это толкнуло? Чтобы не испугать вас, спешим все на обыкновенное любопытство. Но ведь есть и еще какие-то причины, правда?”

Сколько раз вы прочли мое письмо? В тот день, когда вы мне это скажете, я буду близок к тому, чтобы овладеть вами. Любопытно, я ведь представлял себе, как вы будете смущены, когда мы встретились три дня спустя. Правда, мы были не одни. Два-три раза наши взгляды встретились. В первый раз вы тут же отвели глаза, чтобы немедленно бросить на меня взгляд украдкой. Я выиграл первое очко! Второй ваш взгляд был гораздо спокойнее, словно вы все забыли. Очко за вами! Третий взгляд вы бросили на меня из-под ресниц, тогда я склонился к вашему ушку и тихо сказал:

— Почтальон придет сегодня вечером.

На вашем лице не дрогнул ни единый мускул. Bravo, вы выиграли второе очко! Это обещает безумное наслаждение нам обоим в тот момент, когда я впервые овладею вами.

Я не должен так испуганно мечтать о вас. Это отбивает у меня вкус к другим женщинам. Я смотрю только на вас. Возможно, это потому, что я еще ни разу не видел вас обнаженной. Только что, когда вы сидели в кресле, из-под вашего платья выглянул маленький краешек кружева. А я думал о том, что в нескольких десятках сантиметров выше этого невинного кусочка ткани — самый центр женского тела, крутой изгиб бедер и на них трусики, которые я когда-нибудь сниму с вас... Когда это произойдет? Когда-нибудь. А может быть, никогда. Но, безусловно, скоро. Я знаю вам цену и от этого лишь сильнее желаю вас.

Кстати! Ваш муж никогда не был вашим любовником. Откуда я это знаю? Какая разница! Знаю, это главное. Тем острее будут ощущения, которые вы со мной испытаете. Без лицемерия любви, этой ханжеской выдумки средних веков. Ах, какое прекрасное приключение!

И последнее. Почтальон будет приходить к старому дубу каждый вторник и каждую пятницу, с наступлением ночи. Забирайте вашу почту по утрам в среду и субботу”.

3

“Ну, как наши дела? Смутил ли я ваш покой? Ваши груди еще не твердеют от желания? Какие они? Маленькие, упругие. С очень нежными сосками? Рассмотрю их в следующий раз более пристально, через платье, конечно. Ткань еще долго будет присутствовать между нашими телами. Потому что цивилизация посчитала лучшим способом возбудить желание к женщине — это одновременно оградить ее от наших желаний. В отношениях между полами существует чудовищное ханжество. Это — хорошо, а это — отвратительно. Это — прилично, это — непристойно. Можно говорить о лбе, губах, ручках, волосах, но ни в коем случае — о бедрах или животе. Какое идиотство!

Мне хотелось бы знать, какое впечатление производят на вас мои письма. Конечно, вы мне этого не скажете. Однако можно ведь задавать вопросы по-разному, да и отвечать тоже. Если мои письма вам нравятся — приколите красную гвоздику на платье к нашей следующей встрече. Если письма слишком дерзки, пусть гвоздика будет белой. А если вы считаете их недостаточно смелыми... что ж, тогда нужны две красные гвоздики.

Прошлую ночь я видел вас во сне. Самое интересное заключается в том, что, желая вас завоевать, я запутался в собственных уловках так, что стал рабом своего же колдовства. Я тут же применил самое верное средство против этого: сегодня я спал с другой женщиной. Но, кажется, называл ее Одиль”.

4

“Ни белой гвоздики, ни красной... Зато какая хитрая улыбка на губах! Это была семидесятилетняя почтенная дама, уже давно вышедшая в тираж, которая кокетливо выставляла на показ обе гвоздики. И знаете ли вы, кто ее так украсил незадолго до моего прихода? Вы!

Вы в тысячу раз более желанны для меня в своей жестокой насмешке, чем в слишком быстрой капитуляции. Скажу еще одну вещь, которая вас удивит: я безумно хочу вас, но был бы страшно разочарован, если бы добился желаемого раньше срока. Какого срока? Инстинкт мне подскажет. Только дикари стремятся к немедленному удовлетворению своих желаний, получая лишь крохи животного удовольствия и лишая себя подлинного наслаждения. У них остается лишь пепел чувств и безвкусный осадок воспоминаний.

Нет, ждать, готовить, подстергать, говорить себе, что день за днем, письмо за письмом мы незаметно становимся все ближе друг к другу, что больше нет ни единого интимного дела в вашей жизни, включая ваш тайный туалет, где бы ваша мысль не была захвачена мною... Вот так, как если бы я внезапно открыл вашу дверь, запертую на задвижку, в самый неожиданный момент. Кто бы мог подумать еще три недели тому назад, что я буду так разговаривать с вами?

Кстати, овладевал ли вами ваш муж хоть раз с того времени, как мы устроили в дупле почтовое отделение до востребования? И если да, то думали ли вы в это время, что это я овладеваю вами? Не захотелось ли вам хоть на мгновение, чтобы именно так и было? Я не жду ответа на мой вопрос, для меня главное — его задать. Когда-нибудь наступит момент, муж обрушит на вас тяжесть своего тела. А вы вообразите, что это — мое тело. Я самонадеян? Не думаю. Возможно, для вас это и будет единственным моментом острого наслаждения, а ваш муж никогда не узнает, кому он этим обязан. Кстати, вы кричите в самозабвении? В конце-концов, я узнаю все еще до того, как хорошо узнаю вас”.

5

“Счастливым случай свел нас с вами вчера вечером в Париже. Хотя, если честно, никакой случайности не было: я отлично знал, что вы будете в три часа на вокзале Монпарнас. Мне показалось, что вы несколько удивились, увидев меня, но... к вашему платью были приколоты две красные гвоздики. Это — ответ на мои вопросы? Нет, конечно, встреча же была случайной!

Признайтесь, мне хватило такта не настаивать на честном ответе. Но это, тем не менее, меняло дело. Я один, когда пишу эти строки, вы — одна, когда их читаете. Между нами нет ханжества, преград, фальши. А значит, сейчас мы гораздо ближе друг другу, чем были вчера в Париже.

Мы сидели на террасе какого-то кафе, и я рассыпался в комплиментах вашему платью, поскольку не мог делать комплименты тому, что под ним. Мои глаза все время прослеживали красивый изгиб ваших ног, изящно скрещенных под платьем. Мне почудилось, или мой настойчивый взгляд все-таки вызвал краску на ваших щеках и легкий трепет век. Я заметил круги под вашими глазами и некоторую влажность во взгляде. Быть может, я ближе к цели, чем думаю?

Должен признать, что вы почти сразу пришли в себя и тут же применили ваше самое убийственное оружие: насмешку. С дерзким смехом вы спросили меня:

— А что вы испытываете, когда пишете ваши письма?

Я предпочел ответить вопросом на вопрос:

— А что испытываете вы, читая их?

Мне показалось, или по вашему телу прошла легкая дрожь, как будто ветер пробежал по верхушкам деревьев.

Вы уронили носовой платок. Я поднял его и позволил себе слегка позабавиться, коснувшись вашего чулка у самого края платья. Знаю, это мелочь, но это — еще один шаг на долгом пути к осуществлению моего плана, часть общего целого: жестов, поведения, каких-то намеков, слов... Это заставит вас соскользнуть в чувство, которое я стремлюсь в вас вызвать: вы захотите меня.

Знаю, вы считаете себя совершенно застрахованной от подобного исхода, думаете, что сможете легко совладать со своим телом, в котором, возможно, уже пробудились какие-то ощущения, остаться мраморно-холодной. Уверен, что сегодня вам это действительно удастся. И завтра — тоже. Но через месяц... Согласитесь, нужно быть незаурядным игроком, чтобы указывать противнику на подстерегающие его опасности. Из чувства признательности, поведайте мне о ваших слабых местах.

Что вы еще вчера такого сказали? Ах, да, поздравили меня с новой любовницей.

— И вы не ревнуете? — со смехом спросил я.

— Ни капельки, — покачали вы головой.

И попросили — для развлечения — рассказать мне все об этой связи. Дать полный аналитический отчет. Чтобы сделать вам приятное, я рассказываю все, без утайки и без хвастовства.

Ее зовут... В общем, я зову ее Одилью. Когда она спросила меня, почему я так ее называю, то я ответил, что она похожа на героиню фильма, который так и называется: "Одиль". По моему, это ей польстило, хотя на самом деле фильм — это то, что происходит между мной и вами. Развязка его мне еще не известна.

Но вернемся к моей новой любовнице. Она блондинка, как и вы. Но когда она оказалась обнаженной, то выяснилось, что на самом-то деле она брюнетка. А вы? Ну и темперамент у этой Одиль номер два! Ничего общего с вашей повелительной холодностью. Но это неважно.

Вы знаете, что размеры мужчин и женщин, то есть номер ботинка или перчатки, длину носа или рост считается вполне приличным прилюдно обсуждать. Что же касается интимных размеров... Боже сохрани заговорить об этом в обществе! Но вам я открою маленькую тайну: размеры интимного места женщины определяются по размеру ее ножки. Нога моей любовницы тридцать шестого размера, а лоно, я знаю, примерно сорокового. Правда, достаточно просторно? А как с этим обстоит у вас?"

6

"Какое любопытное у нас приключение! Надеюсь посетить вас вновь завтра вечером, чтобы посчитать ваш пульс. А до этого ограничусь этими несколькими строчками с единственной целью доказать вам, что вы жалеете, что сегодня не услышали большего".

7

"Прекрасно! Вы сказали мне:

— Вы меня разочаровали! Больше не приходите.

Вы улыбались, говоря это, потом радсмеялись. И все-таки вы это сказали. Смех и улыбка были только маской.

Ваш муж считает меня мечтателем и поэтом, неспособным ориентироваться в реальной жизни. Признайте, что я способен на большее: внести мечту в реальную жизнь.

— А как там ваш сороковой размер? — непринужденно спросили вы меня позже, когда мы играли в бридж.

Я вместо ответа спросил, какой размер мне следовало бы вообразить себе, если бы захотел с точностью представить...

По правде говоря, я надеялся смутить вас. Но вы совершенно непринужденно ответили:

— Вы ведь уже определились с размером, как мне казалось.

К нам подошла одна из гостей, старая дама, и сделала вам комплимент:

— Мое дорогое дитя, я весь вечер наблюдаю за вами. Сегодня вы очаровательнее, чем обычно. Лицо мадонны со средневековой картины...

Тогда вы ребяческим жестом указали на меня и ответили:

— Дорогая мадам, я вполне заслуживаю этот комплимент. Сегодня я весь вечер слушала дьявола".

8

"Дьявол хочет отныне говорить тебе "ты". В письмах, разумеется. Ты... Это похоже на то, как если бы я ласкал твои ноги. С твоего согласия".

9

"Никакой реакции на мое "ты". Значит, принято. Молчание — знак согласия. Таким образом мне разрешено ласкать

твои ноги, увы, пока только мысленно. Но это отличный способ заставить тебя перейти непосредственно к прелюдии того, что неизбежно произойдет.

В глубине твоего парка я сделал великолепное открытие. Окруженная деревьями и зеленью, скрытая от глаз беседка — воплощенное очарование уединения. Одна маленькая комнатка, куда с земли ведет лестница из четырех ступенек. Два окна: одно выходит в парк, другое — в лес. Таким образом, если оставить открытым окно в лес, я мог бы приходиться на наши свидания без всякого риска. Да-да, уже пришло время подумать о наших свиданиях. С наступлением темноты ничто не может помешать тебе пойти погулять по парку, зайти в эту беседку...

Там только железный стол и стул. Один стул на двоих. Ничего из тех удобств, которыми обычно располагают любовники. Но ты не моя любовница, и неизвестно еще, придешь ли ты на свидание. О! Куда нам торопиться! Сначала мне нужно приучить тебя к этой мысли. Ты прогуливаешься в парке, когда стемнеет. Ты случайно оказываешься перед беседкой, поднимаешься по ступенькам, толкаешь дверь иходишь. Внутри — полная темнота. А я уже притаился там, в углу, готовый жадно схватить тебя, когда ты окажешься рядом. Ты задрожешь от испуга и от прилива желания. А знаешь ли ты, что схватят мои руки? Да, ты знаешь это. И в тот же миг твое благоразумие пересилит искушение."

10

"Ты придешь? Поскольку ты уверена в своем благоразумии, почему бы тебе не прийти? Я не перейду границ, которые ты определишь, если только ты сама не попросишь меня об этом, как только мы окажемся вместе. Я очень рассчитываю на что-то коварное и магическое, разлитое в ночном воздухе. И простое прикосновение моей руки к твоему платью бросит тебя в пароксизм неизвестных тебе ощущений.

Ты придешь?"

11

"Прошлым вечером, когда я принес письмо, я вошел в беседку. Я представил себе место, где буду тебя ждать. Куда ты приблизишься и где я схвачу тебя за ногу. Я услышал долгий, жалобный стон, твой стон, в то время как ноги твои инстинктивно сомкнулись в тысячелетнем жесте защиты. Мое распаленное воображение донесло до меня даже запах твоего тела, интимный и острый аромат, усиленный желанием. Так пахнут растения после дождя. О чем я мечтал в тот вечер? Упасть на колени перед тобой и целовать твое тело на уровне моих губ. Ты догадываешься, о чем я? Ты придешь?"

“Зачем это скрывать? Ты пришла. Но меня там не было, потому что еще не стемнело. Но ты все-таки пришла, я знал, что так будет. Как я догадался? Ты передвинула стул. Для чего? Посидеть, потому что тебя занимала мысль о том, что однажды ночью ты и я в этом месте... Ты уже представила себе угол, где я буду находиться, ожидая твоего прихода, затем твое приближение ко мне и дрожь твоего тела, когда его коснутся мои руки. Так ведь? Я могу себе представить, что в эти мгновения твое лицо исказилось так, как оно искажается в экстазе. Но может быть, все произойдет иначе? Главное, чтобы ты пришла ночью, раз ты уже приходила днем.”

“Ты не отрицала своего дневного прихода. Но когда я спросил, придешь ли ты ночью, ты мне не ответила. Мы стояли лицом к лицу и смотрели прямо в глаза друг другу. Мое лицо приблизилось к твоему: я хотел внушить тебе свою волю. И вдруг я тебя поцеловал. Яростно, страстно. И тогда на несколько секунд твои глаза закрылись — это было чудом. И лицо твое исказилось именно так, как я себе воображал, это было тем более потрясающе, что твое лицо — ты это знаешь! — это лицо девственницы, что еще больше возбудило меня. Твои глаза закрылись, и я почувствовал, как ты прижалась ко мне, почувствовал твой живот, почувствовал твое желание. Твой живот не предлагал себя, он требовал, напряженно, страстно, безумно. Потом так же внезапно, как ты упала в мои объятия, ты вырвалась из них и рассмеялась. Но твой смех был так же напряжен, как и твои губы.

Потом ты заговорила, но не для того, чтобы что-нибудь сказать, а просто чтобы разрядить атмосферу. Но твой голос уже не был так беззаботен, как несколько минут тому назад. Ты вдруг осознала все то, что рождалось в тебе из моих писем в течение этих двух месяцев и потихонечку росло. Мы сидели в углу твоей гостиной рядом с букетом гвоздик. И ты, ты, которая еще недавно дерзко приколотла эти цветы к своему платью, теперь ощутила неловкость передо мной и стала такой же пунцовой, как гвоздики.

Немного погодя вошел твой муж. Я думал, что ты смутишься еще больше, но ошибся. Никогда нельзя знать женщину, он тебя тоже не знает. Ты подошла к нему и поцеловала теми же губами, на которых еще сохранился вкус моего вожделения к твоему телу. То же самое тело, которое только что страстно прижималось к моему, грациозно двигалось перед нами.

Видишь, я изучаю каждый твой жест, каждое слово, даже твой смех, который так изменился со времени моего первого письма. Он уже не такой легкий и беззаботный, более взволнованный, немного ломкий, будто извиняется за изменяющеесяся

тело. Раньше он звенел, как маленький колокольчик, а теперь идет из самой твоей глубины, оттуда, где теперь объединились тысячи желаний. Настанет момент — и эта плотина прорвется...”

14

“Еще раз признаюсь в том, что совсем тебя не знаю. Иногда делаешь неосторожное движение вперед, думая, что твои желания вот-вот сбудутся. Я ошибся. Я отступаю.

Три дня назад я видел тебя, на мгновение испытавшую дикий прилив желания. Все эти три дня я помнил вкус твоих губ, я сохранял его на своих губах. Это был больше, чем поцелуй, это было объятие. Я пришел сегодня, чтобы продолжить начатое. Я не должен был этого делать. Ты уже была настороже и отобрала то, что уже дала. Думаю, что отобрала даже больше.

Я хотел тебя поцеловать. Но ты отстранила меня не испуганным и неуверенным в себе жестом, а спокойным и почти выскомерным движением. Ты заранее знала, чего я у тебя попрошу, и твердо решила мне этого не давать. А эта манера объяснять свое поведение!

— Я странная женщина, не так ли? Я никогда не обманывала своего мужа, мне даже никогда не приходила в голову такая мысль. Я могу сказать, что ничего определенного об этом не думала, хотя мое поведение по отношению к вам... или, скорее, отсутствие всякого поведения означает скрытое согласие, если не немедленное, то со временем. Что вы об этом думаете?

Говоря это, ты играла своей шалью.

— Ну же, соблазнитель, отвечайте!

— Я согласен, вы странная женщина. Вы еще не обманывали своего мужа. Я это знал. И я согласен с тем, что вы об этом еще и не думали. Но уверен, что бессознательно вы об этом думали уже сто раз. Это проскальзывает в мелочах, каком-то слове, воспоминании. Вы признаетесь? Имейте же мужество признаться.

— Я признаюсь.

— Не знаю, когда это происходит: в ванной, когда вы одеваетесь, или когда ваш муж овладевает вашим бесстрастным и не испытывающим удовольствия телом. Но она появляется, эта бесстыдная мысль, что вы и я, в один прекрасный день...

Я смотрел на тебя. Ты улыбалась, абсолютно уверенная в себе сегодня, а затем насмешливо обронила:

— В один прекрасный день? Может быть, ночь? Ведь свидание, которое вы у меня просите, будет ночью”.

15

“Ты еще долго будешь помнить эти хождения взад и вперед. А потом, в один прекрасный день... прости, в одну прекрасную ночь,

твое тело уступит. Не будем больше говорить об этом. Сильны те, кто умеет ждать.

На тебе было очень хорошенькое платье в прошлый вторник: слегка расклешенное внизу. Можно было увидеть кружево твоей комбинации, и это сильно возбуждало желание. Наверное, именно этого ты и хотела добиться. Не думал, что ты доведешь меня до этого. Может быть, я слишком напрягаю себя, сдерживая свои желания, чтобы вызвать твое? Мне это удалось? Думаю, да, потому что вчера ты мне сказала:

— Не исключено, что я вас навещу как-нибудь вечером. О, всего на несколько минут. Просто хочу доказать вам, что ничего не боюсь. При том условии, конечно, что вы будете соблюдать правила игры.

— Игры?

— Да, не переступите той черты, которую я сама определяю. И только так.

Успокойся. Правила моей игры состоят в том, чтобы ты всего хотела и добивалась сама. Ты видишь, я ничем не рискую. Я буду честен. Если мои руки коснутся тебя, значит, ты сама их позвала. Если они скользнут под твоё платье и будут наслаждаться твоей нежной кожей — это тоже будет твоим желанием. Ну, что же, чего ты ждешь?"

16

"Чего ты ждешь? Я бросаю тебе вызов. Ты не придешь. Не осмелишься прийти. Не потому, что боишься меня, а потому, что боишься себя. Я ошибаюсь? Тогда принимай вызов".

17

"Вчера я тебе позвонил. Мне не терпелось узнать твое решение. Я спросил:

— Вы придете?

И ты ответила своим прекрасным, мечтательным голосом:

— Ответ в старом дубе. Что? Принимаю ли я вызов? Немного терпения. Идите на почту".

Обо мне, быть может, совершенно забыли, пока читали эти письма. Обо мне, о муже. В этом нет ничего удивительного: я сам о себе забыл, забыл, кто я и где я. Я даже не заметил, как вошла служанка и положила передо мной сигареты, за которыми я ее посылал.

Я был как оглушенный. Письмо за письмом раскрывало мне план готовящейся измены, я наблюдал за тем, как Одиль незаметно для себя катится по наклонной плоскости, в конце которой она станет любовницей другого мужчины. Конечно, еще ничего не произошло, но могло произойти уже в любой момент. Чего им не хватает?

Что же касается другого, то это был не Демонжо, как я считал вначале. Слава Богу, это был всего лишь Лаборд! Я оказал ему столько услуг, что он совершенно естественно должен был меня ненавидеть. Последней моей услугой было то, что я помог ему избежать тюрьмы.

Я отложил в сторону то письмо, где он издевался надо мною, и перечитал его.

“Ваш муж считает меня мечтателем и поэтом. Он думает, что я не способен жить реальной жизнью. Но я способен на большее: воплотить мечту в реальную жизнь”.

Что бы он там ни говорил, но я спас его от тюрьмы, в которую он чуть было не угодил именно из-за своей непрактичности и излишней доверчивости. Я не считал его способным на мошенничество или непорядочность. Сегодня он доказал, что способен и на то, и на другое: он собрался отобрать жену у меня, человека, которому был стольким обязан. Не было даже такого оправдания, как страсть, потому что он не любил, а только играл.

А она, она даже не возмутилась и позволила вести себя шаг за шагом к пропасти. Сначала из любопытства, потом — из желания испытать новые острые ощущения. Позволила тому, кого должна была бы с презрением выгнать. Правда, она ничего не знала, у меня нет привычки рассказывать о тех услугах, которые я кому-то оказываю. Для нее это был не всем обязанный мне человек, а просто соблазнитель, куда более опытный и искушенный, нежели другие.

Когда она читала его искусно составленные письма, в ней неизбежно должно было начать разгораться желание, до сих пор дремавшее в ее прекрасном теле. Каким-то чудом он превратил ее в абсолютно не знакомую для меня женщину. В общем, они уже обманули меня настолько, что сам факт их физической близости уже ничего бы не добавил к совершившемуся предательству. Вполне возможно, что она даже уже принадлежала ему, лежа в моих объятиях, в моей постели. А почему бы и нет? Для нее это могло стать еще одним новым острым ощущением: отдаваться мужу телом, а любовнику — воображением.

И тут я вспомнил некоторые мелочи, о которых, впрочем, не решаюсь сказать даже сейчас. Это, должно быть, началось около недели тому назад. Я овладел ею... Я уже говорил, что она не была страстной женщиной, плотские утехы и удовольствия ее мало занимали. Но в тот раз в моих объятиях была совершенно другая женщина. Да, это была совершенно иная Одиль, которая обвивала меня руками и ногами, прижималась трепещущим телом ко мне, так, что я ощущал каждую его клеточку, глаза ее были закрыты, рот — искажен наслаждением, которое она, безусловно, испытала... Когда она очнулась после короткого забытья и открыла глаза, она сначала словно и не узнала меня, а потом разочарованно прошептала:

— А, это ты...

Я же рассмеялся: моя гордость самца была удовлетворена. Подумать только: я смог довести женщину до такого экстаза! Я! Мое самодовольство помешало мне насторожиться при таком внезапном изменении доселе бесстрастной женщины. Каким же дураком я был! Она отдавалась не мне, а другому, после прочтения неизвестно какого по счету письма.

Три дня спустя мне снова захотелось заняться с ней любовью, но она резко отказалась, сославшись на внезапный приступ сильной мигрени. На следующий день она уступила, но уступила лишь из чувства долга, и все было так, как происходило у нас обычно. Неужели так теперь будет всегда?

И что мне теперь делать? Швырнуть ей в лицо эти письма, как только она вернется домой? Насладиться ее замешательством? Спросить:

— Ну, так что мы скажем твоему соблазнителю? Что твой тридцать седьмой размер в его распоряжении? Подойдет ему это?

А потом? Вместе с ней кинуться к Лаборду?

Да, я должен был все тщательно обдумать. Может, это действительно будет лучшим способом вернуть себе жену? Но мгновение спустя я понял, что это будет также и лучшим способом потерять другую, ту, которую познал неделю тому назад и которую не смогу уже забыть. И я принял другое, самое невероятное решение, которое можно считать даже безумным. Плевать! К тому же здесь я выступаю не в качестве адвоката, а лишь как рассказчик.

В моей жене было две женщины: благоразумная и безумная, одна, которую я хорошо знал, и другая, о которой я не знал ничего, кроме того часа наслаждения, который она подарила мне по ошибке. И именно эта чувственная незнакомка была для меня важнее и нужнее первой. Помимо моей воли меня влекло к ней какое-то нездоровое любопытство, возникшее во время чтения этих проклятых писем. Да, к этому любопытству примешивались бешенство, ревность, отвращение, но главным было все-таки оно. Именно желание удовлетворить это любопытство подсказало мне мой безумный план. И прежде всего, необходимо было набраться терпения и подождать.

Мне трудно объяснить свои поступки. Я не знал, чего я хочу. Мне было ясно только, что я хотел сохранить для себя обеих женщин: чтобы благоразумная оставалась прежней, а безумная принадлежала только мне. И подумать только, я всегда считал себя человеком, лишенным воображения! Как же плохо, оказывается, мы сами себя знаем.

Я сложил письма в прежнем порядке и положил их на прежнее место в секретер. В тот момент все еще могло повернуться иначе, но тогда я никогда бы не испытал тех чудесных и ужасных часов наслаждения, этих отравленных и великолепных часов взаимного рабства наших тел. Тех часов, от наваждения которых я до сих пор не могу избавиться, поэтому и пишу все это, а вовсе

не из стремления исповедоваться. Я надеюсь, что наваждение останется на этих страницах: тело этой женщины, ласки этой женщины, ее дерзость, ее крики наслаждения — все. Я опущусь в самые глубины своего сознания и вырву оттуда эту заразу, как вынимают глубоко засевшую занозу. А когда освобожусь...

Я пошел в парк и машинально направился к беседке. По дороге мне все стало ясно. Когда я оказался там, я уже знал, что и как нужно сделать, причем мне очень помогла в этом моя профессия инженера.

Вы уже знаете, что закрытая беседка была приподнята над землей на четыре ступеньки. По-видимому, прежние владельцы приходили сюда почитать или помечтать, любясь великолепными видами, на парк и на лес. Беседка стояла на четырех цементных столбах, под которые вполне можно было проникнуть и оказаться под полом самой комнаты.

Я поднялся по лестнице и вошел в беседку. Лаборд дал очень точное описание комнаты: два окна, стол и железный стул. Крыша, по-видимому, протекала, так как в трех местах пол сильно прогнил от сырости.

Я вышел. Недалеко от беседки был сарайчик, куда слуги складывали инструменты. Я взял мотыгу и вернулся. Гнилая доска у одной из стен подалась после первых двух ударов. Случайно ступить в образовавшуюся дыру было невозможно, и я замаскировал ее каким-то старым тряпьем. Сквозь получившееся небольшое отверстие, размером со слуховое оконце, я мог наблюдать снизу за тем, что происходит в комнате наверху, а также все слышать...

Над столом висела электрическая лампа в стеклянном плафоне. Я обрезал провод и таким образом лишил комнату искусственного освещения. Потом вернулся домой и заперся в кабинете. На письменном столе стоял портрет Одиль, удивительно удачно увеличенное изображение в профиль, причем выражение лица было такое, будто она предлагала мне себя. До сегодняшнего дня я не замечал на этом портрете ничего подобного.

Я пробыл в кабинете до ужина, не сводя глаз с изображения женщины, которая уже больше не была моей. Никому не желаю испытать того смешанного чувства ненависти, отвращения, желания и ревности, которое буквально раздирало мою душу в тот вечер. Мгновениями я будто бы приходил в себя, но тут же понимал, что все напрасно, и что больше я уже никогда не стану прежним. Мой темперамент, мой характер, мое происхождение, наконец — все исчезло, все заменилось какой-то первобытной чувственной яростью и похотью. Я мог думать только об Одиль: о ее ногах, бедрах, грудях, губах.

Мне трижды звонили, пока я сидел в кабинете перед портретом. Я перенес все дела на следующий день, сославшись на какой-то незначительный предлог. Наконец ужин собрал нас всех вместе.

Одиль показалась мне веселой и оживленной, она подтрунивала над моей рассеянностью, моим молчанием и мрачным видом:

— Что, каучуковая компания уже почти дошла до банкротства?

Я пытался смеяться вместе с ней, но, должно быть, мой смех показался ей натянутым. Мысль о том, что этим вечером она, может быть, пойдет на свидание с Лабордом в беседку, вселяла в меня одновременно и отвратительное бешенство, и какое-то нездоровое любопытство. В конце концов бешенство взяло верх, и я предложил ей поехать в Париж, чтобы сходить в кино. Таким образом я был уверен в том, что весь вечер она будет при мне.

— В кино? Разумеется, если тебе хочется. Но только с одним условием: фильм должен быть веселым. Тебе необходимо рассеяться, бедный мальчик.

И в этот момент ее позвали к телефону. Она вышла из комнаты своей ровной и грациозной походкой, я проводил ее взглядом до дверей и заметил, что в ее манере держаться что-то неуловимо изменилось. Хотя, возможно, мне это только показалось, я уже давно не присматривался к ней. Или она действительно была сегодня другой, или это я смотрел на нее другими глазами.

Когда я поднял голову, она уже вернулась. Ее отсутствие длилось лишь несколько мгновений, ровно столько, сколько нужно, чтобы дойти до телефона, выслушать несколько слов, сказать несколько в ответ и вернуться. Она молча села напротив меня, и я заметил, что радостное выражение, которое было до этого на ее лице, бесследно исчезло, как будто его стерли резинкой. Я был уверен, что эта перемена произошла из-за моего соперника.

— Кто это звонил?

Я спросил это самым безразличным тоном, и ее ответ прозвучал так же равнодушно:

— О, пустяки. Это был Лаборд, который не знает, как убить время этим вечером. Он спрашивал, не собираемся ли мы сегодня поиграть в бридж. Я попросила его позвонить завтра, потому что сегодня мы собираемся в кино.

Поймите меня, я был счастлив этой отсрочке, которая к тому же показала мне, что Одиль была менее отравлена этими проклятыми письмами, чем я думал. Да, я был счастлив, но одновременно и разочарован. Это труднее объяснить. Но мне вдруг показалось, что эта отсрочка навсегда отсрочит выполнение моего плана и лишит меня возможности отомстить. В действительности я меньше думал о мести, чем о возможности узнать эту женщину, которую, оказывается, до сих пор так и не узнал за семь лет супружеской жизни.

После кофе она погрузилась в изучение киножурнала, потом вдруг подняла голову и подавила зевок.

— Тебе очень хочется поехать?

Я вопросительно посмотрел на нее, мое сердце бешено колотилось. Я уже знал, что она собирается мне сказать дальше.

— Я вдруг почувствовала себя такой уставшей после целого дня беготни по магазинам. Но если тебе очень хочется...

Не отвечая, я начал медленно расхаживать по комнате. После долгих колебаний я сказал себе:

“Отвези ее в Париж — и она тебя возненавидит. Оставь ее — и она тебе изменит”.

И я решился.

— Ничего страшного. Я как раз не успел еще разобрать всю сегодняшнюю почту, так что именно этим и займусь сегодня вечером в кабинете.

Я подошел к столику, на котором стояла моя чашка с кофе, молча выпил и так же молча пошел к двери. Только там я обернулся и тут же заколебался: правильно ли я поступаю, позволяя событиям по-прежнему развиваться.

— Хочешь, я побуду с тобой еще немного?

Она покачала головой.

— Нет, я пройду по парку и постараюсь оставить там свою мигрень. Я не прошу тебя меня сопровождать, ты не любишь такие прогулки. А потом я пойду и лягу спать.

Говоря это, она подошла к двери, около которой я стоял, и протянула мне губы.

— Поцелуй меня, — сказала она просто.

У меня сорвалась горькая реплика:

— Ты хочешь попросить за что-то прощения?

— Прощения? Что за нелепая мысль!

И она широко раскрыла абсолютно искренние глаза. Да, Лаборд был прав: женщины, как кошки, всегда падают на четыре лапы.

Ее поднятое ко мне по-детски чистое лицо, казалось, говорило:

“Что, разве я не права?”

Я поцеловал ее, хотя мне пришлось приложить огромное усилие, чтобы скрыть бешенство и ненависть, побуждавшие меня дать ей пощечину.

— Ты права. Когда мне приходится работать по вечерам, я никогда точно не знаю, сколько времени у меня это займет. До завтра, спокойной ночи.

Стемнело. Я поднялся на второй этаж в кабинет и зажег там свет. Окно кабинета выходило в парк, и Одиль будет уверена, что я работаю.

Я оставил дверь приоткрытой, чтобы слышать то, что происходит в доме. Вскоре я услышал шаги Одиль, которая поднималась в спальню, по-видимому, чтобы взять шаль. Тогда, заперев дверь кабинета на ключ, я тихо спустился по лестнице и выскользнул в парк. Где-то в двухстах метрах от меня Лаборд должен был поджидать прихода своей соучастницы. Я сделал боль-

шой крюк, чтобы подойти к беседке с той стороны, где не было ни окон, ни двери, сократив таким образом риск быть захваченным врасплох и все испортить до минимума. Я медленно шел в темноте, стараясь не производить никакого шума.

Вскоре я услышал шаги вдалеке, и меня обожгло чувство ревности. Я остановился и прислушался: по звуку шагов я пытался определить, уверенно ли Одиль идет на свидание, или все-таки колеблется, легка ли ее поступь, или нет. С жестокой ясностью я хотел проникнуть в самые интимные подробности происходившего.

Я стер пот, заливавший мне лоб. Мне показалось, что шаги колеблются, потом они ускорились, как если бы Одиль решила покончить с неопределенностью. Я тоже приблизился к беседке, причем последние метры преодолевал уже ползком. Тихонько раздвинув окружавшие ее кусты и согнувшись, я пробрался к тому месту под полом беседки, которое для себя приготовил. Моя рука нащупала отверстие, которое я проделал несколько часов тому назад. И я отодвинул тряпки, которые могли бы помешать мне все услышать. Каких бы мучений мне это ни стоило, я не хотел упустить ни малейших подробностей этой встречи.

Именно в этот момент Одиль поднялась на первую ступеньку. Колебалась ли она? Боялась ли? Я не мог ее разглядеть, хотя она была в двух шагах от меня, настолько полной была темнота. Но я чувствовал, что она дрожит и тяжело дышит. Наконец она едва слышно прошептала:

— Вы здесь?

Ответ пронзил меня насквозь, словно раскаленный железный стержень:

— Вы подумали, что я мог не прийти?

Одиль медленно поднялась по ступенькам и вошла в беседку почти над моей головой. По ее шагам я мог не только определить место, где она находится в каждую секунду, но и догадаться о ее чувствах: тревожном ожидании и страхе перед неизвестностью. Она ставила ногу с большой осторожностью и замирала на несколько секунд перед следующим шагом. Я представил себе, как она вытянула руки вперед, словно при игре в жмурки. Но тут шла куда более опасная игра.

— Где вы? — тихо спросила она.

Мне показалось, что ее голос дрожит. Тело, без сомнения, тоже было охвачено дрожью. Ах, как же умело этот мерзавец сумел разбудить в ней самые потаенные чувства, вдохнуть в нее новую жизнь! Он был где-то здесь, в этой абсолютно темной комнате, притаился, затаив дыхание. Когда она окажется возле него, он запустит руки под ее платье, и она рухнет в его объятия с дрожащими ногами и влажным от желания животом. А может быть, она ходила в спальню для того, чтобы сбросить с себя тонкие трусики и отдаться ему мгновенно, после первой же ласки, чтобы одежда не стесняла ее? Эта мысль причинила мне просто физиче-

скую боль, я скорчился от невыносимой ревности. И все это происходило в тишине, которую нарушали лишь редкие, неуверенные шаги Одиль и скрип пола под ее ногами.

Ее голос нарушил невыносимую тревогу ее (да и моего тоже) ожидания:

— Так где же вы? Мне почти страшно!

Она дошла до конца комнаты и теперь возвращалась обратно вдоль стены.

— Я признаю, что проиграла. Я даю залог...

Она издала приглушенный крик, шедший из самых потаенных глубин, который тут же перешел в глухой, почти жалобный стон. Должно быть, он схватил ее, когда она проходила мимо, и запустил руки под платье, чтобы сразу добраться до самого интимного места, и теперь я уже не буду единственным мужчиной, который его ласкает.

Мне кажется, в тот момент я был на волоске от того, чтобы выскочить из своего укрытия и избить их обоих. И лучше бы я именно так и поступил. Я испытывал невыносимые мучения, моя голова гудела, как колокол. Я представлял себе руку другого, скользкую по волоскам внизу живота Одиль, ласкающую ее бедра, пытающуюся проникнуть как можно глубже, а до меня доносились обрывки фраз, прерываемые вздохами:

— Нет, не сегодня вечером... Мы же договорились о правилах... Впрочем, вы не сможете...

Это длилось пять или десять секунд, которые показались мне вечностью. Наконец она сделала резкое движение, я услышал несколько шагов, ее шагов. Должно быть, она опомнилась. Вскоре послышался голос Лабарда:

— Успокойтесь. Я совершенно не намерен овладеть вами. Я подожду, пока вы сами себя мне предложите, по собственному желанию. Моя рука оставила убежище под вашим платьем. Больше я вас не трону.

Он подошел к ней.

— Признайтесь, однако, что вам было страшно. Вы боялись и меня, и себя, потому что...

Он засмеялся.

— Обычно женщины ограничиваются тончайшей паутинкой трусиков, а вы надели, как я успел заметить, не меньше трех пар. Чтобы скрыть деликатный рельеф, или чтобы помешать моей руке добраться до вас? И каждая пара плотнее и теснее другой?

Она тоже начала смеяться, но ее смех был явно деланным. Должно быть, она покраснела.

— Это инквизиция! Я пожалуюсь мужу...

— Ба! Он отныне так мало значит...

Мои ногти непроизвольно глубоко впились в ладони.

— Признайтесь, что ощущения, которые вы испытали сегодня вечером, очень приятны и неожиданны. Я здесь, притаившись, ждал, когда вы окажетесь рядом со мной. Вы приближае-

тесь, ваши нервы напряжены, вы почти готовы закричать. Вдруг мои руки протянулись к вам, вы стиснули ноги, но было уже поздно. Я уже проник туда, куда хотел. Начнем снова?

На сей раз ей удалось замаскировать свое волнение насмешкой:

— Найдите мне лучше этот единственный в комнате стул. У меня ноги подкашиваются. Ну и воображение у вас!

— Это упрек?

— Нет, раз я все еще здесь. Видите, я говорю совершенно безумные вещи. Вы знаете, что лишили моего мужа развлечения? Мы собирались в кино...

— И тут позвонил я. Вы сожалеете об этом?

Она уклонилась от ответа.

— Я сказала ему, что вы звонили по поводу бриджа, и что я пригласила вас на завтра...

— Это помешает нам возобновить все завтра вечером. Жаль!

— Я же не могу ссылаться каждый вечер на мигрень, чтобы никуда с ним не ходить и добиваться одиноких прогулок в парке. Впрочем, я подумаю, прежде чем что-то возобновлять.

— Угрызения совести?

— Возможно.

— Простите. Обычно угрызения совести бывают после.

— Договоримся сразу, что я не такая, как другие, потому что у меня они — до.

Она сделалась серьезной.

— И подумать только, что у нас нет даже такого оправдания, как любовь! Мы не любим друг друга, вы сами много раз мне это говорили. Вы меня не любите, я тоже вас не люблю. Тогда все это только ради того, чтобы...

Я должен был напрячь слух, таким тихим стал ее голос.

— Я не узнаю себя. Все, что я думала об этом раньше, рухнуло. Я никогда не подумала бы, читая ваше первое письмо, что приду к этому так быстро.

Она сделала попытку засмеяться.

— Должно быть, во мне есть другая женщина. И это именно она пришла сюда сегодня вечером.

— Конечно, она. А поскольку она здесь, могу ли я попросить у нее залог прихода на следующее свидание?

— Продолжайте. Она потом посмотрит. О чем идет речь?

— Собственно говоря, это не один залог, а два или даже три...

— Три! Бог мой!

Она снова засмеялась, но в ее смехе явно сквозило нетерпение.

— Похоже, вы предпочитаете все делать сериями. Что ж, я вас слушаю...

— Так вот. Я хотел бы знать, то есть услышать непосредственно от вас, могу ли я воображать ваш... Ну, тот самый размер: 34, 35, 36 и так далее.

Наступило молчание.

— Вы в затруднении?

— Признайтесь, вопрос не из легких. Вы рядом со мной, одна ваша рука у меня на плече, другая — перебирает мои волосы. И еще хотите, чтобы я...

— О, я ведь прошу такой безделицы! Просто новой пиццы для моего воображения, когда вы уйдете.

Она явно заколебалась.

— Ну, хорошо. Чтобы не мучить ваше воображение, я постараюсь обойтись без всяких оговорок и обходных путей и скажу, что вы можете воображать себе 34-35. Это вас устраивает.

— Это великолепно!

— Очень рада, потому что в данный момент больше ничего вам не могу предложить, дорогой сударь.

Она снова говорила насмешливым тоном, который всегда был для нее лучшей защитой.

— А второй задаток?

— Встаньте.

Она подчинилась.

— Я хотел бы сейчас встать перед вами на колени.

— Разрешаю вам это.

— А теперь я хотел бы поцеловать вашу ножку там, где кончается чулок.

— О, я думаю, что это будет очень неосмотрительно.

— Ба! Вы так надежно закутаны, а ваши ножки словно заперты на замок. Кто бы мог заставить их раздвинуться?

Я услышал шелест ткани и представил себе, как он прижимается губами к нежной коже ее ноги выше колена. Мне послышалось даже что-то вроде глухого, жалобного стоны.

— Хватит, — сказала она наконец прерывающимся голосом. — К тому же мне пора возвращаться.

— А третий задаток?

— Нет! Не хочу даже говорить об этом. Не хочу даже ничего о нем знать.

Она сделала несколько шагов по направлению к двери.

— Вы уже уходите?

— Да, мой муж может начать беспокоиться и отправится за мной в парк. Кстати, а как вы в него попали?

— Перелез через решетку, другого способа не было. Не беспокойтесь, меня никто не видел. Кстати, вы могли бы мне завтра, во время игры в бридж, дать ключ от калитки?

Она явно заколебалась.

— Там видно будет. И не забудьте, когда придете, положить в старый дуб письмо. Мне интересны ваши впечатления, после того, как вы их обдумаете.

— Обещаю.

Она уже спускалась по лестнице, когда он бросил ей вслед:

— А пока вот вам все-таки третий задаток: у вас бархатная кожа, моя дорогая. Так что я его уже получил.

Я услышал удаляющиеся неторопливые шаги Одиль, которые вскоре замерли в темноте. Леборд закурил сигарету и тоже удалился. Я остался один.

Я вернулся домой и оказался в своем кабинете как раз в тот момент, когда часы пробили десять. Утром в это время я еще ничего не подозревал. Как все изменилось всего за двенадцать часов! Мне не терпелось увидеть Одиль, ее лицо, поэтому я погасил свет в кабинете, как если бы закончил работу, и пошел в спальню.

Одиль была в ванной комнате, куда я вошел без стука. Она чуть не вскрикнула от испуга, как мне показалось. Я же сделал удивленное лицо и спросил:

— Как? Еще не в постели?

— Готовлюсь туда отправиться.

Кошка опять упала на все четыре лапы.

Сидя перед зеркалом, Одиль сосредоточенно стирала с лица косметику, чтобы наложить ночной крем. Она массировала лоб, щеки, шею круговыми движениями кончиков пальцев, и, глядя на нее, всецело поглощенную этим пустячным занятием, невозможно было представить себе, что всего полчаса назад она была на волосок от близости с другим мужчиной. Разве что глаза у нее чуть-чуть ввалились.

— У тебя усталый вид, — заметил я небрежно.

Она резко повернулась ко мне, но тут же взяла себя в руки и скрыла раздражение.

— Ничего удивительного. При такой мигрени...

— Свежий воздух совсем не помог?

— Ни капельки.

Она стянула платье через голову, а я сел на табурет и молча наблюдал за тем, как она раздевается. Это было мое законное право мужа. Одиль сняла комбинацию и осталась только в чулках с поясом и кружевном бюстгальтере. Трусиков на ней уже не было, что меня даже не удивило. Они кучкой лежали на краю ванны: по-видимому, она сняла их в первую же минуту после возвращения. Их действительно было три пары: из белого трикотажа и розового и голубого шелка. Как бы в рассеянности я сжал в руке эти интимные кусочки ткани. Мне показалось, или они действительно были влажными от неудовлетворенного желания? Пусть меня простят за это перечисление бесстыдных и порочных деталей.

Вскоре Одиль вышла из ванной, и я последовал за ней в спальню.

— Ты уже ложишься? — спросила она.

Без сомнения, она хотела остаться одна, чтобы помечтать о своем приключении. Впрочем, мне совершенно не хотелось спать, что было естественно. Я оставил Одиль, заперся в кабинете на ключ и занялся довольно странным занятием. Я скрупулезно восстановил в памяти все то, что говорил Леборд, а потом начал все это повторять, как прилежный ученик.

Зачем? Пожалуй, пришло время рассказать о моем плане мщения. Прежде всего я, разумеется, как и любой муж, не хотел стать рогоносцем. Во-вторых, я хотел отомстить, но отомстить изощренно. Я хотел удалить Лаборда, прийти на свидание вместо него и ласкать Одиль так, как это делал он, пока она сама не отдастся мне. А там — будь что будет. Конечно, это безумие и извращение, но в этом была какая-то особенная притягательность.

Передо мной была новая женщина, которую я совершенно не знал. Я знал ее совсем другой — бесчувственной и холодной. Другая появилась только потому, что появился другой мужчина. Единственным способом узнать эту новую женщину было занять место этого мужчины. Как только она станет моей, мое желание и любопытство будут удовлетворены, я перейду ко второй части своего плана мести. Взять эту Одиль номер два, наслаждаться с нею, насытиться ее сладострастием, а потом, прежде чем она придет в себя, а мои руки будут еще ласкать самые потаенные местечки ее тела, сбросить с себя маску и заставить Одиль корчиться от стыда.

Что нужно, чтобы добиться этого? Пишущая машинка с характерными дефектами двух литер и голос Лаборда, который я должен был имитировать. Во время учебы в лицее я довольно успешно копировал голоса преподавателей и одноклассников, причем старательно совершенствовался в этом занятии. Мог ли я себе представить, что в один прекрасный день...

С ученическим прилежанием, усиленным чувством бешенства, я повторял слова, услышанные полчаса тому назад десятки раз подряд, стараясь как можно более точно передать особенности голоса и интонации своего соперника. Чего мне это стоило, Бог мой! Но ради того, чтобы отомстить...

— У вас бархатная кожа... Нет, я и не думаю овладеть вами... Я подожду, пока ваше собственное желание... Признайтесь, что ощущение приятное... Я бы хотел поцеловать вашу ножку там, где кончается чулок... Ничего страшного, поскольку вы так закутаны...

Ах! Отравленные слова! Мне нужна была передышка, я больше не мог так себя мучить. Но спустя несколько минут я снова принялся за работу с почти смертельным упорством.

— У вас бархатная кожа... Я хотел бы услышать от вас про этот размер... Чтобы потом, когда вы уйдете, воображать себе...

Когда я вернулся в спальню, Одиль уже спала на своей кровати рядом с моей. Какое-то время я смотрел, как мерно дышит ее грудь под светлой пижамой. Она глубоко вздохнула, и по всему ее телу пробежала дрожь. Я погасил лампу у изголовья и предоставил Одиль ее сладострастным снам.

Я не видел ее за завтраком, так как встал раньше обычного. Да мне и не хотелось ее видеть. Как только я проснулся, события предыдущего дня всплыли в моей памяти с жестокой ясностью, и меня словно ударили ледяным полотенцем по лицу. Я отправил-

ся в Париж на улицу Комартэн. Совершенно не помню, что я делал в то утро, кроме одной незначительной подробности. Возможно, именно из-за своей незначительности она и врезалась мне в память.

На улице я увидел незнакомую девушку, проходившую мимо газетного киоска, возле которого я как раз остановился. Девушка улыбалась чьему-то появлению, какому-то молодому человеку, возможно, своему жениху, и улыбка на ее свежем лице была чистой, как заря. Одиль тоже так улыбалась. Как и эта девушка, она вошла в жизнь, принимая ее с доверием и надеждой. Но однажды в самой глубине ее существа пробудились странные, до тех пор дремавшие силы и желания. Пробудились по воле колдуна, который сделал ее другой, порочной женщиной. И мне захотелось сказать незнакомой девушке: "Будь осторожна! Тебе станут говорить о волнующих ощущениях, редких ощущениях, запретных ощущениях, которые не может дать муж, но которые необходимо испытать. Не поддавайся на эту приманку. Это яд".

Наверное, я что-то действительно произнес вслух, потому что девушка посмотрела на меня странными глазами, приняв, вероятно, за сумасшедшего. Но я действительно сошел с ума, если захотел сделать своей любовницей собственную жену. Я поступил бы разумнее, ревниво оберегая ее.

В час дня я вернулся домой и внезапно предложил Одиль отправиться в путешествие в Аръеж, где у нас было имение, полученное Одиль в приданое. С тех пор, как мы поженились, мы ездили туда только три раза, хотя постоянно обещали друг другу бывать там почаще. Это были те обещания, которые обычно не выполняются: последний раз мы были там года три назад.

— В Аръеж! — воскликнула Одиль, даже не дав мне закончить. — Что за странная идея?

Ее рука так резко дернулась, что она опрокинула бокал.

— Какая же я идиотка! Нельзя быть такой неловкой.

Пока она промокала салфеткой пятно от вина на скатерти, я исподтишка наблюдал за ней. Неловкость, в которой она себя обвинила, была на самом деле страхом. Она испугалась того, что ей придется расстаться с Лабордом в самом начале их рискованного опыта. Я был в этом абсолютно убежден, хотя мог и заблуждаться. В ситуации, в которой мы оказались, я был склонен даже в самых незначительных вещах видеть смысл, существовавший, скорее всего, только в моем воспаленном воображении. Это, к тому же, мешало мне здраво оценивать и анализировать факты. Одиль отказывалась от этой поездки и тогда, когда еще не знала Лаборда. Она и раньше опрокидывала бокалы. Но сегодня вечером Лаборд положит письмо в дупло старого дуба, а моя жена пойдет за ним позднее или завтра утром. За письмом, в котором будет описано первое свидание и будет готовиться второе.

Бокал слегка треснул, хотя и не разбился.

— Бедный бокал, — заметила Одиль, и голос ее тоже прозвучал как-то надтреснуто. — Это к счастью.

Я ничего не ответил.

После обеда я снова уехал в Париж и отправился к тому торговцу мебелью, у которого мы в свое время купили секретер для Одиль. Сказал, что потерял ключ, и без особого труда получил дубликат. Теперь я мог следить за развитием авантюры и по письмам тоже.

Незадолго до шести часов вечера я зашел на завод и вызвал к себе Демонжо. Это был очень хороший инженер, которому я полностью доверял, и теперь сердился на себя за глупые вчерашние подозрения в его адрес. Как ни странно, но, читая письма, я испытывал еще и облегчение от того, что соблазнителем оказался другой человек.

Когда он пришел, я сказал ему:

— Я тебя приглашаю пообедать у нас. Жена хочет сегодня вечером поиграть в бридж.

— Хорошо, патрон. Но сначала...

Он провел меня по всему заводу, в деталях объясняя мне некоторые улучшения, которые он намеревался ввести в производство одного из наших самых важных изделий. Я слушал его, но так рассеянно, что он это заметил.

— Что-нибудь случилось, патрон? Вчера ты был так воодушевлен моим проектом, собирался детально поговорить о нем сегодня. А вместо этого...

Я только жалко улыбнулся в ответ. Мое воодушевление, мое спокойствие были у меня отняты вместе с моим счастьем. Отныне моя жизнь превратилась в кошмар, где были только мучения. Кроме того, меня мучила безумная ревность, и я знал, что не найду покоя, пока не возьму реванш.

Я зашел в контору завода, подписал несколько бумаг, и мы отправились ко мне через лес и парк. Проходя мимо старого дуба, Демонжо вдруг сказал:

— Его надо спилить.

Я вздрогнул. Неужели он тоже заметил проделки Одиль и теперь предлагает мне уничтожить этот почтовый ящик?

— Зачем?

— Да оно насквозь прогнило, это дерево, того и гляди, рухнет и придавит кого-нибудь.

Нет, он ничего не знал, иначе не говорил бы с таким легкомысленным безразличием. Я заставил себя рассмеяться:

— Ба! Дадим ему еще несколько месяцев жизни. Оно еще не выполнило свое предназначение до конца.

Теперь пришла его очередь удивляться.

— Ты говоришь какие-то странные вещи...

— Странные?

— Ты словно ждешь от этого дерева какой-то услуги.

Мог ли я сказать ему, чего на самом деле жду от старого дуба? Вот-вот Лаборд положит в его дупло свое очередное послание. Поздно вечером или рано утром моя жена придет за ним, а чуть позже я найду это письмо в ее секретере. Отныне нас троих затянули колеса безжалостного механизма моего плана мести. Меня могли спасти либо желание Одиль освободиться от наваждения, либо смерть Лаборда.

Его смерть! Я думаю, что если бы в тот момент, когда мысль об этом пришла мне в голову, я мог бы нажатием какой-то кнопки оборвать жизнь Лаборда, я бы это сделал. Но уже в следующую минуту прежние чувства — ненависть и жажда мести — вытеснили эту мысль у меня из головы. К тому же я слишком хотел узнать другую Одиль, а для этого существовало только одно средство — Лаборд, который день за днем кропотливо вызывал в ней новые желания, лепил новую женщину.

Одиль, должно быть, заметила нас из окна, так как вышла нам навстречу. Ничто в ее поведении не выдавало ожидания появления ее полу-любownika. Никто ничего бы не заподозрил. Как всегда она была одета так, что выглядела грациозно, юно и соблазнительно, привлекая внимание мужчин. Она была прекрасна — эта блондинка с огромными зелеными глазами и нежным лицом. Однако рот не был чувственным, губы были не слишком тонкие и не слишком пухлые, обычные, изящные, розовые губы молодой женщины. Вот до чего я дошел: я изучал собственную жену, словно совершенно незнакомую женщину. Но ведь она действительно оказалась для меня незнакомкой.

Мы отправились в гостиную. Одиль весело болтала с Демонжо, а я разглядывал ее лицо, ее профиль и думал: эта — моя, вот эта — немного другая, а что же касается вот этой...

Мы сели ужинать. Одиль была восхитительна, но в этом была большая заслуга Демонжо, веселое оживление которого компенсировало мою задумчивость. Иногда я делал над собой усилие и вставлял несколько слов в их разговор, но больше слушал. Сплетни, кино, литература, театр, философия — они непринужденно переходили от одной темы к другой, не задерживаясь подолгу ни на одной из них. Почему они начали говорить о верности? Не знаю. Но эта тема была затронута, причем говорили они в прежней шуточной манере.

— Я, например, — смеясь, заявил Демонжо, — придерживаюсь мнения Ларошфуко: большинство порядочных женщин — это скрытые сокровища, которые остаются в безопасности лишь потому, что их не ищут.

— Что означает, — подхватила моя жена, — что как только их начнут искать...

— Их найдут. Исключения, по мнению Ларошфуко, бывают крайне редко.

Одиль засмеялась:

— Я как раз такое исключение.

Она повернулась ко мне и спросила:

— А что думает об этом мой муж?

Я не мог уклониться от ответа:

— Ба! Главное, чтобы ты была таким исключением.

Я заметил, что бессознательно гневно комкаю в руках салфетку.

— Если хотите знать мое мнение, — сказала Одиль, — ваш Ларошфуко был обманут одной или несколькими женщинами и пытался, бедняга, отомстить.

Одиль снова посмотрела на меня ясным взглядом и спросила:

— А что бы ты сделал, если бы я тебе изменила?

Признаться, я был ошеломлен таким проявлением дерзости с ее стороны. Она же по-ребячески надула губы и продолжила:

— Ты бы меня убил?

Демонжо расхохотался:

— По-моему, есть более элегантное решение проблемы.

— И какое же?

— Взять в любовники женатого мужчину, чтобы ваш супруг мог утешаться с женой соблазнителя.

К этому времени я уже достаточно ожесточился и вмешался в их спор:

— При условии, что она будет так же хороша, как Одиль, что очень ограничивает мои шансы на достойную компенсацию.

Комплимент явно доставил ей удовольствие, она пожала мне руку и сказала:

— Спасибо, дорогой. Но... если бы это был холостяк?

Она продолжала свою рискованную игру. Я пожал плечами:

— Что ж! Тогда компенсация вообще оказалась бы невозможна.

Наши взгляды встретились. В этой игре была какая-то извращенная прелесть: никто, казалось, не подозревал, что мы обсуждаем реальную ситуацию. Одиль думала, что мне ничего не известно, Демонжо вообще ни о чем не знал. И только один я...

— Тогда нужно найти что-то другое, — продолжил я как можно непринужденнее. — Что? Я не знаю. Но только это "что-то" должно быть оригинальным и исключительным. И достойным красоты Одиль.

Кажется, я вложил в свои слова куда больше уверенности, чем следовало бы. Какое-то время она молчала, а потом, вооружившись своей насмешливостью, этим самым ее надежным оружием даже против домогательств Лаборда, сказала:

— Знаешь, ты просто провоцируешь меня на то, чтобы я тебе изменила.

Она почти тотчас же встала из-за стола, и мы покинули столовую. Одиль нежно обнимала меня, прижимаясь ко мне как бы в забывчивости. Любила ли она меня? Вопрос совершенно риторический, потому что истина одна: огромное большинство женщин придают физическому акту такое значение, действуют в нем так

самозабвенно, что все это просто невозможно без любви. Но для Одиль это исключалось, поскольку одним из условий ее поединка с Лабордом было отсутствие чувства. “Я вас не люблю, и вы меня не любите”, — прочел я в самом первом письме, с которого началась вся эта авантюра.

Мы сели в гостиной.

— Хотите сыграть в шахматы, господа, пока мы ждем гостей? — весело спросила Одиль.

Даже не дожидаясь ответа, она положила перед нами шахматную доску. Конечно, она хотела развязать себе на какое-то время руки, чтобы без помех поговорить с Лабордом.

Она оставила нас на несколько минут, чтобы освежить макияж, и вернулась уже вместе с первым гостем. Это был ее дядя, безобидный маньяк, который коллекционировал оружие: от пещерных времен до Средневековья, от кремневых ружей до аркебуз, дальше его интересы не простирались.

Лаборд пришел последним. Моя жена поднялась ему навстречу, и они пожали друг другу руки, сказав при этом несколько слов, которые мне даже не нужно было слышать, чтобы догадаться о главном: письмо ждало Одиль в обычном месте.

Потом Лаборд небрежно засунул руки в карманы пиджака. У меня не было уверенности, но было подозрение, что в одной руке он при этом сжимал что-то небольшое: ключ от калитки, надо полагать. Наконец он направился ко мне, находя по пути любезные слова для каждого гостя. Мне понадобилось огромное усилие воли, чтобы не дать вырваться наружу той буре чувств, которая поднялась во мне, как только я его увидел. Мне хотелось схватить его за горло, задушить, затоптать насмерть. Не знаю, каким чудом мне удалось остаться внешне спокойным.

Уже организовывался бридж. Нас было девять человек, достаточно игроков для двух столов, причем один человек оставался лишним. Я как раз и рассчитывал быть этим человеком и не играть. Демонжо я пригласил вовсе не для того, чтобы не оставаться наедине с Одиль во время ужина, а для того, чтобы он занял мое место за карточным столом. Я же, таким образом, получал на весь вечер полную свободу маневра: я чувствовал, что у меня не хватит терпения дожидаться, пока новое письмо окажется в секретере Одиль. Я должен был прочитать это письмо немедленно, сегодня же, пока они будут заняты игрой. Прочитать и положить на место. Для всего этого мне потребовалось бы всего несколько минут, а такое короткое отсутствие вряд ли кто-нибудь заметит.

— Ты не играешь? — спросила Одиль, усаживаясь за стол.

Я покачал головой. Конечно, охотнее всего я сел бы играть и разлучил ее с Лабордом, который уже уселся за тот же стол, что и моя жена. И это доставило бы мне огромную, мстительную радость. Но я не хотел давать Одиль возможность побежать к старому дубу, пока мы будем сидеть за картами.

Вскоре я заметил, что Одиль играет так, чтобы как можно быстрее выйти из игры. Все мысли ее были в парке, возле дупла в старом дубе, единственное, чего ей хотелось — это побежать туда, вынуть письмо и прочитать его.

Незаметно я вышел из комнаты и, сделав вид, что хочу подышать свежим воздухом, прошел в парк. Луна ярко освещала аллею, деревья на которой казались сейчас особенно красивыми. Но я не был расположен любоваться красотами лунной ночи, у меня была совсем другая цель.

То, что я предвидел, вскоре произошло. Одиль вышла, почти выбежала из дома и тут же столкнулась со мной.

— Вот это да! — весело сказал я. — Ты куда это собралась?

— Ты меня напугал! — вскрикнула она.

Я загораживал ей дорогу, и в ее взгляде мелькнуло нечто жестокое. Сила охватившего ее желания была такова, что она забыла даже подыскать оправдание тому, что оставила гостей и оказалась в парке. Мне пришлось спросить ее об этом, но она не проявила ни малейшего смущения:

— В доме жарко, все курят. Я проиграла партию и вышла немного подышать свежим воздухом. А ты?

Кошка снова упала на все четыре лапы.

— Я любовался лунным светом.

Она медленно шла рядом со мной по аллее, в которой я застал ее два дня тому назад. Когда мы проходили мимо старого дуба, ее рука непроизвольно дернулась и сжалась в кулак, она повернула голову и, как замороженная, посмотрела на дерево. Мы прошли еще метров пятьдесят, и тут Одиль остановилась.

— Думаю, мы не должны оба оставлять гостей. Это некорректно по отношению к ним. Пойду в дом.

— Ты права, — ответил я. — Я тоже пойду туда.

Неужели она рассчитывала, что я дам ей возможность уйти одной и мимоходом вынуть письмо из тайника? Наверняка именно так и было, хотя на лице ее не отразилось и тени раздражения. Мы вновь прошли мимо дуба, но на сей раз она даже не взглянула на него.

— Я не должна была уходить так далеко, — сказала она. — Меня наверняка уже ждут для следующей партии.

Она ускорила шаг: теперь она понимала, что надеяться ей не на что, и что я намерен сопровождать ее до самых дверей. Когда мы свернули с аллеи, где наши тени были справа от нас, они оказались впереди и слились.

— Это может вдохновить поэта, — заметил я.

— Я бы скорее подумала о театре марионеток, — пожала плечами Одиль.

Наши тени переломились на фасаде дома. Мы пришли.

— Смени меня через полчаса, — попросила Одиль. — Если для тебя это не слишком скучно.

— Договорились.

Я остался один и снова углубился в парк. Я взял с собой электрический фонарик и конверты разных форматов и цветов. Тот, что я вскрыл вчера вечером, был обычного формата и белым. Дрожа, я вытащил из дупла в точности такой же. Да, мои руки дрожали, но вовсе не от страха. Меня вдруг охватило чувство отворачивания к самому себе, моя гордость протестовала против того, что я действую, как вор, в темноте. Я совершал над собой насилие. Уж лучше бы я кричал во все горло о том, что мне стало известно, положил бы конец этому унижению, заставил бы Одиль выбирать: я или он. Но, думая об этом, я быстро шел к беседке, меня влекла какая-то непонятная и неподвластная мне сила. Впрочем, я сам все это подготовил с такой тщательностью!

Как только я оказался внутри беседки, я зажег фонарик, положил письмо на стол и вскрыл конверт. На этот раз было четыре страницы, полных четыре страницы. Воспоминания, уточнения, упоминания о жестах, о которых я даже не подозревал, признания, которые она делала, и даже разбор самой интимной ее реакции. Все это было выставлено напоказ на трех страницах, а четвертая подготавливала их новое свидание. И этого человека я увижу снова через несколько минут и буду пожимать ему руку в конце вечера!

Три раза я прочитал эти отравленные страницы, написанные со всем коварством искусного обольстителя. Мысль о том, что Одиль скоро тоже будет читать эти строки, ощущать все эти мелкие дерзости, точно запретные ласки на своем теле, эта мысль приводила меня в какое-то яростное отчаяние. Да, я ревновал, ревновал к человеку, который так хорошо изучил мою жену, анализируя каждый ее жест, слово, молчание, дерзости и смирение. А я, ее муж, находился в двух шагах от этой пары. Какой горький парадокс! Я уже ненавидел и Одиль за то, что она втянула меня во всю эту грязную авантюру. Правда, мне никогда бы не пришлось в голову писать ей такие вот вещи:

“Я ждал этого первого свидания с трепетом новичка. В тебе я не сомневался ни одного мгновения. Я знал, что ты придешь. Но я не знал, как ты себя поведешь.

Я был там уже добрых полчаса, когда ты пришла. Правда, это тоже входило в мой план. Я спрятался в углу, чтобы, как мы и договорились, схватить тебя, когда ты окажешься рядом. Я предупредил тебя об этом по телефону. Но ты проходила мимо меня два раза, прежде чем я решился действовать. Твое платье скользило по моему лицу, а за тобой тянулся тонкий шлейф твоих изысканных духов, смешавшихся с каким-то звериным запахом твоего тела. Я знал, что ты напряжена, дрожишь, сжимаешься от ожидания. Я смаковал эти мгновения молчания сладострастия, мне не хотелось прерывать их. И лишь в третий раз мои руки скользнули под твоё платье. Твои ноги конвульсивно сжались — почему? Чтобы помешать моим рукам продвигаться дальше, или чтобы удержать их? Возможно, и по

той, и по другой причине. Ты дрожала, а мои руки пытались нащупать сквозь тройную броню распустившийся цветок твоего лона. Не красней, я не добрался до него. Но твоё прерывистое дыхание было так отчетливо слышно в тишине! Сколько это длилось: минуту, две? Скажи мне теперь сама: во сколько часов воспоминаний они для тебя превратились?

Я напрасно пытался вспомнить то, что мы говорили друг другу. Я думаю, что ты говорила лишь для того, чтобы нарушить слишком насыщенное новыми ощущениями, страхом и волнением молчание. Ты говорила для того, чтобы хоть как-то ощутить реальность, прийти в себя. Признайся теперь, что ты больше боялась не меня, а себя. Ты знала, что я смогу держать свои желания под контролем, но не была уверена в том, что найдешь в себе достаточно сил, чтобы сопротивляться собственному желанию. Достаточно было одного моего неловкого поступка или слова, чтобы ты в панике убежала. Когда я стоял перед тобой на коленях и прижимался губами к нежной коже твоей ножки выше чулка, ты испустила стон. Может быть, именно он отрезвил тебя, потому что ты тут же взяла себя в руки.

Все это мы проделаем снова. Но ты уже будешь меньше бояться, в тебе будет больше дерзости. Но не слишком много. Иначе, мне кажется, я буду разочарован. Зачем бросаться друг на друга? Продлить ожидание — не означает ли продлить удовольствие?

Привыкни свободно говорить об этих вещах, не стыдись и ничего не скрывай. Иначе будет ханжество и идиотизм. Ведь наслаждение от вкусной еды, хорошего вина, музыки, поэзии — все это удовольствие, зависящее исключительно от вкуса человека, состоит из тех же молекул, что и мое наслаждение от обладания тобой, и твоё — от моих ласк. Но если можно свободно говорить об одних удовольствиях, то почему же другие должны быть запретной темой? Издержки цивилизации! Ты спокойно позволяешь всем любоваться твоим восхитительным носиком или изящным изгибом ушка, но соски, но лono... как можно?!

Впрочем, в глубине души мы вовсе не в претензии на подобное ханжество, потому что оно придает некоторым удовольствиям сладость запретного плода. Но признай, что мой способ лучше, чем все остальные. Много ли найдется на свете пар, которые терпеливо ткут сеть своих желаний и ничего не рвут до срока? Кто бы мог подумать, что вы, мадам, такая благоразумная и чопорная, так мало склонная к безумствам, позволите поселиться в вас совершенно другой женщине, ничем на вас не похожей? Правда, пока она еще может в любой момент исчезнуть, она еще не сильнее первой. Но каждый день меняет ситуацию, все произойдет, ты знаешь. Доказательства? Да то, что ты на первое свидание пришла, защищенная тройной броней. Но ведь на второе свидание уже может одеваться совершенно другая, новая женщина, а я все повторю заново. Зачем спешить?

Я буду ждать тебя завтра в десять часов”.

Одиль нетерпеливо ждала моего возвращения. Как только я появился в дверях, она сделала такой жест, словно собиралась немедленно передать мне карты. Но, должно быть, испугалась, что такая спешка может показаться подозрительной, и передумала, заставив себя подождать еще несколько минут. Наконец, сделав безразличное лицо, она уступила мне свое место и, разумеется, побежала к старому дереву, где ее ждало положенное мною письмо в соответствующем конверте.

Мысленно я следовал за ней. Видел, как она схватила письмо, бегом вернулась в дом и заперлась в своей комнате на втором этаже. Я представлял себе, как она млеет от всех этих воспоминаний и обещаний, тайно призывая к себе мужчину, который бы все это осуществил на деле. Лаборд, по-видимому, тоже знал, где в эти минуты находилась Одиль и что делала. Их сообщничество было таким полным, что в это время они чувствовали друг друга на расстоянии. Лаборд сделал серьезную ошибку, и я спросил его:

— Вы так рассеянны сегодня? Уж не влюблены ли вы?

Он вздрогнул, но мой голос и выражение моего лица были такими невинными, даже, я бы сказал, глуповатыми, что он тут же успокоился и на его губах появилась улыбка — презрительная улыбка удачливого любовника, адресованная обманутому мужу.

— О, вы же знаете, я холостяк, так что всегда влюблен.

Прошло десять минут. Мы сменили партнеров, как это принято при игре в бридж, и теперь со своего места я мог видеть вход в гостиную и нетерпеливо поджидать возвращения Одиль. Наконец она появилась.

Сколько же раз она перечитывала это письмо, если так долго отсутствовала? С первого взгляда я заметил, как изменилось ее лицо: оно стало серьезным, почти печальным. Скорее всего, это было отражением той внутренней борьбы, которая в ней происходила. Она шла медленно, как если бы хотела отдалить неизбежное выполнение светских обязанностей хозяйки дома. Больше всего на свете ей сейчас, разумеется, хотелось бы побыть одной.

Я тотчас же встал, чтобы уступить ей место за столом. Но она отказалась:

— Нет, нет. Не сейчас.

Когда наши гости ушли, Одиль направилась в спальню, а я последовал за ней.

— Хороший вечер, — сказала она, раздеваясь.

— Только Лаборд играл совершенно по-идиотски. Странно...

— А! — просто сказала она, стоя ко мне спиной. Потом вдруг расхохоталась, словно пораженная внезапной мыслью: — А может быть, он влюблен? Нужно будет поискать ему хорошую невесту.

— Ну и подарок ты готовишь какой-то несчастной женщине! — не сдержался я.

Она резко повернулась ко мне, и я тут же пожалел о своей реплике, хотя прекрасно понимал, что не смогу изо дня в день дер-

жать под контролем каждое свое слово и каждый жест, и когда-нибудь обязательно сорвусь. Но, вопреки моим ожиданиям, она не потребовала никаких объяснений, а заговорила о совершенно посторонних вещах:

— Как досадно, у меня на чулке спустилась петля!

Положив свое белье на кресло, обтянутое голубым бархатом, она стала ходить от туалетного столика к шкафу, от шкафа — к ночной тумбочке, искоса бросая взгляд в зеркало, где отражались чистые линии ее обнаженного тела, стройного, но отнюдь не худого, тела, которого уже касались руки другого мужчины.

Когда она проходила мимо меня, мне вдруг захотелось схватить ее и начать ласкать. Наполовину это было вызвано желанием, наполовину — жестоким любопытством. Но у меня оказалось еще меньше шансов, чем было накануне у Лаборда, потому что она немедленно отгородилась от меня категорическим отказом:

— Ах, нет, только не сегодня. Я безумно хочу спать.

Тем не менее, час спустя она еще не спала. Я слышал, как она ворочается в постели, мечтая о запретных наслаждениях, которые обещал ей тот, другой. Мне бы хотелось проникнуть в ее мысли, в ее воспаленное воображение, увидеть, какие порочные утешения она себе представляет. Я мог бы удовлетворить все ее желания, но она-то хотела не меня!

На следующий день, хотя голова у меня была занята совершенно другими мыслями, я провел обычный еженедельный административный совет и понял, что сбить человека с привычного курса не так-то легко, ибо большинство наших поступков мы совершаем чисто механически, подчиняясь многолетним привычкам. Утро было относительно спокойным, но какой же кошмарной была вторая половина дня! Знать, что с наступлением темноты эти двое снова встретятся в каком-то метре от меня, возможно, дойдут до естественной развязки, и тогда я окажусь вполне способным убить их обоих, даже не дав им разжать объятия.

Я шел по улице и размышлял. Пойти к Лаборду? Наверное, именно так и следовало бы поступить. Мужество не входило в число его основных добродетелей, он уступит малейшему нажиму. Мне стоило только сжать кулаки, чтобы он отдал мне свою пишущую машинку и полностью подчинился во всем остальном. Тут я мог ничего не опасаться. Но я хотел, чтобы этот мерзавец исчез только тогда, когда я на деле займу его место. Хотя, конечно, мой план был совершенным безумием, и я это прекрасно понимал.

Но меня влекла за собой страсть, а не сумасшествие, тем более, что никогда моя голова не работала так четко, как в те страшные дни и ночи. Я страстно хотел эту женщину. Не ту, которая каждый вечер ложилась на соседнюю со мной постель и у которой я знал только тело, а другую, о существовании которой я до недавнего времени и не подозревал и которая пока оставалась для меня недосягаемой. Я размышлял и действовал так, как если бы

под одним платьем действительно было две женщины, испытывал ненависть и отвращение к одной из них и жгучее желание — к другой. Иногда, в редкие моменты просветления, я чувствовал, что вполне могу дойти до раздвоения личности.

Ужасный день! Я шел по улицам и думал, как вечером он будет ее ласкать. Я просто не мог думать ни о чем другом, хотя и делал попытки переключиться на какие-то рабочие вопросы. Но перед глазами вновь вставали мерзкие образы, и прежние мысли возвращались с постоянством волн, набегающих на берег. Я слышал стоны Одиль, которая наслаждалась в темноте все более и более дерзкими ласками. И мне еще предстояло пережить все это через несколько часов наяву! Я и боялся приближения вечера, и хотел, чтобы он наступил как можно скорее.

Вдруг я обнаружил, что нахожусь перед домом Лаборда. Ноги сами привели меня сюда. Я чуть было не поднялся к нему в квартиру, но тут же отказался от этого намерения. Через несколько дней я уже буду вполне готов занять его место, так что имело смысл подождать. Конечно, я мог вмешаться и заставить его отменить сегодняшнее свидание, но я лишь ускорил шаги. Партия была начата, и я во что бы то ни стало хотел завершить игру, в которой на кон было поставлено все. Возможно, в глубине души я всегда был игроком, просто не подозревал об этом.

За обедом мы с Одиль опять были вдвоем. Я ел с аппетитом, она же почти ни к чему не притрагивалась. Мысленно она уже была там, в беседке, в объятиях своего полу-любовника. Она хотела его ласк, и это лишало ее всех остальных желаний.

Случалось, она даже забывала поддерживать разговор, рассеянно кроша в пальцах ломтик хлеба. И я понимал, о чем она думает. Ее глаза ввалились и были обведены темными кругами, щеки чуть порозовели. Потом вдруг она очнулась, заметила меня и возобновила разговор, который сама же резко оборвала за несколько минут до этого.

— Извини, я сегодня немного рассеянна, как и ты, впрочем. Где ты был?

— С тобой, естественно.

И она даже не догадывалась, до какой степени это соответствовало действительности.

К концу обеда меня позвали к телефону.

— Кто это был? — спросила Одиль, когда я вернулся в столовую.

Я не готовил ответа заранее, но сумел удивительно правдоподобно солгать.

— Один американский делец, с которым я должен встретиться и который только что прилетел в Орли.

Пока, кстати, это было чистой правдой, но дальше была уже сплошная ложь.

— Он попросил меня встретиться с ним сегодня вечером в отеле "Кларидж". Поедешь со мной?

Разумеется, я знал, что она мне ответит.

— Нет, я предпочитаю остаться дома.

Она могла бы сделать вид, что разочарована, огорчена моим отъездом, но она не стала этого делать, и я был ей почти благодарен за то, что она избежала ненужной фальши.

— Ты поздно вернешься? — только и спросила она.

— Мы назначили встречу на десять часов вечера. Значит, вернусь самое позднее поездом в одиннадцать пятьдесят.

— Ты поедешь на поезде? Не на машине?

— На поезде.

Я не хотел симулировать отъезд и оставлять машину где-то на улице. Мне нужно было вернуться домой как можно более незаметно. Я сменил тему разговора:

— Кстати, знаешь, у Фавреля не все благополучно.

— А что такое?

— Прекрасная мадам Фаврель обманывает своего мужа.

— Что ты говоришь! Не может быть!

Она смотрела на меня большими удивленными глазами.

— Представь себе. Возможно, дело даже дойдет до развода.

На ее губах мелькнула беглая улыбка.

— Да, мужчины способны простить многое, но только не измену.

— Ты ошибаешься. Это она хочет развестись.

— Неужели? А почему?

— Чтобы жить со своим любовником.

Одиль пожалала плечами.

— Но Фаврель шикарный мужчина. Не понимаю, зачем ей понадобилось разводиться.

— Ну, это мое личное мнение. Ты же знаешь, как трудно оценивать поступки других людей.

Одиль посмотрела на меня долгим и странным взглядом.

— Ты прав, — сказала она. — Никто на самом деле не может встать на место другого человека и посмотреть на жизнь его глазами. Наши действия зависят от такого числа самых разных обстоятельств, что иногда кое-что невозможно объяснить даже самой себе. События просто увлекают за собой, вот и все.

Она вдруг замолчала, как будто поняла, что сказала лишнее. Я наклонился к ней.

— Прости, что ты имеешь в виду?

— Что я имею в виду?

Она явно была в замешательстве.

— Я представляю себе это, как некую систему сцепленных друг с другом зубчатых колес. Одно цепляется за другое — и события становятся непредсказуемыми и необъяснимыми. Я лично считаю, что измена начинается с мысли. Мысль — это кончик пальца, попавший в одно из колес этой системы, и она втягивает за него в себя все тело целиком.

Она остановилась и посмотрела мне в глаза.

— Кто тебе сказал, что мадам Фаврель...

— Ее муж. Она от него ничего и не скрывала. А что касается измены в мыслях, то в случае с мадам Фаврель все произошло очень быстро. Она уступила уже на втором свидании, так что времени на размышления у нее, как видишь, было не так уж много.

Это был вечер второго свидания и у Одиль, поэтому на ее губах появилась грациозная презрительная гримаска.

— Так быстро! Право, мадам Фаврель меня разочаровывает. Боюсь, ее быстро постигнет разочарование. Привлекательность ее приключения состоит в запретности удовольствия. Как только запретный плод будет сорван...

Я засмеялся.

— Ты рассуждаешь с таким видом, как будто у тебя огромный опыт в подобных приключениях. Во всяком случае, я уверен в том, что если ты задумаешь мне изменить, то это произойдет не на первом свидании и даже не на втором. Ты подождешь по крайней мере третьего.

Она странно посмотрела на меня и сказала как бы в шутку:

— О, это я тебе обещаю!

Мы закончили обед. Она поцеловала меня в кончик носа, пожелала удачно провести вечер и под каким-то предлогом ушла наверх в спальню. Я не торопился уезжать, устроился в гостиной и открыл какой-то журнал мод. До сих пор помню, что в изображении каждой женщины мне мерещилась Одиль, под изысканными платьями я угадывал контуры ее стройного тела. И я видел, как рука Лаборда скользит по ноге под этим платьем, поднимаясь к запретному плоду. Журнал уже давно валялся на полу, а эта картинка все еще стояла у меня перед глазами.

Одиль вывела меня из этого жуткого транса.

— Как! Ты еще не уехал?

Я вскочил на ноги. В течение нескольких секунд я колебался — все еще можно было изменить. Но я решил довести свой план до конца.

Я поцеловал Одиль в губы, пытаюсь проанализировать свои ощущения и ее реакцию. Ничего. Обычные губы, обычный, равнодушный поцелуй. Я уехал.

Выйдя из дома, я пошел вдоль забора и остановился в глубине парка перед калиткой, от которой у меня был ключ. Свой ключ Одиль, судя по всему, отдала Лаборду. Я пошел к беседке, в запасе у меня было много времени и мне не нужно было прятаться: я знал, что Лаборд еще не приехал из Парижа, а моя жена — в спальне или в ванной, выбирает платье и белье для предстоящего свидания.

Час ожидания превратился для меня в очередную пытку. Я сидел, скрючившись под беседкой, и думал о той, которая готовится прийти сюда и которая, возможно, ничего для себя еще окончательно не решила относительно границ сегодняшнего по-

ведения. Я думал и о том, кто спешил сюда, к ней. Уступит ли она на сей раз своему желанию, которое он так терпеливо в ней взращивал? Сольются ли они здесь, в моем присутствии, со стоном наслаждения? Собрав всю свою волю, я старался верить в лучшее, в то, что этим вечером Одиль еще устоит, что решающим будет следующее, третье свидание...

Завтра же я заставлю Лаборда покинуть Париж, получив, таким образом, передышку. Я придумаю и напишу Одиль тысячу причин, по которым очередное свидание будет отложено. А когда я буду готов безупречно имитировать манеру поведения и голос моего соперника, я овладею телом, которое она предназначает другому. Овладею с яростью, которая удесытерит мое наслаждение.

Уже давно стемнело, но я не смел взглянуть на часы, используя для этого зажигалку, поскольку огонек мог быть уже кем-нибудь замечен. Ожидание становилось невыносимым, меня одолевали воспоминания, перед моими глазами проплывали видения. Я видел Одиль такой, какой она была до нашей свадьбы, вспоминал нашу брачную ночь, наше первое объятие, неловкость ее невинного тела, слышал ее смех, скрывавший робость и смущение. Точно так же она смеялась после первого поцелуя с Лабордом. Возможно, я не сумел пробудить в ней чувственность, не смог ничему ее научить, да и не пытался. Я не понял, что Одиль нужно было долго готовить к финальному моменту, и всегда сразу приступал к основному акту, думая, что женщине этого достаточно для того, чтобы получить такое же удовольствие, какое получают мужчины. Впрочем, теперь уже было поздно сожалеть о чем-либо. Она сама сказала, что порой события просто увлекают нас за собой и трудно что-либо объяснить даже самому себе.

Для нее все началось с игры. Смеясь, точно не принимая этого всерьез, Лаборд бросил ей вызов. Смеясь, она этот вызов приняла. Все еще смеясь, они впервые почувствовали тела друг друга. И оба черпали в этом смехе что-то свое: он — возможность дерзко говорить с ней, она — возможность слушать его, не краснея. Медленно, незаметно Одиль позволила опутать себя тонкой, но прочной сетью уловок умелого соблазнителя. Как капля точит камень, его ядовитые слова и действия разрушили прежний цельный, прекрасный и здоровый образ Одиль, превратили ее в совершенно другую женщину. Уже недалеко тот час, когда она, отбросив все колебания, будет сама умолять этого мужчину овладеть ею. Они не знали только того, что этим мужчиной буду я.

В аллее послышались шаги. Он шел так осторожно, что я услышал его приближение только тогда, когда он находился уже в каких-нибудь двадцати метрах от беседки. Это был Лаборд. Я проследил за ним до подножия лестницы. Там он остановился на мгновение, потом поднялся в комнату. Я услышал характерный звук зажигалки, и в отверстии надо мной блеснул слабый свет.

Лаборд, должно быть, закурил или просто хотел убедиться в том, что первым пришел на свидание. Соблазнитель проявил неосторожность. Если бы я, например, гулял в парке, то мог бы заметить огонек в беседке и подойти поинтересоваться его источником. И не думаю, что Лаборд смог бы привести убедительные доводы своего появления в таком месте и в такой час.

Это навело меня на мысль о том, что когда я сам стану писать письма, мне будет необходимо создавать в них атмосферу тайны и всевозможные предосторожности, которые облегчат для меня исполнение роли любовника. Конечно, никакого света не должно быть, и все разговоры мы будем вести только шепотом. Известно, что тембр голоса теряет большую часть своих характерных особенностей, если человек не говорит, а шепчет. Оставались только интонации, а я уже постепенно вошел в образ и мог неплохо имитировать его манеру говорить.

Издали до меня донеслись шаги Одиль, на сей раз достаточно решительные. Во время первого свидания ее походка была куда более медленной и неуверенной. Теперь это были шаги той, другой женщины, которая к тому же твердо знала, куда идет и что ее там ожидает.

Она вспорхнула по ступенькам и вошла в дверь, которую Лаборд оставил приоткрытой. Сразу прошла в глубину комнаты, вернулась, пошла в другом направлении, и в тишине отчетливо раздался ее насмешливый голос:

— Вы что же, боитесь слабой женщины? Будто шалунишка, который спрятался в темноте, чтобы...

Ее фраза оборвалась придушенным вскриком. До меня донесся жалобный стон, и меня просто передернуло от бешенства. Должно быть, и на этот раз он схватил ее, когда она проходила мимо него, и мгновенно запустил руку ей под платье. Потом до меня донесся звук падения. Я подумал, что она опустилась на пол, забыв о каком-либо сопротивлении, чтобы он мог вытянуться на ней во весь рост. Ревность обожгла меня огнем, в течение нескольких секунд в моем воспаленном воображении пронеслись видения Одиль, распростертой на полу, с задранной юбкой и распахнутыми ногами, и его, ласкающего ее жадными руками, прежде чем окончательно овладеть ею. Я уже готов был выскочить из своего укрытия, как голос Лаборда пригвоздил меня к месту:

— Что? Женщина на коленях передо мной? Какая честь!

Она, должно быть, опустилась на колени, ослабев от внезапной мужской атаки. Почему он не воспользовался этими мгновениями, чтобы повалить ее на пол и взять? Думаю, она не слишком бы сопротивлялась. Он, конечно, это тоже понимал, потому что она пришла, она была в его власти, и он, несомненно, уже ощутил ее слабость и ее желание. А я, немного придя в себя, обнаружил, что сжимаю в руке камень с острыми краями, которым уже был готов раздробить сопернику голову. Я выпустил ненужное оружие.

— Хотя, — добавил Лаборд, — сегодня ты не совсем женщина: на тебе свитер и брюки. Ни малейшего просвета. Ты так боишься меня?

Она, должно быть, покачала головой.

— Нет, себя, — услышал я ее тихий голос.

Но это уже не был голос моей жены. Это был голос той, другой женщины, признающей в своем желании, в том, что ее покидают последние силы для сопротивления.

Снова наступило молчание. Я был вынужден воображать, чем они там занимаются — господи, какая мука! Он, должно быть, поднял ее с колен и прижал к себе. Потом он заговорил, причем обратился к ней на “ты”, что прежде позволял себе лишь в письмах.

— Твое тело напряглось под моей рукой, а сосок твердый и торчит. Знаешь, о чем он говорит? О том, что ты меня хочешь.

— Действительно?

Она начала смеяться тем же смехом, что и в нашу брачную ночь, но на сей раз с явным налетом страсти.

— Ну, признайся, что ты меня хочешь!

— А разве вы не сделали для этого все возможное?

Она признавалась уже во второй раз. Но он был слишком тонким игроком, чтобы тут же воспользоваться этим. Его рука, должно быть, переместилась с ее груди на бедро, чтобы ласкать его. Она отступила на несколько шагов, он последовал за нею.

— Ты боишься моих рук? Однако между ними и тобой плотная ткань, которую ты выбрала, и которая, к тому же, усеяна пуговицами и крючками. Чего же ты боишься?

Теперь они были почти надо мной, она прислонилась к стене, я слышал их глубокое и встревоженное дыхание. Я догадывался, что она вся напряжена, а он едва касается ее одежды, чтобы не испугать ее раньше времени. Мне казалось, я слышу шуршание ткани под его рукой и приглушенные стоны Одиль.

Мои ногти впились в ладони. Со лба текли крупные капли пота, и одновременно я чувствовал, как растет во мне неуправляемое желание обладать этой женщиной, которая будет совсем иной, когда несколько часов спустя окажется рядом со мной на соседней постели.

Слова Лаборда вонзились в меня, как нож:

— Вот под моей рукой нежный мох твоего живота, я чувствую его под тканью. Признавайся!

— Я признаюсь!

Ах, этот прерывающийся голос моей жены! Мое бешенство, мои страдания, моя ревность самца были таковы, что я едва не выскочил из своего убежища и не набросился на эту парочку.

— Твои ноги дрожат, они сомкнулись с восхитительной энергией. Ты боишься их чуть-чуть расслабить? Неважно! Через три дня, через неделю, а может быть, и в следующий раз они раздвигнутся сами, и я войду в тебя до самой глубины.

— Да, в следующий раз, я вам это обещаю, — почти простонала она.

У нее вырвался глубокий, долгий стон. Должно быть, она испытала первый прилив наслаждения от мысли о недалеком будущем.

Руки Лаборда, кажется, стали более настойчивыми.

— Нет, не сегодня, — умоляюще прошептала она.

Ее каблуки быстро простучали по полу. Должно быть, она отступила на несколько шагов. Очень вовремя, я больше не мог сдерживаться.

— Кстати... — Она сменила тон, словно освободившись от чего-то. — Кстати, вы знаете, что случилось с мадам Фаврель?

— Нет.

— Она завела себе любовника. Уже на втором свидании. Это тоже наше второе свидание, и я не хочу поступать так, как она.

— Но мы зашли уже гораздо дальше. Не забывай, что у нас столько же свиданий, сколько было писем.

— И каких писем! — сделала она попытку улыбнуться. — Я их все вчера перечитала. Если бы моя мать увидела такую корреспонденцию... — Она замолчала, а потом добавила мечтательным голосом: — Все равно! Я даже не могла себе представить, что приду к этому так быстро...

— Но мы еще не дошли! — воскликнул он. — Ты очаровательна, когда сопротивляешься, и это еще только начало.

Этот человек обладал дьявольским искусством незаметно подталкивать Одиль к пропасти падения. Даже тогда, когда он понял, что на следующем свидании она будет принадлежать ему, он попытался внушить ей, что ее падение еще далеко, а ее уверенность в себе так крепка, что она спокойно может позволить ласкать себя. С ней ничего не может случиться.

— Очаровательная пытка, не правда ли? Каждый раз хотеть друг друга немного больше и отказываться от этого...

Я не расслышал ее ответа.

— Сожаление? — спросил он.

— Нет, чувство близкого поражения. Вы видите, я признаюсь, я откровенна. Но почетное поражение, если можно так выразиться, потому что я сама выберу день и час. — Она издала легкий смешок и поправилась: — Нет, ночь! Но это все равно. А я-то считала себя свободной от подобных историй... Знаете, до вас я никогда об этом не думала.

— Ты делаешь мне комплимент.

— Я считала, что все эти вещи совершенно неотделимы от любви, происходят из-за любви и оправдываются только любовью. И я наблюдаю за собой теперь, когда нет никакой любви...

— Это еще один плюс.

— Я уже ничего больше не понимаю и не узнаю себя. Бывают моменты, когда я краснею перед мужем. Он так на меня смотрит...

рит... как будто что-то подозревает, как будто высматривает на моем теле те места, которых касались ваши руки...

— Ва! Что он может подозревать? Дело в том, что он присутствует при преображении женщины, ничего в этом не понимая, женщины, которую он ничему не научил, которой он ничего не дал или дал так мало, что об этом не стоит и говорить.

Она помолчала мгновение. Потом насмешливо произнесла:

— Кстати! А знаете, что он мне сказал о вас вчера вечером после бриджа?

— Думаю, что сейчас это узнаю.

— Он сказал, что на вас не стоит полагаться.

До меня донеслось какое-то приглушенное ворчание.

— Спасибо! Это в связи с чем?

— О Боже, я уже не помню! Думаю, он заметил вашу рассеянность во время игры... А, вспомнила! Я ему сказала... — Она замолчала, а потом сказала полууспокоительно, полунасмешливо: — Оставьте же в покое мое несчастное тело хоть на минуту. Вы терзаете его, а вместе с ним и меня.

Лаборд начал смеяться.

— А что же будет в следующий раз, когда ты откажешься от целомудренной защиты своей одежды? Так вернемся к твоему мужу. Что ты ему сказала?

— Ах, да! Мой муж... — Она про меня уже забыла. — Я сказала ему, что вы, возможно, влюблены и вас нужно женить. А он мне ответил, что вы — не самый лучший подарок для женщины. Что-то в этом роде.

— А ты что ответила? — с заметным раздражением спросил он.

— Ничего. Но я не спала полночи, думая о нашем свидании. Я не могла уснуть. Вот до чего я дошла! Это же какое-то колдовство, вы — соблазнитель! А до чего дошли вы?

Она все еще пыталась насмешничать.

— Соблазнитель чувствует себя так же плохо, как и его жертва. Он тоже не спал. Он хочет, он безумно хочет ее. Могу я тебя хотя бы поцеловать?

Наступила тишина. Я догадывался, что они слились в бешеном, безумном поцелуе, пытаюсь утолить свои желания таким образом. Наконец молчание нарушил долгий, глухой стон Одиль. Я представил себе, как ее тело тесно прижалось к телу Лаборда, какие дикие желания охватывают эту некогда холодную женщину, эту некогда целомудренную и скромную девушку из профессорской семьи. Некогда мою жену...

— Признайся еще раз, что ты меня хочешь, — прошептал он.

— Признаюсь, — еле слышно ответила она.

— И давно?

— Не знаю. Когда я это поняла, было уже слишком поздно. Я никогда раньше не испытывала ничего подобного. Это нечто

сильнее меня, нечто, лишаящее меня способности сопротивляться.

Должно быть, он снова начал ее ласкать.

— Нет, нет, — простонала она почти на грани окончательного падения.

Ноги не держали ее, она сползла по стене и села на корточки. Я слышал, как она опускалась, слышал шорох ткани. Я прекрасно представлял себе ее, съежившуюся и обезумевшую под настойчивыми ласками мужских рук. Она почти не дышала. Неужели я столько вынес, чтобы все-таки присутствовать при ее капитуляции? Камень сам собой вновь оказался в моей руке, но в это время мощный инстинкт самосохранения заставил ее встать на ноги.

— Довольно! — хрипло сказала она.

Я понял, что Лаборд был ошеломлен таким исходом. Я тоже не ожидал, что в подобный момент Одиль все-таки сможет проявить такое мужество и такую силу воли. Она отбежала от него, и опять наступило молчание. Оказывается, ни он, ни я не знали, на что способна эта женщина. Из угла, где она пряталась, раздался насмешливый голос:

— Ну же, сударь? Где вы?

В этот момент в парке послышались шаги.

— Тихо! — дрожащим голосом сказала она.

Они оба прокрались к двери и, объединенные на сей раз чувством опасности, слушали, как шаги постепенно удаляются и умолкают в ночи.

— Это, должно быть, садовник, — сказала она, успокаиваясь. — Он мог пройти совсем рядом и услышать нас. На будущее...

Оборвав фразу, она открыла дверь.

— Ты уже уходишь?

— Нужно соблюдать осторожность. Он уже может вернуться. А мы даже не можем запереться изнутри, тут нет задвижки.

Я обрадовался, что их потревожили. Не только потому, что это сократило время свидания, а еще и потому, что мне это могло очень помочь в будущем, когда я займу место Лаборда: настаивать на максимальной осторожности, говорить как можно меньше и только шепотом.

— Когда я найду письмо? — спросила она уже на пороге. — Мне не терпится его прочесть.

— Я устрою так, чтобы положить его завтра вечером. Если только ты днем не приедешь в Париж.

Какой-то момент казалось, что все мои планы рухнули. В том состоянии, в котором они оба находились, встреча в Париже могла закончиться в комнате какого-нибудь отеля.

— Нет, только не завтра, — сказала она после некоторого колебания. — Завтра я обедаю у родителей, а потом вместе с мамой иду слушать лекцию отца. Увернуться невозможно, я про-

сто навлеку на себя семейное проклятие. — Она тихо рассмеялась. — Если только вы не принесете письмо туда, где будет лекция...

— Нет, спасибо. У меня нет ни малейшего интереса к научным вопросам. Предпочитаю приехать сюда вечером. Ты найдешь письмо на обычном месте. Могу я надеяться получить, наконец, твое с детальным и искренним комментарием?

— Я ничего не обещаю. Однажды я пыталась вам написать, но не смогла. Это все равно, что предстать совершенно обнаженной перед незнакомым человеком.

— Прости, но я уже не незнакомец.

— Но я еще не раздевалась перед вами. Ну, посмотрим. Если наберусь мужества и у меня будет время...

Ребяческим жестом она приложила два пальца к губам Лаборда. Это был ее излюбленный метод высказывать свое расположение.

— Поцелуйте.

Он повиновался.

— До свидания, соблазнитель.

— А наша третья встреча?

Она уже стояла на ступеньках, но тут резко остановилась и заколебалась.

— Не знаю...

— Скоро?

— Да, вероятно, скоро.

И вдруг сказала полунасмешливо, полувзволнованно:

— Я хотела бы, чтобы все произошло сию минуту, и хотела бы, чтобы этого не было никогда.

Ответили обе Одиль, моя и другая. И обе убежали в ночь.

Поднимаясь на четвертый этаж в квартиру Лаборда, я был удивительно спокоен. Я знал, что он дома, мне сказала об этом консьержка. Я твердо решил и уже не испытывал никакого гнева. Я не был обманутым мужем, который пришел отомстить, а человеком, который с самого начала следил за процессом обольщения и который посчитал, что пришло время вмешаться, чтобы обратить ход событий в свою пользу. Обкраденным отныне буду не я, а он.

Несколько мгновений я помедлил перед дверью, испытывая какую-то дикую радость. До меня донесся звук пишущей машинки. Должно быть, соблазнитель готовил новое послание для Одиль.

Я нажал на кнопку, и в глубине холостяцкой квартиры, состоявшей из прихожей, одной комнаты и ванной, раздался звонок. Мне уже довелось здесь бывать, когда я приходил объясняться по поводу того, что Лаборд подписал чек без обеспечения.

Треск машинки прекратился. Через несколько секунд дверь распахнулась, и я оказался лицом к лицу с Лабордом.

— Нет, это не Одиль, — нанес я ему ледяным тоном первый удар. — Она бережет себя для беседки. Это всего лишь ее муж.

Поскольку я говорил совершенно спокойно, то после короткого замешательства он вообразил, что я лишь подозреваю их.

— Добро пожаловать, муж. Входите же. Это для меня сюрприз и большое удовольствие.

Он говорил слишком небрежным и поэтому фальшивым тоном.

— Извините, я пройду первым.

Я молча следовал за ним, сознательно предоставляя ему еще несколько минут неведения и относительного спокойствия.

— Присаживайтесь.

Я сел и стал осматриваться вокруг. Лаборд начал смеяться, по-видимому, для того, чтобы придать себе больше уверенности.

— Как видите, со времени вашего последнего визита ничего не изменилось. Разумеется, кроме того, что я больше не подписываю чеков без обеспечения.

Я спокойно покачал головой.

— Ошибаетесь. Вы это делаете.

— Что?

В его удивленном взгляде начало проступать волнение.

— Я имею в виду Одиль.

— Одиль... Я не понимаю...

— Вы очень галантны. В знак благодарности мужу за то, что тот спас вас от тюрьмы, вы решили соблазнить его жену.

— Но...

Он был явно ошарашен тем издевательским тоном, которым я с ним разговаривал.

— Старина, ничего не вышло. Но прежде всего успокойтесь. Я пришел не для того, чтобы набить вам морду. У меня другие планы.

Перспектива избежать возмездия, похоже, придала ему сил.

— Простите, но вы ошибаетесь... Я вам клянусь...

Он обрушил на меня водопад оправданий и благодарности, который я терпеливо выслушал до конца. Потом встал, потому что сцена требовала перемены положения.

— Вы закончили?

— Я вам клянусь...

Я сделал два шага по направлению к нему, и он отшатнулся к стене. Мужеством он никогда не отличался.

— Эй, в чем дело? Что-то не так?

— Вы все поймете, только я хотел бы начать с самого начала. Поздравляю вас с гениальной идеей устроить тайник в дупле старого дуба. Это так романтично, так поражает женское воображение. Есть только одна неприятность: риск, что тебя в буквальном смысле слова схватят за руку на месте преступления. Кстати, вам известно, что я присутствовал при обоих ваших свиданиях в беседке? Я был внизу, под вами.

Думаю, он дорого бы дал за то, чтобы оказаться в этот момент где-нибудь совершенно в другом месте. Я протянул ему сигарету, и он принял ее совершенно машинально.

— Поздравляю и с тем, что вчера вы были на шаг от победы. Женщины поистине странные существа. Моя идет к вам, чтобы испытать наслаждение запретными ласками, и одевается так, чтобы этому воспрепятствовать. Вечные колебания! Впрочем, вам не стоит ни о чем сожалеть. Добейся вы Одиль — я бы вас убил. И ее тоже.

Он резко вздрогнул.

— Успокойтесь, вам это больше не грозит. Наоборот, я скорее должен быть вам благодарен. Кстати! Скажите-ка сейчас шепотом: “Я хочу тебя”.

— Но...

Он двинулся к двери, явно желая удрать, но я решительно преградил ему дорогу и уселся верхом на стул, закрывая собой дверной проем.

— Надеюсь, вы не будете звать на помощь? Одиль никогда не простит вам этого. Нужно ли вам напоминать, что у нее очень красивые ноги? Вы, конечно, заметили это, когда трогали их. Чуть-чуть больше смелости — и вам бы все удалось. Хотя, повторяю, я бы вас убил. Но вы живы и это к лучшему. Вернемся к моей просьбе. Я хочу услышать, как вы произнесете шепотом: “Я хочу тебя”.

— Но, наконец...

— Я жду!

На сей раз сухость моего тона заставила его повиноваться.

— Ну, пожалуйста. Я хочу тебя.

— Немного тише. И с большей убедительностью. Представьте себе, что говорите это Одиль.

Он повторил. Я воспроизвел его фразу.

— Неплохо, пожалуй. Но чего-то не хватает. Попробуем еще раз.

Он покачал головой и пробормотал:

— Это смешно!

— Смешно? — переспросил я, вставая со стула.

Ему не следовало употреблять это слово в разговоре со мной. Прежде чем он успел сделать хотя бы одно движение, я нанес ему хороший удар в челюсть, который отбросил его к стене и заставил свалиться на пол. Я обладал достаточной физической силой, в отличие, кстати, от него. Потом я поднял его за шиворот и поставил на ноги.

— Впредь, я думаю, вы будете относиться ко мне более учтиво, как к мужу Одиль.

Он повалился на стул и, потирая челюсть, начал покорно повторять на все лады:

— Я хочу тебя. Я хочу тебя.

Бедный малый, он был так смешон! Жаль, что всего этого не видела Одиль.

Так продолжалось довольно долго. Время от времени я прерывал его, чтобы повторить за ним какое-то слово, чтобы уловить малейшие оттенки и особенности его интонации. Иногда я заставлял его слегка изменить одну из тех фраз, которые он произносил накануне: "Соблазнитель не спал всю ночь. Твои ноги сжаты с трогательной силой. В следующий раз они разомкнутся, и я войду в тебя до конца".

Когда он произнес эту последнюю фразу, я прервал его.

— Видите, вот именно тут вам и не хватило смелости. Разве вы не слышали стопа Одиль? Это был крик изнемогающей женщины. Нужно было просто повалить ее на пол, сорвать одежду и взять. Сначала она сказала бы "нет". Но потом поблагодарила бы вас. Хотя после этого я бы вас убил.

Он снова нервно вздрогнул.

— Успокойтесь. Это либо делается немедленно, либо уже не делается. Впрочем, у меня нет причин убивать вас: вы не обманули меня с Одиль. А принимая во внимание ваше поражение, я вообще должен быть вам признателен.

Он посмотрел на меня совершенно ошеломленными глазами.

— Объясняю. Вы сделали из моей жены новое существо, которого я не знал, и которое само себя не знало. Без вас она наверняка всегда оставалась бы прежней. Да, теперь существуют две Одиль: моя и ваша, причем должен признать, что ваша гораздо интереснее моей. Итак, что мне нужно, чтобы узнать ее? Занять ваше место в беседке на следующем свидании. Думаю, Одиль придет на него с уже определенным решением стать вашей любовницей. Но ее любовником стану я. Простите, что лишаю вас результатов вашей кропотливой работы, но речь идет о моей жене. Как бы дико это ни выглядело со стороны, я хочу ее и поэтому займу ваше место.

Он шевельнулся.

— У вас есть возражения?

— Даже не знаю, что сказать... Это так... необычно.

— Возможно, но именно так и будет.

Я посмотрел на стоящую на столе пишущую машинку. В нее был заправлен лист бумаги.

— А, вот то письмо, о котором вас просила Одиль вчера вечером. Очень мило с вашей стороны, что вы его уже приготовили. Мне остается только положить его в старое дупло. — Я подошел к столу. — Черт возьми! Три густо исписанных страницы и еще одна в машинке. Право, вы балуете мою жену. После стольких признаний и планов на будущее... вы ведь строите тут эти планы, правда? Она не устоит перед вами. К несчастью, вы будете уже далеко.

— Далеко?

— Вы немедленно уезжаете в Алжир. Сейчас начало одиннадцатого. Рейс из Бурже — в полдень, вполне достаточно времени на сборы. У меня внизу машина, так что я доставлю вас прямо к самолету.

— Но...

Я резко оборвал его попытку запротестовать:

— Добровольное путешествие гораздо лучше морга, поверьте мне.

Я вытащил из кармана пистолет. Он не был заряжен, но я знал, что достаточно будет одной угрозы.

— Прекрасно, — немедленно согласился он. — Но должен вам признаться, что у меня совершенно нет денег.

— Я это предусмотрел. По дороге заедем в банк. Там я вручу вам сто тысяч франков, и вы будете ждать моих указаний в Алжире. Возможно, вам придется там что-нибудь сделать для нашей компании. Вы же хотели занимать определенное положение в ней, не так ли? Вот и прекрасно. А теперь напишите на вашей машинке кое-что для меня.

Я вынул из машинки лист, исписанный на три четверти, и вставил чистый.

— Садитесь и пишите.

Он повиновался.

— Получена от генерального директора компании сумма в сто тысяч франков с тем, чтобы я отправился в Алжир и выполнял там его указания. Это все.

Он вытащил листок из машинки и от руки поставил свою подпись. Я посмотрел на часы: было половина одиннадцатого.

— А теперь поторопитесь.

Пока он собирался, я взял письмо, написанное им для Одиль, тщательно его сложил и спрятал в карман. Потом передумал, вынул и прочитал:

“Я расстался с тобой час тому назад. Напрасно даже пытаться заснуть, между сном и мною стоят образ Одиль, голос Одиль, ноги Одиль, твои стоны, вздохи, твой отказ, твои обещания. Ты права: то, что вначале было игрой, теперь перестало ею быть. Я могу думать только об одном — о тебе. О том, чтобы овладеть тобой, овладеть дико, яростно. Как это случилось? Не знаю. Все, что я знаю: я хочу тебя с такой чудовищной силой, что все остальное просто не имеет никакого значения. Я хотел покорить тебя, но сам стал жертвой. Я бы ненавидел твоего мужа, если бы знал, что Одиль принадлежит ему. Но он обладает только своей женой, а я вскоре получу тебя, другую, ту, которую я создал, в которой открыл скрытый источник желаний. До сих пор ты спала, а не жила, я разбудил тебя, без меня ты так ничего и не узнала бы.

То, что ты ощутила сегодня, когда я ласкал тебя, возможно, было далеко от идеала, но твой стон сказал мне, что ничего подобного ты до сих пор не испытывала. И это еще только начало, крохотный задаток. Как же горячи будут твои ощущения и твои стоны, когда между нами не будет преграды твоей одежды! Нет, я гоню от себя эту мысль, потому что она сжигает ме-

ня. Платье — пусть. Но ничего под платьем на следующем свидании. Обещаешь? Мои руки и губы смогут насладиться твоим нагим телом, как только ты войдешь в беседку. Какая странная вещь — желание.

Здесь я останавливаюсь и перехожу ко второй странице. Я поднимаю голову, и передо мной скользит твой образ — сладострастный образ. Даже если я закрываю глаза, твой образ стоит передо мной. Когда ты будешь моей? Мое желание уже причиняет мне физическую боль. Я вижу только тебя, я представляю себе твои ноги, мягкую выпуклость твоего живота, нежные складки твоего лона. Ты придешь завтра вечером? Да, я знаю, ты уже близко.

Ты не свободна, так что не надо давать никаких поводов для подозрений. Но мне так необходимо твое тело, что я обязательно отправлюсь завтра на свидание. Итак, каждый вечер в десять часов я буду ждать тебя в беседке до одиннадцати. И так будет до тех пор, пока ты не придешь. Хватит ли у тебя сил не прийти хотя бы на несколько мгновений, зная, что я так близко от тебя? Успокойся, даже если садовник еще раз будет проходить мимо, он нас не обнаружит. Завтра же утром куплю задвижку и приделаю ее на дверь. Я даже специально выберу ржавую, чтобы никто не заметил обновления. Ты видишь, я предусмотрел все. Я предусмотрел даже то, что должен молчать во время наших свиданий. Ты была права: неосторожно с нашей стороны столько говорить. А ведь мы иногда даже забывали, что говорить нужно шепотом. Обещаю тебе, что не скажу больше ни слова, это только прибавит нашим свиданиям очарования. Мы могли бы, конечно, забыть о беседке и встретиться где-нибудь еще. Но именно в беседке в тебе зародилось желание, и принадлежать друг другу мы должны именно там. Ты придешь завтра вечером?

Вчера я остановился на этом месте, потому что все-таки захотел спать. Наверное, не стоит говорить, что я все равно долго не мог заснуть. Я знал, что ты тоже не спишь. И я представлял себе наше следующее свидание, говорил себе, что даже если под платьем у тебя ничего не будет, я все равно увижу ни совершенных очертаний твоих ног, ни нежного пушка твоего живота. Возможно, так даже лучше: в темноте все чувства обостряются. И вот опять я жду свидания с трепетом, которого никогда раньше не испытывал. Сможешь ли ты вечером ускользнуть на несколько мгновений? Хочу в это верить. То, что будет на тебе надето, скажет мне все красноречивее любых слов, ждут ли меня муки дальнейших ожиданий, или ты уже готова стать моей. Ведь ты придешь только в платье, под которым ничего не будет, правда? Мои руки уже тянутся к тебе, как если бы ты уже была рядом. Упадешь ли ты на колени, сраженная моими ласками, как это было вчера?"

На этом письмо заканчивалось: раздался мой звонок в дверь. Я оторвался от чтения и обнаружил соблазнителя рядом с собой с уже уложенным чемоданом.

— Поздравляю, мой милый. Я бы крайне удивился, если Одиль не сделает все возможное, чтобы нынче вечером избежать моего общества хоть на несколько минут. Что же касается вашего желания знать, будет ли у Одиль что-нибудь надето под платьем, то я вам когда-нибудь расскажу, если это еще будет вас интересовать к тому времени.

Я протянул ему свою ручку:

— Будьте любезны закончить письмо. Это все упростит. О, всего пару фраз. Например: “До вечера. Отныне — до всех вечеров”.

Он сел, покорно все написал и был так мил, что даже поставил свою подпись. Я положил письмо в карман и жестом пригласил его к выходу, причем дверь за нами запер собственноручно.

— Разумеется, ключ от вашей квартиры останется у меня. Я буду приходить сюда писать письма. И кто знает, может быть, я даже приму здесь как-нибудь Одиль вместо вас. Ночью, разумеется. Но все это еще нужно обдумать. Да, предупредите консьержку, чтобы она спокойно пропускала меня в дом. Скажите ей, что уезжаете на некоторое время, но не хотите, чтобы об этом знали. Если кто-то посетит вас, Одиль, например, пусть говорит всем, что вы только что ушли.

Консьержка спросила только, куда пересылать почту. Я ответил ей, что сам займусь этой проблемой, и вручил ей тысячу франков. Больше никаких вопросов у нее не возникло.

— Итак, мы договорились, что если кто-то будет спрашивать господина Лаборда, вы ответите: он только что вышел. Больше от вас ничего не требуется.

Спустя десять минут мы были в банке. Я снял обещанную сумму со своего счета и вручил деньги Лаборду, после чего мы отправились в аэропорт. Мне показалось, что соблазнитель воспринимает ситуацию не слишком трагично, поскольку больше не опасался моей мести. Во всяком случае, его лицо обрело живые краски.

— Куда я должен буду вам писать? — спросил он.

— Разумеется, не на домашний адрес. Как только вы прибудете на место, дадите телеграмму в офис на улице Комартэн и сообщите свой адрес, по которому я буду посылать вам дальнейшие указания.

Мы проехали мимо почты, и меня внезапно осенила одна идея. Я остановил машину.

— Еще одна маленькая формальность. Последняя.

Мы вышли из машины, я купил жетон для телефона и подтолкнул его к кабинке.

— Сейчас мы позвоним Одиль.

Он вытаращил глаза:

— Мы?

— Абсолютно верно. Сначала вы, потом я займу ваше место во время разговора и попробую говорить вашим голосом. Если у нее появится хоть тень сомнения, вы сумеете ее развеять, докажете, что она ошибается. Ну же! Начните с того, что у вас есть для нее еще одно длинное письмо, и что вы его положите сегодня на обычное место во второй половине дня, пока она будет на лекции. Спросите также, написала ли она вам. Уверен, что она это сделала: сегодня утром она попросила прислать ей с завода пишущую машинку. Ваш пример оказался заразительным. Разумеется, вы будете умолять ее прийти на свидание сегодня вечером. Впрочем, я вам подскажу.

Я сам набрал номер и протянул трубку Лаборду, а сам снял отводную. До меня донесся голос Одиль:

— Алло!

Действительно, довольно экстравагантная выходка для мужа: слушать голос своей жены в подобной ситуации. Я ободряюще кивнул Лаборду, который явно испытывал сильное замешательство.

— Это я, — сказал он тихо и замолчал. Я вынужден был подсказать ему, что говорить дальше. — Я не мог больше ждать. Мне нужно было тебе позвонить.

Голос Одиль прозвучал так, как если бы у нее перехватило дыхание:

— Я была уверена, что услышу вас сегодня утром по телефону. Вы хорошо спали?

— Очень плохо. А ты?

— Не лучше. Вы мне написали?

Снова Лаборд заколебался. Тогда я сделал ему знак замолчать и заговорил по своему аппарату, стараясь подражать голосу соблазителя. Удастся ли мне это?

— Да, очень длинное письмо. Я положу его на место сегодня во второй половине дня, когда ты будешь самой очаровательной слушательницей на лекции твоего отца. Ты найдешь письмо, когда вернешься домой. Думаю, оно тебе понравится.

— Мне не терпится его прочитать, — вздохнула она. — Постараюсь вернуться как можно раньше.

Итак, ее слух не заподозрил подмены, иначе она уже выразила бы свое удивление. Успокоившись, я продолжил разговор:

— А ты мне написала?

— Я пытаюсь... Я уже написала две страницы. Но никогда не осмелюсь их послать.

— Ну, нет! Я хочу их.

— Это так трудно...

— Пусть говорит твое тело.

Голос Одиль стал глуше.

— Вот этого-то я и не хочу. Оно говорит слишком о многом.

— Мое говорит не меньше. Оно хочет тебя. И хочет, чтобы ты говорила мне “ты”.

— Сейчас?!

— На расстоянии это легче.

Я ждал ответа с таким нетерпением, как если бы был действительно Лабордом, и успех моей авантюры действительно зависел бы от этого слова. В какую же дьявольскую игру я себя втянул!

Ее голос прозвучал так тихо, что я вынужден был переспросить. Наконец она сказала чуть громче:

— Ты...

— Повтори еще раз. Я плохо расслышал.

— Ты... Ты доволен?

— Как я могу быть недоволен? Это немножко похоже на то, что ты уже отдаешься мне.

— Ну, не совсем...

Снова на мгновение появилась насмешливая Одиль.

— Это правда. Не совсем. Но теперь осталось уже совсем немного. Даже твоего согласия не потребуется, оно у меня уже есть. Я буду сегодня в беседке в десять вечера и подожду тебя до одиннадцати. Приходи, если сможешь. Если же нет, то я буду там и завтра, и послезавтра, мое письмо все тебе объяснит. Не отвечай сейчас, дай мне помечтать. До вечера... возможно.

Я повесил трубку. Лаборд смотрел на меня с откровенным изумлением, у него даже непроизвольно вырвалось восклицание:

— Вот это да!

У меня появилось приятное чувство вполне законной гордости.

— Видите, до какой степени иногда могут ошибаться люди. Вы убедили мою жену, что у меня не хватает воображения и темперамента. Насчет воображения вы могли убедиться сами. Что же касается темперамента, то сегодня вечером я постараюсь достойно представить вас своей жене. Признайтесь, я безупречно подделал ваш голос. Вы можете спокойно уезжать — Одиль ничего не заметит.

Я был удовлетворен этой пробой. Если я не буду слишком много говорить, то наши свидания с Одиль будут не совсем безмолвными. Во всяком случае, по телефону я смогу с ней говорить совершенно спокойно. Я вышел из кабины, бросив Лаборду:

— Сидите здесь. Я сейчас вернусь.

Я купил еще один жетон, вернулся в кабину и снова набрал свой номер. Теперь уже я собирался говорить с женой своим собственным голосом. Я услышал длинные гудки, потом щелчок снятой трубки и, наконец, голос Одиль:

— Алло...

Я дал трубку параллельного аппарата Лаборду, чтобы тот был полностью в курсе грядущих событий.

— Наконец-то! Я звоню тебе уже минут десять, все время было занято. С кем это ты болтала?

— Но...

Захваченная врасплох, она не знала, что ответить, потом торопливо проговорила:

— Но ни с кем. Никто не звонил. Ты, наверное, ошибся номером.

— Возможно, теперь это неважно. Я хотел тебе сказать, что не смогу присутствовать на обеде, у меня важная встреча с одним из членов административного совета. Передай своим родителям мои извинения.

На самом деле я просто не хотел ее сейчас видеть, не хотел выслушивать ученые сентенции ее отца, да еще и отвечать на них. Мысли мои были заняты совсем другим.

— А вечером? — спросила она.

Я сделал вид, что не понял ее вопроса.

— Сегодня вечером?

— Да, ты вернешься сегодня?

— Разумеется.

— А...

Мне показалось, что она подавила вздох сожаления, и я насмешливо сказал:

— Честное слово, можно подумать, что тебя это огорчает.

— Меня? — Она вложила в это восклицание слишком много пылу и, кажется, сама поняла это, потому что смущенно рассмеялась: — Что за мысли тебе приходят в голову?

— Да ладно, я же просто пошутил. Скажи мне что-нибудь хорошее, прежде чем повесишь трубку.

Она долго молчала и вдруг выпалила нечто совершенно неожиданное:

— Хочешь, поедem сегодня вечером в Арьезж?

— Что? — ошарашенно переспросил я.

— Да, сегодня вечером.

Да, она действительно это предложила, слух меня не обманул. Я почувствовал себя одновременно и счастливым, и разочарованным. Счастливым потому, что Одиль номер один явно хотела убежать от Одиль номер два. Но чтобы первая Одиль, моя Одиль, вдруг взяла верх над другой — это было мне непонятно. Я увидел, что лицо Лаборда также выразило изумление.

— Слушай, я ничего не понимаю. Несколько дней назад я предложил тебе эту поездку — ты расхохоталась мне в лицо. А теперь хочешь заставить меня ехать туда на ночь глядя?

— Да...

— Не вижу в этом необходимости.

Ее голос стал еле слышным:

— А я вижу.

— Хорошо. Я постараюсь освободиться пораньше. Но если не получится, поедem попозже. — Я еще раз попытался обратить все в шутку: — Кажется, я попросил тебя сказать мне что-нибудь приятное, а ты воспользовалась этим, чтобы ошарашить меня.

— Это самое приятное, что я могу тебе сказать, — сказала она, резко заканчивая разговор. — До вечера. — И повесила трубку.

Мы вышли, снова сели в машину и поехали. Я молчал так долго, что Лаборд не выдержал и с любопытством спросил:

— Так вы уедете сегодня вечером?

— Не знаю. Между двумя Одиль происходит борьба. Моя хочет уйти, не прощаясь с вашей. Кто победит? Не знаю. Думаю, на сей раз все зависит от меня.

Но я и сам не знал, как быть. В одну минуту все мои планы были нарушены. Машинально я прибавил скорость, как если бы хотел таким способом сократить часы ожидания и неясности и как можно скорее достичь момента принятия окончательного решения. За окнами машины мелькали унылые постройки северного пригорода. Я совершенно забыл о Лаборде и вспомнил о нем только тогда, когда он закурил.

— Кстати, а что вы теперь думаете о двух Одиль?

Он не шелохнулся. Мы проехали несколько километров, прежде чем он ответил мне вопросом на вопрос:

— А что подумают обо мне обе Одиль, когда все узнают?

— Что вы мерзавец. Будьте уверены, я все для этого сделаю. Подумать только... Кстати, верните мне ключ от калитки в парке.

Он подчинился.

Мы приехали в Бурже. Я сам купил ему билет и проводил к выходу на летное поле. До отлета самолета у нас оставалось четверть часа. Лаборд ждал с чемоданом в руке, избегая встречаться со мной взглядом. Думаю, что до этого момента у него не было времени на размышления. Сначала я его очень удивил, потом ударил, а потом события стали разворачиваться с такой скоростью, что он даже не успел осознать: он покидает Францию и Одиль.

Громкоговоритель пригласил пассажиров занять свои места в самолете.

— Я думаю, вы понимаете, что бесполезно пытаться предупредить мою жену о случившемся с помощью радиосвязи или как-то еще. Сегодня во второй половине дня ее не будет дома, а вечером мы сядем в поезд. Если же я все-таки решу остаться, она придет к вам в беседку на свидание и станет... нашей любовницей. После этого я открою ей истинное положение вещей. Уверен, это навсегда излечит ее от подобного рода авантюры.

Моторы уже были заведены.

— Идите в самолет. Вам пора.

Он поднялся по трапу и исчез в самолете, не бросив мне на прощание даже взгляда. Я еще долго стоял, желая убедиться в его отлете. Наконец трап убрали, дверь закрылась и самолет медленно покатился по взлетной полосе. Затем, набрав скорость, он взмыл в небо и взял курс на юг.

Тогда я вернулся в Париж.

Этот вопрос я себе потом задавал часто, даже слишком часто. Если бы Одиль не написала Лаборду, если бы я не нашел его письмо, его длинное, дерзкое письмо в дупле старого дерева, отказался бы я в тот вечер уехать и тем самым спасти ее? Я часто в мыслях возвращался к этому дню, перевернувшему всю нашу жизнь, хотя понимал, что это — совершенно бесполезно. Нельзя так сильно искушать судьбу, как это сделал я, можно стать невольной жертвой собственных поступков и фантазий. Но, если подумать, то кто на самом деле принял окончательное решение? Одиль, я или судьба? Я уже никогда не найду ответа на этот вопрос.

Итак, я вернулся в Париж. В половине первого я заперся, не поев, в своем кабинете на улице Комартэн. Я действительно не испытывал чувства голода, лихорадочно принялся за работу, пытаясь тем самым привести в порядок свои мысли.

За последние дни я порядком забросил работу и только теперь это понял. До двух часов дня я просидел за письменным столом, разбирая почту, делая распоряжения своим секретарям, давал инструкции по текущим делам, то есть вел себя так, как если бы действительно намеревался уехать вечерним поездом. В тот ли момент пришло окончательное решение? Или решающую роль сыграло прочитанное мною позже письмо Одиль? Не знаю. И уже никогда не узнаю.

В два часа я ушел с работы и поехал домой. Я сознательно избегал оживленных больших магистралей, выбирал тихие боковые улочки, где располагались слесарные мастерские. Мне повезло: я нашел старую задвижку в первой же из них.

Таким образом, если прочитав письмо Лаборда, Одиль направится в беседку, у нее не будет никаких подозрений, так как задвижка будет уже на двери. Домой я приехал около трех часов и поспешил в парк, чтобы положить в тайник письмо соблазнителья. Именно здесь все и решилось. Дрожащей рукой я вытащил из дупла один конверт и положил на его место другой. Как вор, я прокрался в беседку, чтобы там прочесть письмо Одиль. Да и где еще было бы более естественно это сделать?

«Среда. Девять часов утра. Мне хочется писать. Это со мной редко случается, но сегодня утром у меня возникло такое желание. Впрочем, в последнее время у меня появляется много желаний. Я не горжусь этим. Первое мое желание — вновь увидеть вас. Если бы я прислушалась к себе, я бы сказала вам... Тихо! Лучше к себе не прислушиваться.»

Девять часов тридцать минут. Почти полчаса я собиралась с силами. Желание писать не прошло, но я боюсь сказать вам слишком много. Знаете ли вы, что я заснула лишь под утро? Ваши жестокие и ловкие руки не давали мне покоя. Я старалась ворочаться в постели как можно тише — вы знаете, почему. Иногда мне удавалось заставить себя неподвижно лежать на спине, глядя в потолок. Я вновь переживала все в своих воспоминаниях

и чувствовала, как по всему моему телу, ставшему вдруг восхитительно слабым, разливается тревожное желание. Тогда у меня немели руки и ноги.

Конечно же, я не отдам вам это письмо. Я краснею уже от того, что пишу его. Что же будет, если вы его прочтете?

Десять часов утра. Поскольку вы его не прочтете, я могу спокойно продолжать. Может быть, это меня немного успокоит. Странная вещь — желание. Я никогда не думала, что оно может обладать такой силой. Чувствуешь, что тебя куда-то уносит, поднимает вверх, кружит, терзает. Это и восхитительно, и ужасно. В какое же состояние вы меня привели! Знаете ли вы, что вчера вечером я едва не закричала: "Я ваша! Возьмите меня!"? К счастью, вы ни о чем не догадались.

Не жалейте о прошедшем, я скажу вам все в следующий раз.

Гордитесь ли вы своей победой? Откровенно говоря, я была так уверена в себе, что даже и не думала ни о какой борьбе. А когда моя уверенность в себе поколебалась, я думала, что смогу продержаться еще достаточно долго. Ничего не понимаю. До сих пор я была одной из тех порядочных женщин, с которыми ничего подобного не происходит. Теперь все изменилось. Теперь я нахожусь в другом лагере. Доходит до того, что я с трудом переношу присутствие своего мужа, так мне стыдно. Если бы еще я вас любила! Но я вас не люблю. Вот так, и я ничего не могу с этим поделать.

Вы что, околдовали меня? Однако я еще пытаюсь бороться. Доказательства? Только то, что еще полчаса назад я готова была порвать эти страницы и поклясться никогда вас больше не видеть. Но достаточно было одного воспоминания, чтобы от этого благого намерения не осталось и следа. Какого воспоминания? Вчера, когда вы прижали меня к себе, я почувствовала вас у своего живота — и все перевернулось. Мои ноги подкосились, я больше не могла. Если бы в этот момент вы сорвали с меня одежду... Из какой же грязи я сделана, что осмеливаюсь писать вам подобные вещи!

С самого начала этой авантюры вы окружили меня такой волнующей и порочной атмосферой, что мало-помалу я начала беспокоиться и о том, что буду принадлежать вам, и о том, что слишком долго сопротивляюсь. Все это было для меня самой настоящей пыткой.

Принадлежать вам и не принадлежать вам... Мое тело внешне спокойно, но какая буря бушует внутри! Иногда я вспоминаю ваш запах, запах мужчины, неразрывно связанный с вашими ласками. И это двойное воспоминание проникает в меня до мозга костей, погружая в жестокие грезы.

Десять часов тридцать минут. Нужно, наконец, на что-то решиться. До сих пор я слишком много думала о вас и совершенно не думала о муже. В чем, в конечном счете, я могу его упрекнуть? В том, что он не дал мне тех ощущений, которые

я испытываю с вами, причем это только начало? Может быть, в первые годы замужества мое тело, как вы говорили в своих письмах, действительно спало, а проснуться ему мешала привычка? Я не должна была позволять вам писать мне. Я бы ничего не знала. А ни о чем не зная, ни о чем бы и не сожалела. Теперь, что бы ни случилось, мне будет о чем пожалеть.

Одиннадцать часов. Какая же я несчастная! Я только что говорила с вами по телефону и с этой минуты думаю только о том, чтобы отдать вам свое тело сегодня вечером. Вы попросили меня говорить вам "ты", как если бы попросили снять платье. И я... я сказала: "ты".

Одиннадцать часов пятнадцать минут. Да, несчастная! Мой муж тоже позвонил. Почти сразу после вас, я едва успела написать еще несколько строк. Его звонок раздался как раз в тот момент, когда я писала это "ты", о котором вы меня попросили. У меня прерывался голос. Мне было дурно. Моя спящая совесть в бешенстве встала на дыбы и сказала мне: "Ты не имеешь права!"

И тогда в каком-то порыве я попросила его уехать со мной, увезти меня сегодня же вечером подальше отсюда. Неважно, что я уже жалею об этом и не хочу, чтобы он меня увозил. Я вам ничего не скажу. Понимаю, что такой отъезд больше похож на бегство. Если он мне поможет, я буду спасена. Когда я вернусь, мы больше не будем видеться. Уже скоро я пойду в парк и положу это письмо в дупло, чтобы позже взять оттуда твое. Положу письмо, которое никогда бы не осмелилась тебе передать, потому что говорю это "ты" в последний раз, потому что оно должно быть как бы компенсацией за твое необладание моим телом. Телом, которое я умоляю тебя больше не наполнять мукой и радостью".

Уехали ли бы мы в тот вечер, не прочти я это письмо? Не знаю. Я и до этого не имел ни малейшего желания уезжать. До самой глубины своего существа я был захвачен ожесточенной борьбой двух Одиль. Да, одна из них протягивала ко мне руки и умоляла спасти ее от другой. Но пойти навстречу первой значило потерять вторую. Впрочем, не я втянул жену в эту жестокую игру. Принимая письма Лаборда, считая их чтение совершенно безопасным, она тем самым нанесла мне самое страшное оскорбление, которое только можно нанести мужчине.

Привинчивая к дверям беседки задвижку, которая должна была обезопасить наши удовольствия, я вспоминал о случайности, открывшей мне эту авантюру. Не произойди ее, я бы ни о чем не подозревал, а эти двое дурачили бы меня в свое удовольствие. Да, она просила меня увезти ее, но я не настолько глуп, чтобы не понимать: умоляя, она лгала. Ее тело стремилось к любовнику, которому она уже мысленно принадлежала, стремилось изведать новые запретные наслаждения.

Согласиться на отъезд в этих условиях означало дать ей возможность временного отказа от ее желания. А это только усилило бы ее страсть и влечение, причем мне не принесло бы никакой пользы. Помимо того, мне нечего было бояться, предпринимая свою эгоистическую авантюру: Лаборд уже далеко, и сегодня его Одиль номер два станет моей. Будет моей со всей полнотой ожидаемого ею наслаждения. Я снова взял ее письмо и перечитал некоторые необыкновенно дерзкие отрывки. Ее огромное желание отдаться возбудило во мне такой же силы желание овладеть ею. Я даже удивился силе этого желания. Конечно, тут присутствовала и ненависть, смешанная с любопытством, но преобладала все же жгучая потребность удовлетворить это желание, тем более яростное, что Одиль призналась: в моих объятиях она никогда ничего не чувствовала. Ну, это мы еще поглядим!

Я вернулся домой и избавился от револьвера, который брал для запугивания Лаборда. Из предосторожности я утром вынул из него патроны, а теперь снова зарядил и положил на прежнее место в комод в спальне.

Одиль вернулась домой в пять часов. Она, должно быть, едва дождалась конца лекции и примчалась, чтобы скорее прочесть письмо своего сообщника. Из окна кабинета я видел, как она идет по парку, стараясь, чтобы ее походка выглядела как можно более беззаботной. Она шла к старому дереву, а оттуда, должно быть, направилась в беседку. Как и я несколько часов тому назад.

Она вернулась через полчаса. Прежде чем заговорить, мы какое-то время пристально смотрели друг на друга: каждый старался прочесть на лице другого ответ на невысказанный вопрос. Я думал: сделает ли она еще одну попытку уехать сегодня вечером? И был уверен, что она тревожно спрашивает себя: попытается ли он меня сегодня увезти отсюда? Наконец я сказал, приняв скупящийся вид:

— Знаешь, я не смог освободиться. Поедем завтра или послезавтра.

Кровь отхлынула у нее от лица. От радости или от страха? Возможно, от обоих этих чувств одновременно.

— Тебя это огорчает?

— О нет, — ответила она невыразительным голосом. — Пустяки.

Но я заметил, что она дрожит.

— Сегодня вечером я буду занят. В Париже проездом один австриец, мне чрезвычайно важно с ним увидеться. Это не терпит отлагательства. Надеюсь, ты поедешь вместе со мной.

Говоря это, я пристально вглядывался в ее лицо. Она не шелохнулась, только проронила:

— Посмотрим. Пока еще не знаю.

Никаких свиданий у меня не было. Я ожидал именно такого ответа. Отныне я просто играл со своей жертвой, поэтому небрежно добавил:

— О, ничего срочного нет. Он приедет только поздно вечером, что-то около одиннадцати часов. Так что если мы уедем отсюда в десять...

Я знал, что в это время она ждет Лаборда в беседке. И знал, что теперь-то уж ее ничто не удержит.

— Посмотрим, — повторила она, пристально рассматривая узор на ковре. — Если я смогу... От этой лекции у меня началась мигрень.

Вот теперь я все знал наверняка.

Конец второй половины дня протекал очень медленно. Уйдя в кабинет, я старательно готовился к исполнению своей роли. Разница в росте с моим соперником была ничтожной, на лице его не было ничего такого особенного, что можно было бы обнаружить в темноте на ощупь: например, смешной длинный или, наоборот, короткий нос. Его одежда была абсолютно такой же, как моя, он брил усы, а волосы зачесывал назад. По счастливой случайности мы с ним курили одни и те же сигареты — “Голуаз”, поэтому наша одежда пахла одинаковым табаком, которым пропиталась. Подозрение мог вызвать только голос. Я отдавал себе отчет в том, что при встрече с глазу на глаз голос будет труднее подделать, чем при разговоре по телефону, и поэтому решил говорить только шепотом, если мне все-таки придется что-то сказать.

Мы поужинали между семью и восемью часами в почти полном молчании. Изредка один из нас произносил какие-то незначительные слова, а другой отвечал с таким же безразличным видом. Иногда я смотрел на нее и мне казалось, что в глазах ее горит какой-то странный огонек. Но все мои мысли и желания были сосредоточены на ее теле, которое я скоро буду ласкать своими нетерпеливыми руками, а его обладательница будет думать, что отдается совершенно другому человеку. Молчание вдруг стало таким невыносимым, что я был просто вынужден хоть что-то сказать:

— Я вдруг подумал, что ты можешь поехать сегодня вечером в поместье одна. По-моему, есть поезд около десяти часов вечера. Поедешь на Аустерлицкий вокзал, а я присоединюсь к тебе, как только освобожусь. Приеду следующим поездом. Таким образом, и твое желание осуществится, и я улажу свои дела.

Я цинично лгал: десятичасовой поезд в этом направлении был последним. Но мое предложение заставило ее вздрогнуть, и я почувствовал, что в ней вновь началась отчаянная борьба между “да” и “нет”.

— Нет! — наконец произнесла она. — Ничего не горит, я подожду. В конце концов, это ведь была просто моя прихоть.

И снова наступило молчание, каждый из нас думал о своем. Стенные часы неторопливо отбивали ход этого томительного вечера.

— А что было на лекции? — спросил я наконец. — О чем она, кстати?

Несколько минут она сбивчиво пыталась мне об этом рассказать, но потом снова внезапно замолчала. До еды она почти не дотрагивалась, и я не преминул заметить:

— Ты совсем ничего не ешь!

— Немудрено при моей мигрени...

Она приложила руку ко лбу и произнесла те слова, которых я ждал так долго:

— Я бы хотела поехать вместе с тобой на эту твою встречу, но думаю, что мне лучше пойти спать.

Она смотрела на меня спокойным, ничего не выражающим взглядом. Кто бы мог подумать, что за этим по-детски нежным лицом, в этом внешне спокойном теле пылает настоящий пожар страсти.

— Тебя очень огорчит, если придется поехать в Париж одному? — внезапно спросила она.

— Да.

— Хорошо, тогда я постараюсь составить тебе компанию.

Я покачал головой. Я одновременно хотел, чтобы она поехала со мной, и не хотел этого. Безусловно, ее терзали те же противоречивые чувства. Секунды, минуты шли и шли в этой безмолвной, изматывающей борьбе. Наконец она подняла голову и нерешительно сказала:

— Возможно, если мне станет лучше...

— Нет. Если ты останешься, то я поеду поездом, вот и все. Ты же знаешь: терпеть не могу ездить на машине в темноте.

— Ну, если так...

Вновь повисло тягостное молчание. Мы думали каждый о своем и одновременно об одном и том же, хотя Одиль об этом и не гадалась. Вскоре молчание стало таким тяжелым, что ни один из нас не решался его прервать. Наша судьба была решена, и мы оба это понимали.

Одиль не стала ждать кофе и поднялась в свою комнату. Я остался в гостиной один и, пытаясь отвлечься от навязчивых мыслей, стал просматривать газету. Лишь один раз я вскочил, подумав, что еще есть время все откровенно рассказать Одиль и покончить с этой историей. Все еще можно было исправить. Через час будет поздно, и простое легкомыслие превратится в супружескую измену, как ни парадоксально это звучит. Конечно, там, наверху, она сейчас мечется в тревоге, думал я.

Сейчас, много лет спустя, я вижу, что было пять или шесть моментов, в которые все можно было честно объяснить, уладить и постепенно забыть эту унижительную историю. Но, кажется, ни я, ни она к этому особенно и не стремились. К этому не стремились наши тела. И судьба была явно против такого поворота событий.

В половине десятого я встал и поднялся к ней наверх. Она лежала в постели, свет был погашен. Комната была пропитана сильным ароматом духов, хотя окно было распахнуто настежь.

Она, должно быть, надушила все свое тело в предвкушении сладостных моментов свидания. Тут я понял, что для меня она окончательно потеряна, и потерял всякий интерес к своей жене, сосредоточившись исключительно на любовнице.

Я зажег свет. Одежда, которую она сняла, лежала на кресле. Но рядом, на другом кресле, я заметил платье из тонкой шерсти, а на полу стояли сандалии: наряд, приготовленный ею, чтобы помчаться на свидание к уже почти любовнику, как только я уеду.

Мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы поцеловать эту женщину. Потом я пошел к двери, но в этот момент она вдруг поднялась на локте и напряженным голосом почти крикнула:

— Рене!

Я вернулся, сделав удивленное лицо, и сказал насмешливым тоном:

— Что стряслось? Ты что — зовешь меня на помощь?

Это был еще один, последний момент, когда она готова была рассказать мне все. Если бы я ей как-то помог, так и произошло бы. Но мы упустили этот последний шанс.

— На помощь? — уже другим, равнодушным голосом переспросила она. — Что за нелепые фантазии! Я просто хотела попросить тебя купить мне сигарет, у меня они вот-вот кончатся.

Больше никаких попыток изменить нашу судьбу мы не сделали.

Я спустился в парк, подошел к калитке и громко хлопнул ею, давая Одиль знать, что я ушел. После этого направился в беседку и стал ждать там свою жену. Сколько времени длилось это ожидание? Не помню. Что я делал в это время, о чем думал — тоже испарилось из памяти.

Где-то пробило десять часов, ждать оставалось недолго. Еще немного — и я овладею собственной женой прямо на полу. И вдруг меня пронзила мысль о том, что она может все-таки устоять и не прийти сюда. Мне следовало бы радоваться, но было поздно: я хотел новую, горящую желанием Одиль, а не прежнюю, покорную и пассивную. И в этот момент послышались ее шаги в парке. Сердце чуть не выскочило у меня из груди.

Несколько секунд Одиль стояла у подножия лестницы — несколько последних секунд колебания. Потом поднялась в беседку и осторожно двинулась вперед в темноте, вытянув вперед руки. Я схватил ее за руку и тут же захлопнул дверь, чтобы свет восшедшей луны не выдал меня. Теперь можно было действовать.

Мы не сказали друг другу ни слова, она порывисто дышала, дрожь от желания, смешанного со страхом. Я обнял ее за талию и понял, что под платьем на ней ничего нет. Бешеное желание охватило меня: желание овладеть этой женщиной и одновременно убить ее.

Не выпуская ее руки из своей, я просунул их ей под платье, и она издала животный стон. Колени ее подогнулись, я вынужден

был поддержать ее, чтобы она устояла на ногах. Не знаю, пришла ли бы Лаборду в голову такая изощренная мысль: ласкать женщину не только своей рукой, но и ее собственной рукой. Не пытаюсь разжать ее ноги, я продолжал эти изощренные ласки. Одиль повернула голову и прижалась губами к моим губам.

Никогда моя жена меня так не целовала! Поцелуй длился и длился, наши руки уже касались пушистого треугольника внизу ее живота. Меня все еще раздирали противоречивые желания: овладеть и ненавидеть одновременно. Потом наши руки оказались между ее ног, и она стала умолять меня взять ее.

— Ну же, ну же! — стонала она, измученная ожиданием. — Я больше не могу!

Длительные судороги уже сотрясали ее с головы до ног. Она больше не сопротивлялась, она сама начала меня ласкать, причем, более чем смело. И я резко овладел ею. В долгом и хриплом стоне наслаждения она позвала... нет, не меня, другого человека. В бешенстве я усилил натиск и услышал, как моя жена шепчет сквозь новые и новые стоны:

— Никогда не знала... Я не подозревала... Я твоя! Я буду принадлежать только тебе, тебе одному!

Никогда моя жена не дарила мне таких ласк. Где она всему этому научилась? В каких книгах прочитала, в каких снах увидела? Почему она не пыталась так вести себя раньше, до этой "измены"? В течение семи лет она бесстрастно дарила мне свое тело и никогда не забывала напомнить об осторожности, потому что не хотела иметь детей, лишая меня тем самым изрядной доли наслаждения. А извивавшаяся подо мной незнакомка, почувствовав, что я уже на грани, закричала, судорожно вцепившись мне в плечи:

— О, не уходи!

И я в первый раз по-настоящему слился со своей женой в общем экстазе. Я обрел потрясающую любовницу, о какой можно было только мечтать.

Наконец наши объятия разомкнулись, Одиль была совершенно обессилена. И вот теперь мне нужно было следить за каждым своим словом и жестом, чтобы правда не обнаружилась раньше времени. Хотя теперь был именно тот момент, когда она испытала бы самый жгучий стыд, если бы я сбросил с себя маску. А потом, в зависимости от ее поведения, я бы решил: оставить ее или выгнать. Но... обладание этой новой женщиной доставило мне такое наслаждение, что я не решался рисковать и потерять возможность получить еще.

Ее голос заставил меня очнуться:

— Я ничего не понимаю! Я замужем семь лет и не испытывала ничего подобного! Я всем обязана тебе!

Я взял обе ее руки в свою и сжал, чтобы она не могла коснуться моего лица. Никакая предосторожность теперь не будет лишней.

— Да, только тебе! Но как же это было прекрасно!

Вторая моя рука легла ей на грудь, и она затрепетала, готовая к новым наслаждениям.

— Я ревную тебя ко всем женщинам, которых ты ласкал до меня. Я хотела бы быть первой. И еще я хотела бы, чтобы ты был моим первым мужчиной.

И это она говорила мне, своему мужу! Моя рука произвольно сжалась вокруг ее рук, но она приняла это за поощрение.

— А ты не ревнуешь к моему мужу?

Нужно было отвечать, причем не только чужим голосом, но и с интонацией удовлетворенного любовника. Она повторила:

— Ревнуешь?

Я прошептал:

— Нет, у него нет ничего, а я обладаю всем.

Мой шепот напомнил ей об осторожности, так как до сих пор она сама говорила вполголоса. Одиль рассмеялась:

— Ах да, правда, ты хотел промолчать... Ну, молчи, я буду говорить одна. Мне так много нужно тебе сказать. Знаешь, мне хочется тебя любить, вот что случилось. Да, мне кажется, что если бы я тебя любила, то принадлежала бы тебе еще больше. Может быть, я уже люблю тебя? А ты?

Я положил руку на ее губы, чтобы избежать необходимости отвечать, и вдруг почувствовал непреодолимое желание опустить руку ниже и изо всех сил сжать этой женщине горло, чтобы задушить. Тишину теперь нарушало только тиканье моих часов.

— Слышишь тик-так? — спросила она через мгновение. — Оно напоминает нам, что наше время истекает. — Она приподнялась и встала на колени: — Приоткрою дверь, посмотрю, который час.

Я стиснул ее в объятиях, но ей все же удалось вывернуться и встать. Тогда я резко сунул руку ей под платье и коснулся потайного места. Она рухнула с глухим стоном и больше не пыталась подняться. Я же усилил свои нескромные ласки, и она уже не хотела уходить.

— Ты жульничаешь! — стонала она умирающим, восхищенным голосом. — Это нечестно.

Наши тела вновь слились, я придавил ее к полу с яростью бешенства и наслаждения одновременно. Она забилась в последней сладкой судороге, и я поспешил присоединиться к ней. Несколько минут мы лежали молча и неподвижно: я понял, что сейчас наступит самый опасный момент. Нужно было что-то сказать, приоткрыть дверь в голубой свет луны...

Одиль зашевелилась и простонала:

— Что ты со мной сделал? У меня все болит. К счастью, когда он вернется, я уже буду спать. Но завтра... Ба, скажу, что у меня мигрень.

Она склонилась к самым моим губам:

— Завтра в это же время, правда?

— Да.

Она встала, я последовал ее примеру, и она прошептала:

— Поцелуй меня!

Я исполнил ее желание, потом проводил до двери. Одиль отодвинула задвижку, а я приоткрыл дверь так, чтобы самому остаться в темноте за нею. Мне это удалось. Она выскользнула из беседки, я слушал, как затихают вдали ее шаги. А когда они замолкли, мне стало нестерпимо грустно.

Теперь и во мне было два человека одновременно: муж, который страдал, и любовник, который утолил все свои желания. Я вернулся в дом через четверть часа, приготовив оправдания своей задержке на деловой встрече. Но мне не понадобились оправдания: Одиль была в ванной, смывая со своего тела усталость и, как она думала, запах своего любовника. Время от времени она что-то напевала удовлетворенным и умиротворенным голосом. Мне на секунду захотелось постучать в дверь ванной и осведомиться, прошла ли у нее мигрень. Но любовник во мне остановил мужа:

— Брось, тебе больше нечего сказать, ты, рогоносец!

Я вышел из спальни, чтобы немного успокоиться. Когда я вернулся, она уже была в постели. Я зажег лампочку у своего изголовья, Одиль пошевелилась.

— А, ты не спишь? — спросил я.

— Я дремала. Ты разбудил меня, когда включил свет.

Мне вдруг нестерпимо захотелось увидеть на ее лице следы пережитого ею наслаждения. Под каким-то предлогом я зажег верхний свет и сразу заметил ее запавшие глаза с темными кругами под ними.

— Но у тебя такой усталый вид!

Она отозвалась жалобным голосом:

— Ничего удивительного, при такой мигрени...

Она повернулась ко мне спиной, я выключил верхний свет и пошел в ванную. Когда же я вернулся, она уже спала. Любовнику нужно было отдохнуть, но муж ревновал к победе и усталости любовника, так что я долго не мог заснуть. Утром я встал первым, а Одиль еще крепко спала, закутавшись в одеяло. Я поехал в свой парижский офис и впервые за несколько дней смог спокойно заниматься своими делами. В полдень я заехал на завод, чтобы пригласить кого-нибудь ко второму завтраку: мне не хотелось оставаться наедине с Одиль.

Она увидела нас из окна и спустилась навстречу. Ее тело и лицо излучали такое счастье и свет, что мой спутник не удержался от восторженного восклицания:

— Что с вами? Вы распустились, как цветок...

Я прервал его:

— Дорогой мой, тут скорее было бы уместно сравнение с плодом. Одиль — не девушка, а женщина.

— Что же во мне изменилось? — кокетливо спросила Одиль.

— Не знаю. Что-то... Я уверен...

Я снова оборвал его:

— Однако вчера вечером у нее страшно болела голова.

— Одна из моих мигреней, мой дорогой.

— Ну, так мигрень вам очень к лицу. Не будь вы женой моего директора, я бы поухаживал за вами!

Мы прошли в дом и сели за стол.

— Что-то не видно Лаборда, — заметил наш гость уже серьезно. — Сегодня утром я должен был встретиться с ним на заводе, а он не приехал.

— А! — просто сказала Одиль, в глазах которой мелькнул какой-то огонек.

— Он, по-моему, влюблен, — так же небрежно заметил я.

— По-моему, тоже, — поддержала меня Одиль. — В прошлый раз он был так рассеян во время игры в бридж. Может быть, пригласить его еще раз?

— Пригласи. Но предупреди, чтобы он играл внимательно.

Вторую половину дня я провел в офисе, где меня ожидало сообщение от Лаборда о его благополучном прибытии в Алжир. Я со злорадством набросал короткую записку о том, как он много потерял, не побывав на вчерашнем свидании, и сам отнес письмо на почту. Там мне пришла охота услышать голос Одилы, я набрал номер своего телефона. Подошла горничная, и я попросил ее сказать мадам, что звонит господин Лаборд.

Одиль примчалась к телефону из парка, как на крыльях. Она была так неосторожна, что тут же сообщила мне в полный голос: она только что приказала отнести в беседку старый диван и ждет-не дождется вечера, чтобы провести еще несколько упоительных мгновений. И добавила, что если бы я не позвонил, она бы пришла ко мне сама. Мне пришлось сказать ей, что я уезжаю на несколько дней в Реймс, и что это время она может посвятить мужу, иначе все будет выглядеть слишком подозрительно. Но она беспечно сообщила, что за завтраком разговор зашел обо мне, Лаборде, и что муж приглашает меня — его снова сыграть партию в бридж. Так что никто ничего не подозревает.

Я ехал домой и никак не мог собраться с мыслями. Если я буду слишком часто отсутствовать вечерами, Одиль обязательно придет к Лаборду. Вообще получалось, что встречаться с ней мы можем только в беседке и одновременно не можем это делать слишком часто. Вернуть Лаборда? Снова сидеть с ним за карточным столом? Когда я оказался за обеденным столом наедине с Одиль, никакого четкого решения у меня так и не появилось. И она казалась не просто озабоченной: в каждом ее жесте сквозил страх того, что ее вечернему свиданию с любовником может что-то помешать.

Довольно сдержанно она сказала мне, что звонил Лаборд, который должен на несколько дней уехать в Реймс, и она пригласила его к нам после возвращения.

— И правильно сделала, — невозмутимо заметил я. — Кстати, мы ведь тоже собирались поехать в наше поместье, а ты словно забыла об этом.

— Я передумала, — быстро сказала она. — Это был каприз, не более того. Мне и так хорошо.

— Послушай, если у тебя так быстро меняется настроение в последнее время, то ты, наверное, беременна? Хотя это маловероятно: я всегда так соблюдаю осторожность...

Она как-то странно на меня посмотрела и спросила:

— А что ты делаешь сегодня вечером?

Этот вопрос вертелся у нее на языке с того момента, как я вошел в дом, но задать его она решила только сейчас. Я как можно равнодушнее ответил, что никаких дел на вечер у меня нет, и я буду дома. Тогда она предложила поиграть в шахматы, но играла так небрежно, что проигрывала одну партию за другой. Мысли ее были далеко, она машинально переставляла фигуры. Наконец она не выдержала, смахнула шахматы с доски и сказала, что хочет пройти по парку. Но я еще не готов был отпустить своего жертву. Я пошел вместе с нею, она успела только сорвать с крючка в прихожей шаль и спрятать ее под жакетом, думая, что я ничего не заметил. Теперь я знал: на прогулке ей станет холодно, и она вернется как бы за шалью. Что ж, за ней пойду я и окажусь в беседке первым. Она получит свое свидание.

Все именно так и произошло. Я попросил ее подождать меня и отправился в беседку. Там действительно стоял диван, ждавший нетерпеливых любовников. Через несколько минут появилась запыхавшаяся, сгорающая от желания и трепещущая от страха Одиль. Я не успел даже дотронуться до нее, как она уже принадлежала мне. А потом... Неистовость и ярость нашего слияния превзошла все предыдущие встречи. В конце концов мы оба обессилели, и Одиль с большим трудом удалось встать на ноги и одернуть платье, которое сбилось комком у нее на животе. Потом она накрыла голову и плечи шалью и сказала очень грустно:

— Теперь я тебя долго не увижу. Когда ты уезжаешь в Реймс?

— Завтра. Пусть этот день принадлежит твоему мужу, в конце концов он имеет право хотя бы на это.

А я хотел получить еще одно извращенное удовольствие: сравнить Одиль-любовницу с Одиль-женой. Она же понимала, что после безумных встреч с любовником вполне может оказаться беременной, а беременность нужно как-то узаконить.

На следующее утро я послал Лаборду телеграмму с требованием вернуться в Париж и ожидать моих дальнейших указаний. После этого позвонил Одиль его голосом и попросил, чтобы она написала еще одно письмо. От руки, а не на машинке. Как залог нашего будущего свидания. Написала и отдала консьержке. Так мне не придется провести сутки совсем без нее. Она и на это согласилась!

Я решил, что Лаборд под моим руководством разыграет сцену: он будет шантажировать Одиль этим письмом, потребует за него такие деньги, которых у нее нет и не могло быть. Оскорбленная и униженная, она возненавидит его и порвет с ним. А я ее великодушно прощу. И я еще думал, что совершенно лишен воображения! Я позвонил Одиль и назначил ей свидание в Париже. Мы собирались поужинать в ресторане и потом пойти в театр. Она даже обрадовалась: ей не пришлось выдумывать предлог для того, чтобы отвезти письмо в Париж. Письмо, которое — я в этом не сомневался! — она пишет или даже уже написала.

Я совсем не думал о том, что моя авантюра приведет к таким последствиям. Я хотел только отомстить, но сам слишком втянулся в эту дьявольскую игру. Скоро, слишком скоро я убедился в том, что сам себя перехитрил: на следующий вечер в супружеской постели была даже не прежняя Одиль, позволявшая себя ласкать, а совершенно другая женщина, с трудом переносящая ласки ненавистного ей мужа. А ведь я, потеряв голову от ревности и ненависти, ласкал ее в точности так же, как накануне в беседке. Никакой реакции! Тело ее оставалось бесчувственным, то самое тело, которое извивалось под моим в судорогах экстаза. Значит, Одиль может быть такой только в беседке? Или только когда она думает, что с нею не я, а другой? Тогда тем более нужно было все это прекращать, и откладывать дальше — безумие. Но я не меньше боялся потерять последний шанс обладать новой Одиль, которую недавно узнал.

Совершенно обезумев, я не стал принимать никаких мер предосторожности. Я хотел закрепить свои права на нее. И она... она оскорбилась! Это была изнасилованная девственница, поруганная монахиня, а не моя жена. С любовником можно было позволить себе все. Мужу не оставалось вообще ничего. Это я понял еще более отчетливо, когда на следующее утро по дороге в офис заехал к Лаборду и взял у консьержки письмо Одиль.

“Я стала другой с тех пор, как принадлежу тебе. И вдруг возмутилась тем, что я замужем. Словно я спала семь лет, а когда проснулась, то оказалась связанной с совершенно чужим мне человеком. Ты разбудил меня, и отныне я хочу принадлежать только тебе. Но мне придется хоть раз стерпеть его ласки, чтобы скрыть последствия твоих. Я уверена, что уже ношу в себе живое доказательство твоих и моих наслаждений.

Пишу и вспоминаю тебя и наши свидания. Я могу теперь думать только о следующем и надеюсь, что сейчас, когда ты читаешь эти строки, ты тоже думаешь только об этом.

Твоя Одиль”.

Она сошла с ума! Написать такое письмо могла только женщина, совершенно не владеющая собой. Теперь она вполне может и признаться мне, что принадлежит на самом деле другому. И что мне тогда делать? Сказать ей язвительно, что никакого другого на самом деле не было? Нет! Нужно опередить ее, заставить саму

оттолкнуть от себя Лаборда, нужно, чтобы она прониклась к нему ненавистью и отвращением. Резать нужно было по живому, по сердцу и животу, чтобы удалить оттуда соперника. Да, но что потом будет с ее сердцем и животом?

В четыре часа я подумал, что Лаборд вот-вот прилетит в Париж, что мне нужно немедленно ехать в Бурже и посвятить его в свой план. Заставить немедленно приступить к его осуществлению. Но у меня была назначена встреча с другом моего покойного отца, человеком, которому я был обязан решительно всем: место директора компании было получено мною только благодаря его протекции и покровительству. Встреча затянулась, потом он настоял, чтобы мы отметили ее в ресторане. И все это время я думал о том, что Лаборд уже в Париже, что мне обязательно нужно с ним увидеться до того, как я отправлюсь на свидание в беседку.

Мое нетерпение было так велико, что из ресторана я позвонил в Бурже. Мне не терпелось убедиться в том, что самолет прилетел. Но то, что я услышал, заставило меня похолодеть: самолет разбился в двадцати километрах от Парижа, и все, находившиеся в нем, погибли.

На то, что Лаборд погиб из-за меня, мне было решительно наплевать. Более того, в какой-то степени мне это было приятно: провидение покарало человека, замыслившего причинить мне зло. Но весь мой блестящий план рухнул, и под его обломками остался единственный шанс вернуть Одиль, не открывая ей правды. Завтра газеты напечатают сообщение о катастрофе и список погибших. Теперь у меня была только одна ночь, чтобы все ей рассказать. И я должен был именно так и поступить, теперь я это понимаю. Но... Но я пожертвовал этим последним шансом, потому что малодушно хотел еще один, наверняка последний раз насладиться той новой Одиль, которую так недавно познал и так безумно желал теперь.

Когда в половине десятого я вернулся домой и увидел, с каким нетерпением ждет этого свидания сама Одиль, я сказал ей несколько незначительных слов и ушел к себе в кабинет под предлогом срочной работы. Но лишь зажег там свет и запер дверь снаружи. Ноги сами понесли меня в беседку, а думать я мог только о том, что все это произойдет в последний раз. В последний!

Эти мысли обостряли мои желания, и я хотел за тот час, который она будет мне принадлежать, получить от нее все мыслимые и немыслимые наслаждения. Мы оба выпили отравленный страстью напиток, и я понимал, что отныне все остальное будет казаться нам с ней пресным и безвкусным. Она лишится любовника, я — любовницы.

Когда она пришла, я схватил ее в объятия с жадностью и горечью последней встречи. Она отдавалась с не меньшим пылом, чем я ее брал. Каждое прикосновение вызывало у нее стоны и крики наслаждения, а ведь ее ласкали те же самые руки, которые она

так ненавидела вчера! Она призывала меня всем своим существом, и я взял ее, уже изнемогшую от наслаждения. И все повторилось потом еще два раза, а она все умоляла и умоляла меня о том, чтобы я не покидал ее лоно. Стыдливая Одиль, куда она пропала? Мои вдруг удесетерившиеся силы погружали ее в такое блаженство, что мне трудно даже передать его словами. И все это было как бы поверх того бешенства и боязни потерять ее, которые я испытывал в глубине души. Это было дикое наслаждение, в разгар которого она в экстазе призывала к себе мертвеца.

Я потерял всякое представление о времени, она тоже. Из забытья нас вырвал стук колес проходившего поезда, его свисток прервал блаженное состояние покоя, в котором я находился. Я встал и помог Одиль подняться.

— Здесь все-таки не хватает комфорта, — вдруг сказала она тоном прежней, насмешливой Одиль. — Можно, конечно, попросить мужа починить здесь освещение, но вряд ли он поймет, если я попрошу еще и провести сюда воду. А после твоих атак она мне так нужна. Ты трижды, если я не ошибаюсь, забыл о моей безопасности. Трижды! За один вечер!

Сдержанная, целомудренная Одиль говорила вслух о таких вещах! Я едва мог поверить своим ушам. Она сама обняла меня и поцеловала. С дрожью думая о том, что все это в последний раз, я страстно ответил на ее поцелуй. А потом она унеслась в темноту, и ее шаги затихли.

Когда я через некоторое время вошел в гостиную, Одиль с кем-то говорила по телефону. Увидев меня, она прикрыла телефонную трубку рукой и рассмеялась глубоким, счастливым смехом:

— Представляешь, Демонжо говорит, что Лаборд мертв. Вот идиот!

Я взял трубку параллельного аппарата и тоже включился в разговор. Демонжо с грустью говорил:

— Какая все-таки странная штука — судьба. Даже забавная. Еще несколько дней тому назад мы с ним играли в бридж...

— Забавная, — подхватил я, — вот именно. Глупо, однако, погибнуть при авиакатастрофе.

— Погибнуть в самолете? — ошарашенно переспросила Одиль.

— Тем более, что его смерть как бы на моей совести. Это я послал его несколько дней назад в Алжир по делам компании и приказал вернуться именно сегодня. Если у него есть любовница, она мне никогда этого не простит.

И я поспешил закончить разговор под тем предлогом, что безумно устал и хочу спать. Мы остались с Одиль с глазу на глаз, и мне было даже любопытно наблюдать за тем, как она пытается хоть как-то осмыслить услышанное. Наконец она сдалась и пожала плечами:

— Конечно, это шутка!

— Он действительно мертв, — ответил я.

— Есть шутки, которые переходят всякие границы! — нервно закричала она.

— Я не шучу.

Одиль резко поднялась со стула, как бы желая встретить предстоящий кошмар стоя.

— Это идиотизм! Я отвечаю за свои слова.

— Представь себе, я тоже.

Она рассмеялась резким, злым смехом. Еще бы, я осмеливался оспаривать полученное ею наслаждение! Думаю, что в эту минуту она яростно ненавидела меня.

— Ты все еще утверждаешь, что он мертв? — закричала она, уже находясь на грани такого отчаяния, которое ведет к самым безумным поступкам.

— Все еще утверждаю.

— Ну, хорошо же! Он не умер. Доказательством этого то, что я только что из его объятий. Я его любовница и хочу, чтобы ты об этом узнал.

— Ты не его любовница. Не он обладал тобой в беседке. Это был я. Сядь. Мне кое-что нужно тебе рассказать.

Она машинально подчинилась. Я вынул из кармана два ключа от калитки в парке и положил их на стол перед нею.

— Вот мой ключ. А вот тот, что ты дала ему. Я забрал его у Лабурда в Бурже перед отлетом в Алжир несколько дней тому назад. Вот письмо, которое ты ему написала, я забрал его у консьержки. Вот его расписка на сто тысяч франков, которые он получил за свое исчезновение с твоего горизонта. Я же говорил тебе, что на него не стоит надеяться. Ты начинаешь мне верить?

— Нет, нет! — простонала она, защищаясь от жуткой реальности.

Ее побледневшее лицо напоминало трагическую маску. Почти силком я вложил ей в руки расписку Лабурда.

— Посмотри, здесь те же дефекты шрифта, что и в его любовных письмах к тебе.

Пока она читала, я подошел к бару, вынул два бокала и налил коньяку. Свой бокал я выпил залпом, а второй поставил перед ней на стол.

— При вашем первом свидании я был под полом беседки. При втором, кстати, тоже. И все слышал.

Она вскочила и оперлась на стол. На лице появилось странное, жестокое выражение, и она почти не дышала. Я бесстрастным голосом, не упуская ни малейшей подробности, рассказал ей о том, что произошло. И о том, что уже на третьем свидании она отдалась не Лабурду, который уже был в Алжире, а мне, собственному законному мужу. Она слушала меня с застывшим, ничего не выражающим взглядом. Я снова налил себе коньяка.

— Что же ты не пьешь? Думаю, тебе необходимо подкрепиться, ты была сегодня почти без сил. Признай все же, что я был великодушным любовником. Ты была просто потрясая. Поэтому

думаю, что мы забудем эту глупую историю и будем доставлять друг другу наслаждение...

Она словно очнулась от сна. Какое-то время она тревожно оглядывалась вокруг себя, и мне показалось, что она вот-вот заговорит. Но ее наверняка сдерживало выражение холодной иронии на моем лице. Наконец ее дрожащая рука оторвалась от стола, опрокинув по пути бокал. Коньяк пролился на стол, а бокал вдребезги разбился на паркете. Я тщательно подобрал осколки и положил их на стол перед Одиль. Она взглянула на меня с такой страшной ненавистью, что вся моя ирония улетучилась и я в бешенстве закричал:

— Шлюха! Тебе понадобился любовник для наслаждений!

Какое-то мгновение я думал, что она упадет без чувств. Тогда я бросился бы к ней на помощь и... Но ценой какого-то невероятного усилия она вышла из своей неподвижности и пошла к двери, как лунатик. Через мгновение она исчезла с моих глаз.

Я в третий раз налил себе коньяка, не отрывая взгляда от широко открытой двери, в которую вышла Одиль. Я уже сожалел, что оскорбил ее. Она ускользнула от мужа, но любовник готов был уже последовать за своей любовницей. Я подумал еще, что теперь все постепенно наладится, и мы начнем новую жизнь, начнем все сначала. И в этот момент в тишине дома прозвучал выстрел.

Когда я прибежал в спальню, Одиль лежала поперек кровати. Ее правая рука еще сжимала револьвер, которым я так напугал когда-то Лаборда. Я подбежал к ней, наклонился, моя глупая ненависть испарилась без следа.

— Одиль, я люблю тебя!

Ее глаза расширились, стекленея. Голова чуть приподнялась и тут же упала снова. Я увидел, как все ее тело как-то обмякло.

— Одиль, не уходи!

Но моя рука сжала ее уже холодеющую руку. ■

Перевод с французского
Виктории МУРАШОВОЙ.



Наталья ДРОБОТЬКО

ЗВЕЗДНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Симона Синьоре и Ив Монтан...

Она — одна из легендарных актрис французского кино, обладательница золотого "Оскара".

Он — звезда французской эстрады.

В течение многих лет брак Монтана и Синьоре оставался образцом верности и любви.

Их имена на страницах прессы давно уже слились в одно.



Симона как-то призналась: "В Париже Монтан был Монтаном, я была я, и мы были мужем и женой. В Москве — я была женой Монтана, в Нью-Йорке — перед первым концертом — к нему относились только как к мужу известной антрисы. А нам... нам очень нравилось любить друг друга, что мы и делали".

Но, увы, даже самый гладкий путь, освещенный солнцем, может внезапно оборваться и зависнуть над краем пропасти.

Симона Каминкер-Синьоре родилась 25 марта 1921 года в Висбадене, в Рейнской земле. Спустя два года семья переехала во Францию. Бабушка, по материнской линии, в разговорах любила напомнить о том, что она урожденная Дюбуа де Понселе и что ее дед был гильотинирован республиканцами в период Французской революции. В юности она вышла замуж за молодого, красивого художника по фамилии Синьоре, рисовавшего закаты солнца над Средиземным морем.

Отец Симоны — из семьи ювелира. Получил юридическое образование, но вскоре изменил род деятельности и стал переводчиком. Он был одним из первых, кто ввел опыт синхронного перевода на международных конгрессах. Неизменным ритуалом отца по воскресеньям были прогулки в Булонском лесу. Придерживая за руку прелестную малышку, свою дочь Симону, он изящным жестом приподнимал шляпу и легким кивком приветствовал знакомых и даже малознакомых ему людей — он слыл общительным человеком.

Симона была единственным ребенком в семье. "У меня не было ни собачки, ни кошки, ни роли-

ковых коньков, только золотые рыбки, проплывающие за толстым стеклом аквариума". А она так мечтала о брате! Когда девочке исполнилось девять лет, ее терпение было, наконец, вознаграждено. На Рождество в их семье появился Ален, а спустя полтора года еще один брат — Жан-Пьер. "Вот тогда-то я впервые почувствовала, как во мне пробудился сильнейший материнский инстинкт", — писала она позже.

В старших классах школы ее увлек мир Хемингуэя, Фолкнера, Стейнбека. Был и театр. Тогда она впервые увидела "Три товарища" Эрика-Мари Ремака. В финале спектакля "я уже попросту не могла сдерживать слезы. Я рыдала", — вспоминала Симона.

Кинематографическая судьба Симоны Синьоре, начавшей свой жизненный путь в должности скромной стенографистки одной из редакций, решила мартовским вечером, когда она впервые переступила порог парижского кафе "Флор". Так начался ее "путь в высшее общество", — ведь фильм под таким названием принес ей спустя годы мировую славу. Завсегдатаями кафе были люди разные: здесь собирались актеры, которые говорили, что они актеры, даже если сидели без работы, художники, мечтавшие продать свои полотна. Заглядывали и те, кто уже получил известность — Жан-Поль Сартр, Гийом Аполлинер, Пабло Пикассо.

Вся эта публичность безумно нравилась Симоне. Ее притягивал, манил к себе артистический мир. Она как-то призналась: "Мне еще и сегодня трудно поверить в искренность тех, кто утверждает, что в юности не хотел стать акте-

ром". При поддержке новых друзей Симона вошла в мир кино. Однако до настоящих ролей было еще далеко — в течение четырех лет она снималась главным образом в массовках. Ее имя впервые появилось в титрах в 1946 году в фильме "Демоны зари". А если кинематографическая карьера успешно продвигается, значит, должна наладиться и личная жизнь. Его звали Ив. Режиссер Ив Аллегре.

Ей было немного больше двадцати. Возраст, избегающий семейных сцен, пренебрегающий неустроенностью быта, бросающий вызов строгой морали, позволяющий жить, чтобы любить, любить по согласию, без боли...

"В кино так часто снимают встречи на вокзале, что я боюсь показаться банальной, — писала она. — Это была робость, неловкость мужчины и женщины, которые встречаются после трех недель разлуки, при том, что их роман начался за три дня до разлуки, и вот каждый из них все три недели только и спрашивал себя, думает ли он (она) обо мне. Это хорошо сыграть..., но лучше пережить самой". Было много нежности, много надежд... и длилось шесть лет. В 1949 году у нее родилась дочь Натрин. Но брак Симоны и Ива так и остался не зарегистрированным.

Женщина, которая любит, запоминает малейшие детали. Пройдут годы, десятилетия, но она всегда безошибочно назовет не только дату, день, место, но даже время первой встречи. Вот так, как Симона: "Это было 19 августа 1949 года в Сент-Поль-де-Ванс, в кафе "Коломб д'Ор"... в

половине девятого я встретила его". Эти подробности приобретают какую-то свою, особую значимость.

Потому что его тоже звали Ив. Ив Монтан.

К тому времени Монтан уже был звездой французского мюзикхолла. Симона — преуспевающей киноактрисой.

После их первой встречи в кафе прошло еще четыре дня... "и произошло нечто молниеносное, неприличное и необратимое". Необратимое потому, что это будет продолжаться двадцать семь лет. "Сердце мое попросту разрывалось на части. В общем, как у всех, с кем такое происходит. Надо было особенно сильно любить, чтобы ринуться в это удивительное путешествие. Вопреки всему и всем", — вспоминала Симона.

Она собрала вещи и переехала к нему, а "иначе, — как сказал Монтан, — все это ни к чему, и звонить незачем". Они поженились 22 декабря 1951 года в мэрии Сент-Поля.

Иву Монтану и Симоне Синьоре было в ту пору тридцать лет.

Говорят, что настоящее искусство требует безукоризненного ансамбля, тонкого чувства меры, мастерства перевоплощения. Без сомнения, Симона владела этими качествами. У нее была профессиональная проницательность актрисы. Посмотрев в Москве фильм "Сорок первый", Симона воздержалась от восторженных комментариев, которых от нее ожидали. "Вот она — женщина, которая любит, — говорили ей, — и которая стреляет в минуту отчаяния в своего возлюбленного, предавшего ее". — "Любит? А разве вы не за-

метили, как хладнокровно (!) она прицеливается... словно стреляет по обычной мишени?" — только и ответила Симона.

Ее лицо способно было передавать малейшие оттенки — от ликующей, бурной радости до монотонной апатии или неистового отчаяния. Синьоре не раз делилась секретами своего мастерства: "После того, как я соглашаюсь на роль, где-то внутри меня происходит химическая реакция. Образ рождается как бы постепенно, начинает "жить" во мне, а я... не вмешиваюсь. Чем старше я становилась, чем больше переживала горя, счастья, тем легче мне было играть". Целая галерея образов, которые так не похожи друг на друга: разбитная, вульгарная Мари из фильма "Золотая маска"; замкнутая, ушедшая в себя Тереза Ракен (из одноименного фильма), пережившая после встречи с Лораном любовь и страх, надежду и отчаяние; любящая, сексуально раскрепощенная, лишенная предрассудков Элис из фильма "Путь в высшее общество", роль, которая была особенно дорога Симоне. После съемок она еще долго продолжала жить и думать, как ее героиня, причесываясь и одеваясь, как она.

Симона Синьоре не раз признавалась лучшей антрисой года во Франции. Она удостоивалась престижнейших призов, премий в США, Англии, Японии, Италии. Вершиной ее успеха в кино стал золотой "Оскар" за роль Элис в фильме "Путь в высшее общество".

Сколько их было, сыгранных ролей. И еще больше тех, которые она не сыграла. Симона бо-

лезненно переживала свой успех, опасаясь, не ранит ли это Ива, не заденет ли его самолюбие. Ведь многие творческие семьи распались как раз по этой причине. Но зато она искренне радовалась успеху мужа, например, во время гастролей в США, где в зале, среди их поклонников, сидели в первых рядах Марлен Дитрих, Кларк Гейбл, Ингрид Бергман, Фрэнк Синатра... Все восхищались его пластикой, подвижностью, парижской элегантностью. Симона собирала рецензии с восторженными откликами: "Когда поет Монтан, чувствуешь, как стучит его сердце".

Влияние Симоны в становлении Монтана и как актера, и как певца было огромно. Он сам признавался: "Я встретил двух замечательных женщин: Эдит Пиаф, которая вывела меня на французскую эстраду, и Симону, значение которой в моей жизни трудно переоценить".

Она смогла раствориться в шумной суеде мюзик-холла, повсюду сопровождая Ива. Теперь она появлялась на киностудиях все реже. Симона слушала песни Ива, ей нравилось постигать тайны его ремесла, сидеть в зале, где он выступал, боясь шевельнуться, ликовать после концерта, вслушиваясь в гром аплодисментов и выкриков "Браво!" Она отклонила предложенный ей Голливудом контракт: "Без Монтана меня не заставили бы пройти от Венсенских ворот до Аньерских... Что уж говорить об Америке". Во всем этом не было и тени притворства или жеманства. Им трудно было расстаться хотя бы на один день. Сколько раз, рыдая, она укладывала чемодан и в слезах ехала на

вонзал. Однажды режиссер Жак Беннер в ответ на очередной отказ Симоны принять участие в съемках сказал: "Ты совершенно права, у нас только одна жизнь, любовь требует того, чтобы за ней ухаживали каждый день, как за растением".

Но даже их супружеская жизнь не всегда была столь безоблачной. Случались и ссоры. Однажды во время репетиции в минуту раздражения, когда что-то не ладилось, Ив вдруг резко обернулся к Симоне: "Чем ты тут занимаешься? Сидишь, вяжешь? Ты не снимаешься, потому что тебя не приглашают". Это был укор, срыв. Симона поднялась и неторопливо подошла к телефону. Как ей хотелось, чтобы Ив остановил ее. Но он молчал. Что ж, она докажет ему, что она актриса и у нее есть имя. "Я согласна на роль Терезы Ранен, — произнесла она, набрав номер, — завтра я подпишу контракт". И вскоре на экраны Европы вышел новый фильм с Симоной в главной роли.

Симона и Ив приехали в Голливуд, поселились на бульваре Сансет, в бунгало, в тени тропических деревьев. Их соседкой по площадке оказалась Мэрилин Монро — квартиры под номерами 20 и 21 находились рядом. Когда Мэрилин Монро впервые встретилась с Симоной и ее мужем, пригласив их к себе в гости, она весь вечер улыбалась, не сводя с него глаз — его внешность так напоминала ей Джо Ди Монжо — ее второго мужа (тип мужчин, который особенно нравился Монро). Когда гости ушли, она обратилась к подруге Лине Попитоун: "Правда, он вылитый Джо? Очень сексу-

альный. И мне так нравится его голос. А Симона совсем некрасивая. Клянусь, он женился на ней из-за карьеры". Перед съемками фильма "Займемся любовью" Монро проявила особую настойчивость в отношении французского певца, уже покорившего Америку: "Я хочу видеть в главной роли только его". Продюсерам пришлось уступить самой кассовой звезде Голливуда.

Симона поддержала Монтана (когда-то они с Ивом сыграли в "Салемских колдуньях" — экранизации по пьесе Артура Миллера, мужа Монро): "Участие в съемках даст тебе шанс пробиться к высотам", — сказала она. А на вопрос журналистов, когда он впервые почувствовал себя настоящей "звездой", Монтан ответил: "Тогда, когда услышал: "Хотите сниматься с Мэрилин Монро?"

Вот так они и оказались соседями по площадке. Вечерами собирались на кухне (у них были кухни-близнецы), устраивая то "макаронные пиршества", то диспуты-дискусии, то паринмахерский салон, где на глазах Симоны Мэрилин превращалась в платиновую блондинку, так хорошо знакомую кинозрителям. Сидя на кухне в коротком халатике в белый горошек, из искусственного шелка, без грима, без накладных ресниц, Мэрилин открывенничала: "Взгляни-на, все думают, что у меня длинные ноги. Но у меня некрасивые колени, и я небольшого роста" (рост Монро — 162 см). Но как она умела преобразиться! Этому искусству позавидовали бы многие "звезды", над имиджем которых работают опытные мастера. Ей же на "перевоплощение" в Монро тре-

бывалось часа три. Как писала Симона: "ту Мэрилин, которая смотрит на нас с обложки, я видела за время нашего соседства только трижды. Но это уже была легенда — жеманная и мурлыкающая".

По словам Симоны, ее соседку иногда "заносило", и тогда она чувствовала, как внутри нее поднимается волна раздражения. Монро вся закигалась, что называется, входила "в раж", с упоением рассказывая о том, как позировала фотографам. Что касается Симоны, то ее рассказы чаще сводились к неловким ситуациям и тому чувству взаимопонимания, которое возникает между актрисами и съемочной группой.

Их день обычно распределялся так. Первым приходил Ив и, насноро перенусив, принимался за новую порцию текста, который следовало осилить на английском. Артур Миллер стучал на пишущей машинке. Симона "демонстрировала искусство красиво терять время". Ближе к вечеру она усаживалась с Миллером и, потягивая виски, вела разговоры по душам. Последней в квартиру влетала Мэрилин и, на ходу бросая фразу: "Я под душ и сразу к вам", — исчезала.

...Уже после того, как все случилось, пресса ухватилась за их совместную жизнь, разыграв свой сюжет. Каждый судачил по-своему. Злобно или безразлично, с неноей долей снисходительности. А ведь то, что произошло, касалось только их троих.

Неотложные дела позвали Артура в Нью-Йорк, Мэрилин уезжала вместе с мужем. Расцеловались на лестничной площадке и

еще долго посылали друг другу воздушные поцелуи.

Больше всех повезло Симоне, ее ожидало событие, позавидовать которому могла бы любая актриса. Имя Синьоре стояло в номинации на "Оскар" рядом с такими звездами, как Элизабет Тейлор, Кэтрин Хэпберн, Одри Хэпберн. О чем думала в те минуты Мэрилин? Она, секс-символ Америки, грезившая о большой, настоящей роли, но до тех пор бывшая антрисой разве что для развлечения. Вслушайтесь только в названия фильмов, в которых она сыграла — "Любовное гнездышко", "Не утруждай себя стуком", "Некоторые любят погорячее", "Мы не женаты", "Займемся любовью"... Самолюбие Мэрилин было задето. Профессиональная ревность — оружие коварнее пистолета, поражает не сразу, а выжидает, чтобы нанести боль — ту, что острее, раннее.

"Желаю удачи. Я верю, что ты его получишь!" — сколько лицемерия было тогда в ее словах, обращенных к Симоне. Но настоящая ревность проснулась в Монро, когда "Оскар" уже был вручен Синьоре. На церемонии пел Ив. Мэрилин захлебывалась от ярости: "У нее и "Оскар", и Ив... Она умная, у нее все... А я?".

Долгое время об этой истории сами ее участники не распространялись. Уклончиво избегал разговоров Артур Миллер, упорно молчал Монтан, уходила от бередающих душу воспоминаний Симона.

Но время, как известно, врачует раны, и вот "пришел час, — писал в своих воспоминаниях Монтан, — когда об этом уже

можно было рассказать... никого не ранив".

После получения "Оскара" Симону уговорили сниматься в Италии вместе с Марчелло Мастоияни. Уехал и Артур Миллер. Мэрилин и Ив остались вдвоем.

Монтан ощущал некоторую неловкость. Он боялся всего: своего английского, своей роли — увальня, волочащегося за бродвейской актрисой. Они часто усанивались друг против друга: "У меня так и стоит перед глазами Мэрилин, — писал он, — в брючках из шотландки, в кофточке с игриво открытым воротом, с глазами какой-то немислимой голубизны, всегда хранившими ту прозрачность, которая у других появляется лишь временами".

Перед нами исповедь Монтана:

"Я иду к Мэрилин.

— У тебя температура? — спрашиваю.

— Да, небольшая, — отвечает она. — Я рада тебя видеть.

— Я тоже рад.

Что творится со мной, — спрашиваю я уже себя. Впрочем, спрашиваю не очень долго".

Льстила ли ему эта связь? Он смутно понимал, что она пользовалась им как живой бутафорией для мизансцены. Находиться в лучах славы Монро — это даже "не под звездой" Симоны Синьоре. Достаточно вспомнить, как в двадцатилетнем возрасте он пережил страстную любовь и опеку Эдит Пиаф, которая занималась его репертуаром, в то время как он жаждал самостоятельности.

Ив не собирался порывать с прежней жизнью. Съёмки закончились. Скоро домой, в Париж. Ива охватывает паника. Это со-

стояние уже мало походило на то опьянение, которое он испытывал недавно. Мэрилин изо всех сил пытается удержать его возле себя. Она заказывает феенебельный номер в отеле Нью-Йорка для себя и Ива, плачет, умоляет его остаться с ней, не уезжать. Но Монтан не идет на уговоры. Кто знает, чего ему это стоит, но держится твердо. Во время их последнего разговора, в машине, объясняет Мэрилин, что идея оставить Симону... смешна. Хлопает дверца, он выходит. Мэрилин Монро и Ив Монтан расстаются навсегда. "И все же это было прекрасно, — напишет он спустя годы, — и это было безысходно. Ни разу, ни на один миг не возникало у меня желания порвать с женой. Но если бы она, Симона, хлопнула дверь, я бы..."

Если бы она хлопнула дверью... Нет, Симона не сделала этого. По возвращении Ива в Париж у них произошло одно объяснение. Бурное! Первое и последнее. "Это было ужасно, — вспоминал он, — потом все затихло, улеглось. Но только внешне. Я видел, что она разбита, глубоко опечалена сознанием того, что десять потрясающих лет, которые мы прожили вместе, оказались омрачены. Я раскаивался..." "Жизнь не переделаешь, надо продолжать жить", — сказал он тогда себе.

Что касается Симоны, то со свойственной ей пронизательностью она поняла, что это — одна из рядовых историй, которые случаются не так уж редко. И не следует раздувать ее до вселенского события. "Я никогда не стану судить о том, что произошло с моей подругой и моим мужем, которые

работали вместе, жили под одной крышей и стало быть... делили одиночество", — сказала она.

Терзали ли ее другие мысли? Если да, то никто не должен был знать о том, как ей больно. Каждый нес в своей душе свое: кто — чувство вины, кто — обиды. Но никогда, ни разу, даже во время вспыхивающих между ними ссор Симона "не припоминала ему эту историю".

Был август 1962 года. Симона обедала в ресторане со своими друзьями из съемочной группы фильма "День и час", когда официант наклонился над ней и, извинившись, произнес: "Вас к телефону, мадам". В трубке она услышала голос Монтана:

"Умерла Мэрилин", — сказал он.

"Если бы она знала, сколь мало я ее ненавидела", — эта фраза, произнесенная Симоной, стала легендарной.

И все же, как призналась дочь Симоны Натрин в одном из интервью 1998 года, ее мать так и не оправилась от потрясения до конца своей жизни. Артур Миллер разошелся со своей женой, и через год после развода женился на австрийке, фоторепортере, со слов Мэрилин, "грузной, уродливой, болтливой кривляке". В его пьесе "После грехопадения" нетрудно узнать прообраз Мэрилин, подкрепленный массой биографических деталей. "Творчество не возникает из пустоты. Литература питается сонами жизни, и только потому она интересна людям", — скажет

он. Миллер заработал на этой пьесе кучу денег.

Что ж, "надо было продолжать жить". Монтан и Синьоре были профессионалами своего дела. Симона играла в театре, Ив выступал на эстраде, снимался в кино, активно занимался политической. Что касается их семьи, то роли в ней давно уже были распределены: Монтан — отчасти ребенок, отчасти хозяин, Симона — всегда хранительница очага, в котором горят угли... Симона Синьоре ушла из жизни 30 августа 1985 года. Когда у Ива Монтана на склоне лет спросили, что же в его жизни не сбылось, он ответил: "...Я хотел умереть раньше Симоны".

А спустя три года, в последний день 1988 года, молодая жена, 28-летняя Амьель подарила 67-летнему Иву Монтану его единственного наследника — сына Валентина.

9 ноября 1991 года в разгар репетиций нового песенного шоу и работы в фильме "Остров толстокожих-5" не стало и Монтана. Сердечный приступ начался прямо на съемочной площадке. Похоронили его на кладбище Пер-Лашез рядом с Симоной.

"Моя жизнь мне не принадлежит, — сказала о себе Симона Синьоре в одном из последних интервью, — когда начинаешь рассказывать ту или иную историю, то фактически речь идет всегда о ком-то другом..."

Кого она имела в виду: Ива Монтана или Мэрилин Монро? ■

ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА

ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА

ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Напоминаем, что оформить подписку на "Смену" можно непосредственно в редакции с любого месяца.

Подписная цена одного номера — 28 руб.

Ветеранам войны и труда (по предъявлении удостоверения) мы делаем скидку. Для них цена одного номера — 23 руб. 50 коп.

Такая подписка, разумеется, дешевле, чем в почтовом отделении, поскольку вы будете приезжать за журналом в редакцию. Впрочем, если вы не можете забирать журнал ежемесячно — ничего страшного — ваша "Смена" будет ждать, сколько понадобится, и вам не придется волноваться, что журнал пропадет из почтового ящика. Кстати, наши постоянные читатели из других областей, стран СНГ и даже стран дальнего зарубежья, оказываясь в Москве, заходят к нам, чтобы купить журналы. Позвоните, и мы соберем для вас комплект "Смены". А если вы не бываете в столице, мы можем выслать любой номер или комплект журналов после того, как вы оплатите стоимость и доставку. Напишите в редакцию, мы сообщим вам банковские реквизиты.

Телефоны для справок: 212-15-07, 250-49-98.

**Наш адрес: 101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.**

**Звоните, пишите, приезжайте —
мы всегда рады вам.**

ПОДПИСКА - ПОДПИСКА - ПОДПИСКА

ВНИМАНИЮ РЕКЛАМОДАТЕЛЕЙ!

**Информация
о размещении рекламы
в журнале
"Смена"
по телефонам**

**257-30-55,
257-39-45.**

**Приглашаем к сотрудничеству
региональные рекламные агентства
и менеджеров по рекламе.**



Отрывки века

Напоминаем, что условия конкурса были опубликованы в первом номере журнала за нынешний год. В том же январском, а также февральском номерах — задания первых двух туров.

Предлагая вашему вниманию еще **25 отрывков** из произведений русских поэтов, жюри конкурса просит определить имя и фамилию автора, **точное название произведения**. За каждый правильный ответ начисляется **одно очко**. Победители будут определены по наибольшей сумме набранных очков во всех трех турах и **награждены призами** — подарочными изданиями поэзии, прозы и подпиской на журнал "Смена" на 2001 год.

Ответы на вопросы мартовского тура нужно отправить в редакцию "Смены" не позднее 1 мая (срок отправки — по почтовому штемпелю). В письмах просим указать профессию и возраст. **На конверте сделайте пометку:** "Строки века" 3-й тур".

Об итогах конкурса, его победителях и призерах вы узнаете в сентябрьском номере журнала.

третий тур

51

Спой, родная, мне что-нибудь прежнее,
Задушевное, чистое, нежное.
Я ведь стал это все забывать.
Мою память прокаркали вороны.
Я устал воевать на две стороны —
Наяву и во сне воевать...

52

Звонят голубые бубенчики,
Как нежного отклика звук,
И первые вылетят птенчики
Из тихого слова "люблю".

53

Мы рядом шли, но на меня
Уже взглянуть ты не решалась,
И в ветре мартовского дня
Пустая наша речь терялась.

Белели стужей облака
Сквозь сад, где падали капли,
Бледна была твоя щека,
И как цветы глаза синели...

54

Старинная песня.
Ей тысяча лет:
Он любит ее,
А она его — нет.

Столетия сменяются,
Вьюги метут,
Различными думами
Люди живут.

Но так же упорно
Во все времена
Его почему-то
Не любит она...

55

...Вокруг пререканья и давка
И приторный запах чернил.
Такое придумывал Кафка
И Чарли изобразил.
И в тех пререканиях важных,
Как в цепких объятиях сна,

Все три поколения присяжных
Решили: виновна она...

56

...Зажжем же свечи. Полно говорить,
что нужно чей-то сумрак озарить.
Никто из нас другим не властелин,
хотя поползновения злоещи.
Не мне тебя, красавица, обнять.
И не тебе в слезах меня пенять;
поскольку заливаает стеарин
не мысли о вещах, но сами вещи.

57

...Где ж еще я тебя повстречаю,
Вновь увижу, как ты хороша?
Из какого ты мрака, отчаясь,
Улыбнешься, почти не дыша?

В суету и суровость дневную,
Посреди роковых новостей,
Я не сетую, я не ревную, —
Ты — мой хлеб в этот голод страстей.

58

...Ты еще читаешь Блока,
Ты еще глядишь в окно,
Ты еще не знаешь срока —
Все неясно, все жестоко,
Все навек обречено...

59

Позови меня, позови меня,
Позови меня, позови меня!
Если вспрыгнет на плечи беда,
Не какая-нибудь, а вот именно

Вековая беда-борода,
Позови меня, позови меня,
Не стыдись ни себя, ни меня —
Просто горе на радость выменяй,
Растопи свой страх у огня!..

60

Не стареет твоя красота,
Разгорается только сильнее.
Пролетают неслышно над ней,
Словно легкие птицы, лета...

Не стареет твоя красота,
И глаза не померкли от слез.
И копна темно-русых волос
У тебя тяжела и густа.

Все ты горькие муки прошла,
Все ты вынесла беды свои.
И живешь, и поешь, весела
От большой, от хорошей любви...

61

Как легок ласточек полет
Над древностью земной,
А время все идет, идет,
И ты всегда со мной
В дрожанье неба, в шуме дня
И в шорохе ночей.

Как легок ласточек полет
Над тяжестью моей...

62

Мы снова встретились. И нас
везла машина грузовая.
Влюбилась мы — в который раз!
Но ты меня не узнавала.

Меня ты привела домой.
Любила и любовь давала.
Мы годы прожили с тобой.
Но ты меня не узнавала!

63

Ты говоришь, что наш огонь погас,
Твердишь, что мы состарились с тобою,
Взгляни ж, как блещет небо голубое!
А ведь оно куда старше нас...

64

...Ты думаешь — пустой ничтожный случай
Соединяет наши имена.

Не думай так, не мучай так, не мучай,
Я — кровь твоя, и я тебе нужна.

Ты думаешь о горькой, неминуемой,
Глухой судьбе, что мне предрешена.
Не думай так: мятется прах летучий,
Но глубь небес таинственно ясна.

65

Только вспомню тебя — затоскую,
Одолеет меня непокой...

Где найти мне другую такую?
Да нигде не найти мне такой!

Нету глаз твоих светлых бездонней,
В них лучится сиреневый свет.
И прохладных, и добрых ладоней,
Как твои, не бывало и нет...

66

Запретный Плод, не сорванный никем,
На землю пал, зарылся в прель глубоко, —
И яблоня стоит, как манекен,
Добра и Зла лишенная до срока.

Но минет срок, и яблоня опять
Запретными плодами отягчится,
О, только бы случайно не сорвать,
Добру и Злу опять не обучиться!..

67

...Ветер вслед последнему трамваю
Свищет, рельсы снегом пороша,
Ты садишься, ноты открываешь,
В маленькие руки подышав.

Проведешь по клавишам рукою,
Потихоньку струны зазвонят,
Вспомнишь что-то очень дорогое,
Улыбнешься, вспомнив про меня.

Звук рождается. Медленно остывает.
Ты умеешь это. Подожди!
Ты умеешь делать золотыми
Серые, осенние дожди...

68

...Ведь знаю я и знаешь ты,
Что в этот отсвет лунный, синий
На этих липах не цветы —
На этих липах снег да иней.

Что отлюбили мы давно,
Ты не меня, а я — другую,
И нам обоим все равно
Играть в любовь недорогую...

69

...Не грусти на знобящем причале,
Парохода весною не жди!
Лучше выпьем давай на прощанье
За недолгую нежность в груди.

Мы с тобою как разные птицы,
Что ж нам ждать на одном берегу?
Может быть, я смогу возвратиться,
Может быть, никогда не смогу.

Ты не знаешь, как ночью по тропам
За спиною, куда ни пойду,
Чей-то злой, настигающий топот
Все мне слышится, словно в бреду...

70

...Почему на окраине дней
Самых ясных и самых свободных
Так знобит меня отблеск огней
И гуденье винтов паровых?

Верно, в пору стоячей воды
Равновесия нет и в помине,
И предчувствие близкой беды
Открывается русской равнине?

И присутствие снега и льда
Ощущается в зябком дыханье,
И такая вокруг пустота,
Что хоть криком кричи в мирозданье...

71

...Я сам учился в этой школе,
сам курсы девичьи прошел:
"Я к вам пишу... Чего же боле..."
"Не отпирайтесь. Я прочел..."

*И мне в скитаньях и походах
пришлось лукавить и хитрить,
и мне случалось мимоходом
случайных девочек любить.*

*Но как он страшен, посвист старый,
как от мечтаний далека
ухмылка наглая гусара,
гусара наглая рука...*

72

*...Но я хитрец. Я берегу
Сознание того, что рядом
На москворецком берегу
Есть дом ее с крутым фасадом.*

*Она, не потупляя взгляд,
Когда метель недвижно ляжет,
Придет ко мне и тихо скажет,
Что я ни в чем не виноват.*

73

*...Да светит солнце в темноте!
Горите, звезды, ночью!
Да здравствуют и те, и те —
и все иные прочие!*

74

*...А весна хороша, хороша!
Охватило всю душу сиренями.
Поднимай же скворешню, душа,
Над твоими садами весенними.*

*Поселись на высоком шесте,
Польхая по небу восторгами,
Прилепись паутинкой к звезде
Вместе с птичьими скороговорками.*

*Повернись к мирозданию лицом,
Голубые подснежники чествуя,
С потерявшим сознание скворцом
По весенним полям путешествуя.*

75

*...Все сказано на свете:
Несказанного нет.
Но вечно людям светит
Несказанного свет.*

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА



Да обойдут тебя лавины!

Альпинизм — занятие красивое, романтическое, да к тому же неоднократно воспетое всеми видами искусства. "Лучше гор могут быть только горы..." "Я сердце оставил в Фанских горах..." "Весь мир на ладони, ты счастлив и нем..."

Робкое возражение типа "Умный в гору не пойдет" просто не выдерживает конкуренции со всем процитированным выше. Да и стоит ли возражать? Каждый выбирает себе занятие по вкусу, только...

Только мало кто задумывается, каново приходится тем, кто остается на равнине ждать возвращения покорителей суровых вершин — женам, невестам, подругам. Тем, кто прекрасно понимает: вполне можно и не дожидаться, потому что ни опыт, ни умение, ни осторожность не могут повлиять на непредсказуемый характер гор. А лавины накрывают не только альпинистов: каждая лавина налечит и жизни их близких...

Ирине Владимировне, в зависимости от ее настроения, можно дать и тридцать пять, и пятьдесят пять лет, хотя истинный ее возраст находится где-то между этими двумя цифрами. Уже начинающая тяжелеть, но все еще спортивная фигура. Чуть тронутые сединой все еще пышные и тщательно уложенные волосы. Гладкая загорелая кожа со слегка наметившимися морщинами. Старят ее только глаза — глаза слишком много повидавшего человека, бесконечно уставшие, сухие.

Овдовев, Ирина Владимировна не пролила ни слезинки, хотя до этого любила всплунуть: над книгой, перед телевизором, в кино, после слишком эмоционального разговора с близкими... "Что с тобой будет, если серьезная беда приключится? — сердилась на нее порой мать. — Слезами изойдешь? Нельзя так себя распускать!"

Не изошла. Даже на похоронах мужа, Саши, Сани, Александра Ивановича держалась строго и холодно, будто посторонняя. Хотя

многие ее за такую черствость и осудили. Но как было объяснить "судьям", что гибель мужа не стала для нее "громом среди ясного неба", неожиданной трагедией, внезапным ударом судьбы? Да, это была трагедия, но — ожидаемая, как ни кощунственно это звучит. Ирина Владимировна ждала ее двадцать пять лет. Каждый раз, когда Александр Иванович уходил покорять очередную вершину (а точнее, одну из нескольких, одних и тех же), она ждала страшного известия. И молилась, как умела, чтобы миновала его и на сей раз чаша сия.

Двадцать четыре года горы отбирали жизнь у других, но с равнодушным милосердием щадили Александра. На двадцать пятый — не пощадили.

— Горы, — это как наркотик. Кто-то попробует один раз, нахлебается острых ощущений — и больше его дане к подножию калачом не заманишь. Иной побалуется-побалуется, остепенится, да и займется чем-нибудь менее романтичным, зато и менее опасным. А некоторых затягивает так, что они вообще живут только ради того, чтобы еще и еще раз испытать этот "наиф": подняться на продуваемую всеми ветрами скалу. Ах, Боже ты мой, каждый по-своему с ума сходит! Мужчины — вечные дети, постоянно во что-то играют. У одного главная радость в жизни — рыбалка, у ного — автомобиль, у другого — с парашютом прыгать, просто так, для самоутверждения. А мой Саша жил от сезона до сезона ожиданием очередного восхождения. И ведь не молоденький, "полтинник" год назад ступнул. И то, что каждый год ного-то там оставлял навсегда, тонне не действовало. Только отмахивался: "Брось,

молния дванды в одно и то же место не ударяет".

Почему — дванды? А потому, что Ирина Владимировна — вторая жена у Александра Ивановича. Первая погибла на глазах у всей альпинистской группы под лавиной. Внизу, в лагере, под присмотром "девочек" остался годовалый сын Мишенька. А "мама Лена" с "папой Сашей" отправились наверх. Даже не покорять вершину, а просто потренироваться, размяться, потому что Лена из-за беременности и родов пропустила два сезона подряд и ей не терпелось "обрести форму", "носнуться головой облаков". Она не успела сделать ни того, ни другого...

— Я как раз была в лагере, во- зилась с Мишенькой и поглядывала наверх, на склон. Маршрут они выбрали самый простенький, для новичков, чтобы Лена для начала не переутомилась. Погода была замечательная — на небе ни облачка, ветра почти нет, хоть до купальника раздевайся. Лена в цепочке шла предпоследней, за ней еще один парень — для подстраховки. Их двоих и накрыло... Крохотная такая была лавиночка, а в одну секунду со склона две фигурки смела. Лену потом отпояли, ее задержал какой-то валун. А парня так и не нашли, наверное, в пропасть снесло.

Брак Ирины и Александра был скорее вынужденным, чем обдуманным. Ни о какой любви первоначально и речи не заходило. С ее стороны была только жалость, причем не столько к молодому вдовцу, сколько к осиротевшему Мишеньке, о котором одержимые горами родители не подумали. Бабушек и дедушек у него не было, оставлять ребенка было не с кем. Отец, оглушенный трагедией, о сыне на на-

кое-то время, казалось, просто забыл.

Ирина забрала Мишеньку к себе под влиянием какого-то импульса. А возможно, из-за неосознанного чувства вины перед Леной, которой всегда тихонько завидовала: красавица, спортсменка, любящий муж, сын... В их компании альпинистов она всегда была бесспорной королевой, соперничать с ней никто не решался, да и вряд ли мог. А у нее, Ирины, кроме неброской внешности, рутинной инженерной работы и двух не слишком близких друзей, была только мать — с легкой жизнью и, вследствие этого, нелегким характером. Занятия альпинизмом стали для Ирины своего рода отдушиной. Даже не занятия, а сама атмосфера, которая царила в этой большой и странноватой компании.

— Знаете, альпинисты — это совершенно особенные люди. Даже зимой, в Москве, когда собирались на чей-то день рождения или просто так, тут же возникала такая... аура, что ли. Вроде все сидят в нарядных платьях, выходных костюмах, а все равно как будто возле костра, в ветровках и недах. Пили мало, пьянели скорее от воспоминаний, от планов на будущее, просто от общения друг с другом. А уж в горах...

И женщинам там особое отношение, бережное. Не снисходительное, Боже сохрани, раз пошла в горы, значит — своя. Но всегда поддержат, помогут, доброе слово вовремя скажут. Там я себя не чувствовала старой девой, неудачницей, была "своим парнем". И если бы не гибель Лены у меня на глазах... Хотя я сами восхождения не слишком любила, меня больше жизнь в лагере привлекала. Потом,

правда, стала раздражать: нормальные люди с возрастом обычно к удобствам начинают тянуться, pohodная романтика слишком много сил и здоровья требует...

Через год Александр с Ириной поженились. Мишенька, начав говорить, звал ее "мамой", а сама она и помыслить не могла о том, чтобы отдать ребенка в детдом, привыкла, прицепила душой. К тому же Ирина для Александра и его друзей давно была "своей", никаких проблем относительно образа жизни и увлечений вообще не могло возникнуть, да и от добра добра не ищут, как известно. Скромную свадьбу сыграли, когда закончился очередной сезон в горах, который Саша провел там один: Ирина с Мишенькой жили на подмосковной даче, не могла Ирина найти в себе силы ехать на то место, где произошла трагедия.

И все-таки было твердо решено, что на следующий год в горы отправятся все вместе: трехлетнего ребенка вполне можно взять с собой в альпинистский лагерь, да и Ирине пора возвращаться к привычному способу отдыха. Так считал Саша, а Ирина ему не возражала, несмотря на активные протесты ее матери, категорически отназывающейся понимать странное увлечение зятя и дочери. ("Посканикали по этим горам — и будет. Живите, как люди живут: ремонт сотворите, на машину отладывайте, отдыхайте, как все, по путевке на море, если уж дача не мила".) Но через год их было уже четверо: родилась дочка Машенька.

Больше Ирина в горы не ездила, занималась домом и детьми, а когда они подросли, уже предпочитала отдыхать "как все, по путевке на море".

— Что ж, в общем, все справедливо. Горы мне мужа дали, горы его и отняли. Другое мне покая не дает: все думаю, что я виновата. Не смогла переубедить, отвлечь на семью, когда уже Саше за сорок перевалило. Некоторым женам это удавалось, в нашей компании такие примеры были. Правда, ничего хорошего тоже не выходило: кто спился, кто новую семью завел, кто просто исчез — как потух. Вроде бы живет человек, на работу ходит, с женой спит, а его — нет. Душа в горах осталась. Так что, может, и к лучшему, что я Сашу не переломила. Но вот двадцать пять лет страха... Ведь каждый сезон трясась: не вернется. Переживала страшно, последние годы даже в церковь начала ходить, свечи ставить. Ведь каждый раз ного-то горы забирали... Иногда одного, а то и нескольких сразу. И мысль эта подлая, когда узнаешь — ного: "Слава Богу, не моего!" От этого страха и от этих мыслей у меня, когда все случилось, и слез-то не оназалось.

Ирина Владимировна не одинока в таких рассуждениях. С подобными мыслями жили и живут большинство жен и подруг альпинистов. Много-много лет назад даже песню сложили, свою, женскую. Это мунчины пели вслед за Высоцким: "Можно свернуть, обрыв обогнуть, но мы выбираем трудный путь..." (Хотя опытные альпинисты и посмеиваются: "Обрыв обогнуть! Интересно, как это его огибать?", но тоже поют вместе со всеми онолоностра.) Женщины пели другое:

*Да обойдут тебя лавины
В непредугаданный тот час.
Снега со льдом наполовину
Сойдут как будто напоказ.
По чью-то душу, чью-то душу,
Но я клянусь — не по твою.*

*Тебя и горе не задушит,
Тебя и горы не убьют...*

Их слушали, но... не слышали. Круглый год мужчины готовились к очередному восхождению. Держали в полной боевой готовности снаряжение, читали — только о горах, общались вне основной работы только с единомышленниками-альпинистами. Воистину, лучше гор могут быть только... воспоминания о горах и подготовка к штурму очередной вершины.

А ведь все они, альпинисты, где-то работали остальные десять-одиннадцать месяцев в году. И многие были первоклассными специалистами, но это для них самих ровным счетом ничего не значило. Просто способ убить время до очередного сезона.

— Саша был замечательным математином. Кандидатскую диссертацию написал, что называется, "на коленке", чуть ли не за месяц — просто оформил то, о чем давно думал. В тридцать шесть лет был уже доктором наук, в сорок — профессором. Когда рухнул "занавес", а у нас все перепуталось, его в Америку приглашали работать, в Англию — куда угодно. Деньги обещали совершенно невероятные, о таких и мечтать-то было невозможно. С детьми приглашали, с ним угодно — хоть со всей родней. Отказался: "Куда я от своих друзей, от своих привычек?" А какие у него были привычки, если он даже не курил? Или сидит за своим столом, формулы пишет, или с друзьями встречается, о горах разговаривает... Но все это — в прошлом. Даже случай с Машенькой его ничему не научил, ни от чего не предостерег. Да что уж теперь!

Случай был, правда, не только с дочной Машей, сколько с ее же-

нихом, а точнее, фактическим мужем. По странной прихоти природы Машенька была похожа не на мать и не на отца, а на его первую жену. Во всяком случае, Александр Иванович всегда вспоминал Лену, когда видел дочку. Сходство, впрочем, было не столько внешнее, сколько внутреннее — независимый характер, полная раскованность, не переходящая, однако, в развязность, душа компании, королева в любом обществе. У ужасу матери — заядлая альпинистка с двенадцати лет. Один раз уговорила отца взять ее с собой в горы — и втянулась, кажется, на всю жизнь.

В горах, точнее, в альпинистском лагере познакомилась со своим Сереней. В том же сезоне решили всегда быть вместе, а свадьбу справить "через год, на том же месте, в тот же час" — у подножия Эльбруса в компании таких же, как они сами, фанатов. Не успели... Накануне свадьбы Сергей отправился наверх набрать для невесты цветов, фантастически красивых эдельвейсов, и — сорвался со скалы. Опытный альпинист, а пренебрег страховкой в таком "пустяковом деле", — горы подобных ошибок не прощают. Маша осталась одна на четвертом месяце беременности...

— Вот вам и "молния", дважды в одно место не ударяющая. Родила Машенька сына, назвала Сереней в честь понойного мужа. А когда мальчишке исполнилось полгода, оставила его со мной и отправилась в свои драгоценные горы... И Саша это все поощрял! Ладно, мужчины — это мужчины, редко у кого из них на первом месте семья и дети. Но женщина! Променять своего ребенка, совсем еще кроху,

на горы! Спасибо, конечно, что с собой не потащила, с нее случилось бы. Не в меня Машенька уродилась, ни капельки своего я в ней не вижу.

Зато Миша — это мой, да и для мамы моей от него только радость. Женился не с бухты-баракты, а долго выбирал, да еще с нами советовался. Дом для него — это главное, детей заводить они с женой не торопятся, хотя сначала прочно на ноги встать. Оба работают, хорошо получают, машину уже купили, квартиру, теперь мебель подбирают. Словом, солидные, надежные, любо-дорого посмотреть. Александр Иванович, правда, ворчал, что "одно барахло на уме, а для души ничего нет". Зато у них с Машей все — только для души, а больше ничего в жизни не интересуется... Не интересовало...

"Мне лишь бы знать, что смерть не скоро,

И что прожитого не жаль,
И то, что есть на свете горы,
Нуда так просто убежать".

Это из той же "женской" песни про горы. Из песни, которую Ирина Владимировна, по ее собственному признанию, просто ненавидела, но избавиться от нее, забыть никак не могла. Сама, правда, на людях никогда не пела — стеснялась небогатого голоса, но наедине сама с собою то и дело принималась напевать. И в один прекрасный день с ужасом услышала, что Маша поет ее в полный голос, с упоением. А ужас возник потому, что это была любимая песня Лены. Она пела ее тогда, двадцать пять лет назад у костра на Домбае. Впору было поверить в переселение душ.

Не исключено, что так думал и Александр Иванович, потому что

младшую дочь любил без памяти, во всем ей потанал, все прощал. Тогда как и старшему сыну относился с прохладцей и строго. Мишенька был "мамин сын", Машенька — "папина дочка".

— Маши в тот день, когда погиб отец, в лагере не было: уехала в Нальчик за продуктами. А не уехала бы, поменялась бы с кем-нибудь очередью — потеряла бы я и дочку вместе с Сашей. Они же обожали вместе восхождения совершать. Мало ей было того, что жениха в горах потеряла, сына до рождения сиротой сделала, опять в горы норовит удрать. Сереньеньке полтора года, самый чудный возраст, мальчик разговаривать начал, а его матери главное — на Домбай попасть, снова Эльбрус на рассвете увидеть, переночевать где-нибудь под скалой на площадке, где и палатку-то с трудом можно поставить...

Я же говорю: это как наркотик. Осуждай, не осуждай — в общем, больные люди, ничего с собой сделать не могут. Ведь всю жизнь со смертью играют — и надеются выиграть. Соберутся вместе — все разговоры только о том, как кто-то чуть не сорвался в пропасть, чуть не замерз в тумане, чуть не остался под лавиной, чуть не сгинул под камнепадом. Рассказывают — и гордятся, что опять удалось горы перехитрить и живыми выбраться. Но ведь прекрасно знают, что каждый год кто-то погибает или калечится: переломы, обморожения, ухудшение зрения. Понимают, что их везение — до поры до времени. И хоть бы что!

Действительно, загадна. Рассуждая с обычной, обывательской точки зрения, польза от альпинизма, мягко говоря, сомнительная, а

риск — колоссальный. Играть с горами в "кошки-мышки" можно только тогда, когда в этих самых горах живешь и там же кормишься. Но местные жители никогда не станут искать приключений на свою голову, не полезут просто так по отвесной скале, если есть хоть какая-то тропинка. Не пойдут через снежное плато, способное в любой момент провалиться в самом неожиданном месте. Не станут без крайней нужды соваться в лавиноопасные места ("Береженого Бог бережет"). Альпинисты же делают и то, и другое, и третье, и еще массу совершенно необязательных отчаянных поступков.

Зачем? Они охотно объясняют, приводят массу убедительных доказательств, сыплют специальными терминами, но все это "срабатывает" лишь во время беседы, когда глаза горят, на демонстрируемых фотографиях — пейзажи немислимой, неземной красоты, а песни под гитару просто завораживают. Но потом возникают все те же вопросы без ответов.

По-видимому, понять это можно, только испытав все "прелести" альпинизма на собственной шкуре, и уж тогда либо шарахнуться в ужасе на равнину, подальше от "горного величия" и никогда больше туда не возвращаться, либо подхватить "горный вирус" и всю оставшуюся жизнь болеть им с разной степенью одержимости. Самые мудрые и осторожные из таких "одержимых" становятся инструкторами в спортивных лагерях для новичков и тренерами: вроде бы и в горах, но с минимальным риском. Наиболее одержимые, как правило, остаются в горах навсегда. В прямом и переносном смысле этого слова.

— Грех, конечно, говорить, но иногда чувствую облегчение. Не нужно больше каждый сезон дергаться: жив? Здоров? Двадцать пять лет прошло в постоянном страхе. Я ведь до сих пор во сне вижу ту лавину, которая накрыла Лену. А Машенькин жених? Но это, похоже, только меня пугало: Александр Иванович никогда ничего не боялся, а Маша... Она снова собирается замуж. За своего однокурсника-альпиниста. Родственные души, ничего не поделаешь. Значит, опять мне предстоит все те же волнения, а Сереженька еще такой маленький...

Больше всего боюсь, что и он когда-нибудь заболит этими проклятыми горами. А они, знаете, не выбирают, ного у себя навсегда оставит. Боже мой, как же я устала жить в вечном страхе — потерять. Это может понять только тот, кто сам испытывает подобное...

Впрочем, все то же самое, наверное, можно сказать и об автогонщиках, парашютистах, яхтсменах, спелеологах. Среднестатистическому обывателю, как правило, трусоватому, трудно понять эту неистовую тягу к риску в общем-то ради риска. Пословицу "умный в гору не пойдет, умный гору обойдет", разумеется, придумал обыватель. Если руководствоваться здравым смыслом, то поступать нужно именно по этой поговорке, но... Но там, где присутствует здравый смысл, обычно не чисто отсутствует романтика, и наоборот. И можно понять восторг тех же альпинистов, когда "весь мир на ладони, ты счастлив и нем..."

Если только не думать о переживаниях тех, кто остается ждать на равнине.





Джон СИНКЛЕР

идеальное УБИЙСТВО

рисунок **Алексея Остроменцкого**

Было сыро и холодно, смог висел в воздухе и резал глаза даже в помещении. День совсем не апрельский. Спускаясь к завтраку, Артур Конвей с грустью признал, что в Лос-Анджелесе погода может угнетать ничуть не меньше, чем в любой другой точке земного шара.

Он намеревался провести весь день за городом. Вот-вот должен прийти ответ по поводу двух его последних рассказов, а пока можно расслабиться и побездельничать на свежем воздухе. Странно, но теперь он бывал на улице гораздо меньше, чем когда жил в Нью-Йорке. В Калифорнии никто не ходил пешком, а ходьба была единственной разновидностью физических упражнений, которая доставляла Конвею удовольствие. Но при такой погоде нечего и думать о прогулке, уж лучше посидеть дома с Хелен. Хотя, конечно, придется делать вид, будто он работает.

Войдя в столовую, Артур увидел рядом со своим прибором два толстых конверта. Вскрывать их не имело смысла: все было ясно и так. Хелен уже позавтракала и возилась на кухне. Артур понял, что неприятного разговора с ней не избежать. Он возлагал на эти рассказы большие надежды, но и их тоже отвергли. Впрочем, по сравнению с предстоящей семейной сценой это не так уж страшно.

— Ну, что, еще два шедевра возвратились, поджав хвосты? — Артур не слышал, как Хелен вышла из кухни. Она смотрела на него и на конверты с нескрываемым презрением. — Кажется, ты был совершенно уверен в этих рассказах? “Гонорара за них хватит, чтобы спокойно писать”. Ха-ха! Видишь, даже дешевые журналы не желают печатать твою белиберду.

— Мне очень жаль. Я старался, как мог.

— Старался! — едко повторила она. — Да после этих двух рассказов ты и строчки не написал. Впрочем, какая разница? Все равно ты не способен создать ничего путного.

— Но и писать эту дрянь я тоже больше не могу.

— Больше не можешь? А разве когда-нибудь мог? Ты собирался выдавать эти писульки до тех пор, пока не заработаешь денег, чтобы спокойно сесть за роман или пьесу. Так ты мне все время твердил, а я верила. Но последнее время что-то замолк. Перестал говорить, бросил писать, больше не думаешь и даже не живешь. — Она взяла со стола несколько чашек и пошла обратно на кухню. Артур решил воспользоваться этим и улизнуть. Подхватив газеты, он направился к себе в комнату, открыл дверь, и тут Хелен окликнула его: — Что мне делать с рукописями? Отнести туда, где им самое место? В уни...

Артур захлопнул дверь, чтобы не слышать всего остального. Тут, в своей комнате, он был в безопасности. Сюда Хелен не войдет. Это условие, оговоренное в первые дни их совместной жизни, еще соблюдалось. Они познакомились вскоре после окончания войны и спустя месяц поженились. В те времена трудно бы-

ло найти жилье, а Хелен требовала трехкомнатную квартиру, чтобы у Артура был "кабинет". В конце концов она изловчилась найти такую, и тогда же сама установила для себя правило: не входить в кабинет и даже не стучаться в дверь, если она закрыта. По какой-то неведомой причине она придерживалась этого правила и теперь.

В те времена они тоже, бывало, ссорились, в основном из-за того, что Конвей не мог продать очередной рассказ. Хелен называла его лентяем. По ее разумению, он бил баклуши, если проводил за машинкой менее восьми часов в день. После таких ссор обычно наступало исполненное страсти перемирие, и Хелен сожалела о своем поведении, объясняя его тем, что-де связывала с успехом мужа собственные надежды и устремления.

Конвей сел за стол, чтобы разобрать записи, но тут взгляд его упал на фотографию. Хелен снялась незадолго до свадьбы, по его просьбе, и карточка всегда стояла на столе. Она занимала много места и уже начинала мешать, но Артур не осмеливался убрать ее, хотя ему не доставляло удовольствия то и дело наткаться взглядом на жену.

Хелен по-прежнему оставалась привлекательной, стройной белокурой женщиной с пытливыми глазами, разве что немного поправилась, а взгляд ее сделался пугающе пронизательным.

По сути дела, любовь кончилась, хотя вслух об этом не говорилось. Конвей удивлялся, как это Хелен до сих пор не ушла от него. Хотя, в общем-то, причина была ему известна. Придется ждать, пока жена сама порвет с ним. Хелен не из тех женщин, которые позволяют себя бросать.

Артур достал из пачки сигарету и посмотрел в зеркало. Мужчина тридцати двух лет, хорошо сложенный, с бледным лицом. Волосы на висках уже начали седеть. Бледность была следствием разочарований и тревожений, которые начались после переезда из Нью-Йорка в Калифорнию. Хотя, помнится, они с Хелен раздражали друг друга еще на Востоке. Это была одна из причин желания Хелен перебраться в Лос-Анджелес. Она считала, что если Артур побольше будет на свежем воздухе, то и чувствовать себя, а значит и работать, станет лучше.

Но этого не произошло. Когда Конвей предложил один день в неделю вообще ничего не делать, Хелен принялась канючить, и в итоге Артур стал работать еще хуже. Рассказы выходили из-под его пера все реже и были все более вымученными. Брак мало-помалу разваливался.

Конвей приучил себя думать, что его сочинения не печатают из-за отсутствия в них хорошей идеи. Он взялся за газеты и снова принялся штудировать разделы уголовной хроники в надежде выудить из них хоть какой-нибудь мало-мальски занимательный сюжет для будущего рассказа. У лос-анджелесских газет, думал Артур, есть одно достоинство: они никогда не подводят. В какое бы скверное положение ты ни угодил, после чтения

о всевозможных газетных несчастьях собственные невзгоды и неурядицы покажутся истинным наслаждением.

Минувший день оказался самым заурядным. На автостоянке ограбили супружескую пару, а в парке отплясывала голая дамочка, официантка пала жертвой сексуального маньяка. Конвей всегда задавался вопросом, а ловит ли полиция этих маньяков? Ему уже начинало казаться, что они составляют изрядную долю населения южной Калифорнии. Жена, пропавшая с автостоянки, обнаружена в мотеле с шестнадцатилетним подростком. Муж требует развода. Конвей не переставал удивляться темпам взросления калифорнийской молодежи.

Он затаился сигаретой и продолжил чтение, когда в голову ему вдруг пришла одна мысль. Он вернулся к только что просмотренной заметке. Случившееся казалось до смешного простым.

Под вечер мистер и миссис Йетс отправились за покупками в ближайший магазин. Миссис Йетс осталась в машине на стоянке, а когда ее муж минут через двадцать вышел из магазина, ни жены, ни машины на месте не оказалось. Он добрался до дома, но благоверной не было и там. Наутро мистер Йетс заявил об ее исчезновении в полицию. Минуло трое суток, и тревога мистера Йетса сменилась страхом. Он оказался совершенно не готов принять открывшуюся ему унижительную истину.

Как выяснилось, пока миссис Йетс дожидалась мужа, мимо проходил шестнадцатилетний Элвин Канмер, школьник, подрабатывающий в магазине. Элвин поздоровался с миссис Йетс, поскольку не раз обслуживал ее в магазине, они разговорились. Содержание беседы, к сожалению, в статье не излагалось, но завершилась она тем, что Элвин сел в машину и повез миссис Йетс в мотель. Там они сняли номер и предались любовным утехам.

Спустя трое суток, когда они попытались покинуть мотель, не уплатив по счету, дежурный вызвал полицию. Тут и выяснилось, что миссис Йетс разыскивает муж. В конце концов ее возвратили домой.

Вместе с миллионом других читателей Конвей тихонько посмеялся над заметкой. Но его заинтересовала не столько сама история, сколько быстрота, с какой исчезла миссис Йетс, неожиданность и непредсказуемость развития событий.

Конвей взялся за статью об убийстве официантки. Полиции можно было лишь посочувствовать. Гледис Форд, тридцати девяти лет, разведенная, в десять вечера в субботу ушла с работы. С тех пор ее никто не видел. Об исчезновении Гледис сообщили ее родители. Только в понедельник патрульный полицейский обратил внимание на номер машины, стоявшей в тихом проулке. Эта машина числилась в угоне, а на полу ее лежала Гледис, задушенная собственным поясом.

Самым важным в обеих заметках было вот что: и убийство, и пошлая измена произошли с полной непредсказуемостью, благодаря которой и не осталось никаких следов.

Конвей увидел в этом неплохую идею для рассказа и был уверен, что на сей раз все получится. Он работал до шести часов вечера, устал, проголодался, но чувствовал себя превосходно. Ему захотелось прогуляться. Хелен наверняка не собиралась готовить ужин, а значит, можно выскользнуть из дома, не столкнувшись с ней. Конвей подошел к двери и прислушался. Похоже, Хелен ушла в кино, как довольно часто поступала после ссор. Потом она где-нибудь поужинает и отправится еще на один сеанс.

Конвей опасно спустился вниз. В доме было тихо. Машина стояла в гараже.

Поужинав в ближайшем ресторане, он решил проверить, насколько достоверен придуманный им сюжет. Конвею хотелось написать рассказ об "идеальном убийстве", когда алиби преступнику обеспечивала сама полиция. Значит, необходимы очень точный расчет времени и полная непредсказуемость злодеяния.

Часа два он колесил на машине, сверяя время и расстояние, даже отметил места на улицах и высчитал маршруты, чтобы доказать себе, что задумка была вполне осуществимой. Но оказалось, что она не просто осуществима, а безупречна.

Конвей вернулся домой в прекрасном расположении духа. Следующие два дня он работал много и с удовольствием. С Хелен виделся только за обедом. Ссор не возникало, потому что оба молчали. Вера Артура в возможность написать хороший рассказ все крепла. Быть может, его даже экранизируют, и тогда они разом разрешат все свои затруднения. На третий день к полудню рассказ был наполовину готов.

Утром за завтраком Хелен заметила:

— Машинка стучала без умолку.

— Да, работа спорится! — Артур вдруг понял, что это были первые слова, произнесенные им за трое суток.

— Если тебе нужны бумага, копирка или карандаши, скажи мне. Стук машинки для меня — что симфония. Не хочу, чтобы она прерывалась. Если вдохновение пройдет, неизвестно, когда оно вернется.

Хелен радовалась, когда муж работал. Видимо, это чувство в ее душе еще не угасло.

— Пожалуй, нынче утром или вечером никакой симфонии не будет.

— Что ж, этого и следовало ожидать.

— Мне надо придумать развязку, а уж потом строчить.

В глазах Хелен мелькнуло легкое презрение, но она смолчала. Конвей поспешно проглотил завтрак и закрылся в кабинете. Перечитав написанное, он сделал несколько поправок и начал обдумывать развитие сюжета. Он описал преступника, совершившего так называемое "невозможное, идеальное" убийство. Теперь надо было создать героя, который оказался бы чуть-чуть

умнее убийцы и доказал бы, что “идеальное” мокрое дело повернуть нельзя. Легкие решения — неожиданные догадки, случайные совпадения, забытые улики — он отверг сразу же. У Конвея убийца умел оценивать свои возможности и потому совершил тщательно продуманное и подготовленное преступление. Поймать его должны были не благодаря ошибке, а потому, что он все сделал правильно.

Два дня и две ночи искал Конвей решение, но так ничего и не изобрел. Под вечер третьего дня он пришел к убеждению, что действительно придумал “идеальное” убийство, и раскрыть его невозможно.

Все это время он сторонился Хелен, чутко прислушиваясь к звукам в доме и сверяясь с ее распорядком дня. Новая неудача повергла его в смятение. Надо было уйти из дома, прогуляться на воздухе, сменить обстановку.

Хелен поджидала его в гостиной, будто кошка, караулящая у норки мышь.

— Не удивляйся, я здесь живу. Или ты уже забыл об этом? Сколько еще будешь прятаться от меня?

— Я не прятался, а работал.

— Над чем? Делал себе маникюр? Машинки я не слышала.

Конвей напомнил себе, что должен сохранять спокойствие и не позволять Хелен выбить себя из колеи.

— Я работал над концовкой. Очень трудно найти развязку.

— Нашел?

— Не совсем, но я...

— И никогда не найдешь.

Теперь она должна была взбеситься, завизжать, как это обычно бывало, но ничего подобного не происходило. В ее душе кипела злость, но Хелен остужала ее холодным презрением.

— Очередной неудавшийся “шедевр”?

— Да ладно тебе. — Конвей развернулся и направился к спасительной двери, в надежде, что удастся увильнуть от разговора.

— Стой. Я тут весь день просидела не затем, чтобы полюбоваться твоей бледной кожей.

Конвей вздохнул с некоторым облегчением. Значит, скандала не будет. Хелен хочет что-то сказать ему.

— Ну, что ж, миссис Конвей, я вас слушаю.

— Не зови меня миссис Конвей, это напоминает о связи с тобой. Ты мне противен. Я тебя презираю. Если бы ты заслуживал моей ненависти, я бы тебя ненавидела.

— Отлично сказано. Прямо как в моем незаконченном рассказе.

— Прибереги свои остроты для других.

— Я только поддерживаю беседу и жду, когда ты скажешь главное.

Хелен помолчала несколько секунд.

— Я хочу развода. И если ты не тупее, чем мне кажется, то наши желания совпадают. Значит, надо действовать.

Впервые слово “развод” было произнесено вслух. Конвею показалось, что воздух вдруг сделался чище.

— Что ж, полагаю, нам и впрямь надо развестись.

— Отлично, — сказала она. — Тогда давай подумаем о деньгах.

— Ты же знаешь, сколько у нас на счете. Этого должно хватить на судебные издержки.

— Да. А мне что делать?

— То есть?

— Думаешь, можно развестись и вышвырнуть меня без цента в кармане?

— Во-первых, это не я с тобой развожусь, а ты со мной. Во-вторых, можешь забрать все, что у меня есть, до последнего цента. Больше ничего предложить не могу.

— Замечательно. Просто прекрасно! Отдашь мне все, что останется после оплаты развода. Да этого не хватит и на проезд в автобусе. Тебе-то хорошо, а как быть мне?

— Ну, ты могла бы вернуться в Топику. Помиришься с сестрой и живи с ней в доме вашей матери.

— Ну уж нет. Я не стала бы разговаривать с Бетти, даже если бы в мире никого, кроме нее не осталось. И эта селедка — всего лишь моя сводная сестра.

— Хорошо. Чем ты занималась до нашей свадьбы?

— Какая разница?

— Насколько я помню, у тебя была работа, ты получала тридцать семь долларов в неделю, и тебе хватало. К сожалению, я не смогу держаться на том же уровне. Но ты вольна вернуться на службу. Я буду платить тебе алименты, пока ты не найдешь другого мужа. Жить можно. Только больше не выходи за писателя.

— Не морочь мне голову. Я не собираюсь всю жизнь выколачивать из тебя центы. Мне нужны наличные. Не очень много, но немедленно.

— Что, по твоим меркам, “не очень много”?

— Пять тысяч долларов.

Еще в начале разговора Конвея удивило ее спокойствие, а теперь он совсем растерялся. Хелен явно что-то задумала, но вот что именно? Этого он не мог себе представить.

— И где же, по-твоему, я возьму эти пять тысяч?

— Разумеется, я знаю где. Я составила список некоторых твоих друзей, они неплохо зарабатывают. — Хелен извлекла из сумки листок бумаги. — И любят тебя, уважают, потому что ты напишешь великий американский роман. Вы не виделись уже два года, и им неизвестно, что ты неудачник. Вот и собери с них понемногу. Они же дельцы, не писатели.

— Ты спятила!

— Отнюдь. Это — лучшая идея, которая пришла мне в голову с тех пор, как я отвергла твое первое предложение руки и сердца. Пошевели немного мозгами, и тебе заплатят. Напиши им, что ты болен, что я больна, что ты валяешь роман, что у нас родился ребенок — все, что угодно. Вот тебе пять человек, — она сунула ему список. — У Аллена и Тайлера можно выклянчить по две тысячи, а то и по две с половиной. Во всяком случае, столько надо просить. У остальных — по тысяче. Кто-то из них сможет наскрести только полсотни. А если тебе удастся получить больше пяти тысяч, оставишь себе все, что сверху.

Ход мыслей Конвея напоминал размышления литературного героя. Он-то думал, что Хелен предложит ограбить банк или выкрасть наркотики, но ее план оказался куда проще, приземленнее и совершенно неприемлем для него.

Он взглянул на листок. Это были самые близкие его друзья. Те, с кем он прошел войну, пережил все ужасы, боль и страх. Все они служили в одной роте, и все они уцелели. Судьба разбросала их, но дружба только окрепла. Эти люди придут на помощь во что бы то ни стало.

Да, письма могли сделать свое дело. Хелен хотела, чтобы он отнял деньги у жен и детей лучших друзей и отдал их ей.

Видимо, мысли Конвея отразились на его лице, и это не доставило Хелен удовольствия.

— Что, не нравится моя затея? Ну, если ты не придумаешь ничего лучшего, исполняй мой замысел, иначе...

Конвея все больше тревожило ее спокойствие и веселье.

— Иначе что?

— Иначе вот что. Если ты к завтрашнему полудню не составишь эти письма, я возьмусь за тебя по-настоящему. Выживу из дома или сведу с ума. Либо и то, и другое. Начну закатывать такие сцены, что соседи будут вызывать полицию. Но я не позволю им арестовать тебя. Я, как любящая жена, попрошу поместить тебя в дурдом. И объясню, почему. — Хелен била точно в цель. — А потом напишу твоим друзьям. О, это будут душещипательные письма. И не вздумай предупредить их, поскольку все, что ты сделаешь и скажешь, тебе же и выйдет боком

Конвей сел. У него перехватило дыхание, в голове шумело. Хелен выбрала самый верный и болезненный способ уничтожить его.

— Все это я говорю тебе в качестве предостережения. Можешь не сомневаться, на деле будет куда хуже, чем ты себе представляешь.

Шум в голове немного унялся. Конвей заговорил, но не решился подняться со стула.

— Не пытайся на меня давить и не страшай меня. — Он удивился твердости своего голоса. — Я уже четыре года прекрасно себя чувствую. Я совершенно здоров. Ты сама знаешь,

что такие угрозы не подействуют. Не так-то просто меня запугать.

— Правда? — Хелен подалась к нему так близко, что ее грозный палец расплылся перед глазами. — Посмотри на себя. Ты вспотел как лошадь, голос дрожит, колени ослабли, и ты боишься подняться на ноги. — Она откинулась на спинку стула, достала сигарету, закурила и снова взглянула на него. — Как ты думаешь, почему я уже два месяца закатываю сцены? Потому что хотела выяснить, насколько ты уверен в себе. И выяснила. Что бы я ни говорила и ни делала, ты сохранял спокойствие. Все время стремился избежать скандала, потому что боялся. Ты терпел от меня такое, чего не снес бы ни один мужчина в мире. Ни один нормальный мужчина.

Конвей все же кое-как поднялся и поплелся к двери.

— Выпусти меня, — прошептал он. — Меня сейчас вырвет.

Хелен подошла к двери и открыла ее.

— Да, вот еще что, — добавила она. — Ты тут говорил о счете в банке. Я-то знаю, сколько там, а вот ты не знаешь. Один доллар. Все остальное я сняла, так что не вздумай смотаться. Далеко не убежишь. Итак, завтра в полдень.

2

Конвей не знал, сможет ли вести машину, но все же кое-как запустил мотор и выехал на улицу. Он остановился у первого же бара и сел за самый дальний столик. Только после второго стакана его перестало трясти, и Конвей начал мало-мальски сообщать. И чем четче делались его мысли, тем мрачнее и страшнее становились виды на будущее.

Конвей прошел всю войну, за исключением двух ее последних дней. Под конец что-то в нем сломалось. Друзья говорили, что это контузия, врачи — нервный срыв. Его увезли в Штаты и на полгода упрятали в госпиталь, а потом комиссовали. Врач сказал: "Вы здоровы. И будете здоровы, если не станете нервничать и расстраиваться. Не выходите из себя, не впадайте в ярость. Это для вас главное".

Потом в Нью-Йорке шестеро однополчан встретились и отпраздновали возвращение домой.

Конвей рассказал о контузии и Хелен, но она заявила, что это пустяк, и они поженились. Конвей мало-помалу начал забывать, что вообще лежал в госпитале. Но два месяца назад, когда начались ссоры с женой, вновь навалились страхи, и он утратил уверенность в себе.

Он попытался взглянуть на дело с другой точки зрения. Что бы ни случилось, он не напишет эти письма друзьям. Но тогда жить под одной крышей с Хелен станет невозможно, она непременно исполнит свою угрозу. Куда же ему податься? После выписки из госпиталя Конвей нигде не работал. И, кроме того, как повлияет побег от жены на его душевное здоровье? Его будут ис-

кать, а потом, чего доброго, упрячут в лечебницу. Машина записана на обоих супругов, и он не сможет продать ее без согласия Хелен.

Что бы он ни предпринял, Хелен сама составит эти письма и хапнет денежки. Любая попытка предупредить друзей будет воспринята лишь как подтверждение слезливых просьб жены. Он уже представлял себе, что это будут за письма. "Артуру неможется... Не желает в этом признаваться... но вы же знаете... эта ужасная война... совсем не может работать... ему бы подлечиться... частный санаторий... психиатры... такая дороговизна, а денег нет..." И так далее. Ничего сложного. Банально. Они клюнут.

Конвей извлек из кармана всю свою наличность — семь долларов и тридцать центов. Заплатив за выпивку, он покинул бар и сел за руль.

В Калифорнии ему никто не поможет. Здесь жили только друзья Хелен, которых Конвей почти не знал и недолюбливал. Дабы хоть чем-то заняться, он решил съездить на бульвар Санта-Моника, к кинотеатру, избранному им в качестве места преступления в рассказе. Там показывали "Песнь Манхэттена". Он вспомнил, что Хелен, вроде бы, хотела посмотреть этот фильм, но тогда в больших кинотеатрах были очереди, и она не стала стоять.

И вдруг его осенило. Да так неожиданно, что он едва не попал в аварию. Конвей прижался к бордюру и остановился. Выход есть. Жена в рассказе — это Хелен, а убийца — он сам. Интересно, давно ли эта мысль сидела в его подсознании? И, главное, хватит ли у него духу превратить рассказ в быль? Но попытаться надо: ничего другого не остается. Впрочем, это было бы даже не злонамеренное убийство, а самозащита.

Угрызений совести он не испытывал. Устранить Хелен просто необходимо. Оправданное убийство, как на войне. Хелен — воплощение зла, как враги на фронте. Всерьез его беспокоило только одно — сумеет ли он сделать все так же, как сделал убийца в придуманном им сюжете.

За последние дни он столько раз перечитывал свой рассказ, что вы зубрил его наизусть. Теперь он вспоминал места, расстояния, график. Одно дело — излагать сюжет на бумаге, другое — воплотить его в жизнь. Необходимо было проверить все еще раз.

Но прежде он взял газету и просмотрел рубрику "досуг". "Песнь Манхэттена" шла в пяти второразрядных кинотеатрах. Самым подходящим был "Калвер-Сити": там едва ли можно встретить знакомых. Позвонив, Конвей выяснил, что сеанс начинается через полтора часа. Затем он "проиграл" весь ход событий, которые ему предстояло превратить из вымышленных в действительные. На счету была каждая секунда, и Конвей то и дело смотрел на часы со светящимися стрелками. Эти часы Хелен подарила ему на первую годовщину свадьбы. Конвей усмех-

нулся. По иронии судьбы, подарок Хелен сослужит службу в подготовке ее убийства. "Проверка" прошла гладко. Конвей подготовился к любой неожиданности. По пути к "Калвер-Сити" он нашел тихую улочку, посмотрел на спидометр и взглянув на часы, зашагал обратно к углу. Он старался идти как можно быстрее, но при этом не привлекать внимания встречных.

Оказалось, что Конвей приписал своему вымышленному убийце одно собственное свойство — умение быстро ходить пешком. Конвей и впрямь перебирал ногами проворнее, чем любой из его знакомых, а при желании мог пешим ходом нагнать даже бегуна трусцой.

Очувтившись в кинотеатре, он подумал, что не сможет высидеть до конца сеанса, но все-таки пересилил себя и спустя два часа покинул зал вполне удовлетворенным. Концовка фильма была такая, что лучше не придумаешь. Да еще в главных ролях снимались Томми Миллер и Мери Харт. Хелен обожала Миллера, а Харт терпеть не могла. Последние шесть минут картины (Конвей засек время с точностью до секунды) занимал музыкальный номер, который почти целиком исполняла Мери Харт. Миллер вступал лишь за несколько секунд до конца. Конвей мог со всеми на то основаниями предполагать, что ему удастся уговорить Хелен уйти во время этого эпизода.

Когда он вернулся домой, было темно. Конвей прошел прямо в свой кабинет и заперся на ключ, хотя жены не было. Он хотел уничтожить важную улику. Достав из ящика незаконченную рукопись, Конвей с сожалением посмотрел на нее. Он так надеялся на этот рассказ. Конечно, не хотелось его терять. Но иначе задуманного не осуществить. Конвей был совершенно уверен, что сможет сделать все правильно и без ошибок и избавиться от Хелен. Оставались лишь две сложности: письма, которые он должен был составить утром (он уже придумал, как все устроить), и Хелен, которую надо было уговорить на поход в кино.

Конвей старательно порвал рукопись и сжег ее в большой металлической пепельнице. Ложась в постель, он был уверен, что не сможет заснуть, но давешнее волнение сменилось спокойной уверенностью в скором освобождении, и он быстро погрузился в сон.

Хелен спустилась к завтраку, когда Артур уже выходил из-за стола. Их взгляды встретились, и она шепнула:

— В полдень.

Вернувшись в кабинет, Конвей сразу же сел за машинку. Нельзя было терять ни минуты. Первым делом он написал Аллену. Это было обычное письмо, какие он иногда отправлял своим друзьям. Примерно такие же письма он составил и другим приятелям. Конвей торопился, понимая, что Хелен не станет соблюдать табу на вход в кабинет. Надписав конверты, он сунул в них листы и, не запечатывая, спрятал в карман вместе с марками. Затем приступил к составлению других писем — тех, кото-

рых требовала от него Хелен. Он знал, что жена непременно пожелает их прочесть, и хотя понимал, что этих писем никто, кроме Хелен, не увидит, он заливался краской от мысли об их содержании.

Он печатал последнее, пятое письмо, когда Хелен без стука вошла в кабинет и взяла со стола четыре готовых.

— Что-то ты долго.

— Это же не простые письма. Пришлось несколько раз начинать сызнова.

— Вполне в твоём духе, — буркнула Хелен. Она прочла четыре письма, а потом и пятое, уже законченное. — По-моему, неплохо. Должно сработать. Где конверты?

— Сейчас напечатаю адреса, а после обеда отправлю.

— Да что ты говоришь? Печатай, а все остальное я сделаю сама.

Артур покорно напечатал адреса, стараясь, чтобы они выглядели так же, как на первых пяти конвертах. Пора было заводить разговор о походе в кино.

— Послушай, Хелен, — начал он, — я не собираюсь кривить душой. Мне не нравится твоя затея, но у меня нет выхода. Теперь, когда письма готовы, я хочу поскорее со всем покончить. Но, пока мы дождемся ответов, минует, самое меньшее, неделя. Нам придется как-то сосуществовать под этим кровом. Почему бы не заключить перемирие?

Хелен со злорадной ухмылкой посмотрела на него.

— Что, поджилки трясутся?

Артур заставил себя сдержаться и не выдать переполнявшей его ненависти.

— Не в этом дело. Просто иначе мы целую неделю будем портить друг другу настроение. И что мы с этого получим? Ничего.

— Ладно, так и быть. Я пошла за сумочкой, — она направилась к двери.

— У нас найдется что-нибудь на обед? — спросил Артур. Он уже заглянул в кухню и знал, что еды в доме нет.

— Перемирие не означает, что я начну для тебя стряпать.

— Ясно. Что ж, могу подвезти тебя, куда надо. Я же все равно поеду обедать.

— Как это мило. — Насмешка в ее голосе не смогла скрыть нотки удивления, но Хелен быстро совладала с собой. — Не запечатывай конверты, я сама все сделаю.

Похоже, ее сомнения не рассеялись до конца. Но письма не должны попасть к адресатам, иначе весь его план рухнет. Вскоре Хелен вернулась в кабинет, посмотрела каждое письмо, вложила их в конверты, запечатала, наклеила принесенные с собой марки, сунула письма в сумочку и пошла вниз.

Артур быстро достал свой комплект писем, заклеил их, прилепил марки и двинулся следом за женой. Она подкрашивала губы перед зеркалом в прихожей, сумочка лежала рядом на сто-

лике. Конвей вошел в кухню, налил стакан минеральной воды и уронил его на пол. Вода и осколки брызнули во все стороны. В дверях кухни появилась Хелен.

— Ну, что там опять?

— Стакан упал. Я сейчас все уберу. — Конвей направился к маленькой кладовой, где хранились тряпки и швабры. Хелен продолжала малеваться.

— Боюсь, это был один из дорогих бокалов, — пробормотал Конвей.

— Что?! — ахнула Хелен и бросилась в кухню. Конвей сделал ставку на ее инстинктивную реакцию и оказался прав. Подбежав к сумочке, он проворно подменил письма и открыл дверцу кладовки. Когда он взял швабру, жена уже снова стояла перед зеркалом.

— Неуклюжий медведь, — буркнула она. Конвей еле сдержал улыбку. Все оказалось так просто. Возможно, это добрый знак.

3

По дороге Хелен опустила письма в ближайший почтовый ящик. Когда она вернулась в машину, Конвей заметил происшедшую в ней перемену. Жена была почти спокойна.

— Если уж у нас перемирие, то, может быть, пообедаем вместе?

— Я не против, — ответил Конвей. Он был рад, что Хелен сама это предложила.

Обед не сопровождался ожесточенной пикировкой. По пути домой Хелен сказала:

— Мне нужны белые перчатки, а тут на Беверли-драйв есть магазин.

Конвей невольно покосился на белые перчатки на руках жены. Она заметила это и добавила:

— Это моя единственная пара, и мне надоело их стирать. Конечно, если тебе лень останавливаться...

Конвей решил не усложнять задачу. Остановиться пришлось в полуквартале от магазина. Он вылез из машины вместе с Хелен.

— Пойду куплю себе газету.

Когда Хелен отошла достаточно далеко, Конвей юркнул в маленькую лавчонку, прошелся вдоль полок и, наконец, нашел то, что искал: детский карнавальный набор. Очки, нос, усы и брови. Заплатив и расовав все по карманам, он вышел из лавки и выбросил упаковочную коробку в урну.

Когда Хелен вернулась, Конвей уже сидел в машине и читал газету. Он запустил мотор. Хелен взяла газету и раскрыла на рубрике объявлений.

— Сто лет уже не показывали хороших фильмов, — заметила она.

Конвей купил эту газету нарочно, чтобы навести жену на размышления о кинематографе. Теперь он боялся торопить события. Может, следовало подождать, пока они вернутся домой и жена от скуки сама запросится куда-нибудь? Или перенести все на следующий день, когда улягутся ее подозрения по поводу его столь неожиданного дружелюбия? И все-таки у него был шанс проверить дело, не откладывая в долгий ящик.

— Разве тебе не понравилась картина с Томми Миллером? — невинно спросил он. — Как бишь ее? “Песнь Манхэттена”?

— Ты же знаешь, я ее не видела.

— Да? Помнится, ты говорила о ней, и я решил...

— Вот, значит, как ты внимателен к моим словам.

Конвей решил попытаться счастья.

— А я как раз видел рекламу. Фильм идет на бульваре Санта-Моника, недалеко от нас. Какой там кинотеатр?

— Где? — Хелен пробежала глазами газетную полосу. — Аа... “Монтеррей”.

— Я бы и сам сходил на тот фильм. Можно хоть сегодня.

— Ну и сходи.

— Не желаешь присоединиться?

Конвей краем глаза заметил, как жена покосилась на него.

— Не знаю... Если уж совсем нечем будет заняться...

Он не решился развить тему. Будь что будет.

Дома Хелен пошла в свою комнату, Артур — в свою. Запершись, он тотчас принялся за дело. Надо было приспособить усы. Они были длинные, черные, с закрученными кончиками, как у пиратов. Днем такие усы никого не обманут, но в темноте вполне могут сойти за настоящие, особенно если подровнять и подстричь их. Он порылся в чемодане со старой одеждой, предназначенной для рыбалки. Там лежала потрепанная шляпа, приобретенная еще до войны.

Раза два Хелен набирала телефонный номер. Конвей приоткрывал дверь, но не слышал никаких разговоров. Наверное, жене не удавалось дозвониться. Это было ему на руку. Когда Хелен скрылась в своей комнате, Конвей быстро спустился вниз, схватил старое махровое полотенце и спрятал его вместе со шляпой в “бардачок” машины.

Ворс, остриженный с усов, письма, составленные по требованию Хелен, и номерок из прачечной, спортивный с полотенца, он сжег в небольшой печке за гаражом.

Все было готово. Впрочем... Ему пришло в голову, что начнется расследование, и, если он скажет, что пишет рассказы, в доме должны быть какие-нибудь доказательства этого. Конвей поднялся в кабинет и напечатал на машинке начало одного из своих неопубликованных творений.

В шесть вечера он спустился к телефону и, услышав, как приоткрывается дверь комнаты Хелен, набрал номер.

— Кинотеатр “Монтеррей”? Во сколько начинается “Песнь Манхэттена”? Уже идет? Следующий сеанс в половине восьмого? Журнал? А сам фильм? В семь пятьдесят шесть?

Когда он повесил трубку, появилась Хелен.

— Ты пойдешь?

— Наверное.

Конвей боялся выдать волнение. Он понимал, что жене совсем не хочется проводить вечер в его обществе, пусть даже и в кино. Но ей нечем было заняться.

— Когда начинается сеанс?

— Двадцать минут восьмого. Я хочу посмотреть и журнал.

Конвей назвал неверное время начала сеанса по двум причинам. Во-первых, стоянка будет еще свободна, а ему надо было поставить машину в дальнем конце. Во-вторых, придя в кинотеатр загодя, они увидят конец предыдущего сеанса, и тогда Хелен согласится пораньше уйти со следующего.

Он надел неброский костюм, завернул усы в бумагу и сунул в карман. Услышав, как жена вышла из своей комнаты, Конвей положил ключи от машины на маленький столик, накрыл их листом бумаги и спустился вниз. На Хелен были розовый костюм и ярко-красный шарф. Она старательно натягивала новые перчатки. Конвею этот костюм не нравился: ему казалось, что он подчеркивает и без того пышные формы Хелен. Не любил он и кричащий шарфик. Но Хелен не могла ходить без шейных платков, и этот красный очень нравился ей. Конвей ожидал, что жена накинёт шарф, и обрадовался правильности своего расчета. Шарф был нужен ему для осуществления замысла.

— Прихвати пальто, — посоветовал он. — Вечер будет прохладный.

— У меня нет подходящего пальто.

— Оставишь его в машине. По крайней мере, не околеешь на обратном пути.

Хелен неохотно взяла пальто. Когда они подошли к машине, выяснилось, что Конвей забыл дома ключи. Он вернулся, вошел в комнату Хелен и открыл шкафчик, где лежали носовые платки. Все шло по плану. Он быстро оглядел стопку платков, чтобы выбрать лучший. А почему бы не заменить платок на перчатки? На мгновение Конвей задумался. Перчатки были поношенные, но вполне чистые. Во всяком случае, хуже не будет. Вполне возможно, что перчатки даже добавят его замыслу достоверности.

Кинотеатр располагался в северо-восточной части бульвара Санта-Моника, и возле него была хорошо освещенная автостоянка. Но здесь брали четверть доллара, и Конвей приловчился ставить машину на небольшой площадке между рынком и банком. По ночам там не было охраны. Попасть туда и выехать было просто, одни ворота выходили на улицу, другие — в узкую аллею на задворках. К тому же, площадка не освещалась. Места там хватало всего на два десятка машин, но претендентов

всегда было много. К началу сеанса площадка наверняка будет заполнена машинами, поэтому Конвей поторапливал жену во время ужина и чуть-чуть превысил скорость по дороге к кино-театру.

Хелен не удивилась, когда Конвей направил машину к бесплатной стоянке. Они приехали вовремя: на площадке было лишь несколько автомобилей. Въехав туда, Артур поставил машину рядом с дальними воротами у аллеи.

— Надо было бросить машину возле ресторана. Оттуда рукой подать, — сказала Хелен, вылезая. Конвей молча запер дверцы. — А тут что? Места заказаны заранее? — ворчливо спросила она, когда они подходили к парадному въезду на стоянку.

Она никогда не изменится, подумал Конвей. Никогда. А вслух произнес:

— Через пару минут здесь будет полно машин, а после сеанса зрители повалят гуртом. Если бы мы поставили машину у этих ворот, то потом ждали бы полчаса, а так спокойно выедем в аллею.

— Да, конечно, ты же не можешь терять здесь драгоценное время. У тебя уйма важных дел дома.

Конвей посмотрел на жену. На лице ее читалось удовлетворение от произнесенной колкости. Он не стал отвечать. Кто поручится, что все пройдет, как задумано?

Пока он покупал билеты, Хелен подозрительно оглядывала пустое фойе, а когда он собирался вручить билеты контролеру, она спросила:

— А во сколько начинается сеанс?

— В половине восьмого, мадам.

Хелен взглянула на часы. Конвей прекрасно знал, что было семь девятнадцать.

— А сейчас что идет?

— Фильм. Заканчивается через десять минут.

— Придурок!

Это замечание было адресовано Конвею. Хелен развернулась и пошла по тротуару. Конвей догнал ее.

— Я не виноват. Мне по телефону сказали, что в двадцать минут восьмого. Ты же знаешь, они вечно переносят начало. С тобой такое тоже случалось. Пойдем в кафе напротив, выпьешь кофе.

Хелен помедлила.

— Ну, ладно, только не вздумай торопить меня из-за журнала. Хочешь смотреть его — иди один.

Они сели в кабинке небольшого кафе напротив кинотеатра. Хелен заказала кофе и пирожное, а Конвей только кофе. Потом он взял со стола чек и полез в карман. Увидев мелочь в его руке, Хелен рассмеялась.

— Тебе надо остаться и помыть тут посуду, чтобы расплатиться.

Она открыла сумочку, достала оттуда туго набитый бумажник, отделила от стопки один доллар и небрежно бросила его на чек.

Конвей уставился на бумажник. Он совсем забыл, что жена сняла все деньги со счета, и теперь принялся лихорадочно соображать, как это обстоятельство повлияет на его план. Конечно, если оно всплывет, могут возникнуть вопросы. Но объяснение найти можно. Внезапно Конвей впал в ярость: надо же, не просто сняла все со счета, но еще и таскает деньги с собой!

— Ты спятила! Носить при себе такие деньги! Хочешь, чтобы кто-нибудь дал тебе по макушке?

— А ты хотел, чтобы я оставила их дома? Ха! Умнее не придумаешь! Пусть уж лучше мне дадут по башке, — она убрала бумажник в сумку.

— Кого будут бить по башке? — раздался хриловатый голос. — Хочу посмотреть.

Это была официантка. Она подошла к ним, неожиданно вынырнув из-за спины Конвея. Хелен улыбнулась и сказала:

— Мой муж считает, что меня. Но он, как всегда, заблуждается.

Официантка с дежурной улыбкой взяла чек и принялась отсчитывать сдачу.

— Вечно они суетятся, — бросила она таким тоном, словно говорила о низших формах жизни.

— Особенно по пустякам, — подхватила Хелен и улыбнулась Конвею так же фальшиво, как официантка. Официантка перешла в соседнюю кабинку, но Хелен успела громко сказать мужу: — Не забудь сдачу, толстосум. Можешь забрать мелочь себе.

Конвей оставил чаевые, сунул мелочь в карман и поплелся следом за женой.

Теперь у кинотеатра было многолюдно, в фойе вливался поток зрителей. Конвей заволновался, но зал оказался не полным, и они смогли найти места именно там, где ему хотелось: в третьем ряду сзади, справа от прохода. Здесь стояли высокие кресла, и казалось, что ты в зале один. Кроме того, немногие заметят, как они уйдут, а указать точное время и подавно никто не сможет.

Фильм начался, и Конвей принялся обдумывать возникшие осложнения. Он полагал, что, вытаскив Хелен в кино, добьется перемирия, но не учел ее гнева и не предвидел перепалку в кафе. Теперь положение изменилось. Перемирие кончилось. Хелен будет всячески задевать, оскорблять и унижать его. Необходимо покинуть зал до конца сеанса. Зная, что Хелен терпеть не может Мери Харт, Конвей надеялся обратить это обстоятельство к своей выгоде. Он хотел сказать что-нибудь вроде: ты права, она ужасна, смотреть тошно, пойдем отсюда. Но сейчас об этом не могло быть и речи. Конвей решил поступить наоборот. После

второй песни в исполнении Мери Харт он наклонился к Хелен и прошептал: "Просто потрясающая артистка". Глаза жены прерзительно сверкнули.

Конвей старался не переиграть. Во время очередной песни подался вперед и впился взглядом в экран. Он помнил эпизод, после которого шел заключительный номер. Достав жевательную резинку, он угостил Хелен. Та, естественно, отказалась. Конвей рассчитал верно: когда доставал резинку, на экране вновь появилась Мери Харт, и он, словно от восхищения, уронил пачку на пол. Хелен что-то проворчала. Он наклонился, чтобы поднять жвачку, вытащил из кармана одну перчатку и незаметно бросил ее под стоявшее впереди кресло. Затем выпрямился и постарался сосредоточиться на экране: приблизился решающий миг. На мгновение Конвея охватил страх, он подумал, что не сможет заставить жену уйти до конца сеанса, и испугался собственного замысла.

Последний музыкальный номер длился ровно пять минут, потом шел минутный диалог, объятия и затемнение. Конвей решил, что из зала надо выйти через минуту после начала номера. Хелен ходила медленно, и им понадобится минуты две, чтобы добраться до стоянки. К тому времени картина кончится, и у него будет две-три минуты на осуществление задуманного. Даже секундная задержка могла все погубить.

Прозвучал аккорд, и Конвей понял, что пошел последний музыкальный номер. Надо было действовать без промедления. Он наклонился к Хелен.

— Я читал об этой песне. Ее-то мне и хотелось послушать. Лучшая песня Мери Харт, как говорят знатоки.

Никакой реакции. Мери Харт пропела куплет. Конвей искаса взглянул на жену. Она откинулась в кресле и, похоже, не собиралась уходить, хотя было ясно, что Том Миллер не примет участия в этом номере.

Первый куплет и припев длились минуту десять секунд. Хелен не выказывала ни малейшего недовольства. Конвей с ужасом понял, что все пропало. Он откинулся в кресле, лихорадочно соображая, как бы уговорить Хелен посмотреть часть журнала перед началом следующего сеанса. Это был единственный шанс, хотя и слабый.

Мери Харт пропела еще один куплет и пустилась в пляс. Минута сорок пять секунд. Мозг Конвея работал как секундомер. На экране появились девицы из кордебалета и подхватили песню.

— Я пошла, — проговорила Хелен и встала. Конвей оцепенел от неожиданности. Когда он пришел в себя, Хелен уже шагала к выходу. Он быстро поднялся и догнал ее. С начала номера прошло две минуты пятнадцать секунд.

В фойе не было ни одного человека. Билетер стоял поодаль, болтая с продавщицей воздушной кукурузы, и супруги незамет-

но покинули кинотеатр. Конвей шел в двух шагах позади Хелен. Начав переходить улицу, Хелен оглянулась и сказала:

— И что ты нашел в этой... — Она не договорила, потому что Конвей рванулся вперед, схватил жену за руку и оттащил ее к тротуару. Мимо пронеслась древняя колымага с пятью или шестью подростками. Хелен едва не очутилась под колесами.

— Спасибо, — задыхаясь от испуга, произнесла она. — Ты меня удивляешь.

Конвей и сам не понял, почему сделал это. Скорее всего, машинально. Эти юнцы могли бы поработать за него. Провидение давало ему шанс, а он, дурак, проворонил подарок судьбы.

Они перешли улицу. У Конвея засосало под ложечкой. Последние два часа он раздумывал, как бы заставить жену выйти из зала до конца сеанса, а теперь, когда это получилось, почувствовал неуверенность в себе. Нет, он не испытывал жалости или угрызений совести, он просто не знал, сможет ли завершить начатое. До машины оставалось несколько шагов, до убийства — несколько секунд.

Конвей распахнул дверцу, Хелен села, и он неплотно прикрыл ее, затем обошел машину, скользнул за руль и запустил мотор. Неплотно прикрытая дверца задребезжала.

— Захлопни дверцу.

Хелен отвернулась и взялась за ручку.

— Хоть раз в жизни ты верно предсказал погоду. Поддай мне пальто.

Это было кстати. Став коленом на сиденье, Конвей сделал вид, будто тянется за пальто. Хелен захлопнула дверцу. Все произошло так, как он и задумывал. Руки Конвея обвили шею Хелен и ухватили концы шарфа. Он резко рванул шарф и потянул его назад.

Хелен не сопротивлялась, пока шарф не сдавил ей горло. Потом она вскинула руки, и Конвей спихнул ее с сиденья на пол. Хелен попыталась впиться ногтями в запястья Конвея, но ей мешали перчатки. Лишь один раз она смогла повернуться к мужу, и он успел заглянуть ей в глаза. В них не было ни тени страха, лишь ярость и ненависть. Хелен даже не понимала, что происходит.

Да она и не осознает, что умирает, подумал Конвей и еще ту же затянул шарф.

4

Конвей не мог смотреть на часы, поэтому с тревогой поглядывал на ворота стоянки. Тело жены обмякло, она перестала сопротивляться.

Он не знал, мертва ли она, но проверять это не было времени. Конвей выехал со стоянки и покатил по аллее. Было темно, но он не решился включить фары. Проехав ярдов семьдесят, остановился и задним ходом загнал машину на пяточок за мастер-

ской по ремонту сантехники, заглушил мотор, взглянул на часы и глубоко вздохнул. С начала последнего музыкального номера прошло шесть минут. Фильм кончился. Надо было спешить.

Он наклонился и снял с Хелен перчатки. Сунув их в карман, достал другую, заготовленную заранее, и натянул ее на еще теплую правую руку жены. Затем схватил Хелен под мышки и усадил. Ему понадобились все силы, чтобы приподнять тело и перевалить его через спинку сиденья назад. Оно выскользнуло из рук и со стуком грохнулось на пол.

Сумочка все еще лежала на заднем сиденье. Конвей задумался. Наличие денег не было предусмотрено планом, но и оставить их в машине он тоже не мог. Во-первых, не на что жить. Во-вторых, найдя деньги, полиция начала бы задавать лишние вопросы. Если они узнают, что деньги сняты со счета, он придумает какое-нибудь объяснение. Конвей быстро нашел в сумочке бумажник, сунул его в карман, а сумку бросил на пол рядом с телом, затем взял с заднего сиденья пальто и накрыл им труп. Вытащив ключи из замка зажигания, Конвей положил их на сиденье и тихонько выскользнул из машины.

Он хотел вернуться с таким расчетом, чтобы кто-нибудь непременно увидел его входящим в кинотеатр, но теперь на это уже не было времени. По пути Конвей остановился у какой-то витрины и посмотрел на свое отражение, потом смахнул со лба пот, поправил прическу и двинулся дальше.

Итак, полдела сделано. В ближайшие несколько минут его машину не найдут, и он сможет осуществить свой план. Впредь надо было действовать по четкому графику, на котором держался весь замысел. Конвей взглянул на часы.

Первым делом он подошел к кассиру, сказал, что его жена потеряла перчатку, и попросил разрешения поискать ее. Кассир отослал его к билетеру, там Конвей объяснил все еще раз. Билетер проявил отзывчивость и пропустил его в зал. Конвей осмотрел места, на которых сидели они с Хелен. Вернулся в фойе и отправился в кабинет директора, которому и изложил свое дело со всеми подробностями, чтобы его речь хорошо запомнилась.

— Мы с женой только что посмотрели фильм. Садясь в машину, жена обнаружила, что потеряла в зале перчатку. Билетер пропустил меня, но я ничего не нашел. Может быть, кто-то принес ее вам?

— Нет, никто не отдавал мне никаких перчаток, — ответил директор.

— А не найдется ли у вас фонарика? В зале темно, и я мог не заметить. Вряд ли ее кто-то подобрал, прошло всего две минуты. Вы же знаете женщин...

Директор достал из ящика стола фонарик и встал.

— Неприятно потерять одну перчатку, — сказал он. — А когда находишь одну перчатку, от этого нет никакого проку. Поче-

му женщины никогда не теряют обе перчатки? Полагаю, это не так злило бы их.

Конвей даже гордился собой. Ведь поначалу он задумал “потерять” носовой платок. Но перчатка — куда более веский повод вернуться в зал.

Директор направил луч фонаря на пол, Конвей опустился на четвереньки, внимательно осмотрел пол, наконец, радостно извлек из-под кресла перчатку и показал ее директору, который был доволен не меньше, чем сам Конвей.

В фойе Конвей еще раз поблагодарил директора, а тот посетовал, что перчатка, увы, сильно запылилась.

— Ничего, отстирается. Должно быть, мы наступили на нее. — Конвей сунул перчатку в карман и собрался уходить, когда вдруг взгляд его упал на продавщицу воздушной кукурузы. — Куплю, пожалуй, жене лакомство, она любит эту снедь.

— Правильно, — сказал директор. — У нас лучшая в городе воздушная кукуруза.

Конвей приобрел большой кулек кукурузы, еще раз поблагодарил директора и покинул кинотеатр. После его возвращения в зал прошло девять минут. Конечно, было бы неплохо поторчать там подольше, но он исчерпал все причины и поводы для задержек.

Конвей неторопливо направился к стоянке. Машин там осталось совсем немного. Людей он не заметил вовсе, но решил сыграть свою роль до конца. Прошагав до площадки, на которой прежде стояла его машина, Конвей изобразил удивление, поозирался, потом двинулся на улицу и, наконец, пошел обратно в кинотеатр, но уже гораздо быстрее.

Здесь он снова обратился к кассиру.

— Не искала ли меня молодая женщина? Я возвращался за ее перчаткой. Перчатку нашел, а жены нет. На ней такой розовый костюм и ярко-красный шарф. Вы ее не видели?

— Нет, она ко мне не подходила. Спросите билетера.

Билетер дал тот же ответ. В задумчивости постояв у двери, Конвей отправился в кафе через дорогу, внимательно осмотрелся там, справился о жене у продавца табачного ларька, затем подошел к официантке, которая их обслуживала. Выйдя из кафе, он еще с минуту постоял на улице, потом торопливо зашагал к стоянке и осмотрел все машины. Затем подошел к стоянке кинотеатра и расспросил дежурного, после чего вернулся в кинотеатр и опять подошел к билетеру.

— Вы не видели... — начал он.

Билетер сидел в кресле и читал журнал. Посмотрев на Конвея, он отрицательно покачал головой и снова углубился в чтение. Конвей медленно, с задумчивым видом, направился в кафе, набрал номер своего домашнего телефона и, прослушав несколько гудков, позвонил в полицию.

— Полиция? — подпустив в голос тревожных ноток, спросил он. — Пожалуйста, пришлите машину к кинотеатру “Монтеррей”.

— Ваши имя и адрес?

— Артур Конвей. Я жду на углу бульвара Санта-Моника и Николз.

— Что случилось?

— Я буду ждать перед кафе. Приезжайте быстрее, — он повесил трубку.

Едва ли полицейские подумали, что звонит муж, потерявший жену и машину. Скорее уж, они решили, что кто-то хочет сообщить о скандале у соседей, грабеже или хулиганстве. Впрочем, это не имело большого значения. Главное — звонок зарегистрировали и пришлют машину.

Конвей вышел на тротуар и принялся вглядываться в проезжающие автомобили. Мимо прогрохотал трамвай. Конвей посмотрел на часы — точно по графику. Патрульная машина прибыла меньше чем через три минуты, и Конвей бросился к ней, прежде чем распахнулась дверца.

— Я Артур Конвей. Это я звонил. Жена оставалась в машине, когда я вернулся в зал за потерянной ею перчаткой. Через несколько минут я пришел на стоянку, но и жена, и машина пропали.

— Спокойно, спокойно. Давайте еще разок, и помедленнее.

Конвей понимал, что производит забавное впечатление со своим мешком воздушной кукурузы и повестью о жене, сбежавшей с кем-то. Точнее, уехавшей на машине. Сейчас было важно, чтобы в нем увидели смешного, жалкого и незадачливого мужа.

Он вновь изложил свою историю, несколько подробнее, но опустив некоторые обстоятельства. Надо было оставить кое-что и про запас на случай новых допросов. Он рассказал, что оставил машину поблизости, а ключи — в машине, но заявил, что жена не любит крутить баранку, и едва ли она уехала сама, бросив его здесь.

Давая объяснения, Конвей заметил, что на лице одного из патрульных появилась насмешливая мина. Повернувшись к напарнику, тот ухмыльнулся и подмигнул, потом снова посмотрел на Конвея.

— Ну, и чего же вы хотите от нас, приятель?

— Как — чего? Чтобы вы поискали ее.

— А почему бы вам не позвонить домой? Может, ваша благоверная уже там.

— Я только что звонил. Говорю вам, она бы не уехала одна.

— А может, она и не одна, — патрульный уже не скрывал насмешки. Конвей догадывался, о чем тот думает. Что ж, неплохо.

— Вы не понимаете, — долдонил он свое. — Она никогда не...

— Слушайте, приятель, вы хотите заявить об исчезновении жены и угоне машины?

— Нет-нет, я просто подумал, что, может, вы поищите ее поблизости... Я бы с вами поездил...

— Мы не обслуживаем пассажиров, — отрезал патрульный. — Можем принять у вас заявление. Если хотите подождать, то ступайте в ближайший полицейский участок и заявите там. Советую не торопиться.

— Спасибо, но... Вы поищите ее?

— Так уж и быть. Какая машина?

Конвей описал машину и назвал номер, но полицейские ничего не записали, и он понял, что они не намерены сообщать в управление.

— Я еще здесь посмотрю, а потом позвоню домой, — сказал Конвей. — В какой участок лучше пойти, если надумаю заявить о пропаже?

— На Уилкоккс-авеню.

Следя за отъезжавшей машиной, Конвей покосился на скамейку у трамвайной остановки. На ней сидело трое людей. Значит, трамвай недавно прошел, а следующий появится через тринадцать минут.

Полицейская машина замедлила ход на углу и свернула на юг. Итак, они будут осматривать аллею. Конвей быстро зашагал к стоянке, подбежал к своей машине, огляделся и сел за руль. Запустив мотор, но не включая фар, Конвей медленно выехал в аллею. Он мог свернуть налево в сторону, противоположную той, куда поехали патрульные, но это было чревато встречей с ними, возможно, они захотят сделать круг. Поэтому он поехал направо, надеясь, что патрульные не остановились за ближайшим углом. Добравшись до перекрестка, Конвей свернул к югу и только тогда зажег фары.

После отъезда патрульных прошло три минуты. Через десять минут к кафе подъедет трамвай. Конвей заранее присмотрел три места, где можно было оставить машину. С учетом запаса времени он остановил выбор на Фултон-стрит. Направляясь туда, Конвей вдруг с пугающей ясностью осознал, сколь огромна разница между планированием идеального убийства и его осуществлением. Шансы быть пойманным на этом этапе казались ничтожными. Но теперь, когда в машине труп, все выглядело иначе. Авария, нарушение правил движения, любое пустячное происшествие — и пиши пропало. В первоначальном плане не было предусмотрено сумасшедшее везение, но и жестокому невезению там места не отводилось. Конвея прошиб пот. Понимая, что в таком состоянии выполнить задуманное будет еще труднее, он собрался с силами, открыл "бардачок", достал оттуда полотенце и надел шляпу и перчатки. Остановившись перед светофором, скомкал полотенце, засунул его под пиджак, застегнулся и поднял воротник. Потом прилепил усы и посмотрел на себя в зеркало. В темноте сойдет, подумал он. У полицейских будет словесный портрет совсем другого человека.

Фултон-стрит Конвей выбрал потому, что здесь стояли частные особняки. Каждый дом имел террасу, и, когда Конвей проезжал здесь, готовя преступление, он видел едва ли не на всех этих террасах влюбленных. Это было очень хорошо: ему требовались свидетели.

Но сегодня, то ли из-за похолодания, то ли по иной причине, улица была безлюдна. На миг Конвея обуял страх. Менять планы и импровизировать было поздно. Ехать к другим заготовленным заранее местам — тоже. На Фултон-стрит он рассчитывал обеспечить себе алиби. Мгновение спустя Конвей облегченно вздохнул: в конце квартала на крыльце сидела парочка.

Он решил поставить машину рядом с этим домом, развернулся и принялся задним ходом въезжать на тротуар. Бордюр оказался таким высоким, что крыло или бампер машины чиркнули по бетону. Уж теперь-то меня наверняка заметят, решил Конвей.

Заглушая мотор и погасив фары, он поднял все стекла, еще раз закрепил усы, вылез из машины и быстро зашагал по улице. Ни во дворах, ни на тротуарах никого не было, но теперь у него есть как минимум два свидетеля, способных сказать, во сколько на улице появилась машина. Для алиби вполне достаточно.

Если бы он поехал в участок от кафе, пришлось бы ждать на остановке тринадцать минут, а потом еще одиннадцать минут ехать до перекрестка бульвара Санта-Моника и Уилкоккс. После отъезда патрульной машины прошло десять с половиной минут. За оставшиеся тринадцать с половиной предстояло покрыть расстояние в одну и четыре десятых мили, чтобы добраться до остановки, от которой потом надо было еще шагнуть в участок. Это означало, что требуется преодолеть милю менее чем за десять минут, что совершенно невозможно при средней скорости ходьбы. Конвей рассчитывал, что полиция так и подумает. Свернув за угол, он ускорил шаг. Накладные усы мешали дышать, и Конвей снова сунул их в карман: больше не нужны. Его должны были заметить, когда он вылезал из машины, теперь же, наоборот, следовало превратиться в невидимку. Повернув за очередной угол, он стянул и спрятал в карман перчатки. Затем, оглядевшись, вытащил полотенце, разорвал его на четыре части и бросил в сточные канавы по обеим сторонам улицы. Со шляпой он обошелся так же безжалостно.

Конвей шагал на пределе своих возможностей, и все же скорость была недостаточной, а пуститься трусцой он не решался: бегущий мужчина на темной улице — что может быть подозрительнее?

И еще надо было избавиться от усов. Конвей принялся рвать их и разбрасывать клочки. Пот струился по лицу, одежда липла к телу.

Он намеревался идти к цели зигзагами, но пошел прямо: времени не оставалось, а он должен был по крайней мере увидеть

трамвай. Последний квартал он преодолевал уже через силу и вышел на бульвар, когда трамвай проезжал мимо. Конвей увидел то, что хотел: в трамвае было довольно много пассажиров, и присутствие либо отсутствие одного человека едва ли будет замечено. Теперь можно было замедлить ход, чтобы не привлекать внимания. Трамвай не остановился на перекрестке: там горел зеленый светофор. Но зато остановился на следующем пересечении, возле Кауенга-авеню. Конвей немного успокоился: он укладывался в график.

Надо было немного остыть, стереть пот с лица и рук и пройти еще три квартала. Конвей еще раз повторил историю, которую намеревался рассказать в участке.

Когда он вошел, дежурный сержант с легким недовольством оглядел его. Послеобеденная суета и поиски угнанных машин закончились, а время пьяниц еще не наступило. Поэтому Конвей нарушил небольшое затишье в работе полиции.

— Сержант, у меня пропали жена и машина.

— Да? Как это произошло?

Конвей изложил суть дела.

— А почему бы вам не позвонить домой? — предложил сержант.

— Я уже звонил, но... а который теперь час? Двадцать пять одиннадцатого? Что ж, попробую еще раз.

— Телефон в углу, — сообщил сержант и снова уткнулся в газету.

Конвей набрал номер и уже без спешки (время его обращения в участок было зафиксировано) принялся слушать длинные гудки.

— Не отвечает, — сказал он наконец.

Сержант неохотно отложил газету и достал бланк заявления.

— Вы уверены, что хотите заявить об исчезновении? Почему бы не потерпеть до утра? Может, она просто поехала с кем-нибудь выпить кофе?

— Нет. Она никогда так не делала. Ей не нравится водить машину, и она не уехала бы без меня. Это смешно... — “Осторожно, не переиграй!” — мысленно предостерег он себя. — Кроме того, мы здесь почти никого не знаем.

Конвей заметил ухмылку на лице сержанта.

— Я знаю, что у вас на уме, — с негодованием проговорил он. — Моя жена не из таких.

— О, нет, я ничего такого и не думал, — поспешил оправдаться сержант. Потом взял ручку и приготовился писать. — Итак, где это произошло?

Конвей повторил свою историю, расписался на двух бланках и собрался уходить, когда в участке появились двое полицейских.

— Не забудьте позвонить нам, если жена объявится! — крикнул сержант вслед Конвею. Ему не терпелось поведать о незадачливом муже своим сослуживцам.

В автобусе Конвей продолжал играть роль, но дома, даже не выпив, хотя желание было, тотчас приступил к делу. Он сунул поднятую в кинотеатре перчатку в ящик своего стола, собственные перчатки положил в другой, а бумажник — в жестяную коробку, где хранились страховые полисы. Вывернув карман, в котором лежали усы, Конвей тщательно пропылесосил его.

Ему не давала покоя мысль о новых перчатках жены, купленных сегодня. Сжечь их он не мог: дотошные следователи установят факт покупки, и тогда придется объяснить исчезновение новых перчаток. Они не были испачканы, но уже утратили девственную белизну. Найдя какое-то жидкое моющее средство, Конвей выстирал перчатки, повесил и включил вентилятор, чтобы они побыстрее высохли.

Ужасно хотелось выпить, но рисковать он не стал и удовольствовался бутербродом и стаканом молока. Он бы с удовольствием погасил свет и завалился спать, поскольку не испытывал ни мук совести, ни страха перед привидениями, но это могло вызвать подозрения. Кроме того, надо было еще кое-что сделать.

Когда перчатки, наконец, высохли, он отнес их на кухню и выгладил, затем снова осмотрел и остался доволен: только специалист мог бы определить, надевали эти перчатки или нет. Теперь можно было спокойно выпить.

Не успев осушить бокал, Конвей почувствовал, что клюет носом. Не забыв спуститься и включить свет на крыльце и в прихожей, он отправился к себе и лег в кровать, чтобы обдумать завтрашние действия. Но тотчас заснул, даже не решив, во сколько встанет наутро.

5

Пробуждался Конвей медленно и тяжело, словно от глубокого наркотического сна. В доме стояла восхитительная долгожданная тишина. Он позвонил в полицию и не удивился, когда ему сказали, что не располагают сведениями ни о жене, ни о машине. Ближе к полудню он решил, что благоразумнее и достовернее всего было бы по возможности избегать людей, поэтому сходил на ближайший рынок и запасся мясом и консервами на несколько дней вперед. Вернувшись домой, он позвонил в полицию, взял бутылку пива, сел, закинул ноги на стол и вдруг почувствовал, что ему нравится этот дом, еще совсем недавно казавшийся тюрьмой. Такое ощущение покоя он испытывал лишь однажды, когда попал с фронта в освобожденный Рим. Он уже был на грани безумия, как и теперь... Нет, теперь все будет хорошо. Он сможет спокойно жить и писать.

Конвей встал, пошел в кабинет и сел за машинку, но ему не работалось. Стряпать тоже не хотелось, да и аппетита не было. Он попробовал подремать, но тотчас же вздрогнул и проснулся.

Мучительно долгий вечер сменился такой же бесконечной бессонной ночью.

Утро тоже не принесло облегчения. Сколько еще придется ему пребывать в вакууме? Когда же найдут машину? Что скажет та парочка? Допросят ли официантку?

В час дня он сделал себе бутерброд с сыром, который оказался ему совершенно безвкусным и сухим. Запихнув в себя половину, Конвей выбросил объедки в помойное ведро и пошел мыть тарелку. В этот миг послышался звонок в дверь, и Конвей от неожиданности выронил тарелку, потому что звонок висел на стене над раковиной.

Он подошел к двери и чуть приоткрыл ее.

— Мистер Артур Конвей? — спросил здоровенный верзила с красным лицом и маленькими острыми глазками. — Я — Ларкин из отдела по расследованию убийств. Можно войти?

Конвей распахнул дверь и посторонился. Он ждал телефонного звонка, а не прихода сыщика, да еще без предупреждения. Неужели он дал маху?

— Что случилось? — спросил Конвей, едва шевеля пересохшими губами.

— Сядьте, мистер Конвей. Боюсь, я принес вам дурную весть.

— Вы нашли ее?

— Мы нашли машину.

— А Хелен? Миссис Конвей?

— В машине был труп. Наверное, вашей супруги. Очень сожалею. Я хотел бы, чтобы вы поехали со мной и опознали тело.

— Объясните толком, что произошло?

— Машину нашли около часа назад. На полу лежала задушенная женщина.

— Но... Что еще? Как это произошло? Где?

Сыщик поднялся.

— Зачем беспокоиться раньше времени? Мы даже не знаем наверняка, ваша ли это супруга. Поедьте. Если это она, поговорить еще успеем.

— Я сейчас выйду, — сказал Конвей. — Только переоденусь.

Ларкин и Конвей сели в машину. За рулем сидел полицейский в мундире. Некоторое время ехали молча, потом Конвей еще раз попытался расспросить Ларкина, но тот ничего нового не сообщил.

В морге Конвей пробыл недолго. Кто-то приподнял простыню, показал ему лицо, и все. В кабинете Конвей подписал несколько бумаг, а потом его повезли в управление. Конвей сохранял внутреннее и внешнее спокойствие, когда они вошли в дверь с табличкой "Отдел по расследованию убийств". Его представили начальнику отдела капитану Рэмсдену, лейтенанту и двум следователям в штатском. В тот же миг в кабинет вошел молодой человек, похожий на прозябающего разъездного торговца.

— Это сержант Бауэр, мистер Конвей, — сказал Рэмсден. Бауэр достал записную книжку и пристроился у края стола капитана.

Они попросили Конвея рассказать им все как можно подробнее с момента отъезда из дома в кинотеатр, что он и сделал. Конвей говорил нарочито сбивчиво, кое-что “забывал”, потом дополнял свое повествование новыми подробностями, не всегда мог вспомнить точное время. Зато дал ясно понять, что его семейное счастье было безоблачным.

Через час с небольшим капитан Рэмсден встал из-за стола.

— Полагаю, пока этого достаточно. Разумеется, нам понадобятся отпечатки ваших пальцев.

— Вы можете сообщить мне хоть что-то, капитан? — спросил Конвей.

— Я понимаю ваши чувства, но время версий и догадок еще не пришло. Машину обнаружили на Фултон-стрит, в ней лежало тело. Какая-то девушка, мисс... э...

— Элси Дэниелз, — подсказал Бауэр.

— Да. В понедельник вечером она сидела на крыльце...

— Со своим дружкой, Фредом Бисселом, — добавил Бауэр.

— Да. Они видели, как остановили машину.

Конвей понял, что для капитана эти сведения были новостью: Рэмсден повернулся к Бауэру и спросил:

— Вы уже поговорили с ней?

— Конечно, — ответил Бауэр. — Мы можем установить время с точностью до двух минут. Влюбленные слушали музыку, потом пошло выступление сенатора Тарфа. Минуты через две после начала речи они переключились на другую станцию. Девушка вернулась на крыльцо, села, и тут они услышали скрежет и увидели машину.

— Минуточку, — вставил Рэмсден. — Тарф выступал в понедельник в десять вечера. Я слушал это выступление.

— Я еще не успел проверить, — сказал Бауэр.

— Оно было в десять. Значит, машину оставили в десять ноль две или десять ноль пять, — продолжал капитан. — Они дали описание?

— Ну, это был мужчина среднего роста, в темном костюме. С усами. И очень сутулый, почти горбатый.

— Это все? Что ж, мистер Конвей, через день-два мы будем знать больше. Расследование дела поручено сержанту Лестеру Бауэру, по прозвищу Верняк. — Капитан и лейтенант засмеялись. Конвей не понял юмора. — Ничего, поймете, когда познакомитесь с ним поближе.

Бауэру, похоже, это не очень понравилось, и он направился к двери, но капитан остановил его.

— Погодите, сержант, там репортеры. Выведите мистера Конвея через заднюю дверь и отвезите домой.

— Спасибо, — сказал Конвей. — Надеюсь, вы его найдете, а я помогу в меру сил.

— Уверен, что так, — ответил капитан.

Когда у Конвея взяли отпечатки пальцев, Ларкин и Бауэр усадили его в машину. Конвей решил поближе сойтись с Бауэром, чтобы получать от него сведения. Бауэр заговорил первым.

— Остряк, — буркнул он.

— Кто? — не понял Конвей.

— Капитан с его шуточками.

— Зачем он упомянул ваше прозвище?

— Меня начали называть Верняком, потому что я почти всегда оказываюсь прав. Не знаю, почему капитан считает это смешным.

Конвей пристально взгляделся в лицо сержанта. В его глазах не было ни малейших проблесков ума, зато они излучали самоуверенность. Лучшего следователя и не найти, подумал Конвей.

— Наверное, капитан высокого мнения о вас, раз поручил такое дело.

— Да, он знает мои способности, но на это дело назначил, чтобы замедлить мой служебный рост. Дело совершенно безнадежное. Скорее всего, убийца был сексуальным маньяком. Зацепок никаких. На месте вашей супруги могла оказаться любая женщина, у любого кинотеатра, на любой остановке. Но придется выполнить все следственные действия, потратить уйму времени и сил, составить тысячу рапортов. А вот какое-нибудь многообещающее дело, сулящее повышение, раскроют без меня.

Конвей понял, что Бауэр, по крайней мере, не включал его в круг подозреваемых.

— Кстати, у вашего дома будут репортеры.

— Что?!

— Рано или поздно с ними придется встречаться. Уж лучше сейчас, чем отбиваться от них всю ночь. А теперь мы поедem на стоянку, где вы оставили машину, и вы покажете Ларкину точное место.

Конвей указал место, и Ларкин въехал на площадку.

— Начнем с кинотеатра, — сказал Бауэр.

Директор вспомнил Конвея и был не на шутку расстроен, когда узнал о случившемся. Он ответил на вопросы, и Бауэр до тошно занес все в свою записную книжку.

— Теперь, наверное, надо воспроизвести все, что вы делали в тот вечер. Постарайтесь быть точным в действиях и соблюдать график.

«Внимание, опасность!» — предупредил себя Конвей. Он не мог отчитаться за четыре минуты, в течение которых душил Хелен и ставил машину в аллее. Но он уже сказал, что покинул зал после окончания музыкального номера, значит, без отчета остается минуты полторы. Конвей знал, что делать.

Он пошел с той же скоростью, что и полицейские. Такой темп был для него слишком медленным, но Бауэр и Ларкин, похоже, считали, что шагают довольно энергично. Конвей приос-

тановился на том месте, где Хелен едва не угодила под колеса, потом подошел к машине и изобразил, как открывает дверцу и усаживает жену.

— Я попросил ее поплотнее захлопнуть дверцу. Потом взял с заднего сиденья пальто, и она накинула его на плечи. Я запустил мотор и хотел тронуться, когда она обнаружила потерю перчатки. Поискала в сумочке, потом на сиденье и на полу, и попросила меня посмотреть на земле возле машины. Я вылез, ничего не нашел, сел за руль, и тогда жена сказала, чтобы я вернулся в зал и поискал там. Я заглушил мотор, вылез из машины и пошел в кинотеатр.

— Минутку. — Бауэр оторвал взгляд от часов. — Вы видели здесь кого-нибудь?

— Здесь никого. Наверное, мы были первыми. А когда я снова пошел в зал, тут уже было несколько человек. Две-три машины выезжали со стоянки, — ответил Конвей, зная, что никто не сможет уличить его во лжи.

Дальше все пошло как по маслу. Конвей изобразил все точно так, как было на самом деле.

— Вы оставили жену на десять минут сорок секунд. Все сходится.

— Что сходится? — спросил Конвей.

— Это был маньяк, — ответил Бауэр. — Вы его не видели, но он следил за вами. Когда вы ушли, он сел в машину, возможно, ударил вашу супругу и уехал. Правильно? — Он не ждал подтверждения, потому что сам же и ответил: — Правильно.

— Мне продолжать? — спросил Конвей.

— Что продолжать?

— Ну, показывать, что я делал дальше.

— А зачем? Жены-то уже не было. — Бауэр помолчал. — Впрочем, давайте, раз уж мы здесь.

Конвей мысленно чертыхнулся. И чего он сунулся? Теперь Бауэр мог заподозрить его в подготовке алиби. Конвей решил, что впредь будет молчать, пока его не спросят. Пришлось играть свою роль до конца.

— Ну, когда патрульная машина уехала, я еще поискал, а потом понял, что это бессмысленно, сел в трамвай и поехал в участок.

— Угу. — Бауэра, казалось, уже утомило это представление. — Ладно, давайте я отвезу вас домой.

По дороге Конвей подумал, что в блокноте Бауэра должна появиться еще одна запись. В кинотеатре он не мог об этом сказать, потому что тогда его изложение показалось бы чрезмерно точным. Но теперь...

Он повернулся к Бауэру.

— Большое спасибо, что подвезли. Когда привыкаешь к машине, без нее чувствуешь себя парализованным. В ту ночь... ну, когда это случилось, я думал, что свихнусь, пока дождусь

трамвая, а ехал на нем целую вечность и не заметил, как проскочил Уилкоккс-авеню. Проехал лишний квартал. Это меня доконало.

Сержант не придал значения его словам. Главное, они были произнесены вслух.

6

Возле дома стояло с полдюжины машин, а рядом с ними и у крыльца толпились человек восемь-десять мужчин и две женщины.

— Я с ними поговорю, — сказал Бауэр.

Он пригласил всех в гостиную, где в двух словах рассказал о подозреваемом. Затем Конвей под вспышки фотоаппаратов ответил на вопросы. Единственную фотографию Хелен, стоявшую у него на столе, пришлось отдать. Наконец газетчики отбыли во свояси. Бауэр тоже ушел, пообещав позвонить, если что-нибудь прояснится.

Конвей запер дверь, опустил шторы и пошел на кухню. Здесь он тоже задернул занавески, прежде чем зажечь свет, смешал себе мартини и стал обдумывать телеграмму, которую пошлет сводной сестре Хелен. Он понимал, что она узнает все из газет. Хелен уже года четыре не общалась со своей сестрой: они поссорились из-за поместья матери, когда та умерла, и с тех пор враждовали. Но, поскольку сестра была единственной родственницей жены, Конвей решил соблюсти приличия и известить ее о смерти Хелен.

Он допил мартини, с аппетитом поел, выпил кофе, потом покинул дом через заднюю дверь и отправился на почту. На обратном пути запасся вечерними газетами и, сев за стол в кабинете, раскрыл их.

Во всех газетах статьи об убийстве были помещены на первых полосах под огромными заголовками. Везде высказывалось предположение, что убийца, по-видимому, был сексуальным маньяком. Пробежав все статьи, он нашел то, что искал. Капитан Рэмсден сообщил, что, хотя полиция и проверяет показания Артура Конвея, мужа убитой, он не подозревается в совершении этого преступления и не взят под стражу. Троекратное "браво" капитану Рэмсдену, подумал Конвей, за то, что поручил дело сержанту Бауэру.

Утром Конвей с трудом очнулся от крепкого сна. Звонил телефон. Он поспешно спустился вниз и снял трубку.

— Мистер Конвей? Сержант Бауэр. Как самочувствие?

— Ничего. Только что проснулся, — спохватившись, он торопливо добавил: — Не мог уснуть до самого утра, а потом, видать, задремал...

— Угу. Я вам скажу, что надо делать. У меня в жизни не было бессонницы.

— Вам везет.

— Нет, просто у меня есть здравый смысл. Напомните, чтобы я не забыл вам рассказать. Я чего звоню-то. Мы тут задержали несколько человек, и капитан хочет, чтобы вы на них посмотрели. Может, кто из них крутился на стоянке или возле кинотеатра.

— Хорошо.

Бауэр и не думал, что Конвей хоть кого-то опознает. Когда они возвращались домой, Конвей спросил сержанта.

— Теперь мне надо будет приезжать каждый день?

— Возможно. Должен же капитан сообщать что-то журналистам. Кстати, вы смотрели утренние газеты?

— Нет.

— Надо остановиться и купить. Ваши снимки получились отлично, а я вот вышел отвратительно.

У первого же киоска Бауэр вылез и принес газеты. Пока они просматривали статьи, Конвей решил поближе сойтись с Бауэром.

— А как вы оказались в полиции?

— Служил в военной полиции, а в Лос-Анджелес приехал из-за Греты. Это моя подруга. Была актрисой, но бросила это дело: слишком уж к ней приставали.

— Понятно. Я написал несколько детективных рассказов. Интересно, как вы работаете? Пользуетесь достижениями науки? Изучаете судебную психологию?

— Нет, — протянул Бауэр. — Все это чепуха. Главное — здравый смысл. Собрать факты, сопоставить, и все дела. Труднее всего — добыть их. Особенно в таких делах, как ваше. Я работаю иначе, чем другие, потому меня и прозвали Верняком, что я почти всегда оказываюсь прав.

Конвей решил зайти с другого боку.

— Тут в газете написано, что я вне подозрений, но меня проверяют. А как это делается? Или мне нельзя спрашивать?

— Проверка уже закончена, — ответил Бауэр. — Вы чисты. Я же сказал вам вчера, что это маньяк. Но, конечно, пришлось отрабатывать все версии.

Конвей втайне гордился своей расторопностью. Жаль, что нельзя подробнее расспросить, какая именно деталь или сочетание обстоятельств отвели от него подозрения. Впрочем, черт с ним.

— Кстати, — проговорил Бауэр, — в кабинете у капитана вы говорили, что почти никого тут не знаете. Я составил список ваших знакомых. Надо будет их проверить.

— Зачем?

— Главным образом, для рапорта. Должен же я изображать бурную деятельность, пока не улеглась шумиха. А может, что-то всплывет. Ну, знаете, она могла сказать подружке, что к ней пристают, или еще что-нибудь. Не было ли у вашей жены какой-нибудь записной книжки с адресами?

— По-моему, не было... А впрочем, когда мы переехали сюда, она купила себе книжечку. Не знаю только, сумею ли найти ее. Хелен не заглядывала туда уже целую вечность.

Когда они вошли в дом, Бауэр сразу же направился к лестнице.

— Давайте начнем с ее комнаты, — предложил он. — Да, пока не забыл. У вас осталась перчатка, которую вы подобрали в кинотеатре?

Конвей остановился.

— Кажется, да. А зачем она вам?

— Хочу посмотреть.

Конвей пошел в свою комнату. Бауэр двинулся за ним. Взяв перчатку, сержант подошел к окну, осмотрел ее, потом достал из кармана вторую перчатку и принялся их сравнивать. Конвей следил за ним, не понимая, в чем дело.

— Не вижу смысла, — объявил, наконец, Бауэр.

— В чем?

— Да вот посмотрите, перчатки в двух местах штопаные. На этой шов разошелся, тут протерлись два пальца. Перчатки куда не годные.

Конвей испытал потрясение. Бауэр сказал правду. Он вспомнил, что Хелен не упоминала о плачевном состоянии перчаток. А он не обратил внимания на старые перчатки в тот день, когда жена купила себе новые. Не посмотрел на них, когда доставал из ящика. Мозг Конвея лихорадочно заработал, просчитывая возможные последствия.

— Не понимаю, к чему вы клоните, — сказал он.

— Просто не вижу смысла, вот и все. Зачем посылать вас в зал за изношенной перчаткой?

— Вы же знаете, женщины есть женщины. Ничто их так не бесит, как потеря одной перчатки.

— Да. Порой даже я их не понимаю. Их мозг не всегда работает так, как должен работать, по мнению здравомыслящего человека. Ладно, пойдемте, поищем книжечку.

Они вошли в комнату Хелен. Бауэр сразу же направился к шкафчику и выдвинул верхний ящик. Конвей запаниковал. Именно в этот ящик он сунул новые перчатки Хелен после стирки и утюжки. Придурок! Почему он полез в этот ящик? Бауэр почти сразу же выпрямился и поднял повыше красную записную книжку, после чего принялся листать ее, сверяясь со своим списком.

— Кто это?

Конвей подошел и заглянул в книжку.

— Это Гордоны. Самые близкие из наших здешних друзей. Три месяца назад они переехали в Нью-Йорк.

Бауэр продолжал листать страницы, в большинстве своем чистые.

— Совсем мало имен. Наверное, вам было скучно?

— Я бы не сказал. Конечно, нам не хватало Гордонов, но мы с женой и вдвоем прекрасно проводили время.

— А это кто? — спросил Бауэр.

— Гарри Тейлор? Мы его почти не знали. Он один раз был у Гордонов. Не знаю, зачем Хелен записала его номер.

— Наверное, вы иногда звонили ему?

— Ни жена, ни я никогда... Хотя, кажется, один раз звонили. Гордон был занят, и мы хотели позвать Тейлора четвертым на бридж. Не помню, кто из нас ему звонил, но он так и не пришел.

— Не возражаете, если я на время возьму книжечку?

— Берите.

— Я пойду. — Бауэр повернулся к ящику и на миг замер, разглядывая содержимое, потом медленно задвинул его. Конвей почувствовал комок в горле, хотя и не знал, что привлекло внимание сержанта.

Послышался звонок в дверь.

— Я сейчас не хочу ни с кем говорить, — попросил Конвей. — Если можно, узнайте, кто там, и постарайтесь их спровадить, а я подожду наверху.

— Хорошо.

Бауэр пошел вниз. Конвей вернулся в комнату жены и сразу же направился к ящику, выдвинул его ровно на столько же, насколько прежде сержант, и осмотрел содержимое. Перчатки лежали в углу. Их белизна резала глаза, и все остальные вещи казались темнее, чем были на самом деле. Конвей задвинул ящик. И в этот момент снизу донеслось:

— Мистер Конвей, спуститесь!

7

Спускаясь по лестнице, Конвей увидел, как в дом входит девушка с чемоданом и сумкой в руках. Поставив пожитки на пол, она посмотрела на Конвея, улыбнулась и сказала:

— Здравствуйте, Артур.

Бауэр взглянул на Конвея. Тот смотрел на девушку. Он никогда прежде не видел ее.

— Я — Бетти.

— Сестра Хелен? — наконец вспомнил он.

— Сводная сестра по матери.

— Вы не говорили, что у нее есть сестра, — заметил Бауэр.

— Сводная сестра, — поправила его девушка. — А вы не очень любезны, — снова обратилась она к Конвею.

Он совладал с собой и представил сержанта. Полицейский что-то промямлил.

— Что, удивлены моим приездом?

— Конечно. Я же только вчера дал вам телеграмму.

— Я уже вылетела. Услышала обо всем по радио и решила приехать помочь. Надо сказать, я ожидала более радушного приема. Вы даже не приглашаете меня присесть.

— Ой. Да, конечно, садитесь. — Конвей провел ее в гостиную. Он лихорадочно соображал, откуда свалилась эта девица,

которая не давала о себе знать уже пять лет? Надо было побыстрее спровадить Бауэра.

— Я ужасно хочу принять ванну и переодеться.

— Вы даже не упоминали ни о какой сестре, — повторил сержант.

— Сводной сестре, — опять сказала Бетти. — Наверное, он забыл о моем существовании. Мы с Хелен не общались с тех пор, как мать умерла и оставила все мне, потому что Хелен не захотела остаться дома и переехала в Нью-Йорк.

Конвей смотрел на нее и видел, что облик Бетти совсем не совпадает с описанием, данным Хелен. Темноволосая, кареглазая, с правильными чертами лица и ладненькой фигуркой, она излучала тепло и жизнелюбие.

— А почему вы приехали, если не ладили с миссис Конвей? — спросил Бауэр. — Вы располагаете сведениями, полезными полиции?

— Боже мой, разумеется, нет. Просто хочу помочь Артуру пережить эту трагедию.

— Значит, вы хорошие друзья?

— Надеюсь, мы ими станем, — сказала Бетти. — Как идет следствие?

— Не могу вам ответить, — холодно произнес Бауэр, зыркнув на нее.

— Меня мало интересует ваше личное мнение. Я — единственная родственница, а вы, надо полагать, слуга народа.

— Я никому не слуга. И позвольте вот что вам сказать...

Конвей затесался между ними.

— Пожалуйста, прекратите. Бетти, сержанту нечего сказать вам, потому что он уже рассказал журналистам все, что считает нужным.

— Я читала газеты по пути из аэропорта. С чего они взяли, будто это сексуальный маньяк?

“Вот кто меня погубит, — подумал Конвей. — Не знаю, когда и как, но она доведет меня до газовой камеры”.

— А кто еще? — спросил Бауэр.

— Глупый вопрос, — парировала Бетти. — В Лос-Анджелесе несколько миллионов жителей, и половина из них — женщины. Если по городу бродит маньяк, вероятность нападения именно на Хелен — один к миллиону. Вы что, не могли найти более правдоподобную версию?

Конвей этот довод озадачил, Бауэра — нет.

— Послушайте, — сказал он, — вероятность быть убитым молнией — один к десяти миллионам, но, если это случится, вы покойница, и никакая статистика вас не утешит. Правильно? Правильно. Ваша сестра мертва.

— Сводная сестра, — не преминула заметить Бетти. — Но если после грозы вы найдете чей-то труп, это вовсе не будет означать, что человек убит молнией. Правильно? Правильно.

Бауэр открыл рот, чтобы возразить, но, по-видимому, передумал.

— Мне пора, — объявил он и, остановившись в дверях, обратился к Бетти: — Где мне вас найти, если вы понадобится?

— Кажется, вы хотите поговорить со мной? Естественно, здесь.

У Конвея вытянулась физиономия, сержант вытаращил глаза.

— Но вам нельзя оставаться здесь со мной, — сказал Конвей.

— Об этом мы поговорим потом, а пока позвольте мне принять ванну и переодеться.

— Я заеду позже, — ледяным тоном сообщил Бауэр.

Конвей закрыл за ним дверь и, взяв багаж Бетти, поднялся наверх. Бетти уже была в комнате Хелен.

— Мне хочется поговорить с вами, но я ужасно грязная. Отложим беседу.

Конвею тоже не терпелось поговорить с Бетти, выяснить, что у нее на уме, но он не знал, с чего начать. Может быть, пока она моется, он что-нибудь придумает.

Слушая плеск воды, Конвей искал ответы на многочисленные вопросы. Почему приехала Бетти? Вдруг Хелен написала ей? Неважно, знает ли Бетти хоть что-нибудь. Она может бросить тень сомнения на показания Конвея. Само ее присутствие уже порождает вопросы. А вдруг она приехала с какой-то своей целью? Шантаж?

Конвей начал понимать, что его “идеальное” убийство становится все менее идеальным. Одно он знал наверняка: если не удастся спровадить Бетти восвояси, надо дать ей приют. Так он сможет хотя бы приглядывать за ней и присутствовать при ее разговорах с Бауэром.

— Наверное, вы удивлены моим приездом? — спросила Бетти, входя в комнату.

— Мягко говоря, да.

— Во-первых, я действительно хочу помочь. Наверное, вам и невдомек, что я влюбилась в вас еще школьницей, когда Хелен прислала нам вашу фотографию и написала про вас. Мне всегда ужасно хотелось вас увидеть.

— А других причин нет?

— Пожалуй, есть. Может статься, скоро я выйду замуж и тогда уже вряд ли буду куда-то ездить. Для меня это последняя возможность увидеть Калифорнию. Вы не могли бы свозить меня на какую-нибудь киностудию?

— Нет. Я никогда там не бывал.

— Жаль.

— А сколько вы намерены здесь пробыть?

— Зависит от обстоятельств.

— От каких?

— Ужасно, наверное, не так.

— Ну, во-первых, деньги. И будет ли у меня шанс на студии. И понравится ли мне Калифорния. Но я не намерена навязываться вам на все время. Подыщу себе жилье.

— Понятно. А других причин приехать не было?

— Нет, — удивленно ответила Бетти.

— Гибель сестры, например?

— Зачем нам лицемерить друг с другом?

— Когда вы получили последнее письмо от Хелен?

— Вскоре после смерти мамы.

— Разве она не писала вам после нашего переезда сюда?

— Нет. Я даже не знала, что вы переехали.

— А как же вы узнали, где мы живем?

— Это было нетрудно, коль скоро в каждой газете есть ваши фотография и адрес.

— А чем вы можете мне помочь?

— Ну, стряпать, прибираться в доме, не давать никому тревожить вас понапрасну. Писатели совершенно беспомощны. Писатель... это мне тоже всегда нравилось в вас.

Конвей насмешливо ухмыльнулся.

— Ваша сестра не считала... — он осекся. — Хелен не рассказывала мне, что вы такая, — неуклюже закончил Артур.

Вот что она задумала. Хочет поймать на слове. Достаточно случайной фразы и все пропало. Нет, надо срочно избавиться от нее.

— Вам нельзя оставаться здесь, — резко произнес он.

— Что? — ее ошеломила его неожиданная грубость. — Что такое? Вы ведете себя так, будто боитесь меня.

Конвей засмеялся, но получилось не ахти как убедительно.

— А чего мне вас бояться?

— Я заметила на двери спальни Хелен замок. Наверное, таковой же есть и на вашей.

Конвей был готов вырядиться хоть в волчью шкуру, лишь бы это помогло отделаться от Бетти. Но надо было изобрести какой-то другой способ.

— Я совсем ничего не ел, — сказал он. — Может, поэтому и злой.

— Так я и думала. Но вы сами не дали мне возможности накормить вас. Сейчас я что-нибудь приготовлю. Вот видите, я же говорила, что сумею помочь. — Она направилась на кухню, и Конвей поплелся следом. — Уходите, тут моя вотчина.

Еда оказалась вкусной, но едва ли этот обед можно было назвать веселым, поскольку протекал он в полном молчании. Только в самом конце трапезы Бетти попыталась заговорить.

— Ужасная комната. Почему вы не едите на террасе?

— Хелен там не нравилось. То слишком жарко, то слишком холодно.

— Мне бы понравилось.

— Было очень вкусно. А теперь я помою посуду, а вы поедете подыскивать жилье.

— Вам прямо нейдет выставить меня.

— Извините, если я кажусь грубым.

— Кажется? Кабы так. Я уеду вечером, пока доделаю дело. Ступайте.

— Я просмотрю газетные объявления.

Конвей нашел несколько объявлений о сдаче жилья, потом сел за машинку и сделал вид, будто работает. Прошло около часа, когда в дверь постучалась Бетти.

— В самолете я не сомкнула глаз и теперь с ног валюсь. Пожалуй, вздремну, а уж потом пойду.

Конвей хотел возразить, но дверь уже закрылась, и мгновение спустя он услышал, как щелкнул замок в спальне Хелен.

Что ж, по крайней мере, Бетти согласилась уйти. Хоть какое-то облегчение. Конвей погрузился в размышления и вздрогнул, услышав дверной звонок. Он взглянул на часы. Уже пять. Он рассердился на себя за то, что позволил Бетти проспать так долго, и, прежде чем спуститься вниз, громко постучал в дверь ее комнаты. Его отвлек шум внизу.

— Я ехал мимо и решил заглянуть, — сообщил Бауэр, входя. — У вас, часом, не найдется холодного пива?

— Конечно, найдется. Сейчас принесу.

Но сержант пошел за Конвеем в кухню.

— Она уехала? — театральным шепотом спросил он.

— Нет еще. Она спала.

— Что?!

— Сказала, что ужасно устала, а я заработался и даже не заметил, сколько прошло времени. — Конвей протянул сержанту бокал с пивом, и Бауэр надолго припал к нему.

— Нехорошо. Молодая девушка у вас в доме...

— Еще бы. Если вы поможете мне поскорее спровадить ее, буду только рад, — сказал Конвей. — Будь здесь моя машина, я бы собрал пожитки Бетти и увез. Вы не знаете, когда мне ее вернуть?

— Думаю, через пару дней. А тело отдадут завтра. Вам пора звонить в похоронное бюро. Кстати, не считите за любопытство, но как у вас с деньгами?

— Думаю, на приличные похороны хватит.

— Тогда позвоните в "Уолбридж", сошлитесь на меня. Расценки там весьма умеренные... Я тут проверил всех ваших знакомых из списка.

— И что?

— Ничего, как я и предполагал. Пустая трата сил и времени. А этот Тейлор, ну, из записной книжки жены, где он работает?

— Ума не приложу, — честно ответил Конвей. — По-моему, он был разъездным торговцем, но что продавал и от какой фирмы, не знаю.

— Как он выглядит?

— Чуть выше меня, черноволосый, смуглый. Это все, что мне известно. Разве он может вам помочь?

— Нет. Но я должен что-то делать. Появится эта дамочка или нет?

— Сейчас спустится. Вы хотите с ней поговорить?

— Бетти! — позвал сержант.

— Иду! — откликнулась девушка.

— Не знаю, чего она там возится. Женщины есть женщины, — заметил Конвей.

— Кстати о женщинах. Я тут обедал с Гретой и показал ей те перчатки. Знаете, что она сказала? Потеряв одну такую перчатку, женщина непременно выбросит и другую. В этом есть своя логика.

Мало ему собственной тупости, подумал Конвей, еще и у Греты занимает.

— Не знаком с особенностями женской логики, но жена попросила меня вернуться за перчаткой, — сказал он. — Может, хотела надеть их, работая в саду.

— Хелен работала в саду? — недоверчиво спросила подошедшая Бетти. — Тогда она и впрямь изменилась.

Конвей мысленно чертыхнулся, потому что Бауэр подошел к окну и оглядел совершенно запущенный сад.

— Она любит садоводство? — спросил сержант.

— Нет. — Конвей искал подходящее объяснение, такое, против которого Бетти нечего было бы возразить. — Она часто говорила, что хочет заняться садом, но никогда ничего там не делала. Это было что-то вроде шутки.

— Не понимаю, что тут смешного, если она ничего не делала.

— Вам не понять. У вас с Гретой тоже, наверное, есть шуточки, понятные только вам двоим.

— Нет, — сухо ответил сержант. — Никаких таких шуточек. У Греты туговато с юмором.

— Может, объясните, о чем идет речь? — попросила Бетти.

Бауэр тотчас протянул ей злополучные перчатки.

— Не верится, чтобы женщина могла расстроиться из-за потери такой перчатки. Скорее, наоборот. Любая была бы рада избавиться от них.

Конвей смотрел на Бетти и ждал, что она скажет.

— Любая, но не Хелен. Она не любила терять вещи и никогда ничего не выбрасывала.

Конвей подивился этому беспардонному вранью. Еще минутой назад Бетти намекала, что он говорил неправду о покойной жене, а теперь сама лгала, покрывая его.

— Мистер Конвей сказал, что вы не будете жить здесь, — говорил Бауэр. — Неподалеку есть мотель.

— Я хотела поискать жилье, но проспала. Не хочу ночевать в паршивом мотеле, когда здесь есть хорошая комната с кроватью.

— Как вы не поймете, что вам нельзя оставаться тут?

— Там, где я росла, считают, что человеку надо помогать в беде, а не бросать его одного.

— Но что скажут соседи? — не сдавался Бауэр. — Это же неприлично. Правильно? Правильно.

Бетти посмотрела на него. Выдержала паузу и проговорила:

— Сержант, я смогу позаботиться о своем добром имени без помощи полицейского управления Лос-Анджелеса. Сейчас я вполне обойдусь без ваших советов, оценок и вашего навязчивого присутствия.

Бетти подошла к двери и распахнула ее. Бауэр молча покинул дом.

Едва за ним закрылась дверь, Конвей спросил:

— Зачем вы разыграли этот спектакль с перчатками?

— А что, не получилось? Да, актриса я не ахти какая. Но сержант, кажется, купился. Поужинаем дома или куда-нибудь пойдем?

— Делайте, что хотите. Я намерен ужинать здесь.

— Вот и хорошо. — Его грубость, похоже, перестала действовать на Бетти. — Пойду стирать.

За ужином Конвей так и не решился выпить, боясь, что у него развяжется язык. Молчание было еще более неловким, чем во время обеда. Наконец Бетти сказала:

— Вам надо почаще выходить из дома, а то сидите как в тюрьме.

— Позвольте напомнить, что у меня недавно погибла жена, и мне не до развлечений.

— Я не о развлечениях. Как сказал сержант, это было бы неприлично. Но вы могли бы...

— Повторяю, я не расположен веселиться.

— Разумеется, вы расстроены, но вовсе не обязаны изображать из себя убитого горем мужа.

— О чем это вы?

— Вы с Хелен прожили четыре года. Ни один нормальный человек не стал бы сожалеть о ее кончине. Неважно, убили ее или нет.

Бетти смотрела на него открытым честным взглядом, и Конвей отвел глаза. А потом воскликнул: "Вы сошли с ума!" и убежал в свою комнату.

Что она знает? О чем догадывается? Что замышляет? В какую ловушку хочет его заманить?

Ответов на эти вопросы он не находил. А потом понял, в каком направлении движутся его мысли, и испугался. Неужели придется убить и эту девушку? Нет, он не убийца, хотя и задумывался об этом.

шил Хелен. Это был единственный путь к спасению. Но теперь "идеальное" убийство на глазах теряет всю свою "идеальность".

Он услышал, как Бетти поднялась в комнату Хелен, подождал, потом выглянул из кабинета. Бетти уже погасила свет. Конвей спустился на кухню, взял бутылку виски, содовую и вернулся к себе.

8

Наутро, открыв глаза, Конвей первым делом посмотрел на небольшие часы на столике. С трудом сфокусировав взгляд, он увидел, что уже десять, и ужаснулся. Сев на постели, принялся приводить в порядок мысли.

На кухонном столе лежали газеты и грейпфрут, на плите стоял кофейник. Конвей выпил чашку кофе, налил еще и, сев за стол, взялся за грейпфрут и газеты. Убийство по-прежнему будоражило умы. О нем писали на первых полосах, но статьи сменились заметками на одну колонку.

— Я не слышала, как вы спустились.

Голос донесся с террасы. Конвей поднял глаза и увидел Бетти, которая выглядывала из-за спинки кушетки. Бетти загорала. Она встала, и похмелье Конвея мгновенно улетучилось. На ней были совсем коротенькие шорты и лифчик, едва-едва прикрывавший великолепную грудь.

— Сегодня газеты пишут об убийстве гораздо меньше, — заметила Бетти, стоя в дверях. Конвей очнулся. Он был зачарован красотой ее молодого стройного тела, но напустил на себя суровый вид и ответил:

— Бауэр сказал, что шумиха скоро уляжется.

— На улице так хорошо. — Бетти потянулась. — Почему бы и вам не позагорать?

— А что скажут соседи?

— Соседи! — поморщилась девушка. — На террасе нас не видно.

— Разве вы не пойдете искать жилище? — грубо перебил ее Конвей.

— Извините, — ответила она с таким видом, будто он дал ей пощечину. — Пожалуй, я оденусь.

Когда Бетти ушла, Конвею стало по-настоящему стыдно за свое поведение. Через пару минут она снова спустилась вниз.

— Если вы намерены питаться дома, запаситесь продуктами. Холодильник уже пуст. Я не знаю, когда вернусь за вещами. Пойдете куда-нибудь, оставьте ключ под ковриком.

Конвей видел, что Бетти обиделась и старается держаться холодно, но в ней не было того убивающего яда, который буквально источала Хелен. Ему захотелось извиниться, но он не мог позволить себе этого.

— Я оставлю дверь незапертой.

Бетти ушла, а Конвей позвонил в похоронное бюро и обо всем договорился, после чего проглотил пилюлю аспирина и прилег у себя в кабинете. Не успел он задремать, как его разбудил звонок в дверь. Конвей прекрасно знал, кто пожаловал.

— Я тут ехал мимо и решил заглянуть, — сказал Бауэр. — У вас неважный вид.

— Должно быть, потому что я небрит. Опять не мог заснуть.

— Да, я же обещал рассказать, как с этим бороться, — спохватился Бауэр. — Дело в том, что если человек не может заснуть, значит, ему не дают покоя какие-то мысли. Рецепт прост: надо выкинуть их из головы. Правильно? Правильно.

— Понятно. А о чем же тогда думать?

— Ни о чем. — Бауэр понизил голос и спросил: — А где она?

— Ушла. Сказала, что вернется за вещами, как только подыщется жилье.

— Отлично. Да, кстати, пока не забыл. Рэмсден хочет еще о чем-то вас спросить.

— Я рассказал все, что знаю.

— Да. Но он спрашивал только о дне убийства. Я все проверил, толку никакого, стало быть, надо заглянуть подальше в прошлое. Что вы делали накануне? Это было воскресенье.

— Я весь день работал, а Хелен была дома. Мы хотели поужинать где-нибудь, но у нее разболелась голова. Я сварил ей суп, потом она пошла спать, а я отправился подышать воздухом, обмозговал свой новый рассказ и вернулся домой.

— Ага. А в понедельник?

Конвей рассказал и о понедельнике. Сидели дома. Обедали. Хелен отправилась по магазинам, он купил газету и ждал ее в машине. И тут Конвей сделал вид, будто что-то вспомнил.

— Да! Она же купила себе пару новых перчаток. Вернувшись в машину, она сказала, что наконец-то обзавелась второй парой белых перчаток и теперь не будет так часто стирать.

— Значит, у нее была еще одна пара?

Конвей на миг разозлился на себя. Оказывается, этот болван Бауэр даже не заметил новые перчатки, когда открывал ящик в комнате Хелен.

Сержант в недоумении покачал головой.

— Тогда я и впрямь не понимаю, зачем ей понадобилось искать старую перчатку. Да, кстати, пока не забыл. У вас с деньгами не туговато?

— Ну, более-менее нормально.

— Это, конечно, не мое дело, но сколько у вас на счете?

“Ага! Вот оно что!” — подумал Конвей.

— Один доллар.

Бауэр искренне изумился.

— Так вы знали, что ваша жена сняла все деньги?

— Конечно. Сумма уменьшилась, а банк берет плату за обслуживание каждого выписанного чека, вот мы и решили снять деньги.

Вконец расстроенный Бауэр поплелся к двери.

— У вас были какие-то другие мысли по поводу этих денег?

— Я все думаю о перчатках. Мне казалось, ваша жена что-то замышляла, хотела на некоторое время уехать от вас, поэтому и отправила вас за этой драной перчаткой. У меня очень хорошая зрительная память. Я вспомнил, что видел в ее ящике банковский конверт. Проверил и выяснил, что она сняла все деньги. Но теперь... теперь, кажется, меня не туда занесло. Сержант Бауэр не боится признать ошибку.

Под вечер Конвей все же решил сходить за продуктами. Вернувшись домой и разложив покупки, он услышал голоса на террасе. Беседовали Бетти и Бауэр. Конвей охватил уже знакомый острый страх. Он хотел подслушать разговор, но не смог разобрать ни слова. Нет, надо немедленно положить конец их беседе. Конвей толкнул дверь и вышел на террасу.

— Неплохо устроились. А я не заметил вашей машины.

— Она на заднем дворе. Я проезжал мимо и увидел на крыльце Бетти.

— Вы забыли оставить дверь открытой, — заметила Бетти.

— Извините.

— Я подъехал, — продолжал Бауэр, — и мы прояснили вчерашнее недоразумение.

— Да, — подтвердила Бетти. — Мы просто не поняли друг друга.

— Бетти нашла себе квартиру.

— Но вселиться можно будет только в воскресенье. Я могу пока остаться здесь? — спросила она сразу обоих мужчин.

— Думаю, два лишних дня не имеют значения, — рассудил Бауэр.

— По-моему, тоже, — согласился Конвей.

— А где вы сегодня ужинаете? — осведомился Бауэр.

— Не знаю. Наверное, дома.

— Да что вы все время сидите дома? Давайте сегодня поужинаем вместе. Нынче у нас пятница. Я вас отвезу в одно местечко, где подают жаркое в горшочках. Объединение! И цены приемлемые. Это блюдо у них бывает только по пятницам. Поехали. Или у вас другие планы? — он взглянул на Конвея и Бетти.

Конвей не мог выносить сержанта в больших дозах, но не посмел отказаться.

— Я согласен. А вы, Бетти?

— Хорошо. Только переоденусь. — Бетти пошла к себе.

— Ну, что, — спросил Конвей, — нашли Тейлора?

— В телефонном справочнике шестнадцать Гарри Тейлоров, но нашего среди них нет.

— А как с той девушкой? Дэниелз?

— А-а, — в голосе Бауэра послышались презрительные нотки. — Она такая тупая. Только любовалась своими фотографиями в газете. Наверное, и читать-то не умеет. Я с ними обоими беседовал. Противно.

— Что противно?

— Смотреть на них. Похоже, они даже не слышали моих вопросов. Сидели, держась за руки, хихикали, умилялись друг дружкой. Слава Богу, я сперва допросил их по отдельности. Нам повезло, что передавали речь сенатора Тарфа. А то они даже не знали, который час, шесть или десять.

Конвей ужаснулся. Кого же он выбрал для подтверждения своего алиби! Да здравствует сенатор Тарф!

9

Сержант, Бетти и Конвей сидели в кафе.

— Что, удивлены? — спросил Бауэр. — Вам, наверное, и невдомек, что тут есть жаркое в горшочках. Вы еще больше удивитесь, когда отведаете его. — Он протянул им меню. — Конечно, у них есть и другие блюда, если вы не любите мясо, но мне закажите жаркое. Я пойду позвоню в участок, доложусь.

Конвей огляделся. В кафе было шумно, душно, воняло кухней и дешевой парфюмерией. Конвею захотелось уйти. Он помахал официантке, но та не обратила на него ни малейшего внимания и пошла к другому столику. Конвей все больше раздражался и вдруг подумал: а что это Бауэр решил привести их сюда?

Наконец к ним подошла официантка. Бетти ограничилась выпивкой, а Конвей заказал себе и сержанту жаркое. Со своего места он видел, как Бауэр говорит по телефону. Потом он подошел и завязал беседу с официанткой, которая не удостоила Конвея внимания. Приглядевшись, он понял, что задумал сержант. Он пригласил в это кафе официантку, которая обслуживала их с Хелен перед сеансом. Конвею полегчало. С этим он справится. Главная сложность — Бетти.

Им принесли заказ. Бауэр обратил внимание, что Бетти не ест, и вопросительно взглянул на нее.

— Время от времени я сажусь на диету, — пояснила она.

Конвей заглянул в горшочек с какой-то серой бурдой. Серая картошка, серое мясо, серые овощи. Он попробовал мясо. Вкус был вполне под стать цвету.

— Не так вкусно, как обычно, — заметил Бауэр. — Но все равно хорошо. Я имею в виду цены.

— Да. Цены и впрямь знатные, — согласился Конвей, гадая, сколько этого варева он должен запихнуть в себя, чтобы не обидеть сержанта.

— Цены — единственный камень преткновения у нас с Гретой.

Ну, сейчас его понесет, подумал Конвей, а вслух произнес:

— Странно.

— Ничего странного. Женатые люди всегда из-за чего-нибудь спорят, особенно из-за денег. Вы с Хелен часто ссорились по этому поводу?

— Нет. Гораздо реже, чем другие. Мы спорили, главным образом, по пустякам.

— По каким пустякам? — не унимался Бауэр. — Я ведь скоро женюсь на Грете и должен быть готов.

— Ну... мне не хочется об этом вспоминать, но в тот день у нас была небольшая ссора. — Конвейю пришла охота подразнить сержанта, но он побаивался Бетти. — В тот день мы ходили в кафе обедать, и там произошло недоразумение. Хелен решила, что снятые со счета деньги у меня, а я думал, что у нее. Но мы быстро помирились. Правда. Потом повздорили еще раз. Это было еще нелепее. Собираясь в кино, я спросил, есть ли у Хелен деньги. У меня оставалось всего несколько долларов, а она подумала, что я спрашиваю, при ней ли те деньги, которые сняты со счета. В общем, когда перед сеансом мы зашли в кафе выпить кофе, я попросил у нее один доллар. Она раскрыла кошелек, и я увидел там все наши деньги. Ну, я вспыхнул. Сказал, что она напрашивается на неприятности, хочет, чтобы ей дали по голове и ограбили. На ней еще был этот дурацкий красный шарф. Хелен хотела отдать мне эти деньги в кафе, но я решил, что нет нужды лишний раз показывать наличные, и она передала их мне в кинотеатре. — Конвей перешел на доверительный шепот. — А потом мы весь сеанс просидели, держась за руки.

— Почему вы не рассказали мне об этом раньше? — спросил Бауэр. — Разве вы не понимаете, что произошло? Какой-то тип заметил деньги, а после сеанса улучил момент, чтобы забрать их. Он же не знал, что она отдала деньги вам.

Конвей понял, что и впрямь сглупил, не рассказав об этом раньше. Он мог бы и вовсе оградить себя от подозрений. Но теперь надо было по возможности сгладить тот конфуз.

— По правде говоря, я просто забыл о таком пустяке. Уверен, что никто, кроме меня, не видел этих денег.

— Тут никогда нельзя быть совершенно уверенным, — проворчал Бауэр. Он вяло прожевал очередной кусок мяса и посмотрел на Конвея. — Сегодня у них ничего не получилось. Идемте отсюда, а?

Когда они подошли к машине, Бауэр остановился.

— Я же забыл сообщить о своем местонахождении. Подождите меня в машине, я сейчас вернусь.

Конвей понимал, что сержант отправился расспрашивать официантку. Он достал сигарету, закурил и подумал: если в полиции все такие, как Бауэр, вообще непонятно, как они ловят преступников.

Домой ехали молча. Бауэр был заметно расстроен. Когда они распрощались и вошли в комнату, Бетти спросила:

— Может быть, вы хоть теперь оцените мои кулинарные способности? Надеюсь, это жаркое не испортило вам аппетит?

10

Ужин прошел очень хорошо. Бетти много болтала, а поскольку об убийстве речи не было, Конвей не испытывал напряжения и мог расслабиться. Он понял, что впервые за много месяцев радуется общению с человеческим существом. Бетти прочла все его опубликованные рассказы и говорила исключительно о них. После ужина они пили кофе на террасе, и Конвей поймал себя на мысли, что не хочет, чтобы Бетти уходила из его дома.

— Вам хорошо? — спросил он.

— Да, вполне. — Бетти помолчала. — Понимаете, я хочу прояснить все до конца, чтобы вы не относились ко мне с подозрением. Теперь я понимаю, что у вас были на то причины. — Она подалась к нему.

Конвей не удержался и проговорил:

— Вы просто прелестны.

— Что? — Бетти отпрянула. — Не сбивайте меня с толку. Послушайте сначала, что я скажу.

— Я слушаю.

Бетти глубоко вздохнула, словно готовясь нырнуть в холодную воду.

— Узнав об убийстве Хелен, я нутром почуяла, что это ваших рук дело.

— Что?! — Конвей ожидал чего угодно, только не этого.

— Пожалуйста, не перебивайте. Я взяла билет на ближайший рейс и прилетела сюда, боясь, что вы уже в тюрьме. Хочу, чтобы вы знали: я на вашей стороне. Я могла бы выступить на суде и рассказать, что она была за штучка. Это хоть как-то помогло бы.

У Конвея пересохло в горле

— Продолжайте, — с трудом выговорил он.

— Прибыв сюда и узнав, что вы не арестованы, я засомневалась в верности своих догадок. И зря: ни в какого дурацкого сексуального маньяка я не верю. С Хелен и ей подобными такое никогда не случается.

— Вы не виделись с Хелен пять лет. Откуда вам знать, какой она стала?

— Да, я даже начала верить, что она изменилась. Вы играли весьма достоверно, но потом я заметила шероховатости, и вконец запуталась. Только теперь я все поняла — вашу грубость, холодность, стремление избавиться от меня. Не хочу хвалиться, но все мои знакомые мужчины так или иначе норовили приударить за мной, а вы были совершенно равнодушны. Но теперь все стало на свои места. Поначалу я думала, что вы убили Хелен в припадке ярости, это было бы понятно. Но потом увидела, что

вы не такой. Вы предпочли бы развестись. Но если у вас появилась другая женщина, Хелен этого не потерпела бы, и вам пришлось бы убить ее.

Конвей слушал ее с растущим изумлением и даже некоторым облегчением. Если она так далеко зашла в своих фантазиях, мне нечего бояться, подумал он и спросил:

— Вы не пытались сочинять романы, Бетти? При вашем воображении можно неплохо заработать.

— Одним словом, я решила, что, пока я здесь, вы не осмелитесь встречаться со своей любовницей и не сможете навлечь на себя подозрения.

— Если вы так решили, то почему нашли себе квартиру?

— В том-то и дело, что не нашла. Вернее, и не искала. Я просто походила по магазинам и вернулась. А тут и Бауэр приехал.

— И что вы ему рассказали?

— Ничего. Говорил в основном он. Извинился за свое поведение, объяснил, что нельзя оставаться в доме, что соседи могут заподозрить неладное. Полицейские тоже начнут сомневаться. И тогда я подумала, что, возможно, мне и впрямь следует побыстрее убраться отсюда.

— К сожалению, это верно. Единственное, в чем вы оказались правы. Мне нечего скрывать, и я не боюсь полиции. Но, если газетчики узнают, что у меня живет миловидная девушка, они раздуют из мухи слона.

— Мне уйти сегодня?

— Можно и завтра.

— Я все испортила своим приездом.

— Нет. Я благодарен вам за то, что приняли мою сторону.

Они перешли в гостиную, и Бетти села рядом с ним на кушетку.

— Я рада, что вы так думаете. Я действительно хотела как-нибудь помочь вам. Пожалуйста, поверьте мне.

Ее губы оказались совсем близко. Остальное было естественно и неизбежно: существовал лишь один вариант развития событий. Конвей обнял Бетти. После долгого поцелуя она отстранилась и спросила:

— Ведь ты не любил ее, правда?

— Не любил, — ответил Конвей и осекся. Неужели все это — спектакль, ловушка? Он снова поцеловал девушку. — Я не любил ее, но ты заблуждаешься, полагая, что я не мог ее терпеть, что она сводила меня с ума, и я убил ее. Я просто разлюбил, и все.

— А меня ты любишь?

— Да, мне кажется, что люблю. Но все это очень странно.

— Я понимаю. — Она положила голову ему на плечо. — Сегодня удивительный вечер. Дома так хорошо. А зачем Бауэр потащил нас в это ужасное кафе?

Конвей усмехнулся.

— Он привел туда официантку, которая обслуживала нас с Хелен перед киносеансом. Хотел, чтобы она меня опознала.

— А зачем ты плел всю эту чепуху о куче денег у Хелен, о ваших мелких размолвках?

Конвей напрягся, и Бетти это почувствовала.

— Это правда, — с прохладцей ответил он и погладил ее по голове. — Я рад, что ты не стала искать жилье.

Бетти отодвинулась.

— Не говори так.

— Почему? Разве ты меня не любишь?

— Конечно, люблю. С того мгновения, как переступила твой порог. Мне не хочется расставаться с тобой, но... но я не могу здесь остаться, потому что, кажется, ты не доверяешь и врешь мне. Я не виню тебя за содеянное, я понимаю. Но, если мы что-то значим друг для друга, я должна знать правду. Я не могу любить человека, который относится ко мне подозрительно.

— Ты заблуждаешься, — твердо ответил Конвей. Эти слова вырвались сами собой, но мгновение спустя он заколебался. Она знала правду. На миг ему захотелось обрести покой с человеком, которому известно все, и забыть о проклятой неусыпной бдительности. Но Конвей одернул себя. Ставки были слишком высоки. А вдруг все это — западня? Такую игру он мог вести только один.

— Я не имею никакого отношения к смерти Хелен и сказал тебе правду.

— Пожалуйста, лучше не говори мне ничего, если не доверяешь, — попросила Бетти. — Но только не лги. — Она затушила сигарету. — Я пошла спать, завтра рано вставать. Дверь я закрою на замок, понятно? Доброй ночи.

11

Бауэр позвонил ни свет ни заря, чтобы сообщить Конвею об очередном опознании и о том, что можно забрать машину. Когда Конвей спустился к завтраку, Бетти уже сидела за столом.

— Мне пора идти искать квартиру, — сказала она.

— Сегодня я получу обратно машину и могу тебя повозить.

— Спасибо.

В участке Бауэр привел Конвея в просторную комнату, предназначенную для опознаний. На подмостки группами выводили мужчин, и Конвей делал вид, будто внимательно рассматривает их, хотя мысли его были далеко.

Когда появилась очередная группа, сержант неожиданно подошел к Конвею и спросил:

— Вы были достаточно внимательны? Никого не узнали?

— Нет. — Зная Бауэра, Конвей понял, что в этой группе наверняка был человек, которого он, возможно, встречал прежде. Он еще раз оглядел лица. Нет, знакомых не было. — Я не знаю никого из них, — повторил Конвей.

— Ладно, пошли к Рэмсдену.

Капитан, по-видимому, дождался их.

— Доброе утро, мистер Конвей, садитесь, — он повернулся к Бауэру. — Ну, что?

— Утверждает, что не узнал его, — ответил сержант.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — сказал Конвей. — Вы можете мне объяснить?

— Я не пеняю вам за скрытность, мистер Конвей, — проговорил Рэмсен. — Мне понятно ваше желание защитить честь и доброе имя супруги, но я должен напомнить вам, что тем самым вы можете затруднить расследование.

— Вы же видели его, — подхватил Бауэр. — Мы его, наконец-то, нашли, и он все рассказал.

— Гарри Тейлор?! — изумленно воскликнул Конвей.

— Вот именно.

— Боже мой. Значит, в последней группе был Тейлор? Наверное, второй справа, долговязый. Клянусь, я его не узнал. Я же видел его только два раза. А за что вы его задержали?

— Вам ли не знать, — ответил сержант.

— Я не уверен, что он знает, — сказал Рэмсен. — Мне нужна правда, мистер Конвей. Мы не станем упрекать вас за отказ рассказать все раньше. Вам известно, что последнее время ваша супруга очень часто виделась с Тейлором?

— Не может быть! — вскричал Конвей и подумал: наверное, очередная выдумка Бауэра.

— Как сие ни печально, но это правда, — продолжал Рэмсен. — Тейлор — разъездной торговец, и частенько навещался сюда, проводя немало времени с вашей супругой. Они были очень близкими друзьями. Вы понимаете, о чем я. Тейлор сам признался.

Конвею словно ударили в солнечное сплетение. Мысли закружились, как в калейдоскопе. Что рассказал Тейлор? Много ли он знал? Одно было ясно: весь замысел держался на образе счастливой супружеской четы, но теперь вдруг выясняется, что у Хелен был человек, гораздо более близкий, чем муж.

По-видимому, эти чувства отразились на лице Конвея, и Рэмсен заколебался:

— Может, он и впрямь ничего не знал. Правда, не знать о таком почти невозможно, но... Вам и невдомек, что ваша супруга встречалась с Тейлором?

— Я и сейчас в это не верю. А что сказал Тейлор?

— Что ваша супруга собиралась развестись с вами и выйти за него. Она рассчитывала, что вскоре вы получите крупную сумму.

— Что?! — Конвей лихорадочно соображал. Тейлор знал о деньгах. Значит, знал и об остальном: ссорах, угрозах, письмах... Но письма не отправлены, и Тейлор не сможет ничего доказать. — Он лжет. Я не верю ни одному его слову.

— В этом, возможно, и лжет. Но в остальном... Вашу супругу опознал владелец дома, где Тейлор снял квартиру для свиданий с ней.

— Вы хотите сказать... Он что, имеет какое-то отношение к убийству?

— Вполне возможно. Во всяком случае, есть, над чем поработать. Конечно, мы пока не знаем, почему он это сделал. Может быть, узнал, что ваша супруга обманывает его и не собирается разводиться с вами.

— А может, нашла еще кого-то и хотела бросить Тейлора, — рассудил Бауэр.

Конвей понимал, что вступает на тонкий лед, но ему надо было вытянуть из Рэмсдена побольше сведений.

— Вы же не можете осудить человека за намерение жениться на чужой супруге, — сказал он.

— Разумеется, — ответил Рэмсден. — Но мы копнем глубже. Нам пока не удастся разгадать мотив преступления.

— Если так рассуждать, — продолжал наступление Конвей, хотя и сознавал, что напористость чревата опасностью, — то можно сказать, что и у меня был мотив.

— Да, мотив мог быть и у вас, — тихо подтвердил Бауэр таким тоном, что у Конвея по спине побежали мурашки.

— А теперь, Бауэр, — сказал Рэмсден, — поезжайте к мистеру Конвею и поищите в доме какие-нибудь адреса, номера телефонов. До свидания, мистер Конвей. Мне очень жаль, что именно я был вынужден открыть вам столь неприятную истину.

Прежде чем отправиться домой, Бауэр повел Конвея в гараж, чтобы забрать его машину.

— Не понимаю, как можно ни о чем не догадываться, когда жена так гуляет, — нарушил сержант ход мыслей Конвея.

Пожалуй, впервые он прав, подумал тот, а вслух сказал:

— Дело в том, что я часто работал вечерами, а ей было скучно. Она уходила в кино. Я предлагал подбросить ее на машине, но Хелен говорила, что не хочет отрывать меня от работы, и я верил ей. Полагаю, поначалу так оно и было: она действительно ходила в кино.

— Я вижу, весть о Тейлоре не очень расстроила вас.

— Не знаю, — ответил Конвей, старательно вживаясь в образ обманутого мужа. — После такой ужасной недели... Сначала жена пропала, потом я узнал, что ее убили. Вряд ли что-то может ударить сильнее.

— Да, — подтвердил Бауэр. — Вы как парализованный.

— А у Тейлора есть алиби? — спросил Конвей.

— Есть, но его надо проверить. Алиби можно создать, хотя это очень сложно. Взять хотя бы вас. Когда убивают женщину, подозрение первым делом падает на мужа, и это естественно: мужья нередко убивают жен. Я должен был проверить, могли

ли вы убить супругу. Обратите внимание: не убили, а могли ли убить.

— Мне и в голову не приходило, что я должен иметь алиби, — сказал Конвей. — Кажется, меня никто не видел во время поисков жены и поездки на трамвае в участок.

— Вот тут вы заблуждаетесь. Взять хотя бы патрульную машину. Полиция обшарила все окрестности кинотеатра, но вашей машины не нашла. Будь убийцей вы, машина стояла бы где-то поблизости. Правда, патрульные могли и не заметить ее, посему это обстоятельство нельзя считать имеющим доказательную силу. Но... — Бауэр вошел в раж. — Но есть два бесспорно установленных факта. Вашу машину оставили на Фултон-стрит в две минуты одиннадцатого, а в полицейский участок вы явились в десять двадцать три. Такси в том районе тогда не было, автолюбители никого не подвозили. Кроме того, едва ли человек, только что убивший жену, поехал бы на такси или на попутке. Значит, если бы вы сами оставили машину, то должны были дойти до участка за двадцать одну минуту, а это невозможно. Я сам проверял, поэтому ошибка исключена.

— А мне все это даже в голову не пришло.

— Есть еще одно обстоятельство. Могу спорить, вы уже забыли собственные слова о том, что трамвай не остановился возле Уилкоккс. Я не поленился и проверил. И что бы вы думали? Вагоновожатый вспомнил, что пропустил эту остановку. У него заканчивалась смена, и он спешил домой.

— Я и не думал, что ради меня вы проделали такую большую работу. Весьма признателен.

Конвей расписался в получении машины, и Бауэр сообщил Ларкину, что поедет с Конвеем.

— Бетти дома? — спросил Бауэр, когда они тронулись.

— Была дома, когда я уходил. Я обещал повозить ее на машине.

— Не говорите ей о Тейлоре, еще не время. Просто скажите, что я хочу опять осмотреть вещи вашей супруги.

Дома они застали Бетти у радиоприемника, она слушала какое-то выступление.

— Что это? — спросил Бауэр. — Не могли найти бейсбольный репортаж?

— Я и не пыталась. Это президент.

— Повторяют вчерашнюю речь? — спросил Конвей.

Бетти кивнула.

— Кабы не бейсбол, я бы и вовсе не слушал радио, — проворчал Бауэр. — И зачем они повторяют эти выступления? Мало, что ли, одного раза?

— Они выбирают более удобное время, — объяснила Бетти.

— Ну, что, пойдём наверх? — предложил Конвей Бауэру.

— Хм... — глаза сержанта блеснули, он замер. — Я вспомнил, мне надо незамедлительно вернуться в управление. Ком-

нату осмотрим потом. — Бауэр почти бегом направился к двери.

— По крайней мере, нам не придется звать его к столу, — сказала Бетти, когда он ушел.

Пока она стряпала, Конвей дотошно обыскал комнату Хелен. В картонной коробке с бижутерией он нашел пару сережек, которых не видел прежде. Похоже, это был подарок Тейлора. Больше в комнате не было ни единого доказательства тайной связи Хелен.

После обеда он повез Бетти искать квартиру, и к вечеру они нашли подходящее жилье.

— Поедем за вещами? — предложила Бетти.

Конвей понимал, что поступает безрассудно, но соблазн был слишком велик.

— А может, поужинаем вместе? — спросил он.

Бетти улыбнулась.

— Если хочешь.

Конвей думал, что Бауэр появится сразу же, как только они вернутся домой. Но они успели поужинать и сидели обнявшись на диване, когда раздался звонок в дверь. От неожиданности они резко отпрянули друг от друга.

— Это Бауэр, черт бы его побрал, — сказал Конвей. — Я сейчас его выпровожу.

Но оказалось, что пришел Ларкин в сопровождении еще одного сыщика.

— Вас срочно приглашают в управление, — объявил Ларкин.

— А что случилось?

— Не знаю. Мне никогда ничего не говорят.

— Сейчас оденусь и выйду.

Конвей отправился в гостиную.

— Меня зовут в управление. Скоро вернусь. Дождись меня.

В участке его проводили в кабинет Рэмсдена.

— Здравствуйте, капитан, — сказал Конвей.

— Привет, Конвей.

Почему он не сказал “мистер Конвей”?

Рэмсден указал на молодого человека, сидевшего в кабинете.

— Это мистер Дэвис, помощник окружного прокурора.

— Добрый вечер, мистер Дэвис, — с трудом выговорил Конвей пересохшими губами

— Ну, что, Конвей, — сказал Дэвис, — как я понимаю, вы убили свою жену?

Конвей не смог ответить. Он лишь недоумевающе смотрел на Рэмсдена.

— Это правда, — подтвердил тот.

— Садитесь, Конвей, — велел Дэвис.

Он блефует, подумал Конвей, стараясь успокоиться. У них что-то есть, но он блефует.

— Не знаю, что вам сказать, мистер Дэвис, — почти совладав со своим голосом, проговорил Конвей. — Не убивал я свою жену, и капитан с сержантом знают, что я не мог этого сделать. Они только сегодня утром говорили об этом.

— Это было утром, — вставил Рэмсен.

— Послушайте, приятель, — подал голос Бауэр, — произошла ошибка, весьма выгодная для вас.

— Да, — подтвердил Дэвис, — но теперь эта ошибка исправлена благодаря блестящей работе сержанта Бауэра. Начнем с самого начала. Мы расскажем вам, что и когда вы делали. Конечно, некоторых деталей недостает, но, если вы сможете нам заполнить пробелы, то и мы, вероятно, поможем вам. Все началось в кафе, когда вы увидели у жены деньги. Вы спросили ее, откуда взялась такая сумма, и она решила сказать вам правду, сообщить, что сняла деньги с вашего совместного счета. Вы разозлились, произошла ссора. Это — первый мотив преступления. Естественно, после того вам не захотелось идти в кино. Жене, конечно, тоже. Поэтому вы пошли к машине. И тут вы узнали о Тейлоре. Ваша супруга и так уже решила разводиться. Ей нечего было терять. Вот и второй мотив.

— Минутку, — вмешался Бауэр, — я понял. Это красный шарф. Конвей сказал официантке, что терпеть не мог этот шарф. Наверное, я не упоминал, что шарф был подарком Тейлора. Видимо, жена рассказала об этом Конвею, вот он и решил задушить ее шарфом.

— Ну как, Конвей, все правильно? — спросил Дэвис.

— Ничего не правильно.

— Как бы там ни было, — продолжал Дэвис, — вы задушили ее, а потом испугались и решили свалить все на маньяка. Вы поставили машину на ближайшей тихой улочке и вернулись в кинотеатр.

— Чепуха, — возразил Конвей. — Вы сами сказали, сержант, что я не мог этого сделать, потому что машину бросили в десять ноль четыре.

— Правильно, — ответил Бауэр. — Вы не могли бы этого сделать, если бы машина была брошена именно в то время. Но... вы, конечно, не удивитесь, однако машину бросили в девять ноль четыре, на час раньше. К счастью для нас и к сожалению для вас, я сегодня вечером выяснил это.

— Вы, что, дали взятку той парочке, чтобы получить другие показания?

— Ладно, Конвей, — оборвал его Рэмсен, — мы уже наслушались ваших выдумок.

— Парень расстроился, — сказал Бауэр. — Так долго водил нас за нос. Кто нынче утром говорил о повторах радиопередач? Вы подсознательно думали об этом, приятель. Я еще раз все проверил. Помните, мы все сидели в этом кабинете, и я сказал,

что Элси Дэниелз слушала выступление Тарфа, когда на улице оставили машину? Кое-кто решил, — тут он многозначительно взглянул на капитана, — что это было в десять часов. Но, когда я собрал и верно расставил факты, оказалось, что две местные станции действительно передавали речь Тарфа в десять часов. Но прямой эфир из Денвера был в девять. Эта Элси недавно купила новый приемник, который принимает передачи из Денвера, а денверский диапазон на шкале настройки располагается рядом с каналом СНН, на котором Элси всегда слушала музыку.

— Блестяще! — похвалил Дэвис.

— Вы вылезли из машины и зашагали к бульвару Санта-Моника, приятель, — продолжал сержант.

— А как же быть с сутулым усачом? — спросил Конвей и подумал: о нем они Дэвису вообще не сказали.

— На бульваре десятки ларьков, — тотчас ответил сержант. — В них торгуют сувенирами, масками и прочими детскими наборами. Наклеить усы и подровнять их ножницами нетрудно. Сделаться сутулым и того проще. Смотрите. — Бауэр вытянул шею, нагнулся и подал вперед плечи. — Вот вам и сутулость. Зря вы, приятель, надеетесь, что мы купимся на эти детские уловки. Короче говоря, вы вернулись к кинотеатру, когда зрители выходили оттуда. Билетер пропустил вас в фойе, вы вошли в зал, бросили на пол перчатку, позвали директора, и вы вместе нашли ее, вот и все. А потом вы разыграли спектакль с поисками пропавшей жены, сели в трамвай и поехали в участок. Правильно? Правильно.

Все это было настолько далеко от действительности, что Конвей успокоился.

— Со временем вы сможете писать неплохие книги. Но в девять вечера я был в кино со своей женой, а в девять тридцать мы с ней пришли на стоянку, к нашей машине. Как вы это объясните?

— Очень просто, — ответил Дэвис. — Вы же у нас писатель. Билетер помнит, как вы с женой вошли перед началом сеанса, как она обозвала вас придурком, и вы вместе ушли. Больше он вас не видел.

— Мы вошли в зал перед самым началом, было много народу.

— К тому же, ни билетер, ни кто-либо еще не видел, как вы выходили из зала. Вы сами говорили, что вышли до конца сеанса, значит, в фойе никого не было.

— Он был... — Конвей осекся. Он же сказал им, что вышел за минуту до конца сеанса. Если сейчас объявить, что билетер был у ларька с воздушной кукурузой, то выяснится, что он врал, а это потянет за собой все остальное. Ему сделалось не по себе. Он же нарочно выбрал в зале места, с которых можно уйти незаметно, поскольку никак не предполагал, что придется доказывать свое пребывание в зале. А все этот дурак Бауэр, сумевший вну-

шить прокурору, что преступление было совершено на час раньше.

— Я вам говорил, — обратился Бауэр к Конвею, — что интересуюсь своим подопечным. Есть одно смягчающее вину обстоятельство. Эти драные перчатки. Я сразу понял, что там какая-то неувязка. Кабы вы замыслили убийство заранее, то, будучи писателем, придумали бы что-нибудь похитроумнее. Посему, если вы признаетесь, будем вести речь о непредумышленном убийстве.

— Пожалуй, с этим доводом можно согласиться, — сказал Дэвис. — Но только если вы пойдете нам навстречу.

— Да вы все тут спятили!

— Ладно, Конвей, — произнес Дэвис и повернулся к Рэмсдену. — Арестуйте его. — Он подошел к двери, остановился и посмотрел на Конвея. — Если надумаете признаться, дайте мне знать. Не торопитесь. А будете стоять на своем, получите на всю катушку.

12

На другой день Конвей встретился с самим окружным прокурором и провел страшный час в обществе репортеров.

Едва его заперли в камере, как появился маленький круглолицый человечек.

— Я Джон Генри Гейтс, — сказал он охраннику.

Конвей насторожился, услышав имя самого известного в Лос-Анджелесе судебного защитника.

— Итак, — сообщил он Конвею, — все не так скверно, как кажется. Я беседовал с сержантом Бауэром, встречался с окружным прокурором. Благодарите вашу родственницу. Мисс Бетти сторожила меня у дома с самого утра и упростила взяться за ваше дело. Значит, судимостей у вас не было?

— Нет.

— Воевали?

— Да.

— Отлично. Ранения есть?

— Н-нет... — неуверенно ответил Конвей.

Гейтс уловил колебание в его голосе и проговорил:

— Ну, рассказывайте. Со мной темнить не надо. В чем дело?

— У меня было что-то вроде расстройства психики, я полгода провел в больнице.

Лицо Гейтса просветлело.

— Превосходно!

— Но вы же не станете это использовать.

— Еще как стану. Послушайте, я привык вести дела так, как считаю нужным. Я оказываю вам услугу. И, если докажу суду, что это было непредумышленное убийство, моя популярность не возрастет.

— Погодите-ка, — сказал Конвей.

— Насколько я понимаю, — продолжал Гейтс, — вы могли бы отделаться десятью годами. Но контуженный герой войны... Полагаю, можно добиться пяти лет в лечебнице для душевнобольных.

На миг перед мысленным взором Конвея появилось лицо Хелен, ее скривившиеся в презрительной усмешке губы. Выходит, она все-таки упрчет его в дурдом.

— Минутку, — сказал он. — Тут какое-то недоразумение. Я невиновен и не собираюсь признавать себя виновным. Все подтасовано, меня подставили, сострипали улики.

— Мне так не показалось, — ответил Гейтс. — Не надо разыгрывать оскорбленную невинность, я же ваш защитник.

— Мне не нужен защитник, который упечет меня на десять лет в тюрьму или на пять в психушку.

— Ну, тогда поищите себе другого. Хотя я сомневаюсь, что среди нашего брата найдутся такие глупцы.

Гейтс ушел. Конвей почувствовал себя неудобно. Он потерял самого одаренного, хитрого и изворотливого защитника. Если уж Гейтс поверил бреду Бауэра, что говорить о простых людях и о присяжных. Конвея охватили дурные предчувствия. Зачем он прогнал Гейтса?

Следующей посетительницей оказалась Бетти.

— Будем надеяться, что мистер Гейтс поможет. Как он тебе понравился?

— Он мне не нужен. Я не намерен признавать себя виновным. Гейтс же хочет строить защиту на другом.

— Это естественно, — ответила Бетти.

— Послушай, Бетти, я не убивал Хелен и был с ней в кино в девять вечера.

— Пожалуйста, не надо. Только не со мной. Зачем ты мне это говоришь? Лучше бы ты сразу все мне рассказал, тогда я не закнулась бы об этих повторах радиопередач.

— На чьей ты стороне? — с негодованием спросил Конвей.

— Я понимаю тебя, но мы любим друг друга и нам нет нужды темнить. — Она заплакала.

— Возвращайся восвояси. Я не позволю им засадить меня по ложному обвинению и сам приеду к тебе.

Артур Конвей сидел на скамье подсудимых, слушал выступление помощника окружного прокурора Дэвиса и думал: и с чего это я взял, будто замыслил идеальное убийство?

— ...Как мы можем верить словам этого человека? — вопрошал Дэвис. — Он говорит, что был со своей женой в кинотеатре в момент убийства. Это — его единственное алиби, но нет ни одного свидетеля, готового подкрепить его.

“Это правда, — думал Конвей. — Я сам старался, чтобы нас не заметили при выходе из кинотеатра”.

— ...У обвиняемого было два мотива. Он утверждает, что они с женой жили душа в душу, но это явная ложь. Она собиралась развестись с ним и выйти замуж за Тейлора. Когда он обнаружил, что жена сняла со счета все их деньги, ей уже нечего было скрывать, и она рассказала ему о Тейлоре. Тогда-то он ее и задушил. Я прошу вас, дамы и господа, не забывать еще одного. Убитая женщина не может присутствовать здесь. Если она взяла из банка общие деньги, муж мог по суду вернуть себе свою половину. Если она намеревалась выйти замуж за другого, он мог вполне законно развестись с ней. Вместо этого обвиняемый, презрев все законы, хладнокровно умертвил ее и теперь должен понести заслуженное наказание за это злодейское преступление.

Присяжные вернулись в зал через два часа. Их единодушный вердикт гласил: виновен в преднамеренном убийстве.

Когда до казни оставалось четыре часа, Конвей поставил последнюю точку, отложил карандаш, закрыл глаза и глубоко вздохнул. Все-таки он успел закончить свой великий рассказ. Но в издательство его отнесет уже Бетти. И она же получит гонорар... ■

Перевод с английского
Андрея ШАРОВА.

Xорошо помню появление автомобилей на сельских дорогах. Если они ломались или же застревали в грязи, то вытаскивали их лошадьми. Если они весело мчались, то мы, мальчишки, выбегали поглядеть им вслед и понюхать запах синеватого дыма. Поразительно, но запах этот казался тогда приятным. Ну и, конечно, не пропускали автомобиля без лая собаки. Укусить страшилище они опасались, но долгом считали хотя бы его погугать — бежали аж до моста через Усманку. Сегодня кому нравится запах? И только уж очень глупая из собак побежит за машиною с лаем.

Любопытно отношение к автомобилю, комбайну, трактору диких животных. Там, где эта техника появляется, любознательность побуждает зверей изучить — что

же это такое? В валдайских лесах мы с другом наблюдали двух медвежат, впервые увидевших проезжавший автомобиль. Оба поднялись на задние лапы и в позе "весь — внимание" наблюдали за незнакомцем. Когда автомобиль остановился, медвежата, фыркнув, прибежали под нашу защиту и тут же вснарабались на березы.

На Аляске прямо к нашему автомобилю подбежали лисята. Правда, я поманил этих наблюдателей писком мыши. Но и в другом месте (в Хоперском заповеднике) лисята подбежали вплотную к "газину", шедшему вдоль опушки. Приоткрыв дверцу, мы глядели на них сверху вниз.

На Нуршской носе, следя за шумом проходящих автомобилей, кабаны из леса выкатывались на

Василий ПЕСКОВ

Зверь — четыре колеса



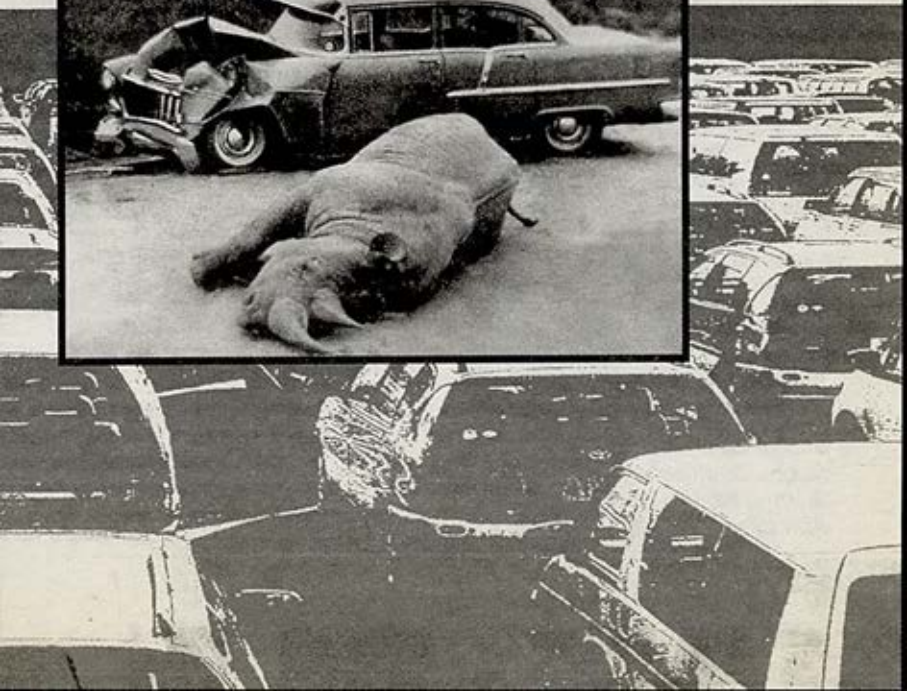
дорогу, как только шум рейсового автобуса на остановке стихал — ждали подачку из его окон. Постепенно они людей перестали бояться. Перед камерой в этом месте я кормил прямо с рук трех лесных чужен.

Автомобиль по дорогам и бездорожью проникает сегодня всюду, и все живое должно было как-то определить свое к нему отношение. И рассказы о встречах животных с автомобилем могут быть бесконечными. Главный вывод в наблюдениях многих таной: автомобили животные боятся меньше, чем человека. К оленю, к лосю, лисице, волку можно подъехать значительно ближе, чем подойти пешком. Автомобиль, едущий мимо, частенько животных совсем не пугает. Вывод второй: звери не боятся автомобиля, если видят его

впервые, или же перестают бояться, привыкнув к его безопасности.

В африканском национальном парке Найроби гепард, желая оглядеть окрестности в поисках антилоп, резво прыгнул на нашу "пежо" и пользовался этим наблюдательным пунктом минут десять. Мы слышали, как скребут по верху машины крепкие ногти, хвост гепарда беспечно свешивался сверху. Опустив стекло, я, кажется, мог бы кончином этого роскошного инструмента протереть объектив. Спрыгнув вниз, гепард почесался о бампер стоявшего рядом "фольксвагена" и тут же в тени от машины улегся.

А вот картинка из знаменитого африканского кратера Нгоронгоро. Крадемся на машине к львам. Они лежат на пыльной площадке возле ручья. Позы — как



будто все крепко перепились. Спят. Все-таки не спугнуть бы... Подобрались вплотную. Снимаем и так, и так. Никакого величия в позах. Надо бы их разбудить. Осторожно сигналим, постукиваем железной. Спят! Тогда я главному в этой компании бросил на живот гаечку. Проснулся. Оглядел недоуменно белую нашу "пежо" и снова на боковую.

Таково отношение к автомобилям, где знают их от рождения и принимают, видно, за какого-то неопасного зверя. И даже исконный враг — человек в автомобиле выглядит для них иначе, как если бы он стоял рядом. В национальном парке Найроби обезьяны не просто не боятся автомобилей, но атакуют их, забираясь на крышу и на капот, заглядывают в ветровое стекло — выпрашивают подачки.

Отношение к машинам у животных меняется, если они вдруг почувствовали угрозу, например, подверглись стрельбе. В том же кратере Нгоронгоро наш "лендровер" вдруг чем-то не понравился носорогу. Я снимал его через люк сверху и увидел, как зверь прицелился рогом и вот-вот побежит. И он побежал, да неожиданно резво — на сиденье внизу я нырнул из люка в момент, когда по моим представлениям машина должна была завалиться. Нет, отделались вмятиной. Зверь ударил в "лендровер" не массой с разбега, а лишь боднул, почему-то остановившись. Все же это было нападение, и мы выяснили его причину. Несколько дней назад носорогов в кратере обездвигивали, стреляя в них шприцами из машины, этого было довольно, чтобы к привычному четырехколесному "зверю" появилась агрессивная неприязнь.

Предположение, что животные принимают машину за нечто живое, подтверждается любопытными наблюдениями. Малыши слонов, потерявшие матерей, жались к автомобилям, а самки носорогов в национальных парках иногда в машине видят полового партнера и ведут себя соответствующим образом.

Лишь умницы слоны, кажется, разделяют в своих представлениях об опасности оболочку машины и в ней сидящих людей. К слонам, даже спойно пасущимся в заповеднике, подъезжать ближе тридцати-сорока метров опасно. Есть у меня снимок, где слон опрокидывает машину, а на другой фотографии через окошко хоботом слон выуживает "содержимое" попавшей в переплет легковушки.

Умен и волк. Там, где с машины его ни разу не испугали, он к ней относится равнодушно. В национальном парке Денали (Аляска) волк сидел возле дороги в двадцати метрах от стаи автомобилей, из которых его "обстреливали" фотоаппаратами. Полное безразличие к происходящему — позевывал, ловил блох, потом спойно потрусил вдоль дороги к рене.

Примерно так же относились волки к машинам в Средней Азии. Но выстрелы заставили волков бояться странного существа на колесах. И теперь шум мотора — уже сигнал для волков: надо спасаться. Открытое равнинное пространство позволяет на машине волков преследовать. И что же, звери, что называется, с ходу научились понимать слабые и сильные стороны колесного преследования — немедленно устремляются в ночарник и в другие места, мало проходимые для колес.

В Тамбовской области мне приходилось видеть волков, настороженно наблюдавших за дорогой с расстояния пятиста метров, и они сразу же скрылись, как только мы заглушили мотор. А года четыре назад с охотоведом Вадимом Денкиным осенним вечером при снегопаде мы наблюдали волка, небоязливой трусцой бежавшего в свете фар нашего "газика". Но было это в Онском заповеднике, где волков не трогали.

Интересно ведут себя и медведи. Выходя осенними вечерами на овсяное поле кормиться, медведь до крайности осторожен, принюхивается — не затаился ли где охотник? Но описаны случаи: медведи пытались "прогнать" комбайн, чувствуя в себе силу справиться с этим непрошенным конкурентом.

Особый случай — столкновение животных с машинами на дороге.

Носорог, которого вы видите на снимке, уже не поднимется, судьба шофера неизвестна, машина, скорее всего, отъездила. Жалко нам в этом случае больше всего носорога. Автомобили вылетают из заводских корпусов миллионами, носорогов же скоро будем считать по пальцам. И сконструировать заново их невозможно.

Драматическая сцена на африканской дороге стала, увы, характерной для многих дорог. Помню, во время путешествия по Америке на шоссе в Миннесоте у нашей машины стал глохнуть мотор. "Обычное дело, — сказал механик, — взгляните..." Радиатор был забит пчелами. Механик повесил впереди радиатора сетку — мотор заработал исправно, но пчелам от этого лучше не стало. В штате Невада мы ехали по дороге, усталой шкурками раздавленных грызунов.

В Вайоминге раз пять видели сбоку шоссе мертвых, сбитых машинной оленей.

У нас только вблизи Москвы ежегодно гибнут 50-60 лосей. А сколько всего по стране — лосей, кабанов, оленей, сайганов, зайцев!

Чем выше скорость, тем больше жертв. Вот как обстоит дело в ФРГ, где скорость на магистральных дорогах не ограничена. Только за один год машинами тут убито 207 тысяч крупных животных — 1700 оленей, 73 тысячи косуль, 130 тысяч зайцев, две с половиной тысячи кабанов. И это лишь крупные животные, заметные. А сколько гибнет от столкновения с транспортом птиц, грызунов, ужей, ежей и всякой плохо поддающейся учету "мелочи".

Попытки считать все же предпринимаются. Результаты их поистине удручающи. В Соединенных Штатах за год автомобили уносят 365 миллионов позвоночных животных (сюда входят мелкие грызуны, жабы, ящерицы, птицы, летучие мыши). 365 миллионов!

Погибающих бабочек, пчел и жуков считать немислимо трудно. Но вот данные австрийских зоологов: о каждом автомобиле за летний пробег разбивается полтора миллиона насекомых. Это заставляет нас с ворчанием чистить ветровое стекло и мыть машину. Но ведь это и то, что служило бы пищей для птиц, опыляло цветы, собирало медоносный нектар и радовало бы наш глаз порханием на лугу. Помножим миллионы крупинки жизни, обращенных в мусор, на число бегущих по дорогам автомобилей — грустно! "Дороги беспощадно протирают и без того уже ветхую ткань жизни".

Эта драма почти фатальна. Дорог по земле проложено столько, что площадь их равняется площади всех городов. И если города отеснили животных, то дороги перерезали пути их миграций, пути их движений во время пастбы и охоты.

Беда состоит в том, что животные не ведают дорожной опасности. Они не очень боятся машин. Их вековой, передающийся по наследству опыт не знает опасности, летящей скорее, чем ветер. А личным опытом, так же как этот лежащий на шоссе носорог, воспользоваться они уже не могут. И потому даже простое пересечение дороги часто кончается катастрофой.

Больше того, дорога для многих животных притягательна. Понаблюдайте за гусями, чинно идущими по шоссе. Они убеждены, что дорога для того и создана, чтобы гусям удобнее было идти под вечер домой. К счастью, гуси несуетливы, и шофер успевает притормозить, давая возможность степенной шеренге посторониться. Коровы и овцы любят дороги. Дороги всегда привлекали и диких животных тем, что по ним быстрее и легче, чем, например, по глубокому снегу, можно передвигаться. На дорогах искали и пищу. Птицы в конском навозе находили овсяные зерна. Зайцев на прежних дорогах привлекали клочья упавшего сена и желтый соленый ледок по конскому следу.

Любопытно, но сегодня бетон и асфальт еще более привлекательны для животных. Зайцам тут, правда, делать нечего, а вот птицам и грызунам по нашей небрежности и халатности еды на дорогах сколько угодно.

Года четыре назад на шоссе, ведущем в Чернигов, я сделал забавный снимок: немолодой уже велосипедист гонит с дороги домашних уток. Одну, уже мертвую, он держит за лапы в руке. Оказалось, утки, как только удавалось выбраться из загона оноло дома (деревня Пальчики), немедленно устремлялись к шоссе. Путь для уток немаленький — два километра — их не смущал, ибо шоссе очень сытно кормило. "Вот поглядите, — сказал нам хозяин, — зерна на асфальте — хоть метлой подметай..."

Об этой обильной и сытной кормежке знают не только домашние утки. Знают и дикие. Сбегаются на зерно и живущие поблизости грызуны. За грызунами ночью охотятся ежи и совы. И все вместе ночами они становятся добычей летящих автомобилей.

А днем начинается пир у сорок и ворон — мясной еды на дороге сколько угодно. Эти птицы в последние годы стали селиться возле шоссе и уже научились понимать скорость. Они точно рассчитывают время и хватают еду нередко у самого колеса.

Для многих животных асфальт и бетон привлекательны еще и тем, что на них можно погреться. Тех же гусей иногда просто трудно спихнуть с дороги — сидят, и все. Но гуся все-таки сгонят. А вот утки на асфальте гибнут многими тысячами. Из Воронежа мне сообщают: шоссе, идущее на Ростов, легло через какое-то болотце. И каждую весну дорога на этом участке буквально устлана раздавленными утками. Проснувшись от зимней спячки, утки устремляются к месту, где можно согреться. Оттуда уткам знать, что это теплое место смертельно опасно: гибнут тут сотнями.

Но поистине драматична судьба ежей. Выходя на дороги охотиться за мышами и сбитыми транспортом насекомыми, ежи повсеместно становятся жертвой автомобилей. Они не успевают заметить опасность, а если даже заметили, то защита (свернулся комочком!) лишь делает ежа еще более обреченным. В Дании подсчитали: ежегодно под колесами погибают 119930 ежей. И это в маленькой, правда, густо покрытой бетоном стране.

Можно ли животным чем-то помочь? Пытаются. В Африке, где численность крупных животных особенно велика, скоростные дороги огорожены сетками с проходами, возле которых шоферы сбавляют скорость. В национальных парках, где животные совершенно машин не боятся, дороги имеют волнообразное покрытие — хочешь не хочешь, а по "горбам" будешь двигаться не быстрее пешехода. В Скандинавии, чтобы убереечь оленей, пытаются их отлавливать и красить рога светящейся краской. Этот курьезный способ вряд ли хорош. Более разумно и реалистично устройство тоннелей для перехода животных и установка предупредительных знаков в местах, где они переходят дорогу особенно часто. Эти способы не решают проблему, но смягчают ее.

У нас проблема — животные и дорога — стоит не так остро, как в Америке или в Европе, по причине того, что сеть дорог негуста и по дорогам особенно не разгонишься. Тем не менее проблема уже существует, и ее обострение неизбежно.

Простейшая мера предупреждения столкновений хотя бы с са-

мыми крупными из животных — дорожные знаки. Шоферам эти знаки — "Осторожно, лоси!" и "Осторожно, олени!" — хорошо знакомы. Но везде ли, где надо, они установлены? И относятся ли к ним с должной серьезностью? Вопросы эти не праздные. Статистика столкновений (правда, неполная и нечеткая) говорит о том, что многие места переходов животных не обозначены. Не будем пока за это кого бы то ни было упрекать — этой проблемой попросту мало кто занимался. И потому — предложение. Давайте выявим: где, когда, каким животным угрожает автомобиль. В каждой области и в районах это могло бы стать делом зоологов при университетах, пединститутах, охотничьих обществах, делом активистов охраны природы. Действуя совместно с ГИБДД можно составить карты наиболее частых пересечений дороги и, исходя из обстановки, принять меры: где предупредительный знак, где что-то другое.

И слово к водителям. Знак, предупреждающий столкновение с животными, требует к себе уважения. Но очень часто возникает ситуация, когда и без знаков надо проявить внимательность, доброту, великодушие. Вот по дороге утка ведет птенцов. Ничего не стоит машинам смять эту хрупкую ниточку жизни. И некому с человека за это спросить. Только совесть может его улопить. Мы не можем сказать животным: остановитесь! Они идут своими путями. Притормозить, остановиться должны мы, сидящие за рулем. Это наш человеческий долг. Даже хрустнувший под колесами жук — укор человеку.

Оставим живому шанс выжить!



Теснота в небе

Может ли птица сворец принудить сесть Боинг-747 или Ту-154? Приходится сказать: может, и не просто сесть, а даже упасть, погибнуть...

В 1966 году снимал я сверху несколько московских объектов: Кремль, аэропорт Домодедово и "знаменитость" тех лет — Останкинскую телебашню. Башня была еще не достроена. И интересно было глянуть по "стволу" ее вниз. Сделали несколько кругов. А когда приземлились, летчики стали рассматривать лопасти вертолета и позвали меня. Оконечность одной из лопастей, округленная обтекателем, была повреждена — на дюралевой вмятине виднелась кровь и прилипшие перья. Оказалось, на еще не достроенной башне поселились стрижи. Вертолет их спугнул, и одна птица попала под кончик винта. Что стриж в

сравнении с вертолетом! Веса в нем тридцать граммов. Но при огромной скорости вращения лопастей удар по крошечному тельцу заставил машину вздрогнуть. Я, увлеченный съемной, этого не заметил, а летчики сразу переглянулись и не ошиблись в предположении.

А несколько ранее этого происшествия я слушал рассказ героя войны, летчика Ивана Кожедуба. "Было это в 49-м году. Я приготовился приземлиться. И вдруг по самолету как будто из танковой пушки ударили. Не понимаю, каким чудом я сел — механик машину мою не узнал". Оказалось, в самолет ударилась утка. Расчет позволяет представить силу удара. При весе утки в два килограмма удар на скорости истребителя, близкой к тысяче километров в час, равнялся почти пя-



тидесяти тоннам. "У меня даже на войне не было более страшного случая", — заключил Кожедуб.

Не истребитель, а куда более легкие тихоходные самолеты могут рухнуть на землю, "не поделив" небо с птицами. Так в Африке погиб Михаэль Гржимек, снимавший вместе с отцом фильм о заповеднике Серенгети. Его маленький самолет столкнулся с грифом. Большая вмятина заклинила тяги рулей, и самолет рухнул.

Проблема столкновения летательных аппаратов с птицами появилась сразу, как только люди смогли от земли оторваться. В старых книгах описаны нападения орлов на летательные шары. Орлам и сегодня не по нраву соседство в небе беззвучно парящего планера и не быстрого самолета. Об этом много написано и рассказано. Тут же речь мы ве-

дем о столкновениях невольных и всегда драматических — птицы гибнут и самолеты, случается, тоже.

Сегодня в мире за год происходит десять тысяч (!) столкновений летательных аппаратов с птицами. Конечно, не все они заканчиваются трагически. Некоторые — вынужденная посадка, ремонт машины — венчаются лишь денежными убытками. Но очень велик список и столкновений катастрофических. Особенно много говорили в 60-м году о падении самолета в Америке близ Бостона. Причина — встречная стая скворцов. Птиц засосало в турбины — остановились оба двигателя сразу. Погибли 62 пассажира. Два года позже в штате Мэриленд от столкновения с лебедем-свистуном рухнул самолет с семнадцатью пассажирами.

Как это происходит, на Камчатке в 79-м году мне рассказали пилоты самолета ЯК-40. Они взлетели с аэродрома в Тиличихах. "Только-только от земли оторвались, как в свете фар замелькали белые хлопья чаен и сразу по фюзеляжу как будто огромным куланом застучали, сдал левый двигатель и тут же — правый. Мгновенно принимаем решение садиться на песчаной косе у моря. Выручили прекрасные летные качества ЯКа — сели благополучно".

Уязвимы и более крупные самолеты. В 1972 году огромный ДС-10 сумел аварийно приземлиться на третьем хвостовом двигателе — два боковых вышли из строя от попадания птиц. В том же году Боинг-747, взлетев в Стамбуле, вынужден был развернуться над морем и немедленно сесть — заглохли от попадания птиц оба боковых двигателя.

Перечислять подобные случаи можно было бы бесконечно. Моя папка с надписью "Птицы и самолет" за тридцать лет распухла от газетных вырезок о происшествиях в небе.

Уязвимые места самолетов: разгерметизация кабины (столкновение с птицей разрушает даже пуленепробиваемые лобовые стекла), остановка или возгорание двигателя (повреждаются лопатки турбин или двигатель "задыхается" от птичьих перьев). Бывали случаи повреждения проводов зажигания, занлинивало систему управления самолетом. Эти повреждения стали особенно частыми с появлением реактивных скоростных самолетов и с возрастанием общего числа летательных аппаратов.

Какие птицы чаще всего становятся невольными виновниками аварий? На первом месте чайки — 53 процента всех случаев, потом чибицы — 13 процентов (в Западной Европе зимой эти птицы собираются в огромные стаи), далее идут скворцы, ласточки, голуби, часто упоминаются гуси, утки, в отдельных случаях — ястребы, лебеди, пеликаны (западноевропейские данные). У нас виновниками аварий часто становятся утки, чайки, вороны, грачи, дрозды.

На большой высоте столкновения редки. В Грузии самолету АН-24 на высоте трех с половиной километров "повезло" встретить дрозда-дерябу. Рекордная высота столкновения с птицей (грифом) — одиннадцать тысяч метров. Подавляющее число всех аварий происходит вблизи от земли на высоте от ста до тысячи метров и, как правило, вблизи аэродромов при посадке и взлете.

Аэродромы, расположенные у побережья (из-за чаен), а также на путях сезонных птичьих миграций наиболее "птицепасны". Но и само летное поле притягательно для пернатых. Открытое пространство воспринимается ими как безопасная зона. (К самолетам птицы привыкают и перестают их бояться. В укромных местах долго стоящих на приколе машин нередко обнаруживают гнезда.) Над бетоном взлетных полос в потоке теплого воздуха носится мошкара, после дождей на бетон выползают дождевые черви. Все это птиц привлекает. А если поблизости находятся свалки — обеспечены тучи пернатых.

Проблема столкновения с птицами оказалась настолько серьезной, что во всех странах стали

срочно искать способы ее разрешения. Как водится, в начале попробовали птиц извести. Но истребленных, например, чаек, быстро замещали другие. Стали птиц отпугивать, отванивать от аэродромов. Ликвидация свалок вблизи летных полей сейчас стала правилом. Что касается отпугивания, то было опробовано множество средств — от обычных чучел и сигнальных ракет до электрических импульсов. Ное-где завели специальную ястребиную службу — хищных тренированных птиц время от времени выпускали "навести шорох". И это давало хорошие результаты. Но способ дорог и хлопотлив. Более простым средством оказалось проигрывание записанных на пленку криков тревоги чаек, скворцов, ворон и грачей. Диспетчер, наблюдая с вышки за взлетной полосой и за экраном локатора, включает тот голос, который нужен. В Дании, в районе военного аэродрома Вэрлесе, зная повадки лебедей избегать мест, занятых для гнездовий сородичами, пустили на воду из пластика сделанных птиц и пролетающие лебеди в тех местах перестали задерживаться. Помогли авиаторам орнитологи, составившие графины сезонных полетов птиц с указанием путей их миграций. Теперь при выборе места для аэродрома учитывают не только близость селений, розу ветров, рельеф местности, но обязательны и вековые птичьи дороги.

Более трех сотен научных учреждений в сотне двух странах мира ищут способы избежать столкновений птиц и летательных аппаратов. На многих больших аэродромах есть специальные службы по отпугиванию птиц. И все же

столкновения случаются. Птицы невольно заставляют людей платить высокую цену за вторжение в давно освоенное ими жизненное пространство...

Невозможно сказать, сколько раз поднимался я на вертолете и сколько километров налетал над землей. Привлекательность перемещения на высоте птичьего полета в том, что многие тайники жизни, малодоступные на земле, становятся вдруг открытыми. Во время пешего путешествия спугнутый олень сейчас же исчезает среди деревьев. Кабанов не удается даже и рассмотреть — стадо мгновенно скрывается в зарослях. Сверху же хорошо видно, как и где схоронился олень, куда и каким образом скрываются кабаны. Сверху я видел стоящих в редком осиннике лосей, видел на льдине в Северном океане сотни четыре моржей, там же видел неизвестно куда одиноко плывущего белого медведя. Пролетая много раз над Саянами по пути к житейскому убежищу Лыковых, на горных лугах видел брачные скопления бурых медведей. В Африке с маленького самолета снимал стада антилоп, буйволов и слонов.

Верхняя точка открывает исключительные возможности для наблюдения животных. Это давно уже оценили зоологи при учете крупных зверей, при изучении их миграций, при фото- и киносъемке, отстреле и направленном перемещении. В штате Техас маленькие вертолеты пробуют использовать в качестве пастуха — легко и быстро в степи удается собрать бычков, направить их в нужную сторону.

А как ведут себя животные, услышав над собой грохот и нави-

сшую тень невиданной птицы? По-разному.

В Антарктиде, наблюдая пингвинов, видишь: человек они не боятся. Ходишь в колонии среди нескольких тысяч птиц — никакой реакции. Но все вдруг меняется, если появляется поморник. Спящий пингвин, не услышавший скрипа снега под сапогами, встрепенется только от шороха крыльев и немедленно продемонстрирует хищнику, что он жив, здоров и не пришло еще время попасть поморнику на обед. Главные враги пингвинов — морские леопарды, а на суше опасность они чувствуют сверху. Я это много раз наблюдал, когда мы взлетали с площадки у Мирного. В колонии пингвинов начиналась паника. Сверху казалось: ветром подхватило и несет по льду пригоршню мановых зерен.

Опасность сверху особенно чувствуют куры. Высота ниже ста метров для кур непереносима — разлетаются в стороны, как будто ножом вспороли перину. Увидев однажды такую картину, я потом просил летчиков обходить стороной птицефермы или подниматься повыше.

И гуси тоже очень чувствительны к опасности сверху. При появлении вертолета они с луга бегут, а потом и летят к дому. В Днепропетровской области, помню, гуси, услышав и заметив вертолет, вдруг побежали. Необычность поведения птиц объяснялась тем, что спасение гуси видели в воде. У нас на глазах, приводнившись на пруд, вся стая исчезла — нырнула, остались только круги на воде.

А вот наядские казарки самолетов и вертолетов почему-то

не боятся. На Аляске, при перелетах на ночевку они садились в Анкоридже на лужайки аэродромов. Самолеты взлетали и приземлялись, а гуси тут же рядом спокойно щипали траву.

Не поддаются панике лебеди. Несколько лет назад на Каспии во время суровой зимы мы подкармливали лебедей, бросая им сверху хлеб. И они "терпели" вертолет, опускавшийся довольно низко. Не очень пугали их и собравшиеся сюда на зимовку орланы. Не один раз мы видели: орлан пикировал, выясняя, нет ли среди лебедей ослабших, и улетал ни с чем, не отваживаясь напасть на здоровых и сильных птиц.

Из крупных животных самые боязливые — овцы. И страх тем больше, чем дальше овца отбилась от стада. Увидев низко пролетающий вертолет, сломя голову овцы кидались друг к другу. Минута, и отара, как магнитом, собрана в плотную группу. Любопытства ради мы однажды сделали над отарой несколько кругов — вся масса овец закрутилась при этом в тугую спираль.

Все стадные животные при явной, но не вполне понятной опасности сверху быстро сближаются — "чувство лонтя" для них очень важно. Так ведут себя в тундре северные олени, так вели себя буйволы и антилопы в африканской саванне.

Спокойней всего, по моим наблюдениям, ведут себя лоси. Пролетаешь довольно низко, а зверь лишь бросил кормиться и стоит неподвижно. Близ Внуковского аэродрома я наблюдал однажды лося в лесу на самой полосе взлета. Зверь был спокоен. Рев взлетающего трехмоторного лайнера

он словно не замечал, но сейчас же наострил уши, как только хрустнула ветка у меня под ногой.

Для крупных животных опасность сверху в природе не существует. До 50-х годов волки с любопытством наблюдали низко пролетающие самолеты. Но как только волнов стали активно преследовать и расстреливать сверху, они поняли, какую опасность представляет большая грохочущая птица. Наука выживать многим хищникам стоила шкуры. Но скоро волки сообразили, как надо спасаться. Одни немедленно сворачивали в лес, другие не боялись забегать в деревни и прятались даже в сараях, третьи, первый раз, возможно случайно, а потом уже вполне осмысленно, разворачивались и бежали в обратную сторону, затрудняя стрельбу с самолета на встречных курсах. Директор смоленского охотничьего хозяйства Яков Яковлевич Колесников рассказывает, как долго они не могли избавиться от досаждавшей стаи волков: "Однажды мы все же застали их на открытом месте. Волки побежали и скрылись в березовом колке — маленьком островке леса. Нависаем над колком — волков не видно. Куда же делись? Делаем круг за кругом и, наконец, обнаруживаем: волки стали на задние лапы, прижавшись к березам". В другой раз в том же хозяйстве волк, спасаясь от вертолета, вытянулся струной вдоль полузасыпанной снегом изгороди — изображал недостающую жертву.

В безвыходной ситуации волки садятся и, оскалив зубы, бросаются на обидчика. Известен случай (США), когда волк, подпрыгнув, вцепился маленькому самолету в

крыло, заставив пилота аварийно садиться.

Частенько на пути вертолета оказываются медведи. На Камчатке пилоты рассказывали: во время рыбалки застигнутый в речке мишка бил лапами по воде, прогоняя досаждавшую "птицу". В Новгородской области мне рассказывали: "На открытой лесной поляне возле туши убитого лося увидели медведя и шесть волков, ожидавших, когда, наевшись, хозяин добычи уйдет. При нашем снижении волки немедленно разбежались, а медведь нет — встал на дыбы и был готов защищать свое кровное".

Многих животных выручает способность: волки и особенно росомахи, застигнутые на открытом пространстве, зарываются в снег и скрытно продвигаются в сторону от опасного места. Охотовед Сергей Александрович Корытин в своих исследованиях поведения животных пишет о росомахе, которая кругами бегала вокруг дерева, не давая поразить себя с вертолета, а тигр в Приморье, видимо, хорошо понимающий, что пятнистая шкура помогает маскироваться, подобно смоленским волкам, поднялся на задние лапы и прижался к стволу старого дуба.

Бедные звери, скажете вы и будете правы. Воздушная техника во многих местах усложняет жизнь, вредит здоровью и часто приводит к гибели. Внедряя "прогрессивные" методы в оленеводство, у нас на Севере увлеклись было собирать животных в нужное место при помощи вертолета. Но скоро убедились — способ этот порочен. Олени в панике за-

таптывали малышей, у беременных самок случались выкидыши, побывавшие в стрессовом состоянии животные чаще заболели, чрезмерная трата сил истощала оленей.


Несомненно, не остается без последствий воздушное преследование любых животных. У них меняется поведение. Они могут покинуть привычные места обитания. Беспойство пингвинов в Мирном невольное. А вот на острове Врангеля лет тридцать назад моржи покинули многолетнюю ледяную из-за того, что какой-то пилот пролетел над самой носой, где лежали животные, и они в панике, подминая друг друга, бросились в воду.

Большие возможности открывает малый воздушный транспорт для браконьерства. Выследить, поднараулить зверя в тайге — дело непростое и трудоемкое. Самолеты и вертолеты предельно упрощают задачу. Потому, например, на Аляске не просто запрещена стрельба сверху по зверю, в течение суток не разрешается охотиться в районе, где летательный аппарат приземлился. Таким образом, при охотах повышаются шансы животных выжить.

У нас же вертолет стал орудием бесконтрольного грабежа. Причастны к нему нередко сами

пилоты — кто в тайге проследит за их действиями? И почти всюду использует вертолет для охоты "большое начальство". Бьют животных даже из пулеметов. Во время оно главный охотник страны Никита Сергеевич Хрущев этого себе, кажется, не позволял, сегодня, когда все можно, даже то, что нельзя, низко летящего вертолета зверь должен бояться пуле любой опасности. Убьют его сверху без всякого угрызения совести, усматривая в такой охоте "разрядку" после напряженных "государственных дел". Между тем в Америке и в любой европейской стране такая охота, стань известна она общественности, означала бы конец политической карьеры любого лидера, не исключая премьер-министров и президентов.

Птица с мотором в последние сорок лет усложнила выживание пернатых и четвероногих. Человечество, все более оснащаясь, утверждает свое всевластие над природой. Только закон и совесть ставят предел его разрушительным аппетитам. И особенно плохи дела в тех местах, где законы мертвы. А совесть крепко уснула. Но сама природа мстит человеку, заставляет иногда платить за всевластие над ней очень высокую цену. ■



Кого считать интересным человеком? Наверное, того, у кого "интересная" профессия. Например, артист. Или эст-

Бабий уродник

Елена КЛЫКОВА

радная певица. Или писатель. Или... То есть того, кто не просто работает, как мы с вами, а делает что-то необычное. Для "простых людей" необычное.

Только тут возникает небольшая проблема. А кого тогда считать "простым" человеком?

И почему этот “простой” человек не может быть так же интересен и многогранен, как какая-нибудь “звезда”? Может, еще как может. Причем иногда даже более интересен, чем те, чьи портреты и подробности красивой жизни не сходят со страниц журналов и с экранов телевизоров.

Валентин Федорович Савельев в свое время окончил кулинарное училище (ничего смешного в этом, между прочим, нет) и по распределению попал в торговый флот на Тихий океан. Навыки первоклассного повара сохранил и по сей день. Во всяком случае, не считает кухню женским царством и в буквальном смысле слова может приготовить суп из топора. А уж из хороших-то продуктов, с какими сегодня нет проблем...

После океана — любая работа на суше могла бы показаться скучной. Но ведь все зависит от того, как к этой самой работе относиться. Валентин Федорович сначала выучился на дамского паринмастера, потом закончил высшую школу модельеров, участвовал во многих престижных конкурсах, занимал призовые места. И если сегодня не мелькает он на экранах телевизоров, как его приятельница и коллега Долорес Кондрашова, то лишь потому, что на это... просто нет времени. Почти все клиенты и клиенты Савельева становятся если не его друзьями, то приятелями. А как откажешь другу, если тот вдруг срочно просит сделать его (ее) красивой?

Еще нужно выкроить время на другое любимое занятие — живопись. Валентин Федорович — художник, причем назвать его любителем рана не поднимется. Все стены небольшой трехкомнатной квар-

тиры на окраине Москвы увешаны пейзажами, портретами, натюрмортами. Своеобразная персональная выставка, экспозиция которой постоянно меняется, потому что картины Савельева пользуются не меньшей популярностью, чем его прически. В этой квартире нужно вести себя, как в восточном доме: хвалить что-либо можно только с большой осторожностью. Понравившуюся картину Валентин Федорович немедленно снимает со стены и дарит тому, кто произнес слова похвалы.

Любовь к живописи неотделима от любви к природе. Отдыхать Валентин Федорович предпочитает не на теплом море, а где-нибудь на таежной речке. Конечно, с удочкой и ружьем, потому что охоту и рыбалку любит так же самозабвенно, как и все остальное. Кстати, к самым распространенным “мужским радостям” — выпивке и сигаретам — наш герой глубоко равнодушен, причем уже давно, и не испытывает по этому поводу никаких комплексов. В доме — исключительно хлебосольном — всегда найдется заветная бутылочка для друзей, сам хозяин очень любит веселые застолья, но и только. И во время рыбалки не употребляет даже для того, чтобы согреться. И на охоту не берет с собой фляжку. Человек не нуждается в допинге для того, чтобы писать прекрасные стихи, профессионально фотографировать, заниматься спортом, играть на гитаре. Список можно продолжать до бесконечности...

— Только не делайте из меня идеального человека, ради Бога, — отмахнулся Валентин Федорович от моей попытки сделать ему комплимент. — Насчет выпивки я, может быть, и герой. Лет тридцать назад

мама сказала на моем дне рождения: "Бросил бы ты, сыночек, пить". Я сказал: "Пожалуйста". И бросил. А вот с курением я как раз обыкновенный трус. Инфаркт меня прихватил, я с перепугу курить и бросил. Впрочем, вовремя перепугаться — тоже проявление героизма, разве нет?

Вопрос, конечно, интересный. Тем более, что в собственной смелости Валентин Федорович не сомневался и не сомневается. Другие, впрочем, тоже.

— Мы с Евгением Евстигнеевым до самой его смерти перезванивались. Познакомились на съемках фильма "Гиперлоид инженера Гарина", меня пригласил делать прически артистам режиссер Гинзбург. Помните, по сценарию Евстигнеев спускается с вертолета на шхуну по веревке? Так это я спустился вместо него, причем сам вызвался дублировать. Ничего страшного, я вообще мужик смелый.

Это было первое, но не последнее дублирование известных актеров. В "Айболите-66" Савельев бегал по болоту, размахивая мечом и крича страшным голосом вместо Ролана Быкова, который был простужен и залезать в холодную воду отказался наотрез.

— А мне после той загалки, которую я получил на флоте, все это детскими забавами назалось.

Валентин Федорович работал на съемках многих известных картин: "Гиперлоид инженера Гарина", "Любить человека", "В городе Сочи — темные ночи". Причесывал Ирину Снобцеву в "Воине и мире" и всю массовку для сцен из великосветской жизни России того времени. С тех пор тянется цепь знакомств с интереснейшими людьми мира искусства:

— Ольга Жизнева была не только прекрасной актрисой, но и удивительной доброты и такта женщиной, которая всегда приходила ко мне в паринмахерскую с маленьким букетиком цветов. В любое время года, заметьте. Такие вещи навсегда остаются в памяти.

Марию Владимировну Мионову очень уважал, умнейшая была женщина. С первой женой Андрея, Катей Градовой, дружил. А вот эта фотография обошла все театральные журналы: Ирочка Мирошниченко, которая тогда еще была замужем за Михаилом Шатровым, написала мне на память: "Лучшему паринмахеру мира". Конечно, приятно, а вы как думаете?

Галина Сергеевна Уланова... Всегда при встрече меня под руку брала: "Милый, ты с работы, я тебя угощу чаем". Она автографы вообще никому не давала, только мне. С начальством была высокомерна, а с простыми людьми — сама задушевность. Таной вот характер, до самой смерти не изменилась, и прическу одну и ту же всегда носила.

Фаина Георгиевна Раневская... Также до последних дней ее причесывал. Помню, первый раз договорились о встрече, я пришел, а дома никого нет. Оказывается, она во дворине сидела, хотела на меня сначала со стороны посмотреть. Я подошел, говорю: "Доброго вам здоровья, Фаина Георгиевна, я паринмахер Валентин". А она отвечает: "По голосу чувствую, что ты добрый, теперь пойдем причесываться. Забирай мою голову на рассмотрение".

Ирина Мирошниченко долго была моей клиенткой. Сейчас причесывается сама, мне нравится. А "нуафюры" Ирины Понаровской —

нет, не нравится, хотя причесывает ее мастер международного класса. Очень уж вычурно. Впрочем, это мой вкус, я его никому не навязываю.

Большая часть домашней библиотеки Валентина Федоровича состоит из книг с автографами. Беру несколько наугад.

"Валентину Савельеву с чувством уважения. Александр Покрышкин". "Милому Вале Савельеву, хорошему человеку, мастеру, художнику на добрую память. Мария Миронова". "Наташе и Валентину без слов от души. Фазиль Искандер". "Вале с приветом. Борис Андреев". "Валентину Федоровичу на память. Алексей Арбузов". "Вале Савельеву в знак нашей долгой и

доброй дружбы. Элем Климов". "Валентину Федоровичу. Поздравляю с Новым годом, желаю Вам самого доброго, самого лучшего в Новом году. Юрий Гагарин". "Валентину Федоровичу в благодарность за помощь в работе над фильмом "Любить человека". Сергей Герасимов". "Вале, заведующему моим обликом, с благодарностью. Тамара Макарова".

После съемок фильма "Москва музыкальная" завязались дружеские отношения с Ириной Родниной, Марией Пахоменко, Екатериной Шавриной, Нани Брегвадзе, Эдитой Пьехой. Потом — тоже неожиданно — завязалось знакомство с артистами цирка. С Терезой Дуровой дружба продолжается до



сих пор. С Юрием Никулиным, увы, уже закончилась.

— Я давно с ним познакомился, он только-только начинал работать клоуном. Соседями были: я работал в паринмахерской на Сивцевом Вражке, а он жил в коммуналке, в Старокожошненном переулке. Жену его причесывал, Татьяну Николаевну, сына Максимку стриг, совсем еще маленького, теперь он директор цирка... Сам Юрий Владимирович очень гостеприимный был мужик и вообще замечательный человек. В последние годы стал ходить ко мне уже не только стричься, но и краситься. Сперва долго раздумывал: седой клоун больше смех вызывает или жалость? Наконец решил тонировать, но только так, чтобы было посмешнее.

Любимое изречение Валентина Федоровича: "У занятого человека всегда больше свободного времени, чем у бездельника". А секрет его кипучей энергии в общем-то прост: он никогда не позволяет жизни столкнуть себя в скучную, наезженную колею.

— Понимаете, мне вообще интересно жить, интересно общаться с людьми — любимыми. У меня — знание профессии, у клиентов моих, особенно у клиенток — ощущение самих себя. В идеале это должно совпасть. С первого раза, конечно, не всегда получается, так у меня случайных клиентов — раз, два и обчелся. Профессией своей надо увлечься, а от холодного таланта только холодом и веет. А я уверен, что моя профессия помогает людям справиться с жизнью. Но мне дамы иногда приходят грустные, а уходят — совсем в другом настроении.

— То есть вы еще и психотерапевт? — спросила я с неподдельным интересом.

— И псих, и терапевт, — хмыкнул в ответ Валентин Федорович. — Паринмахер по совместительству должен быть и мануальным терапевтом, и психотерапевтом. Не только я, между прочим, женщин люблю, они меня тоже любят. Приходит как-то клиентка и говорит: "Валентин, меня муж из дома выгнал, сказал: "Иди к своему Савельеву, у тебя плохое настроение. Пусть он что-нибудь с твоей головой сделает, а заодно и с настроением". Впрочем, если есть подозрения, что с головой не все в порядке, а я помочь ничем не могу, то надо иснать уже совсем другого специалиста. Шутка!

Между прочим, раньше паринмахеры — по-старому цирюльники — тоже по совместительству лекарями были. У них "копыта сравнять" — значило мозоли на ногах срезать. "Скворечник" — прыщ на носу. "Барина прикончить" — чирей выдавить. "Палую суну за хвост тянуть" — долго и безрезультатно лечить. А лечили вообще-то знатно. Пьяному клиенту, находившемуся в бесчувственном состоянии, насильно разжимали челюсти и клали на язык конский навоз — рвоту вызывать. Как рукой все снимало, после рвоты-то. Может, теперь попробовать, на нынешних?

Конечно, сейчас обстановка и услуга в паринмахерских красивая, но, по-моему, скучная. А вот когда-то московские "холодные цирюльнички" в Зарядье зывали клиентов так: "С пальцем девять, с огурцом пятнадцать!" Это означало, что за девять грошей брили самым примитивным образом, засовывая в рот клиенту для оттягивания щек палец, а за пятнадцать ради "культурной гигиены" пользовались уже огурцом.

Нолоритный был когда-то язык у моих коллег, с большим смыслом. "Товар в расход пустить" — значило причесать невесту к свадьбе. "Городской бульвар" — редкие волосы. "На ветряное гумно заплатку положить" — наклеить волосяную накладку на лысину.

А сами цирюльницы иногда говорили о себе, когда хотели похвалить, вот как: "Невероятие в обороте, а не мастер!" Зато плохому коллеге выносили резюмо: "За такую работу полагается в три места: в харю, в спину и в двери". Кстати, во все времена плохая парикмахерская работа называлась "обнорнать". Таких "мастеров" во все времена хватало.

— Ну, сейчас, по-моему, стать хорошим мастером нетрудно, — усомнилась я. — Полно объявлений о всевозможных курсах: и парикмахеров, и визажистов, и стилистов, книг всевозможных навалом, самоучителей. За два месяца можно освоить профессию...

— Нельзя! Я учился около года у отменнейшего мастера Григория Алексеевича Зуева. Ему сейчас за восемьдесят, не работает уже, конечно. Это ведь очень важно — первый учитель, это почерк на всю жизнь. И дело не только в передаче мастерства, тут очень важно некое человеческое наследование — конечно, достойное отношение к работе, но прежде всего к людям, которые к тебе приходят. Уважительное отношение. Нельзя стать мастером за несколько месяцев, все эти дипломы визажистов и т.д. — сплошная липа. Мой близкий друг и прекрасный человек, автор восьми книг по парикмахерскому искусству — Анатолий Васильевич Константинов скажет вам то же самое. Подтвердит это и Сергей

Егорович Мещерянов, который, помимо всего прочего, собирает музей парикмахерского инструмента — такого больше нет нигде в мире. Я сам отдал туда старинные щипцы для завивки. И ниного это, кстати, не интересует, все считают, что после каких-то двухмесячных курсов можно считать себя специалистом эстра-класса. А я работаю парикмахером почти пятьдесят лет и не стесняюсь учиться. Мне это интересно! Я так самоутверждаюсь, наверное.

— А живопись? Фотография?

— Для меня и живопись, и фотография — тоже радость самоутверждения. На охоту я с пятнадцати лет хожу, раз в год, но основательно. Зарядки положительной надолго хватает. Про рыбалку даже и не говорю, а то решите, что хвастаюсь. А без гитары вообще не живу — как на флоте пристрастился, так до сих пор с ней и не расстаюсь. Слух есть, а голос... На эстраде петь не собираюсь, а друзьям нравится.

А еще меня удивило, что Валентин Федорович не только не стесняется, а именно подчеркивает, что по призванию он — дамский угодник. Даже не дамский, а бабский.

— Это меня когда-то Юрий Гагарин так окрестил: "бабий угодник". И ничего, не обидно. Я тогда работал в гостинице "Юность". У жены Юрия Гагарина, Валентины, была роскошная коса, почти до пола, никакой парикмахер с ней справиться не мог. А нужно было сделать ей парадную прическу на прием в Кремль. Так сам Гагарин держал волосы двумя руками над головой Валентины, а я в это время изо всех сил стягивал их на макушке обыкновенным шлагатом. И



уже только после этого стал наручивать всевозможные локоны и бубли и укладывать их в прическу. Валентина осталась очень довольна, а Юрий Алесеевич прокомментировал это по-своему. Кстати, после того, как я сделал прическу Валентине, к нам в паринмахерскую стали ходить все космонавты и их жены. Между прочим, и Терешкова в космос с моей прической полетела.

Я вообще-то паринмахер потомственный. Мои мама и старший брат были первоклассными мастерами. Мальчишкой долго искал свой путь в жизни, острых переживаний и ощущений. Был юнгой на корабле, коном. Наплавался, накувырнулся далеко от дома, от мамы. И захотелось вдруг стать с ней рядом и быть достойным ее добро-

го имени. Надеюсь, ее ожидания я оправдал. А было, кстати, не очень легко, хотя бы из-за отсутствия препаратов. Смешно, конечно, но я помню, что когда наступала весна, в магазинах нельзя было достать гипосульфит — этим препаратом закрепляли фотографии, а мы использовали его для электрического перманента. Вместо лака для волос делали смесь канифоли со спиртом. Сейчас об этом дино говорить не могу, но тогда изворачивались, как могли. Человек по натуре своей художник, только эти способности надо в себе развивать. Вот я и развивал их всю жизнь, причем не только в паринмахерском деле. И продолжаю развивать. Свою жизнь я бы ни на какую другую не променял. Мне жить — интересно. Каждый день интересно. ■

Гуляй

Олег ПОЛОНСКИЙ

Март — первый месяц весны. А весной оживает вся природа, пробуждается от зимней спячки все живое. Недаром на Руси до середины XIV века новый год начинался с марта, а не с января, как сейчас. И в этом была своя логика, поскольку все полевые работы, заботы о будущем урожае как основе благополучия начинались именно с марта. Февраль был последним месяцем зимы, и ожидание марта как первого весеннего месяца всегда было радостным событием. В народе март прозвали протальником, так как в этом месяце начинают появлять-

ся первые проталины на почве и происходит снеготаяние. С каждым днем становится все теплее, и вот уже в двадцатых числах прилетают первые посланцы весны — грачи. С их появлением считается, что весна окончательно пришла, и возврата к холодам уже не будет.

6 марта. Масленица

Масленица — древний языческий праздник у славян. Он относится к серии празднеств, связанных со встречей весны и первым этапом полевых работ — пахотой и севом. Месяц март долгое вре-



— не хочу?

Март

Март был началом нового года, он открывал собой целую группу разнообразных обрядов, начиная от выпечки из теста весенних жаворонков 9 марта и кончая праздником первых всходов яровых хлебов, который приходился на 2 мая. Главный мартовский праздник масленица отмечался в языческие времена, по всей вероятности, в дни весеннего равноденствия около христианского праздника Благовещения (25 марта). Весенние празднества прочно прикреплялись к солнечной фазе, и только христианский великий пост, начало которого падало то

на февраль, то на март, оттеснил языческую масленицу за пределы ее исконного места в календаре.

Масленица была последним зимним праздником, завершающим зимний период. В течение веков в этом торжестве смешались языческие и христианские обычаи, которые существуют и поныне. Еще в старых церковных книгах масленицу называют сырной неделей, в течение которой христиане готовятся к Великому посту перед праздником Пасхи. На Руси масленица начиналась после родительской субботы, в которую чтут память усопших род-



рисунок Виктора Ковалева

стенников. Сам праздник отмечался за 8 дней до начала поста. В этот период русский народ предавался различным утехам: натаением с гор на санях, буйным пиршествами, песням и пляскам. Празднование масленицы всегда широко отмечалось на Руси. Особенно бурным оно было в древние языческие времена. Народные гулянья часто превращались в что-то наподобие карнавала: мужчины надевали личины (маски) и переодевались в женские одежды, а женщины — соответственно в мужские. Некоторые наряжались так странно и дико, что были похожи на пугала. И такой народный карнавал служил на масленицу поводом к самому веселому разгулу, неистовству и бесшабашному поведению, которое граничило с откровенным распутством. Нередко во время таких массовых гуляний случались и кулачные бои. Издавна борьба и кулачные бои составляли любимую народную потеху, которая происходила главным образом на сырной неделе или масленице. Этой забаве, возможно, способствовали сильные морозы, и кулачные бои были хорошим поводом погреться, а также служили своего рода физкультурой. Часто в старину полюбоваться кулачными боями приходили князья и царь со своей многочисленной челядью. В народном быту масленица называлась честной, а по разгульности и раздолью — широкой, поскольку на Руси в эти дни народ предавался большому веселью. В период всего праздника пеклись пироги, калачи, оладьи. В каждом дворе слышался смех, общему веселью не было предела. Широта и размах, с которыми связан этот праздник, на-

шли свое отражение в многочисленных народных поговорках, например, "не житье, а масленица", или "душа моя, масленица", "не все коту масленица".

Масленичные гулянья можно разделить на три этапа: первое — встреча масленицы, это понедельник, второе — разгул или широкая масленица, это четверг, и третье — прощение или прощенное воскресенье, последний день масленичных гуляний. В старину как народный праздник масленица начиналась с понедельника, а как гражданский праздник — с четверга. В Москве до конца XVIII века масленичные гулянья были очень бурными и веселыми. Натаення на санях как обязательный элемент праздника совершались по Москве-реке и на реке Неглинной от Воскресенских до Троицких ворот. В Петербурге основным местом гуляний служила Исаакиевская площадь. Там устраивались и различные балаганы, и ледяные горки, и карусели, и шествия с задорными песнями и шутками.

Главную роль в русской масленице играли блины, которые пеклись повсюду в течение всей сырной недели. Народ приходил друг к другу в гости на блины, повсеместное угощение блинами считалось обязательным условием празднования масленицы. По некоторым исследованиям блины пеклись гораздо раньше, чем возникло умение готовить заквасное тесто, и поэтому блины считались древнее хлеба. Блины у русского народа с глубокой древности были символом поминовения усопших. Существовал обычай, согласно которому первый блин, испеченный на сырной неделе, клали на окошко, посвящая

его родительским душам. Обычай поминать усопших близких и родных блинами сохранился до наших дней. В язычестве блины олицетворяли собой солнце, и их приготовление и совместное поедание отмечало победу дня над ночью, света над тьмой. В русских деревнях известны круглые глиняные сновородки с зубчатыми краями и с прочерченным еще по сырой глине крестом, знаком солнца. По всей видимости, они делались для выпечки блинов.

Одним из главных обрядов, совершаемых на масленицу, было сжигание соломенного чучела. Этот обычай пришел из язычества, когда в память об усопших древние славяне выносили из селения соломенное чучело в образе смерти и сжигали его, а затем бросали в реку. Это чучело олицетворяло собой и образ зимы, с которым подобным образом происходило прощание. В старину на Руси этот обряд обставлялся особым образом. В воскресенье, последний день празднования масленицы, собиралось большое количество народа, наряжались в соломенные колпаны и кафтаны и с песнями ходили по селениям. К вечеру мастерили соломенное чучело, выходили за пределы поселения и с гиканьем и криками торжественно сжигали соломенную масленицу.

Последний, восьмой день завершает сырную неделю или масленицу. Этот день всегда приходится на воскресенье, которое называется прощеным. Прощеное воскресенье — это день, когда люди обычно навещали друзей, мирились, просили друг у друга прощения за нанесенные обиды за целый год. В этот день у

всех на душе было мирное и радостное настроение. Иногда посещали могилы родственников и близких людей и как бы тоже просили у них прощения. Поскольку по христианскому календарю на следующий день после прощеного воскресенья наступал Великий пост, то обычай всеобщего прощения перекликался со всеобщим покаянием и очищением грехов. Раскаяние и примирение являлись обязательными для каждого христианина накануне праздника Пасхи.

Масленица была одним из любимых праздников не только простого народа, но и высшей знати и даже русских царей и императоров. При Петре I масленичные потехи устраивались в Москве недалеко от Красных ворот (в районе современного метро "Красные ворота"). Любимым занятием Петра было устройство торжественного карнавала. Грандиозный карнавал 1722 года вошел в летописи как самый пышный и торжественный. Главное шествие начиналось из села Всесвятского (в районе метро "Сокол"), где накануне праздника было собрано большое количество самых разных морских судов. Весь этот потешный флот помещался на множество саней, запряженных не только лошадьми, но и свиньями и другими животными. По специальному сигналу шутовская процессия двинулась по Тверской в сторону Кремля.

Шествие открывали разряженные клоуны, ехавшие на больших санях, в которые были впряжены пять лошадей, украшенных бубенчинами и различными побрякушками. Следом двигалась сама процессия с флотом на санях, этим маршем руководил Неп-

тун, сидевший на колеснице с трезубцем в руках. В середине этого шествия на 16 лошадях и огромных повозках возвышался 88-ми пушечный корабль, спущенный на воду в 1721 году. На этом корабле сидел сам император Петр I в форме морского капитана, окруженный сподвижниками. За этим кораблем двигалась позолоченная ладья с царицей, одетой в одежду крестьянки, а ее многочисленная свита была наряжена в арабские восточные одежды. И завершали этот шутливый поход многочисленные участники маскарада. Все они находились в широких длинных саях, сделанных наподобие головы дракона и были наряжены волками, муравьями, быками и другими животными. Все это пестрое и разукрашенное карнавальное шествие медленно двигалось к Кремлю под постоянный пушечный салют. Четыре дня длился веселый маскарад, закончившийся великолепным фейерверком и широким раздольным пиршеством.

Масленичные гулянья любила устраивать и императрица Анна Иоанновна. Она собирала у себя гвардейских офицеров с их женами, где все тешились плясками, шутками и народными забавами.

Императрица Елизавета Петровна в период масленицы сама открывала санные катанья, хорошо ходила на лыжах и каталась на коньках.

Екатерина II после своей коронации в Москве во время масленицы устроила для народа блистательный маскарад, который с шумом и весельем проходил на городских улицах, собирая массы народа.

Обычай рядиться в маски и в разные смешные костюмы пришел, по всей видимости, из глубокой старины в подражание Римскому карнавалу и прочно укрепился на Руси. Подобные народные игрища проходили в России в городах вплоть до начала XX века.

Таким образом, старинный славянский праздник масленица в течение веков смешался с христианскими обычаями, и из чисто языческого превратился в некий гибрид, который сочетал в себе языческие и христианские черты. Так, например, изображение масленицы в виде соломенного чучела или деревянной фигуры явно принадлежит язычеству. А вот всеобщее прощение, желание примириться друг с другом, а также посещение кладбищ, поминовение умерших родных и близких — все это несет в себе характерные черты христианства, так как идея покаяния и прощения является одной из основных в учении Иисуса Христа.

Веселый, раздольный праздник масленицы отмечался по всей территории Русского государства, хотя имел и свои региональные различия и особенности. Интересно отметить, что в некоторых районах России долгое время существовал обычай (вероятно, пришедший из глубокой древности) не есть на следующий день после масленицы оставшийся хлеб и все, что выпечено из хлеба. Даже самые бедные не смели взять кусок хлеба, оставшийся от масленицы; обычно эти остатки выбрасывались либо отдавались домашним животным.

В наши дни масленица по-прежнему пользуется популярно-

стью, но, конечно, уже не празднуется так широко, как раньше. Многие обычаи и обряды не соблюдаются, а некоторые из них и вовсе забыты. Такие забытые названия, как "сырная и мясопустная недели" можно встретить только в церковном календаре, который чудным образом соединил языческие и христианские понятия в масленице. Напоминает нам о масленице сохранившийся обычай печь блины в этот праздник и вспоминать своих умерших родственников. Но все это лишь отголоски того веселого и бурного праздника масленицы, который некогда бушевал на Руси.

10 марта. День Тарасия

В этот день в древности днем не ложились спать. Боялись, что нападет кумоха — нечистая сила. Закрутит она человека, помутит его рассудок, собьет с толку. Неприятно тогда будет подумать о хозяйстве, о доме и семье. А уж тогда в доме никакого порядка не будет, все пойдет вверх дном.

12 марта.

Василий-капельник

С этого дня обычно начинается бурное таяние снегов, наступают первые оттепели, оттаивает почва и повсюду звенят капли. Весна все сильнее заявляет о себе, напоминает крестьянину о

спорок предстоящих сельскохозяйственных работах, о подготовке к весеннему севу. В нынешнем году в этот день заканчивается масленица. День этот воскресный и называется "прощеное воскресенье". А на следующий день, в понедельник, начинается Великий пост, предшествующий Пасхе, и к этому дню человек не должен иметь никакой злобы в душе ни на кого.

14 марта. Евдокия

Евдокия красна и весна красна. Какова Евдокия, таково и лето. На Евдокию снег — к холодному лету.

15 марта. Федот

На Федота снежный занос — долго травы не будет.

18 марта. Конон

Если на Конона ведро, то града летом не будет.

22 марта. Сорока.

Вторая встреча весны. Сорок пичуг прилетает. Увидел скворца — весна у крыльца. Чайка прилетела — скоро лед пойдет. Журавль прилетел — тепло на дворе. Жаворонок к теплу, зяблики к стуже.

30 марта. Алексей

Массовое таяние снегов. Кругом понеслись потоки воды, унося с собой растаявшие снега — последнее напоминание о зиме. ■

Левково

пансионат

Пансионат "Левково" Администрации Московской области — современный комплекс индивидуального, семейного и детского отдыха на охраняемой территории. Находится в 35 км от Москвы по Ярославскому шоссе. Бывшая барская усадьба. Современные постройки, пруд, лесопарк 18 га.

К Вашим услугам:



2-х комнатные люксы, 1-комн. полулюксы, 3-х местные с удобствами, 3-х разовое питание, бар, 2-х этажная сауна с бильярдом, футбольное поле, спортплощадка, катание на лошадях, библиотека, медпункт, прекрасные условия для проведения конференций, семинаров, банкетов, свадеб, конференц-зал на 250 мест, залы для занятий спортом, транспорт. Работает детский оздоровительный лагерь (июнь-июль).

Развлекательные программы с участием известных артистов эстрады и кино.

141200, г.Пушкино, пансионат "Левково"
тел. (095) 584-39-49, 584-39-62, ф.(253) 2-44-21



**Внимание
владельцев
микроволновых
печей!**

Хотите быть уверены в том, что вы правильно пользуетесь микроволновой печью, и она не оказывает вредного влияния на ваше здоровье?

Вам необходимо приобрести Индикатор СВЧ-излучения.

Контроль с помощью "Индикатора" достаточно прост. "Индикатор" поворачивают тыльной стороной к работающей печи и перемещают в пространстве вокруг печи на расстоянии 0,8-1,0 м. Появление звуковой и световой сигнализации свидетельствует об обнаружении повышенного уровня излучения.

В этом случае необходимо обратиться в ремонтную мастерскую.

Контролируя излучение микроволновой печи "Индикатором-СВЧ" завода "Протон", вы сохраняете здоровье.

Тел. (095)534-02-86, 534-33-50,
факс (095)534-33-08.

Подарите себе незабываемый отдых!

Туристическое агентство “Авиа-Глобус”

предлагает

на новый сезон весна-лето-2000

Италия: классика, отдых на Лигурийском побережье, Сицилия, Сардиния, о.Исхья (индивидуальные туры по ценам групповых путешествий, VIP-отдых).

Испания: экскурсионные туры и отдых на побережье, Тенерифе, Гранд Канария, Мажиорна

Франция: Париж, Париж-Диенеиленд, Париж-Ницца, Париж-Лондон — групповые и индивидуальные туры.

Кипр: Пафос, Ларнака, Лимассол, круизы с о.Кипр в Египет и Израиль.

Египет: Хургада, Шарм-эль-Шейх, экскурсии, круизы по Нилу.

Чехия: экскурсионная Прага, Карловы Вары, Марианске Лазне.

Турция: отдых на любых курортах, конное ранчо.

С любовью к родным просторам!

Подмосковье, Валдай, озеро Селигер, “Золотое Кольцо”, круизы по Волге, отдых и лечение на курортах “Янтарного берега” — в Светлогорске, Зеленогорске, на Куршской косе.

Русь изначальная

Экскурсионно-фольклорные программы в музее-усадьбе “Коломенское” для взрослых и детей.

Подарите детям мечту!

Только у нас!!!

21 день в конно-спортивном лагере в Ялте
вы не забудете никогда!

Болгария: эксклюзивное лечение депрессий и стрессов.



Авиабилеты. Специальные тарифы для молодежи и программы скидок. Корпоративное обслуживание. Бронирование отелей по маршруту перелета.

Оформление виз и загранпаспортов.

Москва, Музей-Усадьба “Коломенское”,
ул. Большая, д.84, офис № 29.
Тел.: 114-82-61, Тел./факс: 114-83-00

Телефоны для справок:

(095) 965-79-38, 965-79-92

СРЕДИ



ЦВЕТОВ

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

СЕРИЯ "УРОЖАЙНАЯ"

Наши семена делают погоду на грядке!

Новая серия является нашим совместным проектом с крупнейшей голландской семеноводческой компанией "Бейо Заден" и известной российской агрофирмой "Манул". В нее отобраны сорта и гибриды нового поколения, соединяющие в себе все то, что позволяет быть первыми: скороспелость; пластичность использования от крайнего севера до юга; устойчивость к 3-4 основным заболеваниям культур; 100% товарность; отличный вкус и лежкость.

Помимо принципа жесткого отбора кандидатов в "команду семян-2000", огромное внимание уделено качеству семян. Они подверглись тщательной проверке на всхожесть, наличие инфекции и чистоту.

Более того, все семена голландской фирмы "Бейо Заден" обработаны фунгицидами, чтобы семена и проростки в начальный период роста были защищены от возбудителей болезней.



Цветная капуста **ШЕННОН**

Цветная капуста типа Романеско. Головки оригинальной куполообразной формы, светло-лимонного цвета. Отличается мощным ростом и высокой урожайностью. Созревает через 140-150 дней после полных всходов.

Томат **СЕМЕНЬЧ F1**

Ценится за высокую урожайность (4 кг/раст.), выравненность плодов, дружное созревание. Раннеспелый гибрид для необогреваемых пленочных теплиц. В кисти 6-8 плодов. Плод гладкий, массой 100 г, идеален для цельноплодного консервирования.

Огурец **ПОДМОСКОВНЫЕ ВЕЧЕРА F1**

Партенокарпический гибрид, скороспелый и теневыносливый. Плодоношение обильное и продолжительное. Зеленцы длиной 10-14 см, пригодны для всех видов переработки. Гибрид устойчив к комплексу болезней.



Лук репчатый **РЕД БАРОН**

Лучший сорт в группе красного лука. Ценится за стабильную урожайность и хорошую лежкость. Для выращивания в однолетней культуре из семян. Луковица полуострого вкуса, красивой формы и насыщенного красного цвета.

и многие другие высокоурожайные овощные суперновинки!

Предъявителю
объявления -
ПОДАРОК
в наших магазинах!



Знакомьтесь, ЛИТА-ЦВЕТ ...

В №2 "Смены" вы узнали, что медицинской научно-производственной фирмой "Лита-Цвет" выпускаются буквально все средства для поэтапного ухода за кожей лица и тела, в частности, очищающие средства. Теперь мы познакомим вас со следующим этапом ухода — питанием кожи.

Для этих целей разработан питательный крем, содержащий "Эксалин", витамины А и Е, тыквеол, масляный экстракт ромашки, масло кукурузное, льняное, масло виноградной косточки, а также экстракт петрушки и пчелиный воск. Это идеальное средство для питания кожи, обильно насыщающее ее микро- и макроэлементами, витаминами, влагой, резко замедляющее процесс старения. Крем успокаивает и смягчает кожу, предохраняет ее от пересыхания и шелушения, что особенно актуально в холодное время года. Он очень легок, буквально тает на коже, глубоко проникая во все слои эпидермиса, не оставляет жирного блеска, придает коже свежесть и гладкость, идеально подходит под макияж и отличается нежным ароматом.

Любой женщине так хочется иметь ухоженные руки и красивые здоровые ногти! Защитный крем-гель этой серии незаменим для рук и ногтей. Кроме витаминов он содержит кукурузное и касторовое масла, экстракты ромашки, прополиса, календулы, череды и подорожника. Крем-гель великолепно питает, смягчает кожу рук, защищает ее от воздействия бытовой химии, укрепляет ногти, предупреждая их расслоение, ускоряет заживление мелких травм, помогает избавиться от пигментных пятен, делает руки нежными и мягкими.

В следующих номерах мы расскажем об особых средствах для ухода за кожей.

Приглашаем оптовых покупателей:

**Москва,
ул. 9-я Парковая, дом 37, корп.1.**

Телефоны:

(095) 965-20-38, (095) 467-18-80,

(095) 466-68-44, (095) 237-64-10,

(095) 165-90-01.



БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ!

BEEM®

Germany

Знакомьтесь, посуда BEEM®, произведенная фирмой Blitz Elektro Erzeugnisse Manufaktur из Франфуркта-на-Майне. Она изготавливается из высококачественной, антикоррозионной (нержавеющей) стали марки 18/10, в быту называемой хирургической. Сталь — это нейтральный материал, поэтому посуда из неё благоприятна с точки зрения воздействия на окружающую среду и взаимодействия с продуктами питания. Посуда BEEM® обладает идеальным теплораспределением, как бы аккумулирует тепловую энергию, тем самым сокращая время приготовления, кроме того, обладает антипригарными свойствами. Секрет прост — он в особом строении дна посуды конструкции MEGATHERM®.

Такая конструкция в разрезе имеет структуру сэндвича. Прослойка из обладающего высокой теплопроводностью алюминия заключена в вакуумную капсулу из стали 18/10. В результате, благодаря равномерному распределению тепловой энергии, пища готовится под воздействием мягкого жара с плотно прилегающей крышкой. Итог потрясающий: продукты не развариваются и не пригорают. В них полностью сохраняются витамины и минеральные соли. В такой посуде можно готовить без использования воды и жира, что особенно важно для приготовления здоровой пищи.

Представительство в России BEEM® Handels GmbH. Т. (095) 755-68-42

ФИРМЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

м. "Тургеневская"

— Сретенский б-р 7/1 т.925-49-73

м. "ВДНХ",

ВВЦ, пав.: № 18 — "Электротехника"

№ 2 — "Народное образование"

— "Москва" (Пандус)

м. "Багратионовская"

— ТЦ "Горбушка" 3 этаж,

пав. № 209, т.767-50-24

м. "Нахимовский проспект"

— Нахимовский пр., д. 24

"Экспострой", 1 этаж,

1 зал, офис 111



Лучшая керамическая плитка из Дедовска



Трудно представить себе интерьер современной квартиры или особняка без красивой и практичной керамической плитки. Да и в офисах, ресторанах, клубах этот отделочный материал все чаще применяют для украшения стен, полов, фундаментов, внутренних двориков. Какими же качествами должна обладать плитка?

Во-первых, она должна радовать глаз. Красоту изделий дедовских мастеров подчеркивают даже названия серий различного вида плиток: вслушайтесь, взгляните... Выберете "Бриз" — и на вас пахнет терпкий запах Средиземноморья. Серия "Коррида" расскажет вам о тореадорах и ослепительной Нармен. "Итальянский мрамор" позволит почувствовать себя римским патрицием, а "Снифы" окупят в историю древнего мира. А может быть, вам ближе родные "Истра", "Ладога" или классические интерьеры "Петергофа"? Пол в кухне украсит плитка, которая так и называется — "Паркет".

Во-вторых, отделочный материал должен быть прочным, надежным в быту. Плитка, произведенная АОТ "Сокол", идеальна для нашего сурового климата, выигрывая прежде всего по такому показателю, как морозостойчивость. А удобно ли с ней работать? На "Соколе", например, выяснили, что при производстве с традиционным жестким штампом плитка не получается идеально ровной. Применили так называемый изостатический штамп, который позволяет выпускать плитку с равной плотностью по всему объему. Эта технология гарантирует качество на каждом этапе. Именно поэтому дедовская плитка безукоризненна.

"Сокол" не гонится за модой, потому что сам формирует ее, повышая не только общую культуру строительства и отделочных работ, но и улучшая самое главное — качество жизни россиян.

АОТ "Сокол" производит и продает:

плитку керамическую **НАПОЛЬНУЮ** форматом 33x33x0,8 см — 60 наименований, включая стилизацию под паркет, под мрамор, под старый камень;

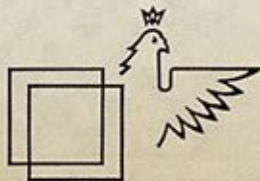
ОБЛИЦОВОЧНУЮ форматом 33x20x0,7 см — 30 наименований, под мрамор;

ФАСАДНУЮ форматом 296x92x9 мм (черную, белую, синюю).

Широкий выбор бордюров и декоративных панно собственного производства по низким ценам.

Наш адрес:
143530, Московская область,
Истринский район, г.Дедовск,
керамический завод.
Тел.: (095) 561-74-87,
561-75-50.
Факс: (095) 561-74-83,
561-72-60.

Розничная торговля —
тел.: (095) 561-75-04.





Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
IX международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

19. В. НОВАЛЕНКО

*г. Большой Камень
Приморского края*



2

20. В. МАРКОВЦИЙ

пос. Ильница, Украина



2

21. Б. ЖЕЖЕРУН

Полтава, Украина



2

22. М. ЧЕРНУШНО

Уссурийск



3

23. В. ИВАНОВ,

пос. Повенец, Карелия



3

**24. В. КОЖАКИН,
В. ЛУНАШЕВ**

Россия



3

б) Kh-g2

25. В. ЖЕЛТОНОЖКО,

Екатеринбург



4

26. Ю. СУШКОВ,

Санкт-Петербург



5

27. В. МОРОЗОВ

Москва



7

**РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ,
опубликованных в "Смене" №№ 7-9, 1999**

73. **Е. Марков.** 1.f6
 74. **В.Марковций.** 1.Фf6; 1.Сс4,Сf1? d5!
 75. **А.Кошельков.** 1.Сd1
 76. **С.Ткаченко.** 1.Кpg3; 1.Кpg2? с5!, 1.Кpg1? f5!
 77. **И.Бондаренко.** 1.Кс5
 78. **Л.Лебедев.** 1.Сf2; 1.Кg8,Ch4? c1Ф!
 79. **В.Пилепенко.** а) 1.Фg2; б) 1.Фе6; в) 1.Фh1
 80. **В.Клипачев.** 1.Нh3
 81. **В.Пильченко, В.Шавырин.** 1.На6
 82. **Ю.Сушков** 1...d6 2.Фе8; 1.Кpd3 d6 2.Фе1
 83. **В.Костенков.** 1.Кс3 b3 2.Фе2, 1...bc 2.Кре3, 1... e2 2.Фb1
 84. **А.Азов.** 1.Кd2 Крс2 2.Фd4, 1...Кре3 2.Фd6; 1.Сg6? h5!, 1.Кpg4? Крс2!
 85. **В.Коваленко.** 1. Фа6 (2.Крb4) Фh7 2.Крb3, 1...Фс3 2.Фf1
 86. **В. Иванов.** 1. Лb5 Кd8 2. Лd8, 1...Кd6 2. Лd6, 1... Ке5 2.Ле5
 87. **В.Матэуш.** 1. Лb5 Крb5 2. Фb3, 1...Кpd5 2.Лс5
 88. **М.Калгин.** 1. Сd8 Кpd6 2.Сс8 Крс6 3.Сd7
 89. **Ю.Фокин.** 1.Ла3 Кре5 2.Ла6 с6 3.Лс6, 1...с6 2.Лd3 Кре5 3.Лd6
 90. **М.Чернушко.** 1. Кpd6 b5 2.Са8 b4 3.Крс6
 91. **В.Гребешков.** 1.Ле2 Кре5 2.Фс7 Кре4 3.Нf5, 1...Кd5 2.Нf5 Крс5 3.Лс2, 1...Кре7 2.Фс7 Кре6 3.Лс2
 92. **В.Коваленко.** 1.Кg6 Кpg8 2.Ке7 Крh8 3. Крf7 h2 4.Сh1 Крh7 5.Кg8 Крh8 6.Крf8 Крh7 7.Се4 Крh8 8.Нh6
 93. **В.Морозов.** 1.На5 Кра2 2.Нb7 Крb1 3.Кре2 Крс2 4.Лс8 Крb1 5.Кpd1 Кра2 6.Ла8 Крb1 7.На5 Кра2 8.Кс4
 94. **Л.Лебедев.** 1.Фb2
 95. **В.Симонов.** 1.Фb2
 96. **В.Квятковский.** 1.Сg6

97. **Е.Фомичев.** 1.Фf7 e5 2.Фg8, 1...Л- 2.Сd3, 1...Лf8 2.Фf8
 98. **Д.Махатадзе.** 1.Крb2 Кре2 2.Кс3, 1...e2 2.Кd2, 1...Крf1 2.Лd1
 99. **В.Лукашев.** 1.Сb1 Крд4 2.Фе4, 1...Крf4 2.Нf5, 1...d6 2.Фg7
 100. **В.Костенков.** 1.Крb3 Крb6 2.с5, 1...d3 2.b5
 101. **С.Ткаченко.** 1.Лg8 f1Н 2.Лd8 e1Н 3.Лс8; 1.Ле8? e1Ф!, 1.Лf8? f1Ф!
 102. **Ю.Сушков.** 1...e5 2.Крс4 e6 3.Фf2; 1.Крс4 e5 2.Фf2 e6 3.Нf5 e4 4.Фg3
 103. **Н.Акимов** 1.Не6
 104. **А.Миронов.** а) 1.Фd2; б) 1.Фе3
 105. **В.Мельниченко** 1.Крс4, 1.Сg4? С-!, 1.Сh4? Сg7!
 106. **П.Фарион, И.Сорока.** 1.Лf3 Крg1 2.Фе3, 1...h2 2.Фd5, 1...g1Ф 2.Лh3; 1.Фе3? Крg1 2.Лf3, 1...h2 2.Фf3, 1...g1Ф 2. Фh3, 1...Крh2!
 107. **Ш.Акбулатов.** 1.Лdb5 a2 2.Ла5 с1Н 3.Лb1x, 1.Ла5? с1Ф!
 108. **Л.Пронин.** а) 1.Сg1 e5 2.Крf2; б) 1.Крf1 e5 2.Крf2
 109. **В.Коваленко.** 1.Лg7 Крh6 2.h4 e5 3.h5, 1...Крh4 2.Крh7 f2 3.Крh6
 110. **А.Варицкий.** 1.Сd3 Крд4 2.Фd6 Крс3 [e3] 3.Нb1[c4], 1...a4 2.Се4 Крд4 3.Кс2, 1...с5 2.Нb5 Крс6 3.Фс7
 111. **Ю.Сушков.** 1.Крс7 e6 2.с4 Крд4 3.Крд6 Крс4 4.Фb3, 1...Кре6 2.Фf4 Крд5 3.Крд7 Крс5 4.Фb4

Правильные ответы на все задания прислали: **Г.Карманов** (Сыктыв-нар), **Ю.Карташов** (Санкт-Петербург), **В.Кожакин** (Магадан), **Г.Попов** (Якутск), **А.Роганин** (пос.Строитель Белгородской обл.), **В.Симонов** (Самара), **В.Шумарин** (Москва). По одной задаче не решили: **А.Мотовичев** (Архангельск) и **Н.Игольницын** (г.Ниров). ■

ходила, разгулялась" в опере М. Мусоргского "Борис Годунов" (исполнитель). 41. Задача, которую буриданов осел не может решить разве что умозрительно. 42. Воронежский крестьянин, первым в 1829 году получивший подсолнечное масло. 45. В балете — вариация, в опере — ... 47. Сотая часть доллара. 48. Врач, который на работе не обходится без свинца. 50. Грабитель с ружьем. 51. Момент самого сильного проявления. 52. ... и Бавкида — неразлучная и любящая чета в греческой мифологии, в один день закончившая земное существование. 53. Документ, регламентирующий жизнь казармы. 54. "Шумная" трава в русской песне. 55. Тесьма для украшения занавесок, мебели, платья.

По вертикали. 2. Одно из правомочий кооператива. 3. Русский разливной сосуд на пирах. 4. Древнегреческое олимпийское многоборье. 6. Горноалтайская лютия. 7. Знаменитая певица, которой подражает Мирей Матье. 9. Трос на корабле, при сильном волнении используемый как поручни. 10. Фамилия каждого из братьев-архитекторов, создавших проект Днепрогэса. 11. Стихи графомана. 13. Одежда героя на картине П. Федотова "Свежий навалер". 15. Древесный житель тропиков Америки, в скорости уступающий даже черепахе. 16. Предмет экипировки "Антилопы-Гну", на котором было написано: "Арбатовский родильный дом". 19. Светобоязнь. 20. "Чубатый рыцарь", защитник черноморского побережья от турок вплоть до создания русского флота. 23. Наружный слой корки апельсина, мандарина, лимона. 24. Инструмент лесосплавщика. 25. Музыкальный ансамбль. 28. Молдавский народный танец. 30. Коробка для фигур интеллектуальной настольной игры. 32. Сорок тысяч километров сплошной жары. 35. Крупная нелетающая птица, уничтоженная людьми в Новой Зеландии. 37. Пение ласточки, щегла. 39. Антисептик с очень неприятным запахом. 40. Потомок в Латинской Америке от брака индейцев с неграми или мулатами. 41. Греческий бог виноградарства и вина. 43. Магьяры. 44. Буря на картинах И. Айвазовского. 46. Замечательное произведение. 48. Сельхозпостройка для сушки снопов. 49. Аграрная страна в Западной Африке. ■

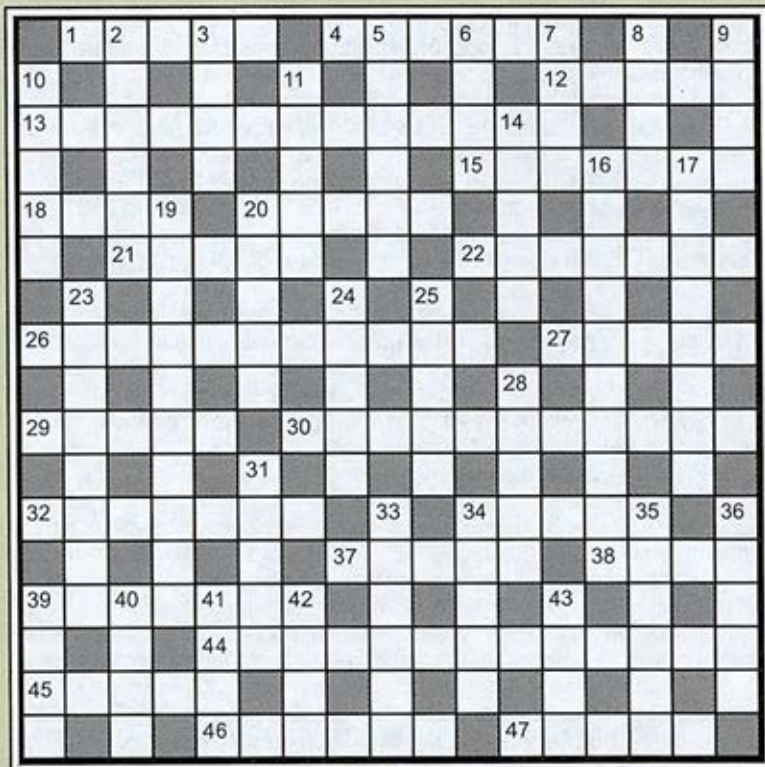
Составил **М. АКУЛИЧ**,

Омск

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали. 7. Экология. 9. Мотодром. 11. Оргия. 12. Холерик. 14. Оленина. 15. Табакерка. 16. Кошка. 18. Дамка. 19. Ордос. 23. Падун. 25. Юрта. 26. Труба. 27. Абов. 28. Инар. 29. Ливр. 30. Чаша. 32. Астра. 33. Наша. 36. Горох. 38. Слава. 41. Веник. 44. Атлас. 45. Ренессанс. 47. Сенатор. 48. Цимофан. 49. "Льгов". 51. Ожирение. 52. Выкрутка.

По вертикали. 1. Коленкор. 2. Золит. 3. Рио. 4. Соя. 5. Вобла. 6. Брентано. 7. Эхолот. 8. Ярган. 9. Мизер. 10. Монако. 13. Нано. 14. ...онна... 17. Артишок. 18. Дубрава. 20. Данар. 21. Страх. 22. Фузте. 23. Палас. 24. Давна. 31. Агитация. 34. Шаткость. 35. Железо. 37. Обер. 39. Ленц. 40. Забава. 42. Зелье. 43. Остов. 45. Родео. 46. Ситро. 49. Лир. 50. Выя.



ЭРУДИТ

По горизонтали. 1. Второе имя Гильотена, по которому названо орудие смерти. 4. Застольная игра, введенная в дореволюционных петербургских клубах после запрета банкеры, виктории, макао и других "очковых" игр. 12. Игра с мячом, на которую похожа литовская муштунас. 13. Лечение пиявками. 15. Книга для записи имен понойнинов, чтобы упомянуть их при богослужении. 18. Короткий прямой удар боксера левой рукой. 20. Славный корабль из байнальской песни. 21. Итальянская монета с выбитым изображением коленапренлоненного дожа перед стоящим св.Марком. 22. Великий полководец, чьей жене, княгине, Д.Россини посвятил кантату "Аврора". 26. Творческая сила, приходившая к С.Дали, по его словам, через лоноть. 27. Европейская страна, живущая под знаком Льва. 29. Простая атака в фехтовании. 30. Знание, навыки и умение в совокупности. 32. Всенощные бдения нанануне праздников у первых христиан, а нынче у католиков — богослужение нанануне дня Всех святых. 34. Русский архитектор, построивший Казанский вокзал

в Москве. 37. Зарубка, отметина на дереве, предназначенном на свал. 38. Шведский постимпрессионист, которого называют "самым французским" из скандинавских художников. 39. Русский посконный холст. 44. Самый страшный грех жены в древней Иудее. 45. Время, ухудшающее состояние человека. 46. Древнеримский актер, выходявший на сцену на котурнах. 47. Добавка в вино каждого из договаривающихся в скифском обряде побратимства.

По вертикали. 2. Носитель христианского греха. 3. Между операми "Дон Карлос" и "Отелло". 5. Самый малочисленный народ в России, живущий на Камчатке. 6. Ткань для обивки мебели на Руси. 7. Летчик, испытывавший первый в мире сверхзвуковой пассажирский самолет Ту-144. 8. Все меньше и меньше. 9. Бог солнца, мифический родоначальник армян. 10. Не нашего поля... (не наш брат, человек не по нам). 11. Летнее содержание скота в горных районах. 14. Единственный сын девицы Марии, хотя антидиомарианиты утверждают, что у нее были и другие дети. 16. Санчо Панса по обязанности. 17. Линия на карте, показывающая количество осадков за определенное время. 19. Голодные времена на Руси. 20. Откупщик королевской почты, введший около 1660 года в Англии штемпель, "накладываемый на письма". 23. Колхозница, которая за минуту могла связать десять снопов. 24. Байкальский тюлень, к которому охотники подкрадываются, прячась за саночками с белым парусом. 25. Город, где делают липовые челяки для меда с башкирским орнаментом. 28. Женский платок, чьи концы на Урале, по А.Печерскому, вышивали золотом и унизывали "жемчугами и маленькими дробницами (золотые дощечки)". 31. Экипаж, названный по святому, который сейчас покровительствует французским танкистам. 33. Ставни на шнурках. 34. Пение наанареек. 35. Поэт "Сатирикона", считавший: "Смешить — одно, осмеивать — другое". 36. Преодофицерское звание в старой России. 39. Небесный пиротехник в Греции. 40. Обычный вход в царство мертвых. 41. Адуляр, альбит, лабрадор, ортоклаз, санидин (общее название). 42. Половецкий хан, на чьей дочери женился Юрий Долгорукий. 43. Дерево, из которого был сделан трон Тутанхамона. ■

ОТВЕТЫ НА "ЗРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали. 1. ...шуйца. 7. Толпа. 10. Аппарат. 11. Жилло. 12. Отбив. 13. Эльбрус. 14. Осокорь. 16. ...Маб. 18. Инс. 19. Тщедушие. 20. Бионина. 22. Канцелярия. 27. Турчанинов. 31. Лорелея. 32. Землянка. 34. Цан... 35. Яха. 37. Фацеция. 39. Никомах. 40. Юдина. 41. Вишну. 42. Линдсей. 43. Халва. 44. ...чайна...

По вертикали. 2. Ушинский. 3. Целакант. 4. Шпильна. 5. Гарбо. 6. Натурщица. 8. Орта. 9. Паипаи. 13. Эрика. 15. Удадь. 16. Мшара. 17. Беляк. 21. Гавот. 23. Стезя. 24. Дрема. 25. Варяг. 26. Синклитик. 28. Монах. 29. Черепица. 30. Щетинник. 31. Лафатер. 33. Ехидна. 36. Дождь. 38. Гнев.



Андрей Пелипенко

Доктор философии, кандидат искусствоведения, автор солидных книг и многих научных статей Андрей Пелипенко еще и профессиональный художник. Он закончил Московское художественное училище памяти 1905 года, класс живописи, а затем — исторический факультет столичного университета. И что интересно — и художник, и ученый довольно-таки гармонично уживаются в одном человеке. Он ездит на европейские симпозиумы и конференции с научными докладами, а с русского пленэра привозит этюды, рисунки, наброски.

Он пишет пейзажи, натюрморты, портреты. Среднерусская природа у Андрея — строгая, сдержанная, краски приглушенные, скупые. А вот серия южных пейзажей, напротив, словно взрывается буйством цвета.

Язык его живописи разнообразен — это и реализм, и экспрессионизм, и импрессионизм. В таких разных формах выражения — особый смысл. Он позволяет взглянуть на природу, воспринять ее двояко: насладиться вечной красотой бытия и, в то же время, прочувствовать мимолетное состояние души. Иногда художник вписывает в пейзаж так называемые "архитектурные элементы". Угол дома, виднеющийся в заросшем, заброшенном саду, "кусочек" горбатой улицы, теряющейся в пышных зарослях кустарника. "Элементы" органически врастают в природу, сливаются с ней, а не накладываются островами нарочитой искусственности.

Интересны портреты Андрея Пелипенко. Как правило, это друзья, знакомые, его студенты. (Но всему прочему, Андрей преподает в вузе и работает в научно-исследовательском институте искусствознания.) И здесь, кажется, сошлись две его сущности — художник и философ. На портретах — тонкие, одухотворенные и выразительные лица. Поражает способность художника улавливать индивидуальность характера. Это не только точная копия модели, не только внешнее сходство. "Моя задача, — говорит Андрей, — показать внутренний мир. Ведь за мелкими деталями внешнего облика — суть человека, уже пронитый отрезок времени, его мысли, мечты, удачи или промахи". Ного бы ни писал художник — юную девушку или солидного мэтра, — образы конкретных людей у него лишены беззаботности. В каждом портрете присутствует

ощущение некоего трагизма. И в этом, видимо, проявляется философский взгляд Андрея на предназначение человека в мире — мимолетная жизнь, наполненная борьбой и страданиями, с легким проблеском счастья, которое, впрочем, каждый из нас воспринимает и понимает по-своему.

В последнее время у Пелипенко прошли выставки в Германии, Англии, Турции и в Москве, в Центральном доме художника и Совете Федерации. "Сам удивляюсь, но времени хватает и на научную работу, и на живопись. Отдать предпочтение чему-то одному? Нет. У меня судьба такая. А от нее, как известно, не убежишь..."

Людмила КАНДАЛОВА

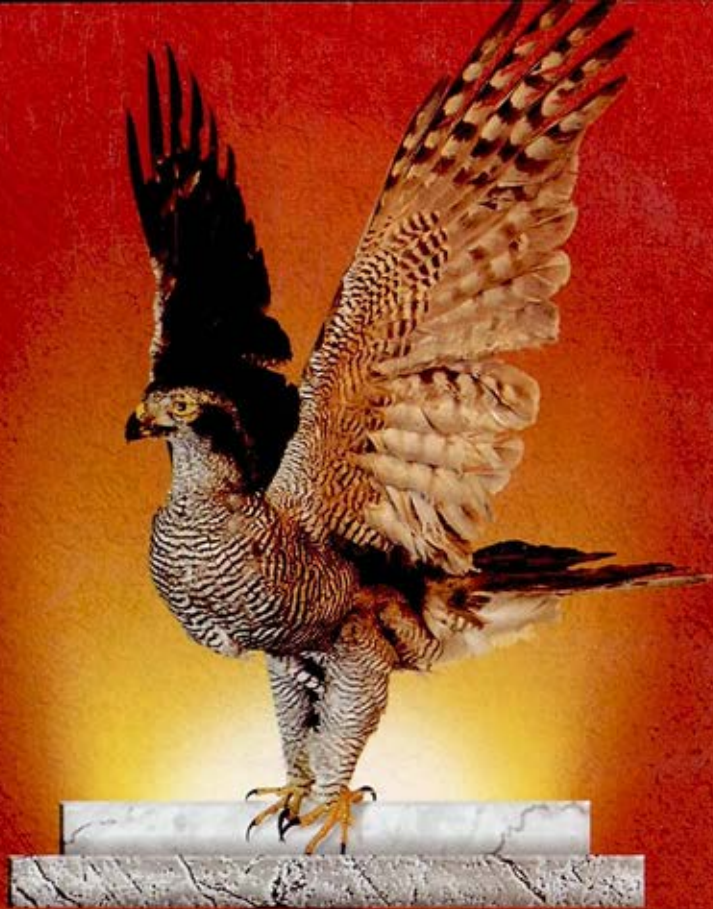
Солнечный день.



Сосны.



Полдень на море.



ВЫСОКИЙ ПОЛЁТ

Наш адрес:

143530

Московская обл.,

Истринский р-н,

г. Дедовск,

керамический завод

Тел.: (095) 561-74-87,

561-75-50

Факс: (095) 561-74-83,

561-72-60

Розничная торговля:

Тел.: (095) 561-75-04



ПРОИЗВОДСТВО
И РЕАЛИЗАЦИЯ
КЕРАМИЧЕСКИХ ПЛИТОК

